Пол Ди Филиппо

НЕЙТРИННАЯ ГОНКА

«Пол Ди Филиппо играет с жанрами, как серфер — с океанскими волнами!»
Джонатан Летем

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джейн Мэнсфилд и Пифагор.

Уолт Дисней и Дева Мария.

Великаны с тонкой душой — и злобные ведьмочки-тинейджеры.

Что объединяет столь разные «культурные» и «контркультурные» иконы? Все они — герои рассказов сборника гениального «хулигана от фантастики» Пола Ди Филиппо!

Черный юмор — и сюрреализм. Циничный стеб — и весьма неортодоксальные сюжеты.

Безудержный полет воображения — и высокий стиль панк-культуры от фантастики!

«Поосторожнее с этими рассказами. Если вовремя не остановиться — передозировка гарантирована».

Пол Ди Филиппо. «Священное чудовище» американской контркультурной фантастики, выполняющий в своем жанре то ли роль Майкла Мура от научной фантастики, то ли роль Малькольма Макларена — от литературы.

«Ничего святого…»

«Никакой политкорректности…»

Для кого угодно это звучит приговором, но для автора культовых «Стимпанка» и «Рибофанка» — комплиментом!..

- Пол Ди Филиппо
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - СПАСТИ ЭНДИ
  - ОСЕННИЙ ГОСТЬ
  - ЭФФЕКТ МУНА-БОНЭМА[3]
  - МОЯ ЖИЗНЬ С ГИГАНТАМИ
  - ОТШИБЕМ ВСЕ МОЗГИ!
  - БАЛЛАДА О САЛЛИ НУТРАСВИТ™
  - ОТВЕДИТЕ МЕНЯ К РУЛЕВОМУ
  - НАДЕЮСЬ, И ОНИ ТОЖЕ
  - ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УКРАЛ ЛУНУ
  - КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ПИФАГОРА (совместно с Руди Рюкером)
  - ЗЛОВОННЫЕ ЛЕНТЫ
  - РАБОТА ПО КОНТРАКТУ
  - ОТОРВЕМСЯ ПО ПОЛНОЙ!
    - 1. В гуще дней
    - 2. На берегу
    - 3. У края морской пучины

        - 4. Почему я не могу стать тобой?
        - 5. Крушение Юпитера
        - 6. Радушная встреча
        - 7. Прыгая в чей-то поезд
        - 8. Влюбленные Коты
        - 9. Перепады настроения
        - 10. Был — и нет!
        - 11. Круто, круто, круто!!!
        - 12. Подобно раю небесному
    - МАТЕМАТИКА МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ
    - НЕЙТРИННАЯ ГОНКА
    - ЧТО В ТРУБУ УХОДИТ? ДЫМ!
    - МАРСИАНСКАЯ ТЕОДИЦЕЯ
    - СТЕНЫ ПЛАЧА
    - УВИДЕЛ — ПОВЕРИЛ
    - КАК ДЕЛА, ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ?
        - 1 Утиный суп
        - 2 Большое разочарование
        - 3 Клуб «Завтрак»
        - 4 Долина кукол
        - 5 Беглец
        - 6 Маньчжурский кандидат
        - 7 Призрак оперы
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

Пол Ди Филиппо
Нейтринная гонка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Добро пожаловать на страницы сборника «Фрактальные пейсли[1]».

Нет, вы не ошиблись. Вам в руки попала не надетая на книгу по ошибке чужая суперобложка. На самом деле этот сборник рассказов называется «Нейтринная гонка» (я по-прежнему опасаюсь, что подобное название способно вызвать в сознании читателей образ этакого чудаковатого физика-ядерщика). Все годы с момента выхода в свет моего предыдущего сборника, «Фрактальные пейсли», я лелеял надежду на то, что в один прекрасный день сумею-таки накопить нужное количество коротких прозаических произведений, чтобы выпустить их в виде тома номер два, тома, который я всегда мысленно именовал, в духе голливудской традиции, сиквелом. И вот он, этот самый день. Благодаря неоценимой поддержке и помощи многих редакторов — в частности, Джона Оукса и всех работников издательства «Фор уоллз, эйт уиндоуз» — вы держите в руках вторую подборку рассказов, написанных в жанре юмористической фантастики, действие которых происходит главным образом в наше с вами время, а их герои в отличие от персонажей Стерлинга попадают в самые невероятные ситуации. Наверное, это не совсем то, что вы ожидали, то есть не старая добрая «космическая опера».

Однако есть из этого краткого описания сборника и несколько исключений.

Такую известную историческую личность, как Пифагор, не назовешь ни простым человеком, ни нашим современником. И все-таки благодаря гуманному прикосновению моего соавтора Руди Рюкера этот древний ученый-математик становится похож на нас с вами, этакая жертва похоти и досужих разговоров. Бас Эпплбрук показан как истинный гений, однако понять это лишь на основании тех неприятностей, в кои он умудрился вляпаться, невозможно. А будущее (как знать, может, не такое уже и отдаленное?), в котором обитает Салли НутраСвит™, скорее всего так и останется писательским вымыслом (хочу надеяться на это).

И все же некой несомненной цепочке абсурдных чудес, врывающихся в жизнь, суждено стать обычными событиями, причем творцами их являются те, с кем такие чудеса случаются. Это происходит практически во всех рассказах. И это единственная мораль или, если угодно, главная тема, которую я предлагаю читателям.

Вселенная, какой мы ее себе мысленно представляем, не

просто странное место. Она странна даже больше, чем мы способны вообразить.

В данный сборник включены некоторые из моих самых ранних рассказов, написанных не менее двадцати лет назад. Другие появились на свет совсем недавно. Расположены они в хронологическом порядке. Сделано это с умыслом — чтобы создать у читателя иллюзию совершенствования моего литературного мастерства (скрестим наудачу пальцы!). Если вам небезразлично посмотреть, как я превращаюсь обратно в бесформенного литературного слизняка, каковым был в дни, когда впервые осмелился пуститься в странствия по морям беллетристики, конечный пункт которых никому неведом, просто возьмите и прочитайте книгу с конца и до самого начала.

Это либо первый мой рассказ, который мне удалось продать издателям, либо второй или третий.

Позвольте объяснить поподробнее. Давным-давно, в семидесятых годах двадцатого века я отправил в журнал под названием «UnEarth» небольшую пародию на творчество Барри Мальцберга. Едва ли полностью соответствовавший понятию нарратива, написанный в стиле совсем другого автора, рассказ этот тем не менее стал первым моим произведением, которое я ухитрился продать. Прошло почти десять лет, прежде чем мне удалось сочинить еще один. А затем из-под моего пера вышли почти одновременно еще два рассказа. На данном рассказе остановил свой выбор Тед Кляйн и купил его для «Сумеречной зоны», тогда как Эдду Ферману из «Журнала фэнтези и научной фантастики» больше пришелся по душе «Камень живет». Сейчас уже даже не помню, чье письмо я получил первым. По этой причине обоих в равной степени считаю моими литературными крестными отцами.

Вскоре после этого я отправился в Нью-Йорк, чтобы лично познакомиться с Тедом Кляйном. Издательская компания, которой принадлежит журнал «Сумеречная зона», подкинула мне заказчика — журнал под названием «Гэлери». Когда я появился в тамошних офисах, в их стенах меня приветствовала некая дама, которая была слишком красива, чтобы сниматься на журнальных разворотах. Она сидела под гигантским, помещенным в рамку плакатом, изображавшим почти полностью голую женщину. Мне подумалось, что на печатание ее прелестей ухнул весь наличный городской запас телесного цвета типографской краски.

«Отлично! — подумал я. — Мой безумный выбор карьеры наконец-то начал приносить что-то приятное!»

СПАСТИ ЭНДИ

Призрак Наполеона самым беспардонным образом мухлевал. Несмотря на увещевания и угрозы майора Флудда, он проявлял упрямое непонимание правил настольной игры.

Сидя в другом конце огромной, захламленной, залитой августовским солнцем комнаты, Пирс с удивительным терпением наблюдал за поединком. Всего два месяца назад подобная картина, несомненно, показалась бы ему удивительной и попросту невозможной. Все равно что увидеть лошадь, сидящую верхом на оседланном и взнузданном ездоке. Но тогда Пирс еще был обыкновенным, загнанным жизнью ньюйоркцем, попавшим в беличье колесо вечной спешки, в дурацких очках и с гражданством, диапазон которого варьировался от эксцентричного до иноземного.

Теперь же он жил в местечке под названием Блэквуд-Бич.

И дела здесь обстояли еще более странным образом.

Пирс опустил свой тощий зад на массивный дубовый комод, заваленный всяким хламом: тут была раковина, расцветкой и формой напоминавшая американский флаг; заржавленный пистолет с кремневым замком; какая-то непонятная штуковина, которую ему толком не удавалось рассмотреть, подаренная, по утверждению майора Флудда, самим Рэнди Броудбентом. Скрестив ноги и сложив на груди руки, Пирс удовольствием наблюдал за тем, как хозяин дома препирается с гостем.

Майор был коренаст и краснолиц, однако не безобразен. Он всегда одевался в одежду цвета хаки. В данный момент на нем были камуфляжная куртка и шорты. (На вопрос Пирса о том, где Флудд отбывал службу, тот лукаво подмигнул и ответил: «Война за независимость, дружище. Единственная война, которую стоит вести, и я все еще сражаюсь за то, чего достоин». Дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Добиться от майора внятного ответа Пирс так и не сумел.) Сам майор сидел в бочкообразном кресле во главе длинного полированного стола. Лицо у него было красным, оттенка вареного омара, выловленного в водах Блэквуд-Бич. В руке он сжимал лопаточку вроде тех, какими крупье в казино сгребают фишки, причем с такой силой, что казалось, будто деревянная рукоятка сильно уменьшилась в размерах. Примерно посередине стола была разложена стратегическая игра «Гора Аваллон». Кресло у дальнего края стола занимала туманная, газообразная масса, лишь отдаленно напоминавшая мужскую фигуру. Скорее она походила на повисший в воздухе жирный отпечаток большого пальца незримой гигантской руки.

— Черт побери, ваше глупейшее императорское величество! — взревел Флудд. — Да сколько раз можно повторять! Эти красные штучки означают танки. Сухопутные бронемашины! Они не могут беспрепятственно перемещаться по тем участкам доски, которые символизируют воду! *L'eau! Comprenez?*

Его противник ответил невнятным бульканьем, напоминающим французский язык в исполнении читающего молитву насекомого, скажем, богомола.

— Нет! — громыхнул майор и обрушил на стол дубинку с таким грохотом, что все предметы в комнате соскочили со своих прежних мест.

Пирсу моментально вспомнился разгневанный обитатель горы Олимп, затеявший битву у стен Трои.

— Это никакие не субмарины! Это совсем другая игра! Если не умеете честно играть, я отправлю вас обратно и возьму Цезаря! Если он и последует вашему примеру, то уж точно не будет себя вести так же беспардонно, как вы!

Призрак что-то недовольно залопотал; разъяренный майор Флудд, издав протяжный нечленораздельный вопль, метнулся к противоположному краю стола, — не иначе как намереваясь задушить французского императора, и игральная доска взлетела вверх, обрушив на головы игроков целый дождь картонных шестиугольников.

Пирс нервно хихикнул и повернулся направо, чтобы подняться по причудливой деревянной лестнице.

Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как посещения чудаковатого соседа. Однако, наблюдая за тем, как майор сражается с незримым императором, он неизменно чувствовал легкую неловкость. Эти настольные битвы больше походили на эпизоды из жизни обитателей легендарного Бедлама, Пирс же до сих пор не вполне привык к жизни в Блэквуд-Бич и порой испытывал сомнения относительно собственного душевного здоровья.

На лестничной площадке, находившейся как раз посредине между двумя этажами, Пирс прошел мимо рыцарских доспехов. Раньше доспехи казались ему ничем не примечательными, однако однажды он заметил, что сзади они имели длинную сочлененную трубу, предназначавшуюся, по всей видимости, для хвоста их владельца.

Еще в самом начале знакомства Флудд разрешил Пирсу свободно бродить по своему дому. И Пирс пользовался этой привилегией всякий раз, когда ему хотелось удалиться на крытую площадку на крыше и оставаться там до тех пор, пока майор не

прекратит перебранку с противником.

Пирс остановился в маленькой, прогретой солнцем квадратной комнатке с окнами во всех четырех стенах, откуда открывался восхитительный вид на море и раскинувшийся внизу город. Большую часть помещения занимал старинный бронзовый телескоп на деревянной треноге.

Пирс лениво нагнулся к окуляру и навел телескоп на море.

В поле зрения тут же попал Литл-Эгг — голый куполообразный утес, торчащий на островке посреди Атлантики, расстояние до которого составляло примерно милю. Пирс какое-то время разглядывал его поверхность, после чего перевел объектив немного выше. Не заметив ничего примечательного, он настроил телескоп так, чтобы стало видно скалистое побережье, тянувшееся к северу от Блэквуд-Бич. Впрочем, смотрите-ка: одна волна, похоже, осмелилась коснуться ног обнаженной женщины, бесстыдно возлежавшей на скале…

Пирс замер, словно окаменев под взглядом мифической Медузы. Что-то новенькое, по крайне мере для него. Он никогда прежде не видел эту прекрасную женщину — ни на скалах у моря, ни в городе. Кто же она такая? И почему выбрала для солнечных и воздушных ванн столь неудобное место? Наверняка можно найти уголок куда более укромный.

Пирс постарался получше рассмотреть незнакомку, насколько это позволяли возможности оптического прибора. Смуглая кожа и густые длинные черные волосы. Прекрасная фигура. Длинные ноги. Упругая полная грудь. Разглядеть черты лица было трудно, но у нее, несомненно, были красивый выразительный лоб и ровная розоватая ниточка пробора.

Пирс минут десять наблюдал за женщиной, и за это время она ни разу не повернула лицо в его сторону. Немного позже он обратил внимание на то, что возле нее лежит кучка одежды. Только это обстоятельство убедило его в том, что незнакомка не вынырнула на камни прямо из морских глубин.

Наконец Пирс пресытился зрелищем и сошел по лестнице вниз.

Майор Флудд сидел на полу. Кресло, которое совсем недавно занимал призрак великого корсиканца, представляло собой кучу щепы, пригодной разве что для растопки. Пирс приблизился; лишь тогда Флудд поднял на него глаза.

— Извините меня за шум, — виновато произнес майор и, сделав короткую паузу, добавил: — Интересно, может, лучше попытать счастья с кем-нибудь из современных личностей? Но, черт их побери, все знаменитые полководцы перевелись к двадцатому веку. — Он задумчиво посмотрел на Пирса. —

Полагаю, вы не передумаете…

— Ни в коем случае, — отрезал Пирс.

У него сложились хорошие отношения с импульсивным майором, и он не желал испортить их, став участником настольных войн.

Пирс протянул Флудду руку. Тот с благодарностью принял ее и с поразительной ловкостью вскочил на ноги.

— Я стал свидетелем удивительной картины, — сообщил ему Пирс. — Поразительной красоты юная женщина загорала на скалах у воды.

— Это Энди, — невозмутимо ответил Флудд, подтягивая длинные, до колен, носки цвета хаки. И немного подумав, добавил: — Она не загорает. Она ждет, когда ее похитят.

У Пирса от удивления отвисла челюсть.

— Простите?

— Я сказал, что она ждет, когда ее похитят.

— Кто похитит?

Пирсу удалось вымолвить всего два слова.

— Понятия не имею. Думаю, точно знает доктор Фростви г. Если вы не против, могу позвонить и устроить вам встречу…

Пирс согласно кивнул.

— Отлично, так и сделаю. — Майор привел в порядок свое одеяние и вопрошающе посмотрел на Пирса. — Как вы думаете, кто лучше мне подойдет — Грант или Ли?

Три месяца назад Пирс утратил нужду в зарабатывании хлеба насущного, порвав неразрывную пуповину, связывавшую его желудок со сберегательной книжкой. Он работал брокером на бирже в Манхэттене и однажды, будучи в состоянии изрядного подпития, в одном шумном баре подслушал разговор, который помог ему сделать приличный навар на некой сделке, связанной с поставками рыбной муки. После чего он положил заработанные таким образом деньжата в банк под очень выгодные проценты и ушел с работы. Пирсу стало ясно, что теперь ему в Нью-Йорке делать нечего. Тем более что город этот не был для него родным, родным для него был Бостон. Манхэттен изрядно надоел ему шумом, неизбывной копотью и вечной суетой. Однако в равной степени не хотелось возвращаться и в Бостон — к властному, рано овдовевшему отцу.

Однажды, сидя в вагоне поезда как раз посередине между двумя полюсами его все еще нерешенной жизни, Пирс увидел побитый непогодой деревянный дорожный указатель. Тот промелькнул так быстро, что едва удалось прочитать:

БЛЭКВУД-БИЧ 12 МИЛЬ

Название врезалось в память и не давало покоя до самого конца поездки, навязчиво повторяясь, точно припев прилипчивой песенки. Совершенно непонятным образом оно навевало мысли о неком приятном анахронизме, апатичном упадке, атмосфере столь же далекой и непохожей на суматошную жизнь Нью-Йорка, как далеки и непохожи друг на друга Верхний Ист-Сайд и Гарлем.

Приехав в Нью-Йорк, Пирс немедленно забрал из гаража свой черный «сааб» и отправился в северном направлении.

Городок как будто нарочно не хотел, чтобы Пирс отыскал его. Когда же после долгих часов езды ему все-таки удалось найти тот самый дорожный указатель, промелькнувший в окне поезда, Пирс понял, что на нем не указано, по какой из двух дорог нужно ехать.

Решив, что, судя по названию, город должен находиться на берегу моря, он вырулил на восток, к Атлантическому океану.

Предположение оказалось правильным, а вот выбор в корне неверным. Дорога привела Пирса к заброшенной ферме, одиноко стоящей посреди заросшего сорняками поля. Только выехав на западную дорогу, змеившуюся по холмам Новой Англии, Пирс наконец прибыл в Блэквуд-Бич.

Подобно тому, как счастье приходит совсем не с той стороны, с какой его ожидаешь, въехать в это городок можно было только с противоположного направления.

Блэквуд-Бич приютился на склоне созданного природой амфитеатра, где набегавшее с востока неугомонное море разыгрывало свою нескончаемую трагикомедию. По пологим склонам огромной скальной чаши вились усаженные деревьями улицы, застроенные домиками в викторианском и георгианском стиле, причем последние все до единого находились на разных стадиях живописного упадка. Напрягшись подобно цирковым акробатам, особнячки умудрились вытеснить нескольких своих товарищей наверх, за край широкой, но не слишком глубокой чаши. И теперь эти верхние домики, расположившиеся на горном гребне, предлагали своим обитателям изумительной красоты вид на море.

Пирс решил, что непременно должен поселиться в одном из них. Необъяснимое очарование городка затягивало его в свои гостеприимные, пронафталиненные объятия.

Проехав по проложенной по гребню горы дороге, почему-то именовавшейся — судя по старинному, чугунного литья уличному указателю — Нижней авеню, Пирс неожиданно наткнулся на кособокий, с осыпающейся штукатуркой беленький дом, нижние окна которого были забиты листами фанеры. На лужайке перед домом виднелась выцветшая табличка с надписью:

«ПРОДАЕТСЯ». Начиная с витража на башенке, изображавшего симпатичного кракена, и кончая покоробленными досками крыльца, дом окончательно и бесповоротно полюбился Пирсу.

Не прошло и недели, как он уже жил в нем, испытывая невыразимую радость и душевное спокойствие. Два местных плотника — Эд Стаут и его молчаливый сынок Джек — на целый день наполнили дом перестуком всевозможных инструментов, неизбежным при любом ремонте, и поэтому Пирс отправился осматривать город.

Именно во время этой прогулки стало проясняться, насколько странным было новое место его обитания.

Помогли Пирсу прозреть события довольно скромных масштабов, если рассматривать их по отдельности, что позволило ему сохранить веру в то, что когда-нибудь он получит им логическое объяснение. Сверкающий предмет за черной повязкой на глазу у одного из местных жителей; Рэнди Броудбент, бегущий со всех ног по горбатым улочкам вслед за похожим на кошку созданием; странная фраза здесь, наполовину замеченное *нечто* там — поначалу Пирс пытался не обращать на все это внимания. Однако в конечном итоге странности нагромоздились одна на другую в таком количестве, что сложились в убедительное свидетельство: Блэквуд-Бич не считает для себя необходимым подчиняться тем же физическим законам, что и весь остальной мир.

Взять хотя бы его ближайшего соседа, майора Флудда, чьи поступки казались весьма и весьма нелепыми, если не сказать сумасшедшими. Впрочем, это объяснялось, по всей видимости, исключительно тем, что майор был единственным жителем города, с чьей личной жизнью Пирс был так близко знаком. Пока отец и сын Стауты приводили в порядок его дом, Пирс получил приглашение от Флудда зайти к нему, чтобы составить компанию и пропустить несколько рюмочек. Пирс предложение принял охотно, не ведая, впрочем, что майор принимал у себя и других гостей.

Но даже им Пирс попытался найти логическое объяснение.

Однако женщина, лежащая на скалах у самой кромки воды в ожидании того момента, когда ее «похитят», — этого по какой-то необъяснимой причине Пирс уразуметь никак не мог. Все его зарождающееся изумление выкристаллизовалось в полноценную жемчужину досады.

Прежде чем покинуть дом Флудда, он решил, что непременно должен получить ответ хотя бы на этот один-единственный, загадочный вопрос.

Рыжая рысь на пристальный взгляд Пирса отвечала таким же пристальным немигающим взглядом. Голова ее находилась всего в дюйме от его лица. Она молчаливо, но злобно скалилась, обнажив двойные ряды острых как иголки зубов, призванных причинить жертве нестерпимую боль и неминуемую гибель.

Пирс осторожно погладил пыльную голову искусно набитого чучела, продолжая таращиться на костлявую спину доктора Фроствига. Доктор копался в бумагах, наваленных неподъемной грудой на письменном столе с убирающейся крышкой, что-то бормоча себе под нос. До слуха Пирса долетали лишь невразумительные обрывки слов:

— Представить себе не могу… Как же это могло… И почему только вещи…

Пирс сидел в кабинете доктора Фроствига, в доме № $13^1/_2$ по Стагхорн-роуд. В Блэквуд-Бич многие дома носили дробные номера; вразумительного сему объяснения Пирсу так и не удалось найти. Стараясь не отстать от местных привычек и нравов, Пирс вывел масляной краской на своем почтовом ящике следующее:

Нижняя авеню, дом № 3,14159…

(После этого он заметил, что прохожие перестали бросать на него неодобрительные взгляды. Судя по всему, теперь его уже не считали чужаком.)

Кабинет Фроствига — темная неубранная комната, освещенная одной-единственной шестидесятиваттной лампочкой — целиком заполняли чучела всевозможных животных. Все они служили превосходным источником пищи для многочисленных поколений моли. В комнате не было такой ниши, в которой не нашлось бы хотя бы одного чучела. Сова навеки распростерла крылья над сервантом, уставленным чучелами мышей, застывших в самых комичных позах. По бескрайней равнине дивана подкрадывалась к незримой жертве лиса. В темном углу Пирс заметил очертания взрослой гориллы. И это была лишь часть «обитавшей» в доме Фроствига фауны.

Где-то сзади что-то грохнуло, и Пирс подскочил от неожиданности.

Фростриг отошел от стола, столешницу которого он только что с таким грохотом захлопнул.

— Никак не могу отыскать чертов журнал, — объяснил хозяин кабинета — Впрочем, обойдусь и без него. Слава богу, я

пока еще не впал в старческое слабоумие. Я прекрасно помню всех моих старых друзей, и профессор Рамада не исключение, даже если и я не могу подробно изложить суть его безумной теории.

— Спасибо вам за хлопоты, доктор, — поблагодарил старика Пирс.

Хозяин дома медленно опустился в кресло напротив гостя.

Фростви г являл собой богатый набор костей и сухожилий, облаченных в мешковатую голубую рубашку, в пятнах от кислоты, и серые брюки. Он был совершенно лыс, а лицо его напоминало высохшее русло древней реки.

— Итак, мистер Зейсс. Что именно вы хотели бы узнать о профессоре Рамада и его дочери?

Пирс почувствовал себя крайне неловко при мысли о том, что ему сейчас придется признаться, как он тайком подглядывал за молодой обнаженной женщиной. Ухватившись, как за спасительную соломинку, за слова самого Фростви га, он наконец вымолвил:

— Я как-то слышал выступление профессора и решил узнать, чем он сейчас занимается. Он и его дочь.

Фростви г посмотрел на Пирса так, будто перед ним сидел абсолютно прозрачный манекен, до предела набитый ложью. Однако скорее всего он решил, что намерения собеседника честны, потому что все-таки ответил Пирсу:

— Боюсь, что в настоящее время профессор ничем не занимается. Он умер около года назад. Многие люди, близко его знавшие — главным образом романтически настроенные глупцы, — утверждают, будто виной тому дела сердечные. Однако я подозреваю, что он действительно разбился, упав с двенадцатого этажа.

— Самоубийство?

— Нет, в самоубийство я не верю. Хотя прекрасно понимаю, почему некоторые столь яростно отстаивают эту версию. У профессора была навязчивая идея: ему якобы не давали житья коллеги, работавшие с ним на одном факультете. Рамада преподавал зоологию в Брауновском университете. В тот роковой день он находился на верхнем этаже научной библиотеки. Свидетели утверждают, что он высунулся из окна, чтобы получше рассмотреть пятнистого голубя какой-то редкой породы, разгуливавшего по карнизу, и потерял равновесие.

Пирс знал, о каком здании идет речь, и зримо представил себе случившееся.

— Так в чем же заключалась теория профессора? — поспешил он напомнить собеседнику.

Фростви г домиком сложил длинные пальцы.

— Именно поэтому я и пытался найти журнал. Я ищу его с тех самых пор, как мне позвонил Флудд. Видите ли, профессору удалось обнародовать свои идеи в какой-то околонаучной газетенке в виде статьи, содержащей ряд спорных гипотез. Это, конечно же, вызвало еще большее презрение к нему со стороны коллег. Их отношение можно выразить в следующих словах:

«Рамада утверждал, что в толще скалы Биг-Эгг имеются пустоты и вход в виде подводного грота. Далее он настаивал, что там-де обитает некое древнее существо, которое некогда фигурировало в легендах индейцев-наррангасетов в образе морского божества. Наррангасеты в самом деле когда-то совершали паломничества в Блэквуд-Бич, конечно же, в те времена, когда самого этого поселения первых европейцев еще не существовало. Как бы там ни было, мифический подводный исполин ужасно раздражал коллег профессора. Однако тот до конца жизни не утратил веру в свою гипотезу».

Пирс медленно переваривал услышанное. Фростви г так и не представил никакого объяснения странного поведения дочери профессора зоологии. Пирс решил докопаться до истины, чего бы это ему ни стоило.

— А Энди, его дочь?..

— Прекрасная девушка, — отозвался Фростви г. — Она еще в раннем детстве лишилась матери и росла независимой, ну просто мальчишка-сорванец. Она, разумеется, тяжело переживала смерть отца. Пожалуй, даже слишком сильно. Энди практически не выходит из дома, лишь изредка в магазин за продуктами. И… — суровый взгляд Фростви га тяжело опустился на Пирса, который тут же виновато опустил голову, — …ходит в чем мать родила загорать на скалах у моря, где, по слухам, предлагает себя этому самому морскому чудовищу, как будто желает принести себя в жертву, словно это поможет воскресить ее дорогого отца.

— Ужасно печально, — посочувствовал Пирс, — не говоря уже о том, что это чистое безумие.

Фростви г пожал плечами.

— Все может быть. Лично мне кажется, что это лишь досужие вымыслы. Никто точно не знает, что у нее на уме, поскольку она никому ничего не рассказывает. Вдруг она пытается превратить Блэквуд-Бич в нечто вроде местного Сен-Тропе? И вот еще запомните: все мы измеряем собственное горе по-разному.

Пока Пирс размышлял над последней фразой Фростви га, профессор, хрустнув костями, поднялся с кресла и вытащил из-под положенной на сиденье кресла подушки, на которой сидел, огромный штангенциркуль, после чего осторожно приблизился к

гостю.

— А теперь, молодой человек, если вы готовы отблагодарить меня за потраченное на вас время, позвольте мне сделать несколько измерений.

Ошеломленный Пирс беспомощно опустился в кресло, покорно отдав себя в руки Фроствига, который измерил его череп, предплечье, бедро и прочие части тела.

Наконец старик завершил свое странное занятие, Пирс встал, и Фроствиг проводил его до двери.

Когда они проходили мимо темного угла, в котором была замечена горилла, глаза Пирса, теперь уже привыкшие к полумраку, сыграли с ним шутку, столь знакомую тем, кто страдает миопией, но обычно неизвестную людям с хорошим зрением, таким, как Пирс: замеченный с большого расстояния предмет при близком рассмотрении оказывается чем-то совсем иным.

Пирс собрался было повнимательнее рассмотреть то, что стояло в углу, но хозяин не дал ему это сделать, торопливо подтолкнув к выходу.

По пути домой до Пирса дошло, что он принял за гориллу огромную меховую шубу, надетую на человеческую фигуру со стеклянными глазами.

Впервые они столкнулись лицом клипу на рынке, в том ряду, где торгуют мукой и сахаром.

Пирс отвел взгляд от пакетов муки со странным названием и тотчас обнаружил, что угодил в ловушку: его взгляд был устремлен на восхитительный профиль Энди.

В следующую секунду ему стало ясно, что он просто обязан заговорить с ней. Для начала. А затем — если станет понятно, что никаких препятствий для этого не существует — властно схватить ее за талию, перебросить через плечо и ускакать прочь на каком-нибудь крылатом коне в какой-нибудь уединенный замок, где возлежать с ней на ложе любви по двадцать три часа в сутки.

Пирса трудно было назвать мускулистым молодым человеком, а Энди формами своими приближалась к богине, так что с забрасыванием ее на плечо он не стал торопиться. Затем инстинкт подсказал ему, что силу он найдет в другом месте.

Однако на краткий миг — молча и не хватая ее за талию — он просто положил локоть на пыльный, покрытый лаком прилавок рынка Рекстроз-Маркет (основан в 1910 году) и принялся пристально рассматривать лицо Энди.

Ее черты были слегка кастильскими, или левантийскими, или греческими — какой-то из тех средиземноморских рас, которые

Пирс никогда не мог отличить друг от друга. Лоб девушки был чист, как Пирс и подумал, в первый раз увидев ее в подзорную трубу. Светло-карие глаза вызвали головокружение. Крупный, бросающийся в глаза нос заставлял задуматься о том, как лучше всего повернуть голову, чтобы было удобнее целовать ее сочные губы.

Пирс опустил взгляд ниже. На Энди была мужская рубашка, завязанная на талии узлом, хлопковые шорты с цветочным рисунком и сандалии, выгодно подчеркивавшие привлекательные щиколотки. Она задумчиво, если не сказать рассеянно, наполняла продуктами плетеную корзинку.

Энди терпела полный обожания взгляд Пирса секунд тридцать, после чего направилась прямо к нему.

Пирс поспешно выпрямился, понимая, что выглядит как типичный бездельник или пресыщенный сердцеед, если, конечно, такие водятся на рынке. Он открыл было рот, чтобы избавиться от словесного бремени теперь уже полностью расцветшего почитания, но Энди заговорила первой:

— Я вас знаю, сэр?

Ее громкий мелодичный голос поверг Пирса в еще более опасные глубины растерянности. Ему хотелось сказать что-то вроде: «Хотя вы не знаете меня, милая леди, нам самой судьбой была уготована встреча в ту самую минуту, когда я издали увидел вашу волнующую, восхитительную обнаженную грудь». Однако вместо этого он, заикаясь, выдавил из себя следующее:

— Нет… но я… то есть… мое имя…

— Мне все понятно, можете не продолжать, — резко оборвала Энди. — Я не намерена выслушивать, что вы хотите сказать, независимо от ваших, возможно, добрых намерений. В данный момент моя жизнь слишком запутана. У меня нет времени для старых знакомых, не говоря уже о новых.

Она развернулась, чтобы уйти, и сердце Пирса упало.

— Подождите! Я совсем недавно живу в вашем городе. Я просто хотел представиться вам.

Энди снова повернулась к нему.

— Мой отец свято верил в право человека на частную жизнь. Он не советовал мне предаваться праздной болтовне с незнакомыми людьми. И хотя он ушел из жизни, я все еще продолжаю следовать его наставлениям. Прошу вас более не беспокоить пребывающую в трауре женщину или я рассержусь на вас.

Покончив с Пирсом, Энди, соблазнительно покачивая бедрами, направилась к прилавкам, где торговали чипсами и прохладительными напитками. В самом конце прохода она

неожиданно остановилась и обернулась. Ее губы тронула загадочная улыбка.

— Возможно, когда все это кончится… — не менее загадочно произнесла она и удалилась.

Не то что говорить, даже мысли свои Пирс не мог облечь в более или менее осмысленные фразы.

На самом деле я не чужой в вашем городе…

И…

Как такое восхитительное тело может пребывать в трауре?

У лица в зеркале выражение было хитрое и в то же время отталкивающее. Брови взлетали вверх, совсем как у Граучо Маркса. Глаза жутко косили. Губы безобразно кривились. Ноздри вывернулись наружу, как у искусанного пчелами быка. В целом зеркальное отражение напоминало человека, который одновременно услышал скверный каламбур, съел лимон или чьи-то пальцы безжалостно пощекотали ему ребра.

Пирс прекратил кривляться. Он стоял перед висящим в ванной зеркалом, прижавшись животом к раковине, и был занят тем, что пытался разглядеть на своем лице признаки зарождающегося уродства, которые могут дать о себе знать в любой момент при встречах с людьми. Но нет, Пирс не обнаружил ни малейших признаков чего-то подобного. Вообще-то он привык считать, что лицо у него приятное. И все же наверняка в нем должен иметься некий скрытый изъян.

Иначе как объяснить холодность Энди?

Они встретились еще дважды — один раз снова на рынке (молчание) и еще раз у стен ее дома (уродливое строение, увенчанное остроконечной крышей и башенками и с огромным окном над входной дверью — ни дать ни взять глаз внутри пирамиды с долларовой купюры; встреча отличалась «гостеприимством» в духе Лукреции Борджиа, что было подчеркнуто жестом Энди, которая рукой изобразила, что охотно перерезала бы Пирсу горло).

В общем, оставь надежду всяк сюда входящий, подумал Пирс и уныло, уже в который раз бессмысленно состроил уродливую гримасу.

Копна каштановых волос, ниспадавших на лоб, спокойные голубые глаза, непритязательный нос, красиво очерченный подбородок… Он никак не мог взять в толк, почему в принципе недурная внешность вызывает столь яростное отвращение. Что касается тела, то все бывшие любовницы Пирса оценивали его как очень даже удовлетворительное.

Бедняжка явно не в своем уме, если не желает даже

разговаривать с ним. И единственное объяснение тому — ее прошлое и сумасшедший город, в котором она живет. Она одержима воспоминаниями о смерти отца, у нее нет времени заняться чем-то действительно полезным. Она лишь нежится на скалах у моря, выполняя некий загадочный ритуал и наложив на себя бессмысленную епитимью за смерть, в которой абсолютно не виновата. Маньячка, вот кто она такая. Так Пирс временно освободился от вызываемого ею любовного томления.

Он оделся и сошел вниз — почитать «Блэквуд-Бич интеллидженсер» и позавтракать, — думая о том, что нужно выбросить из головы все мысли об этой безумной женщине.

Принятого им торжественного обещания хватило до третьей чашки кофе. Затем, ненавидя самого себя, Пирс поплелся к майору Флудду.

Молодой человек не стал стучать, поскольку майор никогда не реагировал на стук в дверь. Он просто вошел в дом и, миновав несколько огромных, похожих на пещеры комнат, оказался в помещении, в котором майор развлекал своих бесплотных противников.

Здесь его взгляду предстала уже ставшая привычной физиономия Флудда, который сидел напротив какого-то извивающегося туманного облачка.

— Вис-с-ски! — шипящим шепотом умолял призрак.

— Нет, никакого виски! — кипятился Флудд. — Пока не закончим игру, никакого виски не будет!

— Ш-ш-што з-за в-в-война? — бессвязно поинтересовался призрак.

— Мид против Ли. Сражение при Геттисберге. Вам нужно выступить в роли одного из ваших собственных генералов. Так что никаких проблем не возникнет. Ваш ход.

Без всякого материального вмешательства фишки заскользили по доске. Лицо Флудда приняло выражение мрачной сосредоточенности.

Пирс не стал мешать игре.

Прикоснувшись к телескопу, он почувствовал, что старинный оптический инструмент все еще хранит тепло человеческих рук. Молодой человек направил объектив на север, в уже ставшем привычным направлении. Через несколько секунд в объективе возникла Энди.

Каждый раз, когда день за днем он наблюдал за ней с расстояния и без ее ведома, Пирсу без всякой причины становилось жарко. Он не стал искать с ней встреч на скалах у моря. Причиной тому была его уверенность, что если бы такая встреча состоялась, то Энди возненавидела бы его еще больше. Но

действительно ли она его ненавидит? Ведь тогда на рынке она улыбнулась. Если она его действительно ненавидит, то какой смысл жить дальше! Гранитное ложе, на котором сейчас возлежит Энди, выбьет из него мозги, когда он камнем бросится вниз на скалы. Что ж, каков отец, таков и поклонник.

Безумные мысли Пирса внезапно отделились от потока сознания, как будто их только что отсекла незримая гильотина. Что это она там делает? Энди выпрямилась, села и вытащила что-то из вороха одежды. Пирсу показалось, будто ее рука держит что-то невидимое глазу. Нет, это прозрачная бутылочка с прозрачным содержимым. О боже! Не может быть… Может. Она не посмеет… Еще как посмеет. Уже посмела…

Энди принялась покрывать свое тело медового оттенка кремом для загара.

Чувствуя себя гадким извращенцем, предающимся гнусному подглядыванию за ничего не подозревающей жертвой, Пирс не мог оторвать глаз от процесса превращения верхней части тела — рук, груди, живота — в сверкающий рай. Когда же ее рука скользнула ниже пояса, Пирс так возбудился, что сбил фокус, и изображение тут же утратило резкость.

Он выпрямился и отошел от телескопа. В воспаленном воображении начал формироваться отчаянный план.

Рэнди Броудбент выглядел как человек без возраста. Хотя ему предположительно было лет двенадцать, его мясистое лицо излучало присущую Будде вневременную безмятежность. Даже заляпанная остатками еды футболка и мешковатый комбинезон были не способны умалить его ауру вечного самосозерцания.

Пирс сидел рядом с мальчиком» подвале дома Броудбентов. Родители Рэнди были в данный момент на работе.

Подвал служил Рэнди мастерской. За исключением одного угла, отданного стиральной машине и сушилке, почти все пространство занимал верстак, заставленный всевозможными химикатами и лабораторной посудой. Здесь же находился комплект энциклопедии «Британника», выпущенной до 1900 года, и другие тому подобные вещи, которые когда-то привлекли внимание Рэнди.

— Давайте проверим, правильно ли я вас понял. — Мальчик сидел на высокой табуретке за лабораторным столом, и его глаза находились на одном уровне с глазами Пирса. — Вы даете мне костюм для подводного плавания и хотите, чтобы я превратил его в нечто такое, что по виду напоминает морское чудовище.

— Все верно, — испытывая неловкость, подтвердил Пирс. — И не забудь, пожалуйста, про маску.

— Конечно. И маску тоже. И все это нужно вам для Хэллоуина, до которого еще два месяца.

— Точно. Но он нужен мне как можно скорее.

Рэнди флегматично посмотрел на Пирса, и тому показалось, что мальчишка как будто видит его насквозь, читает историю его души, причем предпочтительно в кратком изложении. Пирс подумал, что мальчишка сейчас откажется, когда тот неожиданно спросил:

— Неделя вас устроит? Подождете неделю?

— Разумеется. Отлично, — пролепетал Пирс. — Что это? — спросил он, указывая на какой-то аппарат, похожий на огромную клетку.

— Передатчик материи, — устало ответил Рэнди. — Пока недоделан.

Пирс понимающе хихикнул. Ох уж эта молодежь! Что за безумные полеты фантазии!.. Однако следует признать, что у мальчишки золотые руки. Пирс как-то раз видел вылепленную им скульптуру Александра Великого, Рэнди сделал это шедевр по заказу майора Флудда.

— Ага, я вижу, у тебя тут компьютер. Я тоже раньше пользовался компьютером, когда работал на фондовой бирже.

Пирс потянулся к знакомым клавишам.

— Осторожно! — предостерег его Рэнди. — Это не совсем обычная машина. Я ввел в нее несколько очень сложных прогностических программ.

Пирс заулыбался. Он еще не успел пробежать пальцами по клавиатуре, а по экрану, появившись сами собой, уже поползли слова предостережения:

НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО

ЭТО ОПАСНО

ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ

Пирс испуганно отпрянул, как будто по клавиатуре неожиданно прошел разряд электрического тока.

— Ха-ха, — неестественно рассмеялся он, чувствуя, как на верхней губе выступили бисеринки нота. — Хорошая шутка.

— Я не шучу, — произнес Рэнди. — И она тоже никогда не шутит.

Для выполнения задуманного нужен был ясный, безветренный день, когда море спокойно. После всех ухищрений Пирсу меньше всего хотелось, чтобы сильный прилив выбросил его на огромный плоский валун, на котором загорала Энди.

Наконец такой день настал. Пирс выехал из города незадолго до рассвета. В его вещевом мешке лежали костюм для подводного плавания и маска.

Он забрал их у Рэнди несколько дней назад, заплатив мальчишке кругленькую сумму. Увы, юному дарованию, видимо, больше никогда не представится возможность потратить свой гонорар. Однажды утром Пирс, подобно остальным жителям городка, с великим удивлением узнал, что дом Броудбентов загадочным образом исчез. Осталась лишь пустая яма, где некогда находился также бесследно исчезнувший фундамент, из которой торчали гладко обрезанные водопроводные трубы. Пирсу вспомнился передатчик материи, и он невольно вздрогнул, представив себе, что едва не зашел по неосторожности в эту невинную с виду клетку.

Пирсу не очень-то хотелось выполнять задуманное. Он чувствовал себя истинным ничтожеством. Но разве у него остается выбор? Он обязан привлечь к себе внимание Энди. Наверное, поступить по-другому просто нельзя. А вдруг, подумалось ему, он сможет — если употребить лексику из арсенала популярной психологии — помочь ей избавиться от навязчивой идефикс, актуализировав эту самую идею, воплотив ее в жизнь?

На общественном пляже в тот ранний час было почти пусто, если не считать облупленных скамеек и шаткой беседки. Неподалеку Пирс обнаружил чахлую рощицу вечно кривых сосен, где можно было переодеться. Он разоблачился до трусов и выложил на песок костюм для подводного плавания и маску. Рэнди прекрасно справился с поставленной задачей — при помощи эпоксидного клея, резины и пластмассы придал костюму вид безобразной, бородавчатой шкуры омерзительного подводного монстра с зазубренными плавниками на локтях и лодыжках. Он даже оснастил наряд перчатками. Маска — открытая сзади и там же крепящаяся эластичными ремешками — напоминала отвратительную рожу чудовища из «Черной лагуны».

Пирс натянул костюм, маску и ласты. Довершала экипировку дыхательная трубка.

Оставив одежду под соснами, молодой человек зашагал по песку и вскоре скользнул в воду.

Взяв курс на север, он еще раз прокрутил в голове план предстоящих действий.

Добравшись до нужного места, он снимет маску и дыхательную трубку. (Эти вещи ему больше не понадобятся, потому что они с Энди уйдут с берега, держась за руки.) Сбросив их в воду, вынырнет на поверхность, намеренно направив волну на обломок скалы, на котором будет загорать девушка его мечты, издавая при этом приличествующие ситуации трубные звуки. Далее Пирс предполагал несколько вариантов последующего развития событий. Энди лишится чувств, или пустится бежать, или же бросится к его ногам. В любом случае она будет спасена. В конечном итоге он непременно избавит ее от заблуждений.

Пирс поплыл дальше, энергично отталкиваясь ластами, опустив голову вниз. Время от времени он останавливался и осмеливался посмотреть вперед, чтобы проверить, в правильном ли направлении движется. Из-под воды перспектива искажалась, и очертания берега казались не такими, как с суши. Тем не менее Пирс не терял надежды увидеть на камнях у воды прелестную фигурку Энди.

Наконец ему посчастливилось заметить ее. План сработал как нельзя лучше — до определенной степени, разумеется. Впереди, всего в нескольких ярдах от него на скале возлежал очаровательный предмет его грез. Впрочем, Пирс увидел лишь восхитительные большие пальцы ее ног. Он стянул маску и подождал, пока та опустится на дно. Дыхательная трубка последовала за маской. Пирс натянул на голову уродливую морду морского чудовища, дождался приближения очередной волны и бросился вперед.

Выпрямиться в ластах было нелегко, но Пирс в конце концов встал на ноги прямо перед Энди, явив собой восставшего из океанских глубин жуткого монстра.

— А-а-а!.. — взревел он, видя, что Энди приподнялась и села.

Неожиданно чья-то холодная и скользкая рука схватила Пирса за лодыжку правой ноги и с силой дернула.

Потеряв равновесие, незадачливый влюбленный полетел вперед, едва не свалившись прямо на объект своей страсти. Энди вовремя успела отпрянуть. При падении Пирс успел выставить руки и поэтому избежал удара торсом о камни, однако ухитрился приложиться о валун подбородком.

Обернувшись назад, он в полном изумлении увидел плод воображения профессора Рамада.

Это был гуманоид ростом более семи футов с серо-зеленой, шершавой, обросшей ракушками кожей. Всей своей кошмарной массой он угрожающе навис над беззащитной девушкой.

Ни секунды не раздумывая, Пирс набросился на него, выставив вперед кулаки.

Монстр даже не пошатнулся от удара. Нагнувшись, он легко, как пушинку, подхватил своего решительного противника и поднял над головой.

В следующее мгновение Пирс полетел вниз. Прежде чем рухнуть на камни, он услышал громкий всплеск. От удара воздух из его груди вылетел полностью, до последнего кубического сантиметра.

Он пришел в себя лишь несколько секунд спустя благодаря стараниям любезной Энди. Держа видеокамеру за ремешок, она несколько раз отходила ею Пирса по спине. Каждый удар сопровождался отдельным словом:

— Ты… *хрясь!*

— Безмозглый… *хрясь!*

— Чертов… *хрясь!*

— Идиот… *хрясь!*

Пирс, содрогаясь от боли, перевернулся на спину, и его возлюбленная прекратила экзекуцию, присев рядом на корточки. Ее прелестные бедра все еще дрожали от ярости. В следующее мгновение Энди разрыдалась.

— Что?.. Что?.. Что случилось? — прохрипел Пирс.

— Ты все испортил, придурок! — гневно воскликнула Энди. — Я уже несколько недель подряд ждала его появления, и вот теперь все псу под хвост! Сегодня он мог бы полностью показаться из воды, и тогда мне удалось бы сделать хорошие снимки! Я бы доказала, что гипотеза отца верна!

Пирс сел. Похоже, у него не осталось ни одной целой косточки.

— Можешь сфотографировать меня! — галантно предложил он.

— Конечно, — ядовито отозвалась Энди, хлюпая носом и еле сдерживаясь от рыданий. — Отличный снимок, на котором видно, что это фальшивка, человек в поддельном наряде чудовища. Тогда все подумают, что настоящий морской зверь — тоже фальшивка… Да сними ты эту мерзкую маску!

Пирс повиновался. Энди перестала хлюпать носом.

— Я люблю тебя, — признался Пирс.

Энди криво улыбнулась в ответ.

— Если ты меня любишь, верни сюда этого морского красавца!

Пирс на мгновение задумался. Затем сполз с камня и вошел в воду. На сей раз схватившая его за лодыжку рука была теплой и нежной. Пирс остановился и обернулся.

— Я забыла, как, ты говорил, тебя зовут?

«Rescuing Andy». Перевод А. Бушуева

ОСЕННИЙ ГОСТЬ

В моем предыдущем сборнике рассказов «Странные ремесла» я упоминал о том, что в прошлом у меня был подобно другим авторам цикл неудавшихся рассказов, точнее, три штуки. Два рассказа о жителях местечка Блэквуд-Бич, представленные в этой подборке, — типичный образчик ранних неудачных проб пера. Я написал еще два других — «Капитан Джим» и «Билли Бадд», — которые мне так и не удалось пристроить. Я тогда задумал события в соответствии с временами года. В рассказе «Спасти Энди» действие происходит летом, тогда как приводимый ниже рассказ повествует о событиях, имевших место осенью. Действие рассказа «Капитан Джилл», повествующего о призраке женщины-пирата, развертывается на фоне зимних природных изменений, тогда как повествование о рождении некоего странного растения я окунул в весну. Я мечтал создать еще и другой цикл из четырех рассказов, по наивности купившись на просьбы издателей собрать все восемь рассказов в один симпатичный томик. Увы, подобно большинству моих грез периода ученичества это было великой, хотя и простительной глупостью. В журналы начинающему писателю было не пробиться, а приземленные издатели относились к сборникам рассказов как к чему-то отмеченному микробом проказы.

Почти одновременно с появлением этих двух рассказов Чарльз Грант начал издавать

антологии, посвященные загадочному городу под названием Грейстоун-Бич. Как и следовало ожидать, возникла путаница, этот городок то и дело путали с моим детищем — Блэквуд-Бич, — что вбило последний гвоздь в крышку гроба моих мечтаний.

Однако повторим еще раз: разве для того, чтобы быть счастливым, нужны огромные тиражи?

И вот еще что: сходство между первым эпизодом моего рассказа и подвигами некоего Гарри Поттера также никоим образом не снискали мне каких-либо похвал

Близнецы просчитались, решив, что учительница на них не смотрит.

Шестиклассники Язон и Медея Хеджкок были неразделимы и неисправимы. На уроках мисс Эмпсон они сидели за одной партой в заднем ряду, беспрестанно ерзая, хихикая и строя всяческие пакости. За пределами школы близнецов частенько видели на кривых улочках Блэквуд-Бич, по которым они носились сломя голову и пугали прохожих леденящими душу криками. Отец этой сладкой парочки, преподаватель древнегреческого языка в пригородной подготовительной школе, был абсолютно не способен хоть как-то приструнить своих чад. Не могла оказать какую-либо помощь в воспитании близняшек и их мать. Она все свое время проводила в пещерах, которыми были буквально изрыты прибрежные скалы, где собирала летучих мышей.

Сегодня сорванцы явно вознамерились подстроить какую-то особо мерзкую гадость. В данный момент их внимание было приковано к рисунку, выцарапанному на парте Язона. Загадочный этот рисунок слегка отливал красным, как будто был прочерчен кровью. Склонясь над ним, близнецы прошептали целую серию какофонических имен. На их лицах с курносыми носиками-пятачками застыло необычайно серьезное выражение.

От остальных учеников не скрылось, чем заняты эти двое. Всех до единого в классе, и мальчиков, и девочек, охватило ощущение жуткого страха и неодолимого любопытства. Затаив дыхание, класс ждал, что сейчас будет. Неужели эти двое снопа выйдут сухими из воды? Не слишком ли далеко они зашли? Почему мисс Эмпсон их не остановит?

Мисс Эмпсон стояла к классу спиной и, постукивая мелом,

писала на классной доске целую серию каких-то дат. Ее черные, закрученные колючими рожками волосы делила на две половины флуоресцентная розовая полоска. Одета учительница была в кожаную юбку и топик с тигровым рисунком. Ходили слухи, что, хотя мисс Эмспсон и была уроженкой Блэквуд-Бич, ее как магнитом тянуло в Бостон, куда она регулярно наведывалась, чтобы оторваться по полной программе в ночной дискотеке. Школьники неизменно поражались тому, как столь немолодая особа, которой уже стукнул тридцатник — а значит, полагалось поскрипывать при ходьбе старческими костями, — могла танцевать всю ночь напролет, а на следующий день преспокойно давать уроки.

Видимо, мисс Эмпсон прошлой ночью явно переусердствовала с танцами. Сегодня она уже не порхала, как балерина на пуантах. Обычно она никогда не позволяла Хеджкокам переступать границ дозволенного, однако в данный момент утрата бдительности привела к тому, что беспутные близнецы приблизились к роковой черте на опасно близкое расстояние.

Над головами двойняшек возникло небольшое облачко. Их монотонные голоса звучали если не громче, то заметно настойчивее. Все одноклассники замерли на самом краю стульев. Мисс Эмпсон как ни в чем не бывало продолжала покрывать классную доску меловыми письменами.

В тот миг, когда Язон и Медея достигли пика своих заклинаний и из облачка показались две маленькие когтистые руки, а остальные ребятишки издали один долгий коллективный вздох, мисс Эмпсон резко обернулась, издав при этом пронзительный крик, подобный тому, с каким Брюс Ли обычно крошил в капусту своих неразумных противников.

— Аий-йяа-а-а!

Из кусочка мела, который она держала в вытянутой руке, вылетел сгусток света, моментально приведя в чувство распоясавшихся близнецов.

Раздался негромкий хлопок, и облачко с его необычным содержимым исчезло.

Класс облегченно — как по команде — вздохнул. Плечи обмякли, попы заерзали по стульям.

Язон и Медея Хеджкок как сидели, так и застыли в заговорщических позах. Казалось, от испуга у них временно перехватило дыхание, а лица сделались мертвенно-мраморного оттенка.

Шед Стиллвелл провел рукой по потному лбу. Уф, кажется, пронесло. Он всегда говорил близнецам, что с мисс Эмпсон шутки

плохи. Будем надеяться, сегодняшний урок все-таки пойдет им впрок. Впрочем, в этом Шед сильно сомневался.

Он посмотрел на часы. (Тут надо сказать, что Шед очень гордился своими часами — подарок родителей в день его двенадцатилетия — и каждые десять минут находил повод узнать время.) Без малого 3.00. Интересно, продолжит мисс Эмпсон урок истории после выходки близнецов или все-таки смягчится и отпустит их пораньше?

Ответ на вопрос не заставил себя ждать: в следующее мгновение мисс Эмпсон заговорила, обращаясь ко всему классу:

— Пожалуй, сейчас мы сосредоточим внимание на делах учебных. Вчера мы обсуждали Америку времен первых колоний. Думаю, мы лучше поймем прошлое нашей страны, если соотнесем изучаемый отрезок истории с историей нашего родного города.

В 1636 году Роджер Уильямс, спасаясь от судебных преследований в Массачусетсе, бежал в наши края и основал поселение Провиденс. Два года спустя один из его сподвижников, некий Огастес Блэквуд, взгляды которого Уильямс счел излишне либеральными, также бежал. Он отправился по побережью на юг, где вскоре, сопровождаемый последователями, и основал Блэквуд-Бич.

Имена большинства первых поселенцев сегодня увековечены в названиях улиц, парков и общественных зданий нашего города. Стагхорн, Трипп, Гуднайт.

При упоминании последнего имени все дети вздрогнули: образ Уэлкама Гуднайта всплыл на поверхность их памяти подобно зловонным газам, вырывающимся из болотной трясины. Тони Дикристофаро на всякий пожарный случай показал «козу»: мизинец и безымянный пальцы торчат словно рожки, остальные прижаты большим пальцем.

— К сожалению, почти никто из этих семей не дожил до наших дней, и причиной тому Пятнистая чума, эпидемия которой разразилась в 1750-х годах. Вторая волна иммиграции имела место после Великой Американской революции, когда Блэквуд-Бич открыли для себя флибустьеры и контрабандисты; они занялись здесь оживленной торговлей… э-э-э… — мисс Эмпсон на миг отвернулась от класса, — противозачаточными средствами из бараньей кожи. Только после того как по настоянию Бенджамина Франклина, известного своими либеральными взглядами, Конгресс США легализовал эти, хм, средства, Блэквуд-Бич утратил свою дурную славу.

Стоило мисс Эмпсон произнести последнее слово последней фразы, словно она идеально рассчитала ее до секунды, как прозвучал звонок.

— На сегодня все, ребята. Урок окончен. Все свободны.

Дети дружно встали с мест и вышли из класса.

За исключением, разумеется, близнецов.

Шед шагал, поддавая ногами опавшие листья, толстым ковром покрывавшие мощенные кирпичом тротуары. Обычно он редко шел из школы прямо домой, предпочитая немного побродить по улицам родного городка.

Дом Шеда стоял на Типстафф-лейн, примостившись довольно высоко на краю созданной самой природой впадины в форме полумесяца, к которой, собственно, и прилепился город.

Из любой крытой черепицей башенки открывался потрясающей красоты вид на весь Блэквуд-Бич и море. Прежде чем отправиться домой, мальчик по привычке произвел ежедневный осмотр городских достопримечательностей.

Легким шагом он прошел небольшой квартал, именуемый Дайерс-стрит. Здесь, кичась перед остальными домиками свежевыкрашенными стенами, возвышался особняк некой миссис Старкуэзер. Надо сказать, обликом дом ужасно напоминал свою высокомерную, жестоковыйную хозяйку. Пройдя мимо рынка Рекстроз-Маркет, Шед зашагал по Мейден-стрит в гору, затем миновал котлован, в котором когда-то покоился фундамент дома Броудбентов, и обсерваторию профессора Шримшандера. Затем он остановился поболтать с друзьями, которые играли с трехногой собачонкой Эдда Стаута. После чего зашагал дальше по улице, тянувшейся вдоль высокого края получаши, на внутренней поверхности которой и примостился город, вернее, большая его часть.

На Нижней авеню, возле стоявших бок о бок домов мистера Зейсса и майора Флудда, мальчик свернул направо. Затем прошел мимо пустыря, который ребятишки называли Могильником, хотя вряд ли кто-нибудь мог сказать точно, кто или что именно покоится там в хладной земле.

Наконец Шед добрался до Канавы — своего любимого места.

Канавой назывался глубокий овраг, по которому протекала узкая быстрая речка. Достигнув края утеса, она образовывала живописный водопад и уносила свои воды в море. За оврагом Нижняя авеню продолжалась, проходя по перекинутому через Канаву мостику чугунного литья, перила которого украшали изображения злобных человеческих лиц.

Сойдя с дороги у края моста, Шед начал спускаться вниз по склону оврага, испачкав при этом руки и джинсы. Оказавшись внизу, среди берез, ив и тополей, облюбовавших в качестве жилища это укромное место, он остановился на берегу ручья.

Набрав полную пригоршню камушков, Шед принялся один за другим бросать их в воду.

В Канаве Шеду неизменно бывало спокойно и радостно. Чего никак не скажешь про родной дом. Нет, родители у него хорошие люди, грех жаловаться. Они дарили ему свою заботу, любовь и почти все, что он только мог пожелать. Школа тоже не вызвала у Шеда особой неприязни. (Правда, его порой беспокоили некие необычные ощущения при виде ног мисс Эмпсон, но он наделся, что со временем это пройдет.) Другое дело Канава. Журчание воды, толстый ковер прошлогодней листвы на земле, ажурный шатер летней листвы, защищавший Шеда от окружающего мира, — это были жизненно важные вещи, добрые и, как он инстинктивно догадывался, нужные его душе.

Теперь пришла осень, стояли первые дни ноября, и листвы уже почти не осталось. Овраг принял какой-то нереальный, призрачный вид. Птичьи гнезда, ранее скрытые травой и листвой, стали хорошо видны, а ночами казалось, что полная луна — это маленькая жемчужина, что она совсем рядом, до нее можно дотянуться, ухватиться рукой за серпик.

Внимание Шеда привлекло одно из деревьев — высокая ива, склонившаяся прямо над водой. К удивлению мальчика, на ней все еще сохранялась листва; дрожа под каждым порывом ветра, листья продержались на ветвях до поздней осени. Шеду было известно, что ивы обладают мощной корневой системой и потому сохраняют листву дольше, чем другие деревья. Однако это дерево было каким-то особенным даже по сравнению с другими, ему подобными.

Движимый любопытством, Шед подошел ближе, чтобы получше рассмотреть это чудо природы.

Остановившись рядом с ивой, он неожиданно замер на месте.

Возле дерева стоял человек. У Шеда от удивления перехватило дыхание.

Человек этот был примерно одного с ним роста. Он стоял, прижавшись спиной к стволу дерева. Правой руки видно не было. В глаза бросались борода и длинные волосы желтоватого, старческого оттенка. Крючковатый нос, темные провалы глазниц. На незнакомце была старая грязная куртка в клетку, выцветшая фланелевая рубашка, засаленные шерстяные брюки и стоптанные рабочие башмаки.

Бомж какой-то, неприязненно подумал Шед. Хочется надеяться, что безобидный.

Незнакомец увидел Шеда, умоляюще протянул к мальчику руку и шагнул от ивы, как будто собираясь уйти. Только тогда Шед заметил, что правая рука бродяги застряла где-то в глубине

дерева, как будто он засунул руку в беличье дупло и не смог вытащить ее обратно. Шед от всей души пожалел несчастного старика, хотя и не горел желанием прийти ему на помощь.

И все же вопреки этому самому нежеланию, как будто против воли Шед шагнул под свод желтых листьев. Осторожно подняв руку, он коснулся вытянутых пальцев незнакомца.

Стоило их рукам соприкоснуться, как часы на запястье Шеда взорвались. Старик напряг пальцы; Шед тотчас полетел на спину, увлекая за собой незнакомца. Раздался негромкий хлопок, и незнакомец высвободился из плена упрямого дерева. Оба, Шед и старик, прокатились по влажной земле.

В следующее мгновение они оторвались друга от друга и встали. Шед вытащил из кармана носовой платок и вытер окровавленное запястье. Затем посмотрел на иву, чтобы понять, что же мог искать внутри ее ствола этот странный тип.

Никакого дупла в стволе ивы не оказалось.

— Да-а-а! — нервно произнес Шед, не зная, что сказать. — Наверное, в моих часах испортилась батарейка. С вами все в порядке, мистер?

Незнакомец ничего не ответил, лишь коротко кивнул, глядя на мальчика черными, как космос, глазами. Шед почувствовал, что первоначальная неловкость прошла. Несмотря на молчание бродяги, его безобидная внешность — расслабленная спокойная поза и безвольно болтающиеся руки — не вызывала никаких сомнений.

— Как, вы говорите, мистер, ваше имя? Меня зовут Шед.

Он не стал протягивать руку для рукопожатия, считая, что таковое уже состоялось, правда, довольно необычным образом.

Незнакомец продолжал молчать.

Шеду неожиданно вспомнилось стихотворение Теннисона, которое они читали в школе несколько месяцев назад. Начиналось оно следующими строчками:

> Осенью призрак здесь появился,
> Средь желтеющих листьев он поселился.

Каким-то образом эти строки идеально соответствовали внешности незнакомца. Возможно, если тот не называет своего настоящего имени, то не станет возражать, если Шед сам подберет ему имя.

— Что, если я буду называть вас мистер Листьев? — осмелился спросить Шед.

Старик, даже не улыбнувшись, утвердительно кивнул.

— Хорошо, значит, буду называть вас мистер Листьев. Рад с

вами познакомиться. А сейчас мне нужно идти. Если вы завтра придете сюда, то, возможно, мы с вами увидимся вновь.

Шед повернулся, собираясь уйти, однако не отошел от мистера Листьева и на десять футов, как внезапно натолкнулся на какую-то незримую преграду, как будто угодил в сладкую вату или по щиколотки увяз в тягучей липкой жиже. Было невозможно сдвинуться даже на дюйм.

Мистер Листьев сделал шаг вперед. Шед почувствовал, что тоже может последовать его примеру.

«О боже, — подумал он. — Во что же это я такое вляпался?»

Он повернулся к молчаливому старику, с каменным, бесстрастным лицом стоявшему у него за спиной. Но тот как воды в рот набрал.

Мать Шеда любила повторять: «Всегда пытайся найти выход даже из самой скверной ситуации».

— Послушайте, мистер Листьев! — сказал мальчик. — Вы не хотели бы сегодня поужинать у нас?

На руке не хватало одного пальца. На его месте виднелась легкая полоска шрама. Впрочем, рука эта не производила пугающего или неприятного впечатления. Обычная конечность, ну, пусть даже и не совсем обычная. Ее покрывал толстый слой мозолей, а в складки кожи навечно въелся белый порошок, похожий на тальк. Мизинец отсутствовал, зато остальные четыре пальца казались вполне самостоятельными, способными справиться с любым делом. Хотя, надо отметить, в них все же чувствовалась какая-то невыразимая грусть, будто они глубоко переживали пропажу своего незадачливого собрата.

Шед сосредоточил взгляд на руке отца, чтобы не смотреть ему в глаза. Потому что по глазам сына отец всегда мог угадать, лжет тот или нет. Впрочем, даже не глядя Шеду в глаза, отец догадывался, что сын чего-то недоговаривает. Хотя и не мог знать наверняка.

Принимая во внимание несуразность лжи, Шед попробовал воспользоваться этой незначительной зацепкой.

Сэм и Кэрол Стиллвелл сидели за столом вместе с Шедом и мистером Листьевым. На ужин в этот вечер был мясной рулет и картофельное пюре с бобами. Все, за исключением разве таинственного гостя, ели без особого удовольствия, хотя и не могли объяснить причины столь вялого аппетита. Шед нервничал, родители же были слишком заинтригованы незнакомцем, которого привел в дом сын. Причина, почему трудно было сказать, понравилось гостю предложенное угощение или нет, заключалась в том, что мистер Листьев расправился с едой

довольно-таки непривычным способом. Он просто сидел, положив обе руки по краям тарелки. Пища самым удивительным образом подверглась некоему мистическому процессу — сначала буквально на глазах позеленела и испортилась, а затем полностью исчезла. Тарелка — часть праздничного сервиза Кэрол — вскоре растрескалась, превратившись в нечто вроде древних артефактов из раскопок Ниневии.

В данный момент родители Шеда внимательно разглядывали мистера Листьева. Поскольку они постоянно предупреждали сына, чтобы тот не приводил домой откровенно сверхъестественных обитателей их городка, Шеду пришлось прибегнуть ко лжи. Шед знал: отец и мать никогда не простят ему, что он освободил некоего призрака, который прежде, по всей видимости, жил одной жизнью с деревом. (Шед все еще испытывал жгучий стыд, вспоминая, какой переполох случился в их доме после того, как он приволок домой говорящего кота, который оказался знакомцем Уэлкама Гуднайта.)

На сей раз мальчик сказал родителям, что увидел на площади безобидного жалкого старика — самого обыкновенного попрошайку. Тот якобы стоял с бумажкой, на которой было написано: «Я — ГЛУХОНЕМОЙ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ, ЧЕМ МОЖЕТЕ. СПАСИБО. МИСТЕР ЛИСТЬЕВ». Бумажку, конечно же, унесло неожиданным порывом ветра, и она угодила прямо в канализационный сток. Шед не стал объяснять, что теперь, по всей видимости, он неразрывно связан со странным гостем. Вместо этого он просто сказал, что почувствовал себя обязанным помочь беспомощному старику. Можно он у нас поживет пару деньков, а, пап?

Мистер Стиллвелл задумался над просьбой сына. Сам он был, по сути, человеком простым — работал в каменоломне за городом, где добывал известняк. Много лет назад каменоломня отняла у него и палец, и сердце. То, что ему постоянно приходилось копаться в горных породах эпохи динозавров, пробудило в нем романтические струны. Все свое свободное время Стиллвелл-старший отдавал рыбной ловле. (Несмотря на слезные протесты Кэрол, он настоял, чтобы их сына окрестили Шедом[2].)

Однако Сэм Стиллвелл был уроженцем Блэквуд-Бич и всю свою жизнь прожил в этом городе.

Увидев экзотическую личность, которую привел домой сын, он решил, что не стоит кипятиться и высказывать неудовольствие. Пусть события развиваются своим чередом.

Сэм прочистил горло. Было бы неразумным проявлять в сложившейся ситуации излишнюю мягкотелость.

— Огромная ответственность, Шед, связывать себя с жизнью другого человека. Я хочу, чтобы ты это понимал, сынок, прежде чем дело зайдет еще дальше.

— Я знаю, пап. Я все знаю, — ответил Шед, думая о невидимых узах, нерасторжимо связавших его с загадочным мистером Листьевым.

— Что ж, прекрасно. Памятуя об этом и с согласия мамы, я даю временное разрешение на то, чтобы твой новый знакомый пробыл в нашем доме столько, сколько он пожелает.

— Я не возражаю, — поддержала мужа Кэрол, еле заметно улыбнувшись.

Шед с облегчением подумал, что никогда еще мать не казалась ему такой красивой, а отец таким благородным.

— Спасибо, папа. Можно отвести ему комнату рядом с моей?

Шеду оставалось лишь уповать на то, что если он придвинет кровать к общей стене, то сможет оставаться в пределах их общего с мистером Листьевым пространства.

— Конечно, — согласился Сэм Стиллвелл.

Шед встал. Мистер Листьев последовал его примеру. Кресло, на котором сидел старик, медленно превратилось в кучку праха.

Сэм и Кэрол, чтобы избавить гостя от неловкости, сделали вид, будто ничего не заметили.

Шед поспешил выйти из комнаты. Мистер Листьев последовал за ним буквально по пятам.

На следующее утро за завтраком (на этот раз Кэрол поставила перед мистером Листьевым бумажную тарелку, усадив гостя на примитивную табуретку, спешно сколоченную накануне вечером из старых досок) Сэм был слишком взбешен какой-то заметкой в «Блэквуд-Бич интеллидженсер», чтобы думать о свалившемся на них постояльце.

— Кэрри, ты читала колонку, посвященную общественной жизни? — потребовал он ответа у матери Шеда.

Шед с интересом наблюдал за родителями. Он был готов безоговорочно приветствовать все, что обещало отвлечь их внимание от мистера Листьева.

— Нет, — ответила Кэрол. — Опять эта Старкуэзер?

— Точно. Ты только послушай: «Аманда Старкуэзер заявила о создании Общества обновления Блэквуд-Бич. Обязанности руководителя этой организации она берет на себя и будет выполнять их до выборов нового председателя. Первым шагом в деятельности Общества, как эта нахалка заявила репортерам, будет попытка убедить членов муниципалитета снести старую беседку на пляже и заменить ее новым, современным

павильоном».

Сэм раздраженно скомкал газету и отбросил в сторону.

— Черт побери! — выругался он.

Иных эмоций Аманда Старкуэзер у него не вызывала.

Эта особа поселилась в Блэквуд-Бич совсем недавно, унаследовав дом на Дайерс-стрит после того, как последний из блэквудских Старкуэзеров отошел в мир иной. Прежде она проживала в Бостоне. Это была высокая властная дама, одевавшаяся в строгие блузки, юбки в шотландскую клетку и коричневые кожаные мокасины. Ее ни разу не видели без сумочки от Луи Виттона, в которой, по слухам, находились шарики нафталина и аэрозольные баллончики с антисептиком. Эти средства были нужны на тот случай, если их владелице понадобится исправить отклонения от жестких стандартов чистоты, которых она всегда и во всем придерживалась. Двое ее детей ходили в подготовительную школу, где преподавал мистер Хеджкок.

Миссис Старкуэзер была вдовой — ее муж умер или от какой-то болезни, или назло супруге, или же просто от отчаяния.

— Да что она понимает в Блэквуд-Бич и его жизни?! — воскликнул Сэм. — Не нужны нам никакие «обновления»! Нам нравится наш сонный и захудалый городок! Он не похож на другие, тем и хорош! Попомни мое слово, доиграется эта Старкуэзер! Все равно последнее слово останется не за ней!

Шед как-то раньше не задумался над тем, как ложь порождает новую ложь, множится и начинает жить собственной жизнью. В то время как большая часть информации подвержена энтропии, теряет со временем силу и безвозвратно исчезает, ложь, похоже, обладает иммунитетом к подобному упадку и, напротив, ширится и растет, становясь со временем все более изощренной и искусной.

В школе гордость не позволила Шеду рассказать друзьям ту же байку, какую он поведал дома родителям. Не дай бог, одноклассники узнают, будто ему нравится таскать с собой какого-то бродягу. А как признаться им в том, что ты лопухнулся и теперь ходишь в одной упряжке с каким-то там призраком?

Вместо этого Шед сообщил им, что мистер Листьев — слабоумный двоюродный брат отца и что он вынужден присматривать за ним в то время, пока родители заняты на работе.

Шед даже сфабриковал записку для мисс Эмпсон якобы от лица матери с просьбой разрешить мистеру Листьеву присутствовать на уроках. Мисс Эмпсон с подобающей терпимостью отнеслась к просьбе и возражать, конечно же, не

стала.

Теперь голова Шеда просто шла кругом от сумятицы, вызванной соседством правды и вымысла.

День тянулся медленно, как черная патока через воронку в студеном воздухе Арктики. Во время перемен весь класс с любопытством разглядывал забавного спутника Шеда Стиллвелла. В перерывах между уроками Шеду приходилось стоять как пришитому рядом с мистером Листьевым. Прикованный к нему невидимой цепью, он не осмеливался бегать по коридорам. К счастью, днем мистер Листьев покорно сидел в задней части класса, рядом с неподвижными фигурами близнецов Хеджкоков. Он практически не двигался и не производил никакого шума, если не считать того, что слопал коробку карандашей «Тикондерога № 2» и употребил две баночки клея. Наконец в 3.00 прозвенел долгожданный звонок, и Шед оказался на свободе. Он знал, куда сейчас направится — к профессору Шримшандеру за столь нужным ему авторитетным советом.

Выйти со школьного двора, заглянуть по пути в кондитерскую на рынке Рекстроз-Маркет, миновать статую с табличкой «С.Д. Уорд», добраться по Дайерс-стрит до Мейден-стрит, а там уже глядишь — и куполообразное здание обсерватории профессора Шримшандера.

На Дайерс-стрит Шед на секунду остановился перед массивным трехэтажным особняком в викторианском стиле с остроконечной крышей, принадлежавшем Аманде Старкуэзер.

Раскрашенный на манер сан-францисских домиков в нежные пастельные тона, особняк горделиво возвышался на фоне неказистых и обветшалых соседних построек. Широкая зеленая лужайка, безупречно подстриженная и буквально вылизанная садовником, выгодно отличалась от заросших сорняками соседних участков. Оконные стекла сверкали рекламной чистотой. В целом усадебный ансамбль являл собой своего рода нерушимый бастион порядка и установленной железной рукой гармонии.

Доедая батончик «Три мушкетера», Шед неожиданно вспомнил утреннюю тираду отца в адрес Аманды Старкуэзер. Чего она, собственно, добивается? Неужели ей не по нраву их городок в его нынешнем виде? Зачем тогда она переехала в Блэквуд-Бич?

Некоторые люди просто терпеть не могут, когда что-то или кто-то не соответствует их представлениям о том, каким надлежит быть вещам или людям, решил мальчик.

Прямо на глазах у Шеда дверь дома неожиданно открылась, и на широкое крыльцо вышла Аманда Старкуэзер собственной

персоной. Ее плотная, как будто скроенная из листовой жести юбка даже не шелохнулась под легкими порывами ветра. Дама сложила на груди руки и устремила на Шеда гневный взгляд.

— Не смей бросать обертку на мою лужайку, противный грязный мальчишка! — проскрипела она, после чего извлекла из своей неизменной сумочки баллончик лизола и выпустила через всю лужайку в сторону Шеда облачко спрея.

На какое-то мгновение обида — ведь у него и в мыслях не было разбрасывать фантики! — заставила мальчика забыть о мистере Листьеве, но затем он ощутил рывок, подтолкнувший его вперед.

Мистер Листьев устремился по аккуратно подстриженному газону к Аманде Старкуэзер. До предела натянув невидимый поводок, он шел вперед, устремляясь к поборнице чистоты и порядка, словно был движим чем-то более сильным, чем сама судьба.

Шед почувствовал, как исходящая от старика мощь неодолимо тянет его следом. Похожий на сладкую вату барьер их взаимного притяжения толкал его в спину. Тем временем мистер Листьев неуклонно приближался к Аманде Старкуэзер. Упершись каблуками в трещины брусчатой мостовой, Шед напрягся изо всех сил, понимая, что не может допустить, чтобы старик прикоснулся к миссис Старкуэзер.

Увы, тщетно. Мистер Листьев медленно, но верно тащил его за собой.

Шед оглянулся в надежде увидеть кого-нибудь, кто мог бы оказать ему помощь. Неожиданно его взгляд упал на уличный фонарь. Он сделал отчаянный рывок назад и крепко ухватился за чугунный столб. Уф-ф, пальцы сжались вокруг холодной поверхности. Шед буквально впился ими в столб.

В свою очередь, мистер Листьев напряг все свои силы. Шед испугался, что его вот-вот разорвет на части и он лишится рук. Где же раньше лопнут связки и суставы — в плечах или локтях?

С лужайки донесся стук захлопнувшейся двери. Нечеловеческое напряжение тотчас исчезло.

Шед замер на месте, чувствуя, как все его тело сотрясает дрожь. Мистер Листьев как-то тоскливо посмотрел на опустевшее крыльцо, однако предпринимать новых попыток не стал.

Потирая натруженную руку, Шед решил взглянуть на случившееся глазами ученого.

Ему будет что рассказать профессору Шримшандеру.

Светящиеся галактики вращались в космическом пространстве, излучая красный, голубой, желтый и белый свет.

Газообразные туманности расширялись, будто гигантские осьминоги, поглощая в ходе тысячелетий многочисленные цивилизации. Черные дыры заглатывали космических странников, растягивая их до бесконечности.

Профессор Шримшандер с видом недовольного небожителя выключил монитор. Шед встряхнул головой — темный экран моментально вывел его из оцепенения.

— Идиоты из НАСА, — пожаловался профессор, — не способны заметить ничего действительно интересного. Боюсь, скоро я буду вынужден взять это дело в свои руки.

— Вы хотите сказать, — спросил Шед, — что собираетесь сами управлять телескопом Хаббла вместо того, чтобы лишь пользоваться его телеметрией?

— Не исключено, что дойдет и до этого, — скромно согласился Шримшандер.

Профессор встал с кресла. Его рост превышал шесть футов, а сам он отличался необычайной сутулостью, в результате чего голова была ниже ей положенного дюймов на шесть и торчала вперед, создавая впечатление, будто профессор настроен крайне агрессивно, хотя в действительности он неизменно отличался добродушием. Его огромный нос рассекал воздух, словно некий зонд с дистанционным управлением. Густые брови то и дело взлетели вверх, угрожая навсегда покинуть лоб своего хозяина. Дома Шримшандер носил застиранный лабораторный халат, надетый на гарнитур красного нижнего белья с начесом.

В начальной школе имени Эбиала Триппа Шримшандер преподавал естественные науки в самом широком диапазоне и стремился разбудить в учениках тягу к знаниям.

— Итак, мой мальчик, — произнес Шримшандер, приблизившись к мистеру Листьеву, что смирно сидел на упаковочном ящике, маркированном фразой: «ОСТОРОЖНО. ХРУПКИЙ ПРЕДМЕТ. ЛЮБЫМ КОНЦОМ ВВЕРХ», — у тебя возникла проблема. Посмотрим, какой вывод можно из всего этого извлечь.

Шримшандер взялся за два проводка, торчавших из измерительного прибора, и поднес их к вискам мистера Листьева. Тот не оказал ни малейшего сопротивления. Шримшандер принялся наблюдать, как поведут себя стрелки. Те резко скакнули влево и несколько раз крутнулись возле нулевой отметки. Корпус прибора окутался дымом.

Шед недоуменно посмотрел на профессора. Что все это значит?

Шримшандер задумчиво почесал голову и провел еще несколько измерений. Только после этого он смог наконец

выразить свое мнение о проделанных опытах.

— Это существо, мой мальчик, — стопроцентный образчик чистой энтропии.

Шед внимательно посмотрел на мистера Листьева, одетого в неряшливый свитер и мятые, потерявшие былую форму брюки. Он, конечно же, знал об энтропии все. Профессор в свое время заставил учеников его класса прочитать «Плач по лоту № 49». Все получили огромное удовольствие от этого шедевра и теперь прилежно занимались изучением другой книжки — «Радуга гравитации». Но разве мог столь мощный принцип быть воплощен в такой жалкой личности с бездонными черными глазами?

Шеду вспомнилось, как мистер Листьев обходился с пищей и мебелью, и подумал, что Шримшандер, пожалуй, прав.

— Последние несколько недель, — продолжил Шримшандер, — я ждал некоего энергетического возмущения. Мой локализатор энтропии… — профессор любовно погладил бок какого-то устройства, напоминавшего гибрид фена и электрической зубной щетки, — совсем недавно зарегистрировал огромные флуктуации транссубстанциального эфирного вакуума. Мне удалось сузить его фокус до Канавы — ты, конечно, знаешь это место близ Нижней авеню. Точным фокусом, очевидно, стала странная ива. Когда ты освободил это существо от дерева, то кристаллизовал накопившийся хаос, который стремился проникнуть в нашу вселенную. Вынужден с сожалением сообщить тебе, что, будучи катализатором, ты вступил с ним в связь, и вы с ним как бы превратились в единое целое. Остается радоваться, что он контролирует свою энтропическую энергию и воздействует лишь на то, что считает достойным уничтожения.

Вместо того чтобы успокоить Шеда, объяснение еще больше его расстроило. Как же ему отделаться от этого существа? Неужели до конца дней своих надо будет мириться с его постоянным присутствием? Шед представил себе, как постареет и они с мистером Листьевым неразлучными близнецами будут вместе ковылять по белому свету.

— Что же мне делать? — взвыл Шед — Он надоел мне! — Внезапно его озарило вдохновение. — Миссис Старкуэзер… похоже, что его почему-то тянуло к ней. Надо свести их вместе.

Шея вскочил, как будто собрался сию же минуту бежать. Профессор Шримшандер положил ему руку на плечо.

— Им никогда не сойтись, Шед. Мне ясно, почему Листьева так тянет к ней. Противоположности притягиваются. Она олицетворяет порядок, дисциплину, негэнтропию. Если они когда-нибудь сойдутся лицом к лицу… последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Шед расслабил напрягшиеся мышцы. Значит… он обречен. Нормальной жизни ему не видать как собственных ушей.

Он пожалел, что не родился в каком-нибудь другом месте, более прозаическом и более нормальном.

В Бейруте, например. В Ираке или Иране.

На худой конец, даже в Бостоне.

Его мать не слишком сожалела о разбитой вазе. Или о шезлонге, полученном в подарок от бабушки Шеда. Во всяком случае, она заверила сына, что не сожалеет. Да и о дыре в стене, разделяющей комнаты Шеда и мистера Листьева, — ведь, как сказал Сэм, штукатурка стоит совсем недорого.

Шед не сообщил родителям об умозаключениях профессора Шримшандера относительно мистера Листьева. Было заметно, что их терпение стало понемногу истончаться, хотя они не решались журить сына за чувство сострадания к обездоленным. Судя по всему, родители подозревали, что дело гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда. В общем, они начали уставать от присутствия в их доме мистера Листьева.

Шед прекрасно понимал это. А каково, черт побери, ему, их сыну? Они-то по крайней мере не обязаны таскать за собой, словно пудовую гирю, косматого бомжа!

Недели шли своим чередом. Наступил канун Дня благодарения. Шеду казалось, будто его нерасторжимая связь с мистером Листьевым длится по меньшей мере год. Его успеваемость в школе катастрофически упала. Мисс Эмпсон проявляла к мальчику сочувствие, однако поделать ничего не могла. Молния от кусочка мела, запущенная прямо в мистера Листьева после уроков по просьбе Шеда, не возымела никакого действия. У старика лишь еще ярче засветились черные, всасывающие энергию глаза. Отчаявшись придумать что-то разумное, Шед стал помышлять о самоубийстве. Он мысленно представлял себе, как бросается на дно Канавы с моста на Нижней авеню, туда, где и начался этот кошмар. Однако воображение рисовало в конечном итоге такую картину — он повисает в воздухе, не долетев до дна оврага, а мистер Листьев, помешавший его смертоносному прыжку, как ни в чем не бывало стоит на мосту.

Школа была закрыта на праздник, занятия начнутся лишь в понедельник. Шед сидел дома, наблюдая за тем, как мать готовит еду. На каждый День благодарения жители Блэквуд-Бич собирались на городской площади, где воссоздавали давние события и лакомились теми же самыми угощениями, что и первые поселенцы, когда-то высадившиеся в здешних краях.

Обычно Шед с нетерпением ожидал этого мероприятия, но в нынешнем году приближение праздника его совсем не радовало.

Кроме того, как он сможет прийти, если там будет присутствовать Аманда Старкуэзер? Это слишком опасно. Придется вновь прибегнуть к спасительной лжи — притвориться, что болен.

В тот вечер Шед нагрел спичкой термометр и заявят, что у него температура. Мнимые страдания, сопровождаемые стонами, завоевали бы ему первый приз за участие в школьной театральной постановке. Утром он сообщил родителям, что ему лучше, хотя и не настолько, чтобы отправиться вместе с ними на праздник. Сначала те пытались убедить сына составить им компанию, однако, поняв всю бесполезность увещеваний, оставили дома одного. Одного, если не считать мистера Листьева, который недвижимо сидел возле Шеда, излучая почти что зримую энергию.

Шед крепился до часа дня. После чего его захлестнула волна жалости к самому себе. В животе заурчало, а тарелка с давно остывшей едой, которую оставила мать, выглядела крайне неаппетитно. Почему ему приходится есть в одиночку, приправляя кушанье слезами? Он же не сделал ничего плохого! Как это ужасно — лежать в кровати, облачившись в пижаму, в такой прекрасный день и ни капельки не быть больным! С какой стати ему переживать за какую-то вредную, упрямую тетку? Пусть Аманда Старкуэзер сама прячется в своем чертовом доме, если ей так хочется!

Шед торопливо оделся и через дыру в стене позвал мистера Листьева. Старик вошел в его комнату, и вскоре они бодро зашагали в направлении площади.

Открытым участок земли, где некогда пасли своих овец первые поселенцы, был окружен небольшим подлеском. Спрятавшись за широким стволом дерева, Шед принялся изучать местность.

Обитатели Блэквуд-Бич праздновали День благодарения 26 ноября независимо оттого, выпадал ли он на четвертый четверг месяца или нет, — то есть придерживались первоначальной даты праздника, установленной еще Джорджем Вашингтоном. В этот день народ наряжался в особые костюмы, правда, не пилигримов, а соратников первого президента Соединенных Штатов.

В Блэквуд-Бич свято хранили традиции прошлого.

Столы, окруженные наевшимися индюшатины горожанами, занимали середину аккуратно подстриженной лужайки. Мягкое осеннее солнце начало клониться к горизонту. Где же его родители? Ага, вот они, сидят слева. А Аманда Старкуэзер?

Громкий гнусавый голос помог Шеду безошибочно отыскать ее в толпе жителей Блэквуд-Бич. Прижимая к груди сумочку, битком набитую аэрозольными баллончиками, она что-то втолковывала группе людей, которые, судя по всему, были околдованы решимостью дамы.

— После того как эта уродливая хибара, стоящая у воды, будет снесена, у нас появится самый красивый пляжный павильон на всем побережье от Блэквуд-Бич до Ньюпорта!

Для придания весомости высказыванию она вытащила из сумочки баллончик с каким-то инсектицидом и недрогнувшей рукой уничтожила последнюю летнюю мошку.

Шед мысленно рассчитал курс следования к индейке, пролегавший на значительном удалении от поборницы чистоты. Пригибаясь в траве, он пустился в самое опасное путешествие своей жизни.

Как только Шед вышел из-за деревьев, он понял, что совершил ошибку.

Мистер Листьев начал подбираться к Аманде Старкуэзер. Шед попытался изменить направление. Увы, это оказалось невозможным. А ухватиться было не за что.

— Помогите! Помогите! — закричал мальчик. — Осторожно! Это убийца!

Головы присутствующих тут же повернулись к Шеду. Аманда Старкуэзер замерла на полуслове, мгновенно осознав, какой неприятный сюрприз уготовила судьба. Она попробовала было пуститься в бегство, однако путь ей преграждал ряд столов.

Шед бросился на землю и впился пальцами во влажную почву. Бесполезно. Мистера Листьева уже нельзя было остановить.

Вид мальчишки, которого какая-то невидимая сила тащила за ноги через всю лужайку, заставил толпу броситься врассыпную.

Аманда Старкуэзер на мгновение застыла на месте, будто осознав безвыходность положения. Как впоследствии признали многие горожане, к ее чести, она быстро оправилась и оказала мистеру Листьеву достойное сопротивление, употребив против него всю батарею баллончиков, как только тот приблизился к ней на расстояние протянутой руки. Увы, хотя в иной ситуации она легко могла дать сто очков вперед матроне из «Монти Питона», сегодня миссис Старкуэзер явно не повезло: ее сумочка вскоре расщепилась на атомы.

В следующую секунду мистер Листьев метнулся к ней и заключил в свои смертоносные объятия…

…небо озарила слепящая вспышка, расцветшая в вышине подобно гигантскому цветку вслед за их роковым объятием.

В ушах у Шеда стоял звон. Голова шла кругом. Окружающий мир утратил привычные очертания и куда-то поплыл. В глазах стало темно, и на мгновение мальчику показалось, будто он обрел свободу и теперь парит как птица. Неужели он умер? Нет! Просто его неразлучный спутник, мистер Листьев, куда-то исчез. Дальнейшим свидетельством жизни было ощущение голода.

Шед сел, чувствуя, как к нему возвращается зрение.

В дюйме от его ноги курилась дымком большая воронка. Казалось, будто она уходит по меньшей мере к самому центру земли.

Первыми к Шеду подбежали родители. Он увидел, как шевелятся их губы — наверняка они хотели знать, жив ли их сын. Однако слов мальчик не слышал. Он вообще ничего не слышал. Но ему было все равно. Он свободен. Наконец свободен! Нет больше никакого мистера Листьева! Оставалось решить только один важный вопрос.

— А клюквенного соуса больше не осталось?

«Yellowing Bowers». Перевод А. Бушуева

ЭФФЕКТ МУНА-БОНЭМА [3]

Это моя ранняя попытка сочинить что-нибудь эдакое, хипповое, в духе поп-культуры. Нечто подобное я позднее использовал в романе «Шифры». В рассказе полным-полно нарочитых орфографических ошибок, Больших Букв и всякого рода корявых выражений, цитат, строк из песен, святотатственных приколов — этакая пестрая забавная пародия на речь улицы. Кто-то от всего этого наверняка придет в восторг, кто-то сочтет дурным вкусом, причем в рамках одного и того же рассказа. Однако я склонен надеяться, что восторг все-таки перевесит.

Когда я вкратце рассказал моему приятелю Чарльзу Платту, о чем пойдет речь в рассказе, тот поинтересовался: а зачем, собственно, в электронной ударной установке селиться сразу двум духам? Неужели одного мало? В то время я был не готов ответить на заданный мне вопрос, зато сегодня могу запросто процитировать старину Билли Блейка о том, что дорога к мудрости лежит через запутанные переулки крайностей.

Скизикса Смэша, появившегося на свет во время Лета Любви, родители, Простые Люди, что жили в пригороде пригорода одного из щупалец-отростков Бостона, нарекли именем Джимми. Джимми ван Флит, до недавних пор застенчивый и в то же время чрезвычайно одаренный студент Консерватории Беркли, а ныне в одном лице ударник, гитарист, клавишник, солист, программист, звукооператор, продюсер — в общем, один-единственный участник ужасно популярной электронной группы «Манки-Фанк» (на счету которой сразу два хита из дебютного альбома, занявших первое место в хит-параде, — «ЭлектроЧлен» и «Моя Крошка

носит ПВХ»), столкнулся с Огромной Проблемой.

Его любимый инструмент — уникальная, единственная в своем роде, супернавороченная, незаменимая, отпадная, начиненная до отказа мудреной электроникой ударная установка — съехал с катушек, словно в него, вернее в нее, вселился бес.

При одной мысли об этом у нашего героя по коже начинали ползать мурашки. Стоило кому-то задать ему вопрос на эту больную тему, как Джимми был готов взорваться от злости и отчаяния.

— Привет, Скизер, — приветствовал его, входя в студию, Харри Хартц, он же «Вечно голодный». — Как поживает твоя славная ударная установка?

— Ау-вау-вау-вау-ух-ух-ух-ух-ух-ар-ар-аррррру!

Старина Хартц в своем обычном прикиде — мохеровый костюм и электрические ботинки — как ни в чем не бывало уселся на стул, извлек из ворсистого кармана банан, неспешно снял с него шкурку, положил ее обратно в карман, откусил кусочек и не спеша принялся жевать.

— Насколько я понимаю, ты ее так и не починил.

Скизикс сжал ладонями виски. Черт! Вот это мысля! Для таких, чтобы зря не долбали мозги, надо изобрести нечто вроде Поглотителя Шумов. Такое впечатление, будто его бедная черепушка вот-вот разлетится к чертовой матери… Или нет, лучше послать ее куда подальше… Ладно, чувак, забей на это дело и не бери в голову.

— Нет, покамест не починил. Она выплевывает все новые программы. Я заменил в ней каждый чип, каждый проводок — за исключением разве что тех частей, в которые и так никто не врубается, — их мне установил еще Бродяга Брухо-Мэн. Я вытер ей память чище, чем мать вытирает задницу своему младенцу, причем как минимум с десяток раз. Я подсоединил ее сразу к двадцати разным колонкам. Я облобызал ее, осыпал ее проклятиями, я умолял ее, ползал перед ней на коленях. Но чертова машина до сих пор отказывается выдавать мне то, чего я от нее хочу, как она делала в былые времена. Кажись, пора завязывать с этим делом и сваливать куда-нибудь, пока с горя крыша у меня окончательно не поехала.

Хартц дожевал банан, облизал пальцы, а остатки налипшей на них мякоти непринужденно вытер о брюки.

— Ну, дружище, ты даешь. Неужели она и впрямь ничего путного не выдает?

Скизикс нервно хохотнул; правда, язвительный этот смешок скорее прозвучал как рыдание Тины Тернер, а не как смех.

— Да нет, выдает, еще как выдает — но только то, что нужно

этой стерве. Ты послушай.

Ткнув указательным пальцем кнопку на стервозной ударной установке, Скизикс жестом велел приятелю прислушаться.

Из подсоединенных к ней усилителей в течение этак минут трех доносился скрежет, грохот и прочие нечеловеческие звуки, после чего какофония столь же неожиданно прекратилась.

Воцарилась тишина; Скизикс многозначительно посмотрел на друга — мол, теперь сам все видишь.

— Да, старик, сочувствую, плохи твои дела, — произнес тот, — редкостное старье. Не музон, а прямо-таки путешествие в далекое прошлое. Полный отстой! Такое впечатление, будто слушаешь Джинджера Бейкера, или «Крим», или что-то вроде. На тебя совсем не похоже.

— Ты еще будешь мне говорить!.. А теперь смотри сюда. Я вроде бы никаких новых программ ей не добавлял, но вот увидишь, эта поганка точно выдаст что-нибудь левое.

Скизикс еще раз ткнул в кнопку пальцем, и машина произвела очередную последовательность звуков.

— Узнал! — встрепенулся Хартц. — Что-то в духе старых добрых «Цеппелинов».

— Вполне возможно, — согласился Скизикс. — Правда, это окаменевшее дерьмо совсем не катит. Главное, я могу дать голову на отсечение, такой программы я ей не скармливал.

— Тогда откуда это в ней?

— Какая мне разница, откуда, один хрен. Главное, что у меня в следующем году должен выйти второй альбом, а как, по-твоему, мне сочинить пару-тройку отпадных хитов без моей старой доброй ударной установки? Как мне передать звук «Одинокого дебила», если вместо него партия ударника выдает «Лестницу в небо»?

— Может, проще купить новую установку?

— Э нет. Этот номер не пройдет. Второй такой нет, «Корг ДДЦ5», где только я у нее не ковырялся — даже в заднице. Внепространственное звучание, корректор квантового сдвига, эффект всеафриканского говорящего барабана джу-джу…

— Можешь не продолжать, я врубился. Послушай, а не проще ли нанять живого ударника?

Скизикс Выпучил На Хартца Глаза — так обычно смотрят на последнего идиота, отчего тому стало не по себе. Обычно худое, лицо его юного друга буквально на глазах начало раздуваться и наливаться кровью, как у австралийской древесной лягушки в период спаривания. Скизикс открыл рот — еще и еще раз, тщась издать хотя бы какой-то звук. Но так и не смог. Ни писка, ни шепота. Моментально вскочив со стула, Хартц обвел растерянным

взглядом студию. На столе стояли графин и несколько стаканов. Хартц метнулся к графину, схватил, подскочил к лишившемуся голоса Скизиксу, схватил его за патлы, оттянул назад голову и влил половину содержимого в глотку, а остальное выплеснул на макушку, вымочив приятелю футболку и джинсы.

Скизикс выплюнул полный рот оранжевой жидкости. Судя по всему, эта процедура несколько облегчила его страдания. Убрав от глаз мокрые кудри, он распрямился, словно к нему вернулся Дар Речи.

— Харри, ты что, совсем охренел? Это же была «Текила Санрайз»! Ты думал, что делаешь?

— А что мне оставалось? Еще пара секунд, и тебе кранты бы пришли, задохнулся бы, как пить дать.

— Еще бы, как тут не задохнуться! После того, что ты, не подумав, ляпнул!

— А что я такого сказал?

Словно каждое из произнесенных им слов было куском дерьма — ну или, на худой конец, какой-нибудь гадостью типа собачьих консервов, Скизикс не проговорил, а с отвращением сплюнул:

— Живого ударника! Ну ты загнул!

— А что в этом такого? Вдруг тебе только на пользу пойдет, если поработаешь с кем-то на пару. Глядишь, и придумаешь что-нибудь этакое. Готов поспорить, что Фил Коллинз не откажется, если узнает…

Скизикс схватил упаковку с бумажными носовыми платками и принялся вытирать ими мокрую футболку и лицо, словно пытался удалить с себя Противный Липучий Коктейль до последней Капли.

— Не собираюсь я ни с кем работать. Ни с кем из людей. Исключено на все сто процентов. Люди не слушают, что я им говорю, они не способны выдать то совершенство, какое я от них жду.

Носовые платки начали потихоньку растворяться в липкой жидкости, и вскоре Скизикс оказался с ног до головы в мокрых бумажных комочках, которые он, правда, безуспешно, попытался с себя стряхнуть.

— К носу тоже прилипло, — подсказал ему Хартц.

— Заткнись, Лучше скажи, что мне делать?

Хартц задумался.

— Ну, в принципе можно из новых частей попробовать собрать точную копию старой машины.

— Идея, — отозвался Скизикс с воодушевлением. — Кажется, ты попал в самую точку. Можно начать прямо сейчас.

Спустя две недели Скизикс позвал к себе Хартца на первое испытание новой ударной установки.

Затаив дыхание, они вдвоем встали напротив новоявленного чуда техники.

Скизикс нажал кнопку «воспроизведение».

Машина тотчас выдала «ротовую перкуссию» из одной вещицы Джона Майэлла.

— Черт, да это еще хреновей, чем в тот раз, — едва не расплакался Скизикс.

Он со злостью пнул свое второе неудачное детище и жалобно шмыгнул носом.

Хартц сочувственно положил руку на плечо восходящей звезде поп-музыки.

— Скизикс, дружище.

— У? — хлюпнул носом Скизикс.

— Есть только одно средство.

— Ты хочешь сказать, это?..

— Боюсь, что так.

— Нет, только не он.

— Увы, он, и никто другой.

— Только не этот безумец.

— Именно этот, доктор…

— О господи!

— …Кремний.

Доктор Кремний жил и работал на заброшенной бойне. Ее огромное, похожее на пещеру жилище сохранило систему крюков и направляющих рельсов. С одной небольшой разницей: там, откуда когда-то свисали осклизлые, окровавленные шматы говядины, теперь болтались клавиатуры, пустые пластиковые футляры, бобины магнитофонной ленты, гибкие диски, в отверстия которых были засунуты спицы, платы, дисководы, принтеры, плоттеры и прочие компьютерные прибамбасы — и главное, все до единого в пределах досягаемости ловких рук доктора Кремния. Наверху, извиваясь среди этой нависшей над головой подобно Дамоклову мечу электронной рухляди, на манер Лиан в Экваториальном Лесу протянулись коаксиальные и оптико-волоконные кабели.

Разумеется, вся эта свисающая с потолка дребедень значительно ухудшала видимость в и без того темном помещении, которое едва-едва освещали разбросанные то там, то здесь по невидимому потолку флуоресцентные мини-светильники. В результате уровень освещенности приближался к сумеркам, среди которых кое-где светлячками вспыхивали экраны

дисплеев.

Во всем огромном помещении стоял тяжелый дух перегретых электроприборов и животной крови — последний, судя по всему, исходил от запекшихся на сером бетонном полу бурых пятен. Правда, выцветшие пятна были заметны лишь в проходах между высокими рядами ящиков и картонных коробок. Эта специфическая смесь запахов нередко вызывала у визитеров доктора Кремния тошноту — зажав нос, они бросались вон из его логова, чтобы в срочном порядке глотнуть свежего воздуха.

Но только не наши Верные Друзья, которые решили показать себя героями, пусть даже всего на один день или даже час.

Дверь, скрипнув, открылась. По бетонному полу послышались шаги обутых в кроссовки ног. Затем невидимая дверь с грохотом захлопнулась, отозвавшись по всему помещению глухим эхом. Приглушенные голоса, что просочились в святая святых доктора Кремния, были моментально оцифрованы, алгоритмически искажены и лишь после этого пущены гулять под сводами склада в качестве эха.

Откуда-то из-за высоченной груды картонных коробок робко высунулись Скизикс и Хартц.

— Что-то мне все это не нравится, — шепнул другу Скизикс. — Всю мою короткую, хотя и яркую карьеру я старался избегать любого общения с доктором.

Хартц достал из кармана карамельку и как ни в чем не бывало принялся разворачивать обертку. Шуршание целлофана отозвалось в адских динамиках доктора громом небесным. Хартц положил обертку в карман.

— Ты, главное, расслабься, Скиз. Док в принципе свой парень. Мне с ним уже доводилось иметь дело. Он поставлял нам лазеры для светового шоу. Или ты забыл?

— Как такое забудешь, после того как они прожгли дырку в крыше.

— Это по моей вине. Я врубил слишком большое напряжение.

— Мне как-то немного не по себе, что приходится общаться с кем-то, кто вроде бы и не человек вовсе.

— История дока печальна, приятель. Надо относиться к таким вещам философски.

— Интересно, что в нем еще осталось от простого смертного? И вообще с чего это он заменяет в себе то одно, то другое.

Хартц ответил с полным ртом, едва не склеившимся от липкой карамельной начинки.

— Все началось после того, как его охмурила Джин Джинни. Сначала она задурила ему голову наукой, после чего заставила лить горькие слезы. В общем, в конце концов она послала его

куда подальше, и док с горя принялся удалять у себя все органы, которые, по его мнению, его предали, начиная с сердца. Вот уже много лет он существует благодаря искусственному «мотору». Как мне кажется, бедняге можно только посочувствовать.

— Не уверен. И еще один вопрос: на хрена ему сдался весь этот хлам?

Скизикс и Хартц остановились рядом с грудой бежевых пластиковых коробок, покрытых густым слоем пыли. Скизикс положил руку на гору ящиков, показывая, что он имеет в виду.

— Ау-у-у!

Гора ящиков зашевелилась и распрямилась, на глазах у друзей превратившись в доктора Кремния собственной персоной.

Вместо волос у дока была копна светопроводящих волокон, причем каждое оканчивалось крошечной светящейся точкой. Глаза были скрыты за огромными квадратными очками с двойными линзами. Кожа имела восковой оттенок. Одет док был в просторный, словно надутый комбинезон, причем плечи наподобие мантии покрывал толстый слой пыли, а еще один такой же густой слой был обмотан вокруг талии наподобие юбки.

— Привет, ребята, — произнес док.

При этом он даже не открыл рта, потому что сам голос, как у робота, доносился из вмонтированного в грудину динамика.

— П-п-привет, док. К-к-как п-п-поживаете?

— Отлично, отлично. Я тут немного вздремнул, чтобы подзарядиться. Одну секундочку, сейчас отключу источник питания, и тогда я полностью к вашим услугам.

Док потянулся к розетке и выдернул шнур, что тянулся у него откуда-то из левой подмышки. Шнур моментально намотался на невидимую глазу приемную катушку.

— Ну вот, готово. А теперь скажите, чем могу быть вам полезен?

— Харри, давай машину.

Хартц подал Скизиксу своенравную ударную установку, которую принес в переброшенном через плечо рюкзаке.

— Док, это предмет моей гордости и самая большая радость в жизни, а главное — я позволю себе несколько высокопарное выражение — неотъемлемый залог успеха моего искусства. Но теперь эта старушка словно с катушек съехала. Не могли бы вы вправить ей мозги?

Доктор Кремний с трепетом взял упрямицу в руки.

— Какое милое устройство! Какая поразительная сложность электрической схемы! Чувствуется, что барышня с характером. Джентльмены, предлагаю перейти в мой рабочий кабинет, где я смогу всецело посвятить себя этой капризной красавице.

И троица направилась в дальний угол склада, который был отделен от остального помещения высокой перегородкой на манер офисной. На этом отгороженном пространстве стоял холодильник (к которому изолентой была приклеена картинка с изображением компьютера «IBM-370» и надписью «Мамочка»), стол, на каком хирурги обычно осматривают своих пациентов (в его изголовье с бобины свисало на пол жатое бумажное полотенце), и пара стульев. Вся эта, явно принесенная откуда-то со свалки, мебель стояла на грязном, затоптанном ковре.

Доктор Кремний положил ударную установку на стол, расстегнул молнию на футляре и вынул машину.

— Располагайтесь. Чувствуйте себя как дома, — обратился он к гостям, — а я тем временем присоединю нашу красавицу к источнику питания.

Скизикс сел, хотя и с неохотой. Хартц занял позицию поближе к холодильнику.

— Эй, док, тут у вас даже поживиться нечем, одно какое-то липкое дерьмо. Интересно, чем вы угощаете своих гостей?

Голос доктора Кремния донесся откуда-то из-под стола, где он, стоя на четвереньках, искал в этот момент розетку.

— Это концентрат аминокислот. Усваивается на все сто процентов. По крайней мере таким организмом, как мой. Можете попробовать.

— Нет, я уж лучше полижу обертку от леденца.

Наконец док вылез из-под стола и склонился над ударной установкой, которая теперь светилась сигнальным рубиновым огоньком.

— Ах ты моя красавица, — приговаривал он, — давай я взгляну, что там у тебя внутри. — С этими словами он приоткрыл корпус. — Ой, что это? Корректор квантового сдвига… Тюнер энного измерения… Гибридные участки… Хм-м-м. — Доктор Кремний поднял взгляд на Скизикса, который тотчас сжался под взглядом его радужных глаз. — Да, сынок, ты создал себе красотку. Настоящая примадонна, хотя и слегка пугливая, как чистых кровей рысак. Неудивительно, что она то и дело взбрыкивает, показывает свой норов.

— Да нет, док, до недавнего времени она вела себя смирно.

— Ах уж эти женщины! Существа непостоянные, от них можно ждать чего угодно. Ну что ж, визуальный осмотр дал мне все, что мог. Теперь мы испробуем ее изнутри.

С этими словами док вскарабкался на стол. Опустившись на колени перед беспомощной ударной установкой, он открыл в промежности клапан и, засунув туда руку, извлек на свет божий телескопический член, ощетинившийся усиками наподобие

французского презерватива.

— Господи Иисусе, — прошептал Скизикс. — Мне этого не вынести.

— Ты только не заходись, Скиз, — приободрил друга Хартц, кладя руку ему на плечо. — Док знает, что делает.

— Да, но только не то, что он сейчас намерился сделать с моей славной крошкой, с моей ударной установкой!

— Ага, где тут у нашей девочки гнездышко аудиовхода? Не надо стесняться, моя милая. Ага, вот он, а теперь раздвинь ножки для папы. Ах-х-х!

— Это чудовищно! — взвыл Скизикс. — Я не могу смотреть на это без содрогания!

И он отвернулся.

Из громкоговорителя на груди Дока теперь доносилась невообразимая смесь сопения, хохота и электрических помех, как из зашкалившего трансформатора: З-з-з-з-р. К-з-к-з. Б-з-б-з. П-з-з-т. Этих звуков было достаточно, чтобы Скизикс наглядно представил себе, какому жуткому надругательству подвергается в эти мгновения его милое детище.

Наконец омерзительные звуки достигли своей кульминации и в следующий момент стихли. Скизикс осмелился поднять глаза.

Доктор слез со стола. Губы его оставались плотно сжатыми. Он убрал в промежность свой фаллический щуп и теперь закрывал клапан. По пластиковой ноге стекала струйка машинного масла.

— Да, такой горячей пташки на полупроводниках я давно не встречал, сынок. Ты с ней смотри, обращайся бережно.

— А я что делаю! Это все она. Она, негодница, отказывается делать то, что я от нее жду.

— Это не ее вина, мистер Смэш. Видите ли, все эти схемы, которые вы в нее напихали, создали некий кумулятивный эффект, и теперь внутри вашей красавицы поселился Дух Противоречия.

— И что, по-вашему, мне с ним делать?

— Боюсь, ответ на этот вопрос вне пределов моей компетенции. Здесь мы переходим из области физики в область метафизики. И есть только один человек, способный вам помочь.

— Кто же это?

— Худу Гуру.

Де Худу Гуру, он всюду ходит босой. А все потому, что он самый крутой. Он считает по два или по одному, потому что так виднее ему, угу! Он говорит: «Один плюс один плюс один будет три». И он хорош собой, а как иначе, скажи? Если ты родом с юга, с Гаити иль с Ямайки. По это все одно, точно вам не скажет никто,

даже всезнайки. Он Король в изгнании, он здесь навсегда, хотя и родился не в Штатах — да! В его жилах морская вода, а в мозгах стихи. Он ходит и поет на ходу «Воп-боп-ша-бэм!», и так всегда, ведь он крутой, ведь он повсюду ходит босой и ему наплевать, что там говорят, ведь он самый…

Хартц со злостью пнул ногой ошметки обвалившейся штукатурки. В облезлом потолке зияли дыры, в которых виднелись балки перекрытия. На стенах экзотическими цветами цвели комки плесени, питаясь остатками обоев, которые появились здесь во времена Великой Депрессии, и обойным клеем. Двери, что вела бы на улицу, не было и в помине. Зато в дверном проеме застыла фигура Скизикса — он никак не мог заставить себя переступить порог.

— Эй, Скизер, давай заходи.

— Харри, я позволил тебе уговорить меня последовать за тобой из Бостона до этой великой помойки, известной как Нью-Йорк…

— И?

— Как только мы оказались здесь, я рискнул покинуть относительно безопасные пределы Коламбус-авеню, чтобы оказаться в этой жуткой дыре под названием Нижний Ист-Сайд.

— И?

— Но теперь я намерен поставить точку и заявляю тебе, что отказываюсь переступить порог этого омерзительного клоповника. Неизвестно, что ждет нас внутри — опустившиеся, подсевшие на иглу типы, жулики, грабители, убийцы, готовые отрезать первому встречному яйца, утратившее человеческий облик отребье. Или вообще какие-нибудь монстры-мутанты.

С этими словами Скизикс с вызовом скрестил на груди руки.

— Ты все сказал?

— Да, все, что ты слышал.

— Тогда позволь мне тоже сказать тебе кое-что. Ты что, думаешь, мне здесь нравится? Я что, по собственному желанию оказался в этом бомжатнике? Можно подумать, мне больше нечем заняться! Единственная причина, по которой я нахожусь здесь, — это то, что я согласился помочь тебе вылечить чертову ударную установку. И, выполняя порученное мне дело, хочу напомнить тебе, что этот адрес я взял не из собственной головы. Нам его дал доктор Кремний, чтобы мы с тобой могли найти Гуру. Он наша последняя надежда. И если сейчас ты собрался пойти на попятную и слинять отсюда или даже готов записать второй альбом при помощи этой твоей съехавшей с катушек бормашины, то…

Скизикс убрал с груди руки и переступил порог.

— Хватит, проехали. Я вижу, в чем я не прав. К тому же я не настолько горд, чтобы мне было стыдно просить. Давай уж доведем дело до конца, иначе зачем мы сюда пришли.

— Ты не хочешь немного подержать эту твою шизофреническую бормашину?

— Нет, между нами временно все кончено.

— Ладно, пошли, — устало вздохнул Харри, и друзья двинули дальше, ища признаки обитания Худу Гуру.

Пока они шли, Харри запустил руку в карман, проверяя, чем бы ему на ходу подкрепиться. И вскоре извлек из карманных глубин нечто похожее на длинную тонкую колбаску в пластиковой упаковке. Освободив конец от целлофана, Харри с вожделением поднес ее ко рту. Колбаска же продолжала расти у него из кармана, пока не достигла в длину около трех футов.

— Это еще что за хрень такая? — удивился Скизикс.

— Сто футов говяжьей колбаски на катушке. Идею я позаимствовал у доктора Кремния. Помнишь его шнур питания?

Осторожное, но вместе с тем доскональное исследование трех верхних этажей допотопной многоквартирной халупы не выявило никаких признаков обитания здесь Худу Гуру. Совсем отчаявшись, парочка друзей в конце концов вновь оказалась на нижнем этаже, перед темным дверным проемом, что вел в подвал.

— Подозреваю, что нам надо спуститься вниз, — высказал предположение Скизикс.

— Точняк, — поддержал его идею Хартц.

Никто из них не додумался захватить с собой карманный фонарик, поэтому им пришлось на ощупь пробираться по шаткой выщербленной лестнице. Спустившись вниз, до лестничной площадки, они на минуту остановились, чтобы глаза могли привыкнуть к темноте. Откуда-то издалека сочился слабый, едва различимый рассеянный свет. Друзья осторожно принялись пробираться в его направлении.

После долгого пути — обоим показалось, будто они преодолели не одну сотню миль — друзья наконец вышли к чему-то вроде шатра, устроенного из свисавших с потолочных балок одеял. Именно оттуда и сочился загадочный свет. Скизикс взялся за одну полу шатра, с сомнением посмотрел на друга и отвел край одеяла в сторону.

Худу Гуру поднял глаза.

Он сидел на подушке в позе лотоса, наполняясь энергией кундалини. На первый взгляд это был довольно-таки молодой человек. На голове его подобно компостной куче высилась, ниспадая до плеч, огромная копна дредов, перемешанных с

соломой и глиной. Кожа у Гуру была цвета лакрицы, огроменный нос в пол-лица и широченная улыбка, которой он приветствовал гостей. Ногти его были такой длины, что вполне сошли бы за ножи для разрезания конвертов. Одет он был в зеленый рабочий комбинезон с отвисшим задом и фланелевую рубашку с оторванными рукавами. При этом от Гуру воняло как от мешка с грязным бельем — начиная от голых пяток и до кучерявой макушки.

В одном углу его шатра друзья разглядели ящик, в котором обитала живая, хотя и довольно-таки невеселого вида курица. На принесенных откуда-то со свалки полках выстроились ряды флаконов с таинственным зельем, пакеты с порошками, амулетами и приворотными талисманами.

— Привет, друзья, — произнес Гуру, — заходите и будьте как дома.

— Уговорил, — откликнулся Скизикс, — если ты уверен, что мы тебе не помешаем…

— Да нет, приятель. Я уже давно поджидал вас. Но помочь ничем не мог, потому что любой, кто пришел сюда, должен добиться всего сам.

Хартц и Скизикс тоже опустились на подушки.

— Это ты к чему, приятель? — поинтересовался Хартц. — Какие проблемы, мы нашли сюда дорогу в два счета.

Гуру еще шире расплылся в улыбке.

— Вы так считаете, ребята? Вам кажется, будто вы знаете, где находитесь? Тогда я прямо сейчас просветлю вам мозги.

Гуру поднялся, шагнул к одеялу и отвел край в сторону. Взгляду друзей предстала цементная стена, а посередине ее дверь, которую Гуру и открыл.

Золотистый песок поросшего пальмами пляжа, что, изгибаясь, тянулся куда-то вдаль, казался еще ярче под ослепительным карибским солнцем. В лицо гостям ударил соленый морской ветерок.

— Да, умеют люди делать спецэффекты, ничего не скажешь, — начал было Скизикс, но тотчас осекся, потому что с океана на них неслась огромная волна, с каждым мгновением подкатывая все ближе, ближе и ближе.

Вот она ударила о кромку песка, вот уже затопила пляж…

И наконец вспенилась у ног друзей прибоем, замочив им кроссовки.

Гуру как ни в чем не бывало закрыл дверь и вернулся на свое прежнее место.

— А теперь, друзья мои, чем я могу вам помочь, раз вы пришли издалека?

Вместо ответа Хартц положил перед Гуру ударную установку.

— В наш инструмент, — заговорил вместо него Скизикс, — как бы это выразиться, вселился Дух Противоречия. Теперь у моей ударной установки собственная воля или что-то в этом роде. И нам бы хотелось, чтобы ты этот дух ну вроде бы как изгнал, ну или по крайней мере вступил с ним в контакт. Как хочешь, главное, чтобы наша машина работала, как раньше.

Гуру опустил свои огромные двухцветные лапищи на корпус ударной установки.

— Да, чует мое сердце, что внутри поселились два огромных гоммида. Тут без Большой Медицины никак не обойтись. Просьба ко всем раздеться донага.

Ничего не поделаешь, Хартц и Скизикс были вынуждены последовать примеру Гуру и сбросили с себя одежду, после чего карибский мудрец с ног до головы умастил их оранжевой мазью, от которой вовсю несло тухлой рыбой. Затем откуда-то — друзья так и не поняли откуда — в его руках оказался огромных размеров косяк с марихуаной. Гуру зажег самокрутку, затянулся сам и пустил се дальше по кругу. Вскоре весь шатер наполнился ароматной дымкой, отчего у каждого из участников таинства открылся Третий Глаз.

Неожиданно в руках у Гуру оказалась апатичная курица. На глазах у ошеломленных визитеров Гуру своим острым, похожим на нож ногтем взрезал ей горло и отпил немного теплой крови, а остатками окропил свою немногочисленную паству. После чего, дотронувшись до машины, заговорил нараспев:

Папа Легба и Святой Боб Марли,
Зову вас на помощь, без вас смогу едва ли.
Придите ко мне оба из-под земли,
Босыми пятками шагая по пыли.
Придите, помогите изгнать злого духа,
Смотрите, не тяните, без вас мне туго!

До сих пор все, можно сказать, шло гладко. Скизикс даже проникся надеждой, что, возможно, ХГ, как он окрестил про себя Худу Гуру, сумеет вправить мозги обезумевшей ударной установке. Однако вскоре, по мере того как Гуру читал свои заклинания, дела приняли довольно-таки странный оборот.

Начнем с того, что дреды на голове Гуру встали дыбом и теперь торчали этакой витой проволокой во все стороны, напоминая взрыв на макаронной фабрике. После чего сам Гуру рухнул на пол и начал извиваться, словно желая побороть невидимого глазу противника. Тело его билось в конвульсиях,

словно попавшая на крючок рыба. Из ушей и носа летели искры. Суставы трещали, будто хлопушки. А чуть выше над ним повисло нечто воде светящегося нимба.

Скизикс и Хартли, испуганно втянув головы в плечи, забились в угол и с ужасом ждали, что же произойдет дальше.

Наконец борьба с незримым противником, судя по всему, прекратилась. Де Худу Гуру какое-то время валялся на полу, в изнеможении закрыв глаза. Затем устало поднялся на ноги.

— Приятели, я побежден. Внутри вашей вавилонской штуковины засели два сильных *anjonou.* И они отказываются покидать ее.

— *Anjonou?* Это еще что такое?

— Духи мертвых.

— И как их зовут?

— Кейт и Джон их имена.

Хартц посмотрел на Скизикса.

Скизикс посмотрел на Хартца.

— Только не они! — воскликнул Скизикс.

— Они самые! — подтвердил Хартц.

Значит, вот оно что, подумал Скизикс. Черт, труба дело. Пиши пропало. Можно сказать, вляпался в дерьмо по самые уши.

Прошло две недели с тех пор, как Де Худу Гуру мужественно, в героическом поединке пытался изгнать из Ударной Установки засевших в ней Духов. (Надо заметить, что одна из этих двух недель ушла на то, чтобы выбраться из жуткого ист-сайдского подвала назад, на свет божий.) Скизикс и Хартц плутали, пока не натоптали себе мозолей, по бесконечной кромешной тьме. От их тел омерзительно несло Волшебной Рыбной Мазью, а сами они лили горькие слезы, оплакивая себя, любимых, и ругая на чем свет стоит Судьбу-Злодейку. Питались они скудными запасами Хартца, его намотанной на катушку колбасой, запивая сухомятку вонючей водой из глубоких луж, где плавали, поблескивая люминесцентной чешуей, слепые рыбы, которые несли всякую тарабарщину. Друзья взбирались на горы и спускались в долины. Они то и дело набивали на лбу шишки, натыкаясь во тьме на ледяные сталактиты, или, шатаясь, брели по каменистым пляжам. И уже совсем пали духом, полагая, что им никогда не выбраться из этого кошмарного подземелья. Даже грязная, заваленная мусором и телами наркоманов Авеню-Д казалась им теперь раем небесным. Правда, в конце концов судьба улыбнулась им — Худу Гуру прислал им на помощь Барона Субботу, демиурга, который, не проронив ни слова, вывел их к нижней ступеньке лестницы, ведущей наружу.

Как только Скизикс вернулся из Нью-Йорка домой, он тотчас направился к себе в студию, исполненный решимости завершить работу над альбомом один, без помощи одержимой зловредными духами машины — тем более что сроки уже поджимали.

Но так ничего и не сделал. Скизикс Смэш — тот самый, кто когда-то сочинял по песне в день на протяжении целого месяца, был не в состоянии выдать даже несколько самых примитивных нот. Вдохновение напрочь оставило его. Взяло и упорхнуло в форточку, зато в душе его поселись скука и отчаяние. И дело не в том, что он лишился любимого музыкального инструмента. Скизикс засомневался, что вообще способен сочинять музыку, тем более хороший рок-н-ролл. Так не махнуть ли на все рукой — тоже мне звезда! — и не заняться ли чем-то другим? Ведь кто он теперь такой? Безгласный колокол, рояль без клавиш, гитара без струн, синтезатор без чипов. В общем, ничего хорошего ему не светит, пора прикрывать лавочку.

В четыре утра Скизикс пробудился от липких Калифорнийских Кошмаров. Сбросив пропитанные потом одеяла, он, чувствуя себя абсолютно разбитым, выкарабкался из постели, что стояла у него прямо в студии. Ему казалось, что минуты его сочтены. Что же ему теперь делать? Увы, этого он не знал.

Рухнув на колени перед Великой Консолью для микширования звука, Скизикс принялся истово молиться — по крайней мере как, по его мнению, это следовало делать.

— Дорогой Господь, пошли мне, грешному, «мерседес-бенц»…

Нет, это он явно сморозил что-то не то. Надо попробовать с самого начала.

— Великий Бодхисатва, веди меня, неразумного, за руку, открой мне сокровищницу твоей Японии, сияние твоего Китая! Ведь должна же существовать высокая, чистая любовь. Потому что если веришь в то, чего не в состоянии понять, то это суеверие. Дух Небесный, я, ничтожный, взываю к тебе, согрей меня любовью! Я не могу испить это вино и назвать его кровью. Мою землю взрезает лезвие плуга. Я Король Боли. Все ищут лестницу, мечтая спасти свои души. Я оторван от дома за две тысячи миль. Помоги мне, Ронда, помоги мне вырвать ее из моего сердца!

И, горько плача, Скизикс повалился на пол.

Когда же слезы его иссякли, он почувствовал в комнате чье-то Присутствие. Слегка удивленный, он приподнялся, опершись на локоть, и оглянулся.

Из предательницы, из ударной установки откуда-то вверх выпорхнули два еле различимых облачка. Еще мгновение, и из расплывчатых, подрагивающих белесых пятен они превратились в

привидений.

А чтобы эти две бесплотные фигуры могли пребывать в вертикальном положении, их «тела» были приколочены к двум крестам, сделанным из гигантских барабанных палочек. Именно к этим двум крестам и были пригвождены Кейт и Джон. Оба были наги, если не считать набедренных повязок из британского флага. А из ужасных, зияющих ран капала прозрачная жидкость, от которой попахивало джином. Вскоре на полу образовались две внушительных размеров лужи. Сами тела ощетинились иглами от шприцев — ни дать ни взять святой Себастьян собственной персоной, причем сразу в двух экземплярах. В руках у каждого привидения были барабанные палочки — уже обычных размеров.

— Кто вы? Кто вы такие? — пролепетал Скизикс.

— Можно подумать, ты сам не знаешь, — отвечал ему Кейт.

— Откуда вы взялись?

— Спустились по лестнице, что ведет в небо, прямиком в твою машину, — ответил Джон.

— Но почему? Зачем вам понадобился я?

— Потому, — печально отвечал Кейт, — что нам больно смотреть, во что выродился старый добрый рок. И ты в числе тех, кто в этом больше всего повинен.

— Но что я такого сделал? Я лишь пытался играть рок-н-ролл по-своему, так, как мне нравится.

— Что ж, в том нет никакого греха, — пояснил Джон, — но ты позволил своему «я» разрастись до невероятных размеров. Тебе хотелось делать все одному. Только ты и твоя электронная *техника!* Но Рок это не машины! Рок — это люди, это родство человеческих душ! Для него нужны настоящие ударники, как, например, мы. Почему мы умерли?

— Виноваты наркотики, алкоголь, секс?

Привидения слегка засмущались.

— Что ж, и такое бывало. Но это еще не все. Мы умерли, потому что сожгли себя, создавая великую музыку. Неужели ты думаешь, что машина сотворит для тебя нечто хотя бы отдаленно похожее?

— Не знаю. Мне казалось, что у меня все в порядке по этой части, но теперь я уже не уверен.

— Ты должен начать работать с живыми музыкантами, — потребовал Кейт.

— Господи Иисусе, вы хотя бы отдаете себе отчет в том, сколько сегодня стоит нанять хорошего музыканта? Да у меня отродясь не было таких денег! А мой звук? Что будет с моим фирменным звуком?

— А ты его поменяй.

— Не могу! Вы, парни, безнадежно отстали от времени. Да вас пора списывать в утиль! Людям сегодня нужна совершенно другая музыка. И если я перестану для них ее сочинять, то мои продажи моментально покатятся к чертовой бабушке вниз. И где тогда, скажите на милость, окажемся мы с вами? Вы и я? Да нигде! Про нас в два счета забудут!

— Да, видать, с тех пор как мы сыграли в ящик, все изменилось в худшую сторону. Но это значит, что ты должен все изменить. Согласен, наверное, мы малость устарели. Зато в отличие от других можем моментально отличить хороший Рок от всякого Дерьма.

— Вы требуете от меня невозможного! Я кончу тем, что моя музыка окажется в мусорной корзине независимо от того, последую я вашему совету или нет. Есть только один способ удовлетворить сразу и ваши, и мои желания — но это невозмож…

Скизикс осекся.

Невозможно? Но почему?

Или он зря удостоился прозвища Смэш Сочинитель Хитов?

Он поднялся на ноги.

— Послушайте, ребята, предлагаю вам сделку.

И он пустился в объяснения.

Кейт и Джон переглянулись (довольно-таки неуклюже, принимая во внимания, что каждый из них был пригвожден к кресту).

— Что ж, по-моему, должно получиться, — произнес Джон. — Ведь мы не Дурни, что Попали под Дождь.

— И Нас Второй Раз не Проведешь, — добавил Кейт.

— Вот увидите, братцы, мы покажем им, на что способны!

— Уговорил, только помни, мы следим за каждым твоим движением.

Духи Музыки начали на глазах бледнеть, растворяясь в воздухе, и вскоре исчезли внутри ударной установки. Когда они полностью скрылись из виду, Скизикс пустился в пляс.

— Я свободен! Я свободен! А свобода — это жизнь! Как давно я не играл рок-н-ролл! И вдруг теперь я вижу все на многие мили вокруг!

Хартц бодрым шагом вошел в студию Скизикса. В руках у него был ворох журналов — «Пипл», «Роллинг стоун», «Спин» — и все как один с портретом его друга на всю обложку.

— Скизикс, ты гений!

Оторвав глаза от клавиш синтезатора, Скизикс расплылся в улыбке.

— Да брось ты, Харри, это все ерунда. Любой с такой

техникой выдал бы музон не хуже!

Опустившись на стул, Хартц тотчас полез в карман. Нет-нет, на этот раз никаких колбасок. За Неделю Плутания в Потемках Излюбленное Лакомство успело порядком ему опротиветь. Так что сегодня Хартц извлек из кармана Шоколадный Батончик — кстати, тот даже не растаял в кармане его мохерового костюма. Открыть секрет? Его владелец установил там мини-холодильник, провода от которого тянулись к электрическим ботинкам.

— Только не надо скромничать, Скиз! Где ты видел, чтобы в десятку лучших хитов «Биллборда» попадали сразу три альбома одного автора? Один раз ты проходишь как исполнитель, а в двух других случаях как продюсер!

— И разумеется, мой фанк занимает там Самую Верхнюю Строчку! Я же предупреждал этих двух алкашей с того света — их вещам никогда не тягаться по популярности с моими. Что ж, должен признаться, для меня полная неожиданность, что им вообще удалось пробиться на вершину хит-парадов.

— И пока никто не догадывается, что за именами барабанщиков на новых альбомах «Зе Ху» и «Лед Зеппелин» кроется твоя электронная ударная установка — кстати, должен сказать, старушка уже давно не выдавала ничего даже отдаленно похожего на то, что она выделывает на этих альбомах, — думаю, никто не будет иметь ничего против.

— Что ж, наверное, так оно и есть, — согласился Скизикс, правда, без особого энтузиазма.

— В чем дело, Скизер? — обеспокоился Хартц. — Эти два чувака пристают к тебе с новыми требованиями?

— Нет. Они в принципе не против, чтобы я пользовался их машиной в своих целях. И вообще вошли во вкус и теперь тащатся от своего нового инструмента. Просто дело в том, что…

— Ну давай, Скиз, говори, не тяни резину.

— В общем, звукозаписывающие компании потребовали, чтобы все три группы немедленно отправились на гастроли. Каждая в свое собственное турне.

«The Moon-Bonham Effect». Перевод А. Бушуева

МОЯ ЖИЗНЬ С ГИГАНТАМИ

Этот рассказ, равно как и на новеллу «Виктория», мне навеяла песня. Нет, конечно, не та же песня группы «Кинкс». На сей раз это был Питер Габриель и его «Большие времена». Пытаясь воспроизвести головокружительную сатиру Габриеля, я обратился к одной из старейших научно-фантастических моделей — к «Гулливеру» Свифта. Приправил классику нашей одержимостью звездами таблоидов, а дальше рассказ практически написался сам собой.

Потрясающий фантаст Джерри Форд, кажется, воспользовался тем же рецептом в своем рассказе «Город экзоскелетов». Только вот оказали ли наши совместные попытки целительное воздействие на порабощенную публику? Конечно же, нет. Впрочем, что-то подсказывает мне, что и Свифт был крайне разочарован воздействием своих трудов.

Когда я сидел в фонтане с газировкой, меня обнаружила гигантша, называющая себя Джейн Мэнсфилд.

Она подъехала в огромной машине — красном «корвете» с откидным верхом и нутром из белой кожи. Каждое колесо размером с небольшой автомобиль. С моего места складной верх «корвета» показался размером с Техас. Мотор на холостом ходу ревел почище Ниагарского водопада.

Джейн одной гигантской рукой небрежно держала руль, выставив в окно массивный загорелый локоть. На ней была цыганистая блузка с низким вырезом, предлагающая взору нечто, напоминающее Гранд-Каньон. Добавьте к этому платиновые сережки и ожерелье под цвет волос.

— Привет, симпатяга, — сказала она. — Что занесло столь приятного парня в такую дыру?

Поначалу я даже не нашелся что ответить — я ведь никогда

раньше не разговаривал с гигантами. Нет, конечно, я знал их не хуже собственного отражения в зеркале. Как и все прочие, я бесконечно видел их изображения по телевизору, в газетах, журналах, кино, на рекламных щитах и даже иной раз издалека в реальной жизни. Но гиганты редко общаются с нами — маленьким народцем, и я не был уверен, как себя вести.

Да к тому же и репортеры уже начали подъезжать в своих фургонах, почуяв запах основной их темы — гигантов. Тут я по-настоящему занервничал. Я ведь прекрасно знал, что любое мое слово мгновенно разнесется по всему свету, будет напечатано в сотнях вечерних газет, проанализировано и разобрано по косточкам смертными вроде меня, мечтающими о том, чтобы с ними заговорил гигант.

Так что я с минуту сидел в фонтане, обдумывая, что бы ответить. А Джейн смотрела на меня с улыбкой, выставляющей напоказ сверкающие зубы размером с клинок лопаты каждый.

Наконец я решился. Черт, хоть и не каждый день ко мне подходят гиганты, не в обморок же мне грохаться. Я ответил так, как ответил бы любому моего роста.

— Просто делать нечего, — ответил я, как мне казалось, вполне безразличным тоном.

— И часто ты так проводишь время? — поинтересовалась она — камеры так и трещали вокруг.

Меня так просто не возьмешь.

— Если вы имеете в виду беседы с гигантами, то нет. А если вы насчет фонтана — что ж, я всегда сижу в фонтане, когда у меня паршивое настроение.

На лице Джейн отразилось удивление с легким оттенком брезгливости.

— Тебе не кажется, что это немного… противно?

Тут она попала в точку. Я поднял из коричневой жидкости руку, чтобы протереть глаза от кока-колы — впрочем, брызги от фонтана тотчас же снова залили мне лицо.

— Что есть, то есть. Зато настроение улучшается.

— Мило, мило. — Какое-то время она рассматривала меня, склонив набок гигантскую голову. — Итак, отчего же у тебя плохое настроение?

— А почему у вас хорошее?

— Потому что я имею все, что пожелаю.

— Неплохая причина.

Я не стал продолжать и ждал, что еще она скажет.

Джейн надула розовый пузырь примерно из четырех тонн жевательной резинки. Розовая сфера получилась размером точь-в-точь с воздушный шар Малколма Форбса. Я имею в виду старые,

не те, на которых он перемещается сейчас. С грохотом пушечного выстрела шар лопнул, и Джейн втянула резинку серебристыми губами.

— Как тебя зовут, дружок?

— Марион.

— Имя или фамилия?

— К сожалению, имя.

— Не пойдет, никак не пойдет…

Джейн сосредоточенно о чем-то размышляла. Я не спрашивал, для чего должно подойти мое имя.

— Ты какой-то оборванный. Встань, пожалуйста.

Что за дьявольщина, она сказала «пожалуйста». Я встал, и карамельная жидкость потекла с моей мокрой одежды.

— А ты большой, — сказала Джейн и улыбнулась. Я почувствовал, как не к месту звучит это слово по отношению к нам, маленькому народцу. — Я имею в виду, среди вашей породы.

Она еще какое-то время задумчиво рассматривала меня.

— Ладно, Марион, слушай внимательно. Я искренне верю в совпадения, судьбу, звезды и все такое прочее. Давай дадим тебе шанс. Я бы сказала, ты можешь быть Джоном Уэйном.

Я пожал плечами.

— Хорошо, я Джон Уэйн. И что с того?

— Почему бы тебе не вылезти из фонтана, чтобы мы могли поговорить?

— Ладно, я как раз уже тут закончил.

Я не собирался позволить ей командовать. Не стоит начинать знакомство на неверной ноте. Моя нога замерла на краю бассейна.

Знакомство? Какое еще знакомство?

Черт побери, что я дурака-то валяю? Вечно со мной так. Тут такое везение, камеры стрекочут, сверкают фотовспышки, репортеры что-то строчат в своих блокнотах. Я прямо-таки почувствовал, как расту на глазах.

Слишком близко подойти к машине я не мог, так как просто не увидел бы Джейн. А потому остался стоять на некотором расстоянии.

— И что теперь? — вежливо поинтересовался я, надеясь, что голос мой не звучит подобострастно.

— Полезай в машину.

— Но моя одежда… я же всю обивку испачкаю. Черт, поглядите, и так уже вся машина испорчена!

Я показал на капот «корвета», где брызги колы уже начали разъедать вишневую краску.

— Да плюнь ты, — проговорила она. — Починят. Замолчи и

полезай в машину, пока я не передумала.

Джейн распахнула пассажирскую дверь. Словно невидимый Али-Баба услышал мое непроизнесенное «Сезам, откройся!». Я даже отпрыгнул, чтобы меня не пришибло.

— Давай, — нахмурилась Джейн. — Полезай!

Легче сказать, чем сделать. Я направился к машине, стараясь не обращать внимания на стрекот камер вокруг. Пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватиться за порог. Еще несколько нечеловеческих усилий, и я оказался на чем-то, напоминающем акр грязного автомобильного коврика. Еще серия акробатических упражнений, и вот я наконец на кожаном кресле.

Я взглянул на возвышающуюся рядом Джейн. Все равно что смотреть на Колосса Родосского. Посмотрев на горы грудей, я почему-то попытался представить себе лифчик.

— Неплохо для начала, — заметила она, потянувшись закрыть дверь, хлопок которой едва не оглушил меня.

Джейн нажала на газ, и меня вдавило в сиденье.

Судя по всему, вскорости придется много к чему привыкать.

Особняк Джейн занимал часть города, где в прошлом располагался целый квартал. Огромный участок земли был отчужден государством и отдан гигантам, едва они заявили о себе. Все полагали, что этого им хватит с лихвой. Сотни человек за полгода снесли все старые строения, вывезли мусор, разровняли землю и уложили зеленый торф на лужайке размером с Центральный парк.

Потом пришли гиганты и построили на освободившемся месте одно-единственное здание.

По всей стране спешно принялись расчищать еще земли и отдавать их гигантам.

Кроме горстки скептиков, никто особо не возражал. Вскоре как-то так получилось, что мы и помыслить себе не могли жизни без гигантов. Они привнесли блеск в обыденную, серую жизнь. Мы словно под ярким солнцем грелись в лучах их славы. Гиганты стали своего рода талисманами, с ними жизнь наша обрела смысл.

Джейн отперла гаражную дверь пультом дистанционного управления размером с холодильник, и мы въехали внутрь. Наверное, так чувствует себя тот, кто впервые попал в ангар, где НАСА строит свои ракеты-носители.

— Отлично, Джон, пошли, — заявила Джейн.

Поначалу я не понял, о чем это она. Потом дошло — ведь я теперь Джон Уэйн. Что ж, будем надеяться, эту роль я не провалю.

Произведя в обратном порядке серию процедур, которые

потребовались мне, чтобы забраться в машину Джейн, я наконец оказался на полу. Джейн зашагала к дверям, ведущим в дом, и, чтобы поспеть за ней, мне пришлось мчаться со всех ног. При этом еще и огибать масляные пятна размером с небольшие озера. Когда я добрался до двери, Джейн уже скрылась из виду.

Внутри жилище Джейн было сплошной блеск: парча и хрусталь, полированное дерево и сияющий мрамор, бархатные портьеры и серебряные люстры. Все казалось мне странно знакомым, и я не мог понять почему. Наконец до меня дошло: я сотни раз видел все это по телевизору и в кино — мириады комнат, заполненных такими, как Джейн.

Не помню, упоминал ли я, что Джейн пользовалась духами. Она пахла как оранжерея с фрезиями, так что мне не составило труда следовать за ней по запаху, попутно изучая незнакомую топографию ее особняка… и в конце концов я обнаружил Джейн в спальне.

Она сбросила туфли и уже стаскивала штаны, когда я, задыхаясь, закончил восхождение по ступенькам.

— Поторопись, Джон, мы должны немедленно заняться сексом.

Я попытался выровнять дыхание.

— Это что, часть трудового соглашения?

— Не глупи. Твою новую жизнь едва ли можно назвать работой. Тебе положено наслаждаться.

Джейн стянула слаксы уже до колен. Трусиков она не носила. Зрелище ее лобковых волос потрясло меня — толстые и густые, они напомнили мне то, что осталось от амазонских джунглей.

— Я как-то с трудом представляю, что я тут могу сделать…

— Ах, поначалу, конечно, будет сложновато, но потом все наладится. Секс с гигантом поможет твоему росту. Тебе теперь без этого никак, Джон.

Я поежился — винить-то, кроме себя, некого. Удобно, неудобно, теперь придется делать то, что скажет Джейн. Обратного пути нет.

Я начал раздеваться, бросая на пол мокрую одежду.

Джейн наклонилась, чтобы окончательно снять штаны. В общем, не было никакого смысла в том, чтобы представлять ее лифчик — она его не носила. Груди выпрыгнули из блузки — точь-в-точь как груди той, настоящей Джейн в знаменитом фильме.

Я, как идиот, не мог отвести взгляд от их китовых размеров.

— Поторопись, — повторила Джейн.

Я поторопился. Джейн уже лежала на кровати — я еще стоял на коврике. В конце концов я уцепился за провод бра и, как

заправский канатоходец, пополз вверх. Добравшись до прикроватного столика, я бросил взгляд на Джейн — она простиралась на мили.

Я знал, никаких занятий любовью не будет.

Мне предстоит исследовать континент.

Я глубоко вздохнул и прыгнул на мягкий матрас.

Подобно Льюису и Кларку, я приступил к составлению карты неведомых земель. Перебирался через горы, шагал по долинам и, наконец, добрался до того, что выглядело как дельта Миссисипи. Не знаю, какое там удовольствие получила Джейн от моего путешествия, но я уже не жалел, что отправился в путь. И тут в голову мою пришла одна мысль.

— Джейн… а камеры сейчас нас снимают?

— Само собой. Камеры никогда не выключаются.

— А нельзя их… как-нибудь…

— Ты хочешь вырасти или нет?

Я прикинул, что мы с Джейн могли бы делать, будь у меня подходящие габариты.

— Да.

— Тогда камеры должны работать. Без видео роста не будет.

Последние сомнения отпали — отныне я буду делать все, что скажет Джейн.

* * *

Жить с Джейн и ее приятелями-гигантами оказалось не так уж и плохо, хотя я пока еще и не вырос до их размеров. Большую часть времени мы с Джейн занимались шопингом, обедали в ресторанах и занимались нашим весьма своеобразным сексом. Само собой, шопинг был по большей части просто шоу, поскольку в наших маленьких магазинчиках Джейн мало что могло заинтересовать. Ритуал состоял в прогулке по улице, ахов и охов у зеркальных витрин — главное, чтобы все происходило на виду. Поспевать за Джейн было не просто, но я как-то справлялся. Иногда мне удавалось проехаться верхом на ее ручном леопарде. Поначалу я побаивался его, но Джейн объяснила, что как пища я для него все равно что корка хлеба для кошки.

Я видел в жизни разных кошек, и слова Джейн не слишком убедили меня, но в конце концов я привык сидеть на густой шкуре за ошейником, прямо под поводком толщиной с канат Бруклинского моста.

По нескольку раз в день я смотрел на себя в зеркало, пытаясь обнаружить признаки роста. Через несколько недель мне

показалось, что происходят какие-то сдвиги. Я спросил Джейн.

Она нахмурилась.

— Ты, несомненно, растешь. Но недостаточно быстро. Что-то не так. Может, публика еще не готова признать тебя Джоном Уэйном. Надо уделить больше времени твоей раскрутке. Ты тренируешься растягивать слова?

— Ка-а-анешна-а, мисси. Ста-ара-аюсь, ка-ак ма-агу.

— Ну-ну. Это уж слишком.

— Виноват.

На лице Джейн появилось выражение сосредоточенности.

— Нужно устроить в твою честь гала-вечеринку. Это поможет росту. Прямо сейчас начну людей обзванивать.

Мы с Джейн побывали уже на многих вечеринках, но ни одна из них не устраивалась в мою честь. Оставалось надеяться, что трюк сработает. Время было назначено — ровно через неделю, — и приглашения размером с доску объявлений отправились к адресатам.

А жизнь пока шла своим чередом: бесконечные фото в ночных клубах, театрах, на банкетах, церемониях вручения премий и кинофестивалях.

На одном из таких мероприятий ко мне впервые подошел репортер. Теперь я уж и не скажу, какие вопросы он задавал — помню только, как бормотал что-то в микрофон, а камеры тыкались мне в лицо.

Однако контакте массмедиа возымел эффект. Когда я в очередной раз обнаженный лежал на Джейн, то обнаружил, что, если вытянусь изо всех сил, я достаю указательными пальцами до ее сосков.

То был исторический миг моей жизни. Я понял, что скоро тоже стану гигантом.

Кстати, что касается размера гигантов, я заметил одну забавную вещь — их размеры непостоянны! Поначалу я решил, что мне это показалось — я никогда не слышал о таких вещах. Постепенно, однако, я убедился, что так оно и есть.

Иногда они обладали поистине гаргантюанскими размерами — голова в облаках, ноги как острова в океане. Судя по всему, размер их прямо пропорционально зависит от внимания медиа и восхищения публики. Чем больше слава, тем больше размер.

А иной раз гиганты велики, но уже теряют космические масштабы. Они скорее на самом краю шкалы человеческого роста, нежели представители бессмертных богов Олимпа. Чаще всего я видел их именно такими. А бывали случаи, когда гиганты не превосходили размером обычных смертных или были даже меньше. Стоит только оступиться…

Помню, как-то Джейн подхватила что-то вроде гриппа. Она лежала в постели и стонала, обхватив руками живот, а потом на нее накатил приступ диареи. Когда она вышла из ванны, наши глаза были почти на одном уровне.

Впрочем, это не продлилось долго.

Слава всегда возвращается к гигантам.

Я очень надеялся, что предстоящая вечерника как следует поспособствует моему росту.

Наконец настал мой день! Джейн настояла, чтобы я надел свой стетсон, краги, сапоги и шпоры. Сама она собиралась появиться в белом вечернем платье, максимально выставляющем напоказ пышные прелести.

Я едва дождался вечера. Весь день провел перед зеркалом и своей джонуэйновской одежке, практикуя акцент и ожидая изменений в росте. Я понимал, что достаточно далеко продвинулся со времен фонтана с колой.

Около шести вечера появились поставщики провизии — маленькие люди, каким и я был когда-то. С ними прибыла целая флотилия самых разнообразных машин с гигантскими канапе и подносами с напитками. Все это при помощи вертолетов было поднято на столы, где войска принялись разгружать крекеры «Риц» размером с крышку канализационного люка. Бригада инженеров установила сверкающий серебром фонтан с шампанским, для наполнения которого потребовался целый конвой танкеров. Вскоре шипучка вовсю уже текла в террасы резервуаров.

Я наблюдал за происходящим с чувством превосходства, поскольку был почти вдвое выше людей моего племени. К утру, надеялся я, все они станут по сравнению со мной просто карликами.

Музыканты прибыли ровно в восемь. Кстати, они оказались гигантами. Я узнал Хендрикса, Леннона, Моррисона, Джоплин, Холли и Реддинга. Ну и, конечно, Элвиса. Бог ты мой, ну и вечеринка. Я аж трясся от предвкушения. Джейн ради меня не поскупилась. И в то же время я нервничал, как викторианская невеста. Я так надеялся оправдать ее ожидания.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я помог малышам-техникам расставить микрофоны величиной с пушку линкора. В результате я только вспотел и вынужден был подняться наверх сменить рубаху.

Около девяти начали подтягиваться гости.

Никогда раньше я не видел такой блестящей компании гигантов. Здесь были почти все. Уорхол, Онассис, княгиня Грейс,

Монтгомери Клифт, Лиз, Лайза, Мик, Гейбл, Мадонна, Чарльз и Ди, Малколм Форбс, Дональд Трамп, Мейлер, Апдайк, Кинг, Кубрик, Скорсезе, Ньюман, Фонда (Генри и Джейн), Пикассо (Пабло и Палома), Шнабель…

Каждый лично поприветствовал меня: мужчины жали мне руку, стараясь не раскрошить кости, женщины прижимали меня к массивным грудям и чмокали воздух над моими волосами. От восторга голова моя пошла кругом. Я был едва в состоянии говорить приличествующие случаю любезности. Я чувствовал, как все члены мои становятся больше с каждым поцелуем и рукопожатием.

Когда в дверях появился неожиданно прилетевший из тропиков Брандо, я едва не упал в обморок. У него самолет размером с Эмпайр-стейт-билдинг, и ему требуется взлетно-посадочная полоса размером с Род-Айленд.

Когда все гости прибыли, я оставил свой пост у дверей и принялся фланировать среди блеска гигантов.

До полуночи все шло превосходно. А потом я совершил роковую ошибку.

Я слишком крепко выпил и явно перебрал кокаина. (Гиганты выкладывали полоски толщиной с железнодорожную рельсу на зеркалах размером с каток Рокфеллеровского центра. Для производства каждой купюры, которую они сворачивали в трубочку, потребовался, наверное, целый столетний дуб.)

Я вступил в спор с Деннисом Хоппером по поводу того, насколько хороший актер Джеймс Дин. Чтобы глаза наши были вровень, мне пришлось взобраться на гигантский стул, и все же я стоял на своем.

А потом, услышав свое имя, появился и сам Дин, а с ним и другие заинтересовавшиеся спором гиганты. Дин ткнул меня в грудь пальцем величиной с телеграфный столб.

— Эй ты, пигмейская задница, кто ты такой, чтобы опускать МЕНЯ?

Я попытался было изобразить уэйновскую браваду, но почему-то только и сумел выдавить:

— Кто, я?

— Ты самый.

Ума у Дина оказалось не больше, чем у меня, а вот габариты… Прежде чем я успел среагировать, Дин ухватил меня за ворот и без всяких церемоний зашвырнул в фонтан с шампанским.

В зале наступила мертвая тишина, все, не отрываясь, смотрели на меня. Но это было не то внимание, которое помогает малышу стать гигантом. Эффект был прямо противоположный. Я

почувствовал, как съеживаюсь, делаюсь все меньше, меньше…

Откуда-то появилась Джейн.

— М-да, можно вытащить парня из фонтана, но, видно, никто не вытащит фонтан из парня…

Гиганты разразились грохочущим смехом.

— Что ж, *Марион,* — проговорила Джейн, — выволакивай задницу из фонтана и брысь отсюда.

Я даже не попытался протестовать, ведь трансляцию моего позора уже увидел весь белый свет. Публика никогда больше не примет меня за Джона Уэйна. Я не стал даже собирать вещи, ведь буквально через пару дней они станут безнадежно велики мне. Попытавшись кое-как отряхнуться от шампанского, я уныло побрел к двери.

Всего за несколько недель я вернулся к своему привычному размеру. В общем, я особо и не возражал. Впрочем, в фонтанах с колой я больше не купаюсь — прошли те времена. Я устроился на работу, встретил девушку своего размера, женился, остепенился, оброс детьми, потом внуками…

Я больше никогда не следил за жизнью гигантов — это для меня слишком болезненно. И все же, вынужден признать, иной раз во время послеобеденной дремы мне снится, что я снова среди них.

И знаете что… могу поклясться, что в такие минуты я прибавляю в росте дюйм-другой.

«Living with the Giants». Перевод А. Криволапова

ОТШИБЕМ ВСЕ МОЗГИ!

Сия маленькая шутка появилась на свет по той причине, что я, пожалуй, чересчур насмотрелся записей выступлений плодовитой труппы «Монти Питон», особенно их так называемых убойных шуточек. Меня позабавила мысль о том, что я мог бы использовать своих друзей в качестве жертв моего воображаемого злодейского фильма. Думаю, вам будет нетрудно представить себе Брюса (Стерлинга), Руди (Рюкера), Марка (Лейдлоу) и Лиз (Хенд) в роли этаких бедолаг-неудачников.

Кому-то может показаться забавным, но типичное для научной фантастики понятие «провалов в памяти» — слуховой или зрительной, которое я походя использовал, недавно привлекло к себе самое серьезное внимание. Этому тропу отдали дань такие писатели, как Джон Барнс, Дейв Ленгфорд, Дэвид Фостер Уоллес и другие. Я возвращаюсь к этой теме в настоящем сборнике рассказов, особенно в рассказе «Увидел — поверил». По моему убеждению, истоки этого понятия следует искать в творчестве Фрица Лейбера, в его произведении «Рамп-Титти-Титти-Там-Та-Ти» (1958), повествующем о песенке, которую невозможно забыть, услышав хоть раз.

Ну и что из этого? — спросите вы. Вы в эту минуту случайно не напеваете главную тему из «Острова Гиллигана»?

О фильме «Отшибем все мозги!» я впервые услышал от своего друга Брюса.

Он позвонил мне в три часа утра. Я не спал и поэтому ответил сразу, не дожидаясь второго гудка.

Без всяких предисловий Брюс обрушил на меня поток техасского жаргона.

— Старик, я только что посмотрел потрясный фильмец! «Отшибем все мозги!». Реальный «Текниколор», пара-тройка полузнакомых характерных актеров из тех, что в шестидесятые снимались в телесериалах, сценарий того самого чувака, который когда-то сочинял для «Бастионов» — ну, ты помнишь, он еще застрелился в семьдесят втором, — а сюжет, скажу я тебе!..

Брюс сделал паузу.

— Сюжет? — подбодрил я его.

На том конца провода мой приятель поскреб заросший щетиной подбородок. Когда он ответил, в его голосе послышалось сомнение, как у человека, который куда-то подевал ключи от автомобиля и, главное, понятия не имеет, где находится сам автомобиль.

— Сюжет… Видишь ли, старик, сюжет был, точно был. Я просто не могу изложить его словами. Что-то в духе приключений Джеймса Бонда, про заговор. Заговорщики, закулисных дел мастера, задумали захватить весь мир при помощи сатанинских технологий Красного Китая с использованием психотропных гипнотизирующих средств. — Голос Брюса приобрел некую убедительность. — По придумано на все сто. Закручено до предела, усекаешь? Трэш для интеллектуалов. Обязательно посмотри, если будет возможность. Ну пока, старикан!

Брюс — инженер, занимается программным обеспечением. Он работает дома и ложится спать когда ему заблагорассудится. На его мониторе всегда стоит подключенный к кабельному ТВ «Уочмен», причем в таком положении, что Брюс может, ковыряясь в программах, время от времени коситься на экран. Неудивительно, что он не сумел пересказать мне сюжет.

Я встал со своего места перед мягко мерцавшим телевизором и подошел к книжной полке со справочной литературой. Дело в том, что я пишу обзоры СМИ для нашей местной газеты. Крутые фильмы я смотрю с пятилетнего возраста, и мне всегда казалось, что нет ни одной кинокартины, о которой бы я не слышал. Название, которое упомянул Брюс, мне абсолютно ничего не говорило.

В разделе «Психотропные фильмы» названия «Отшибем все мозги!» я не обнаружил. Перелистал справочник «Самые дурацкие фильмы». Результат тот же. Затем справочник Халливелла и

Катца. По нулям. Ничего не нашлось и в каталогах Молтина, Мартина и Эберта.

Я попытался дозвониться до Брюса, чтобы переспросить название фильма, убедиться, что правильно его запомнил.

Телефон был занят. Наверное, у Брюса включен модем, подумал я, и он зависает в Сети. Тогда я лег спать.

Через два дня я получил от Брюса открытку. На ней был изображен буйвол на залитом водой рисовом поле и стояла почтовая марка со штемпелем какой-то страны в Юго-Восточной Азии. Вот что на ней было написано:

Привет. Уехал жить в Бирму. Получил работу — создать базу данных для наркобаронов. Переписываться будем по дипломатической почте.

Во второй раз я услышал о фильме «Отшибем все мозги!» от моего приятеля Руди.

Руди преподавал в Калифорнии, учил студентов семиотике и поп-культуре. Его лучший и самый популярный курс лекций назывался «Миф однозначного нарратива в творчестве Эрни Бушмиллера». У меня был текст, который я хотел предложить ему для анализа.

Справившись с этим несложным рутинным заданием, Руди спросил:

— Ты когда-нибудь слышал о фильме «Отшибем все мозги!»?

— Слышал однажды.

— Не пропусти его. Это маленький шедевр. Превосходная вещь. Я не успел запомнить титры, но что-то вроде 1938 года выпуска. Снят, по всей видимости, на одной из независимых студий вроде «Рипаблик». Черно-белый, естественно. Судя по неряшливому монтажу, скорее всего задумывался как сериал. Режиссер — один из этих полузабытых сегодня парней; не Льютон или Браунинг, а кто-то даже еще менее известный. Актеры, можно сказать, безымянные, хотя мне показалось, что в одном из эпизодов я узнал Эйнштейна.

— Физика?

— Нет, раввина!.. Шучу. Конечно же, физика. Впрочем, они могли ради экономии использовать архивный киноматериал. Нет, главное в фильме — сюжет…

— Сюжет?

— Угу. Его типа трудно пересказать. Главным образом там речь шла о неграх из Луизианы, подвинутых на культе вуду. Они при помощи особых ритуалов пытаются поработить американских политических лидеров. Могу поклясться, что там еще была сцена, где они молятся на обнаженную статую. Во время массового

танца вокруг костра. Возможно такое?

— Предварительное кодирование, — ответил я. — Может быть. Особенно если все делалось в стиле документальных фильмов «Нэшнл джеогрэфик».

В голосе Руди послышалась озабоченность.

— Если ты когда-нибудь увидишь его, пожалуйста, скажи мне. Хотелось бы узнать твое мнение.

На следующий день, пока я работал в своем кабинете, поступило экстренное сообщение. Руди убил губернатора Калифорнии при помощи радиоуправляемой авиамодели, начиненной пластиковой взрывчатой чешского производства. При этом погиб также личный секретарь губернатора. С места преступления Руди удалось скрыться под личиной посла из Буркина-Фасо.

* * *

Несколько дней спустя я случайно встретил на улице Марка, которому рассказал о Руди и Брюсе.

— Прекрасно, дружите. Я тоже видел этот фильмец. Причем совсем недавно, накануне вечером. Но со мной-то ничего такого не стряслось.

— А как ты можешь об этом судить? — спросил я.

Марк жил в предназначенном на снос доме — в заброшенной фабрике, производившей некогда вешалки для одежды. Одежда ему доставалась из остатков, не подошедших для Армии Спасения. А еще Марк всегда был голоден. Вообще-то в свое время он был знаменитым адвокатом по уголовным делам, пока не вляпался в жуткую историю с кровожадной вдовой парфюмерного магната. Влюбившись в ее белые сдобные плечи, он довел дело до того, что вдовушка стала предметом его одержимой страсти, его опиумом. Однако в конце концов пассия обернулась для Марка сущим ядом, стала причиной его падения. В настоящее время соседями Марка по дому были пуэрториканские сепаратисты. Эти ребята промышляли тем, что отправляли деньги, полученные от продажи скопированной на мимеографе румынской порнушки, обратно на свой порабощенный остров, а на остатки заработка скупали всякое мудреное оружие. Они втихаря подключились к линии электропередачи и смотрели телевидение через телеприемник местного бара «Трехфунтовая губка».

— Ты видел «Отшибем все мозги!»? По телику?

— Угу. В прошлую среду. После полуночи. Шестьдесят

восьмой канал.

— Я в тот день смотрел телепрограмму. Там ничего подобного не было.

— Им что-то в самую последнюю минуту заменили.

— Так о чем же он?

— Типичная вещица в духе научной фантастики пятидесятых. Вторжение инопланетян на Землю. Главного героя играл Уорд Кливер или кто-то очень на него похожий. Инопланетяне имели форму старых телевизоров. Массивные, тяжелые модели, к ним еще полагались эти самые старомодные отдельные заячьи ушки с фетровыми наклейками на дне. Последнее слово техники для тех лет, скажу я тебе. Как здорово они шевелили ножками. А эта их летающая тарелка!.. Правда, почему-то больше ничего не могу вспомнить! Я даже не уверен, что запомнил, чем все кончилось.

— Цветной или черно-белый?

— Точно не могу тебе сказать. На нашем телике нет цветного изображения.

— Вот, держи-ка двадцатку, Марк. Бери, бери.

— В общем, дурь.

— Только вот на дурь не трать, Марк.

— Нет, я просто хотел сказать, что это круто.

— Ясно.

Главный сюжет шестичасовых новостей был о Марке. Он, по всей видимости, потратил мою двадцатку на обойму к автомату из арсенала своих соседей пуэрториканцев. Затем отправился в один из наших городских универмагов — тамошние продавцы были исключительно дамы почтенного возраста со старомодными сережками-клипсами в ушах, отдавшие торговле не менее двадцати лет жизни — и изрешетил ряд телевизоров. Никто не пострадал, кроме сенатора штата, неторопливо просматривавшего разложенные на соседнем прилавке компакт-диски. Его здорово посекло осколками стекла. Когда беднягу увозили на каталке, я успел заметить, что он сжимает в руке диск с саундтреком к фильму «Отшибем все мозги!». Однако когда я пришел в этот универмаг, мне сказали, что такого диска в реестре товаров у них отродясь не было.

Я подумал, что Руди наверняка обрадовался бы, узнай он, что Марк случайно задел еще одного политика.

Я позвонил в редакцию шестьдесят восьмого канала. Меня клятвенно заверили, что у них никогда не было ни единой копии фильма «Отшибем все мозги!».

Две следующие недели я с религиозным рвением изучал «Ти-Ви гайд», однако ничего даже отдаленно похожего по названию

на фильм «Отшибем все мозги!» не обнаружил. И потому решил, что поскольку его показывали совсем недавно, то в моих краях он сыщется еще не скоро, но может объявиться в любом уголке на просторах нашей страны.

Однажды в полдень мне позвонила Лиз. Позвонила из Чикаго. Она работает там в одном рекламном агентстве.

— Я знаю, что ты всегда ищешь темы для своей газетной колонки. Попробуй где-нибудь отыскать фильм, который я видела вчера вечером. Он называется…

— «Отшибем все мозги!»…

— Верно! Ты тоже его видел?

— Нет, но такое впечатление, что его видели все мои знакомые.

— Тогда тебе, должно быть, говорили, что он сделан на уровне выше среднего для заурядной телевизионной ленты.

— Телевизионной?

— Конечно. Снята в середине семидесятых, если не ошибаюсь. Кажется, режиссер — Арон Спеллинг, но я не уверена. В любом случае в нем снимался этот, как его, короче, поп-звезда из «мыльной оперы». Или это все-таки был вестерн? И еще одна начинающая актриска, она потом много снималась в порнофильмах. Их наняло правительство и отправило в качестве спецагентов положить конец арабскому нефтяному эмбарго.

— Какому?

— Первому. Мне так кажется. Однако самое интересное началось после того, как они встретились с Лоуренсом Аравийским и Ричардом Бартоном.

— Мужем Элизабет Тейлор?

— Нет, тем, который открыл Нил. Эти два англичанина все еще живы, они… ну, как их, бессмертные тайные вдохновители всех событий на Ближнем Востоке… Вообще все так закручено, что трудно пересказать.

— Могу себе представить.

— Ладно, мне пора браться за дела.

— Лиз…

— Да?

— Да так, ничего. Ты береги себя.

— Обязательно.

Когда Лиз вышла замуж за короля Иордании, жена которого незадолго до этого погибла в совместном израильско-палестинском террористическом акте во время торжественного открытия нового «Макдоналдса», меня это совсем не удивило.

Затем я прочитал о вечеринке студенческого братства, обернувшейся шестидневными уличными беспорядками, сотнями

человеческих жертв и материальным ущербом, оцененным в миллионы долларов. В последнем абзаце статьи упоминалось о том, что в вечер, когда все это началось, состоялся показ «старого гангстерского фильма, снятого на восьмимиллиметровой пленке, под названием «Отшибем все замки!»*(sic!)*».

Я все-таки отыскал каталог, в котором среди научно-популярных фильмов обнаружил следующее:

> «ОТШИБЕМ ВСЕ МОЗГИ!: ч/б, 40 мин., 1948. Фильм департамента сельского хозяйства об опасности коровьего бешенства. Только для взрослых».

Тем летом Джо-Боб Бриггс увидел «Отшибем все мозги!» в кинотеатре под открытым небом для автомобилистов. Он написал о нем статью, в которой назвал его «первым интергалактическим кровавым и эротическим триллером девяностых годов!». В тот же месяц, немного позже, телевизионщики запечатлели на пленку момент, когда Джо-Боб скрылся за воротами дзен-буддистского монастыря в Куала-Лумпуре с наголо обритой головой и чашкой для сбора подаяний в руке.

Когда мне позвонил уже десятый мой знакомый с сообщением о фильме, я просто не стал ничего ему отвечать. Какая разница, решил я, все равно где-нибудь что-нибудь прочитаю об этом парне или увижу его по телику в выпуске вечерних новостей.

Тем временем я продолжал ждать, когда наконец «Отшибем все мозги!» покажут по нашему местному телеканалу или он появится в соседнем пункте видеопроката. В течение нескольких следующих месяцев ни того ни другого не произошло, и я напомнил себе о том, что живу в очень, очень большой стране.

Недавно, как-то днем, когда я находился на работе и совсем не думал об этом фильме, курьер положил мне на стол посылку — небольшой сверток.

Внутри оказалась игрушка: крошечный пластиковый чемоданчик красного цвета с отверстием-глазком, пластмассовой линзой и ползунковым переключателем. Я раскрыл чемоданчик прямо по боковому шву. На дне его лежали маленькая батарейка, лампочка, крошечный электромоторчик, миниатюрная бобина с пленкой и еще одна, пустая.

Я закрыл чемоданчик. И отнес его домой. Для домашнего просмотра.

«Destroy All Brains!». Перевод А. Бушуева

БАЛЛАДА О САЛЛИ НУТРАСВИТ™

«Продакт плейсмент» или замаскированная реклама — способ сделать неплохие деньги для смекалистого человека. И будьте спокойны — никакой адвокат ничего не докажет. Будь у меня в то время, когда я сочинял этот рассказец, хороший агент, я набирал бы на компьютере текст данного предисловия, сидя у собственного бассейна рядом с особняком на Беверли-Хиллз™.

В день, которому было суждено навсегда изменить ее жизнь, Салли НутраСвит™, как обычно, проснулась безукоризненным, одобренным Администрацией Развлечений и Долга утром в спальне своей квартиры, располагавшейся в небоскребе НутраСвит™, что высился над славным городом Продактвиллем.

В окно спальни проникал рассеянный солнечный свет. Полежав какое-то мгновение неподвижно до окончательного пробуждения, Салли увидела низко висящую матовую сферу, которую в этот утренний час украшал логотип Пепси™. (Исполинский флот искусственных спутников, каждый из которых был оснащен огромным, полупрозрачным, программируемым фильтром-экраном, словно одеялом окутывал Землю защитными рекламными тенями, компенсируя несуществующий озоновый слой.)

После того как Салли в соответствии с привычным утренним ритуалом нараспев произнесла специальную короткую молитву клана НутраСвит™, ее сердце наполнилось невыразимой благодарностью и радостью от осознания своего социального статуса в общественной жизни Продактвилля.

«Да будет мне позволено привнести сладость аспартама в жизнь каждого, кого я встречу сегодня, без калорий или кариеса сахарозы. Аминь!»

Ощущая, как сердце наполняется до краев добрыми чувствами ко всему человечеству — чувство, которое выражалось в широкой несфокусированной улыбке, — Салли поспешила подняться с постели. Отбросив в сторону пушистое голубое покрывало, украшенное красно-белым орнаментом клана НутраСвит™, она опустила ноги на пол, застеленный ковром с

бесчисленными изображениями герба НутраСвит™, затем надела тапочки с логотипом НутраСвит™. Набросив на себя махровый халат производства НутраСвит™, Салли направилась в туалет.

Вода в унитазе забурлила изящным красно-белым водоворотом — это саморегулирующиеся наномашины воссоздали в журчащем потоке вездесущий логотип НутраСвит™.

Бросив взгляд на цифровое зеркало, укрепленное над раковиной, Салли увидела привычную торговую марку своего клана. На лбу, почти в том же самом месте, где женщины-индуски когда-то носили отметину своей кастовой принадлежности, под кожу была имплантирована масса наноустройств, сходных по своим функциям с теми, что высвечивали воду, образуя знакомую светящуюся эмблему. Своего рода корпоративный третий глаз, которым Салли была наделена в дополнение к двум, дарованным ей природой, нежно-голубым, как Виндекс™.

Воспроизведя в угловом окошке дисплея зеркала изображение, снятое на прошлой неделе, Салли с удовлетворением для себя отметила, что новых морщинок на ее лице в данный момент не появилось. Нет, конечно, глупо беспокоиться из-за таких пустяков — в конце концов ей всего двадцать два, — но все же куда легче избавиться от коварных морщинок нанолосьоном Ойл оф Юлэй™ сразу, как только они появились.

Салли включила краны и намылила лицо мылом Айвори™, после чего отправилась в сине-бело-красный кухонный уголок завтракать.

Здесь она приготовила себе обычный, идеально сбалансированный завтрак, состоявший из кукурузных хлопьев Келлогз Корн Флэкс™, изюма Санмейд™ и молока Худ™ — блюдо, которое, конечно же, щедро приправлялось порцией НутраСвит™ и сопровождалось чашечкой кофе Максвелл Хаус™. После этого Салли настроила мультимедийный приемник Накамнчи™ на канал НутраСвит™, чтобы послушать последние инфоразвлечения.

Корпоративная трансляция была составлена специально с учетом интересов клана НутраСвит™, который в большинстве своем объединял людей одинаковых профессий. Люди из клана НутраСвит™ обычно занимали посты служащих в приемных отелей, помощников дантистов, кассиров и клерков, стюардесс, работников сферы паблик рилейшенз, торговых представителей и манекенщиц. Случалось, что на экране телевизора Накамичи™ Салли попадались лица типичных отщепенцев клана НутраСвит™ — например, пилота скоростного самолета или адвоката, у которых на лбу виднелся логотип НутраСвит™. В подобных

случаях Салли испытывала необъяснимую неловкость, пытаясь представить себя на месте этих людей.

Что касается Салли, то она была вполне довольна и даже гордилась своей судьбой, тем положением, которое занимала в жизни.

Надо сказать, что Салли была личным секретарем мистера Геймбоя™, исполнительного директора Администрации Развлечений и Долга.

Когда она закончила завтрак, одним глазом поглядывая на плывущую по экрану картинку мероприятий по оказанию самопомощи и укреплению хорошего настроения, ее внимание привлекла строка, ползущая по нижнему краю дисплея.

«СОВЕТУЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯМ ДО ПОСЛЕДУЮЩИХ УКАЗАНИЙ ИЗБЕГАТЬ ПОЛЬЗОВАНИЯ СЕДЬМЫМ РЯДОМ ПО ПРИЧИНЕ РАЗРУШЕНИЯ МОСТА ЧЕРЕЗ РЕКУ ОВАЛТАЙН™, ВЫЗВАННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТОМ. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАНАЛА ФОКС КОПС™/АМЕРИКАС МОУСТ ВОНТИД™ ЗАЯВИЛ, ЧТО ГЛАВНЫМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ В СОВЕРШЕННОМ ЗЛОДЕЯНИИ ЯВЛЯЕТСЯ БАНДА АГИТАТОРОВ-ЗЕБР, ВОЗГЛАВЛЯЕМЫХ ПРЕСЛОВУТЫМ ЛАНЧМИТОМ».

Бегущая строка поползла снова, и Салли раздраженно чертыхнулась, произнеся совершенно не типичное для нее слово:

— *Сахар!*

Новость означала, что ей придется ехать в объезд, чтобы добраться до места работы — башни Администрации Развлечений и Долга. Если она не выйдет из дома немедленно, то наверняка опоздает на работу. А если опоздает, то мистер Геймбой™, по всей вероятности, заставит ее работать весь обеденный перерыв, и она соответственно не сможет увидеться во время этого перерыва с женихом Дэном, хотя они заранее договорились сегодня встретиться.

Залпом допив свой Максвелл Хаус™, Салли принялась лихорадочно одеваться. При этом ей толком не удалось почистить зубы пастой Крест™.

Вскоре, одетая в форменное платье НутраСвит™, она спустилась в лифте Отис™ вместе с коллегами из клана. Судя по всему, некоторых из них в той же степени, что и Салли, взволновала неожиданная необходимость спешно отправляться на работу.

— Какая муха укусила этих Зебр? — выразил общее недоумение молодой белокурый мужчина, когда лифт Отис™ заскользил вниз. — Неужели они не знают, что тем самым в

конечном итоге вредят самим себе?

— Может, они перепили *кофе?* — буркнул в ответ мужчина постарше с огромным животом, из-за которого на его рубашке было невозможно рассмотреть торговую марку — надо сказать, Салли сочла его высказывание довольно неприличным.

— Или отравились некачественной *пищей?* — высказал предположение кто-то третий.

— Или перепутали *зубную пасту* с *мазью для растирания мышц!*

Использование общих, не патентованных названий — вероятно, причиной тому был стресс, который испытывали спешащие на работу люди — вызвало у Салли легкую тошноту. Хотя Салли сама, случалось, позволяла себе подобные «ругательства», ей стало не по себе от того, что она вынуждена выслушивать такие вопиющие грубости. Мистер Геймбой™, как, впрочем, и Дэн, никогда не посмели бы употребить в ее присутствии подобную грубую лексику.

Вот почему Салли с благодарностью восприняла слова молодого мужчины, первым затеявшего это разговор, когда он произнес:

— Послушайте, не забывайте, что среди нас дама…

Толстяк, проявивший себя истинным грубияном, теперь смущенно уставился себе под ноги, опасаясь встретиться с ней взглядом.

— Спасибо вам большое! — поблагодарила Салли с типичной для представителей клана НутраСвит™ энергией. Она мысленно отметила про себя: дать поручение агентам мультимедийного узла Накамичи™ отследить местонахождение тучного невежи, чтобы с ним разобрался Холлмарк™.

Выйдя из здания НутраСвит™ и подождав, пока приедет монорельсовый автобус Грейхаунд™ знакомого ей маршрута, Салли обернулась и через плечо бросила взгляд на свой дом. Умиротворяющее величие родного небоскреба моментально наполнило ее невыразимой радостью и спокойствием.

Подобно всем зданиям в Продакгвилле, дом Салли покрывал слой нанообшивки, обеспечивающий нужный микроклимат. Помимо прозрачных окон, оснащенных микропроцессором, примерно на высоте пятидесяти этажей внешняя поверхность стен со всех четырех сторон была запрограммирована на изображение упаковки Икуол™.

Грейхаунд™, который ждала Салли — Кросс-Стор экспресс через ряды Девять и Десять, — подобно невесомому нижнему белью Патагония Капилин™ бесшумно подплыл к посадочному пандусу.

Поднимаясь в автобус, Салли в последний раз бросила взгляд на свой дом. Неожиданно он показался ей далеким и недосягаемым, можно сказать, даже каким-то чужим. Ее охватило странное ощущение, какое она когда-то испытала, приняв слишком много успокоительного Халциона™.

Отважно стряхнув с себя временное замешательство, Салли опустилась в кресло Лей-Зи-Бой™, не обратив внимания на женщину рядом.

— Привет, Салли! — поприветствовала ее та.

Салли повернулась и увидела перед собой свою приятельницу Кристал Лайт™. Это была привлекательная темнокожая особа с длинными волосами, заплетенными в бесчисленные, украшенные бисером косички. (На самом деле имя приятельницы Салли было Кристал Кристал Лайт™, но никто никогда не называл ее полным именем. Клан Кристал Лайт™ и клан НутраСвит™ были тесно связаны с друг другом, почти как братья или сестры, и их представители частенько общались в одной компании — на клановых пикниках, митингах и вечерах аэробики, посвященных тренировкам Солофлекс™ и Наутилус™.)

Салли обрадовалась, что в такое беспокойное утро с ней рядом близкая подруга.

— Привет, Крис! Ты уже слышала, что Седьмой ряд поврежден?..

— Ты думаешь, почему я еду с тобой на Грсйхаунде™? Готова принести клятву Свидетельницы Иеговы™, что когда-нибудь эти Зебры сами себя прикончат!

Салли никогда раньше об этом не задумывалась. Разве такое возможно, чтобы кто-то из членов глобального мирового сообщества, каким бы низким, недостойным звания человека ни был его статус, посмел прибегнуть к убийству, лишь бы отстоять свои политические убеждения или обратить внимание окружающих на некую гипотетическую несправедливость? И Салли решила, что обязана — как профессионально, так и лично — рассеять сомнения, прозвучавшие в словах Крис.

— Ой, Крис, смотри, не накликай беду! Не забывай: «Сосредоточься на позитивном!».

Крис едва не сплюнула от раздражения.

— Позитивное! Лично мне иногда хочется быть гадкой! Порой бывают такие дни, когда я жалею, что родилась в клане Кристал Лайт™. Как бы мне хотелось выйти замуж за парня из клана Кольт™ или даже Узи™! Тогда бы ты увидела, на что я способна!

— Брак с представителем чужого клана — это сущий кошмар, Крис! Уж на что я люблю Дэна, но и у меня время от времени

возникают сомнения относительно смешанных браков. Переезд в башню мужа — и без того довольно болезненная вещь, а уж перемена места работы — вообще жуть!..

— Об этом я как раз и думаю!

Салли поняла, что нет смысла развивать с подругой эту тему, и потому переключилась на другую.

— Какое прекрасное у тебя платье!

— Просто однажды я почувствовала себя настоящим Лимонадом Дня…

Грейхаунд™ ехал через малознакомые места, в которых Салли бывала крайне редко. В данный момент она находилась на территории Исполнительных Директоров, где располагались здания куда более шикарные и экзотические, чем ее родной небоскреб. Салли изумленно разглядывала кондоминиумы компании Кул-Эйд™, особняки концерна Марлборо™, дома корпорации Кадиллак™ и строения фирмы Лексус™. Где-то в этом районе, в строении Геймбой™, жил и ее босс.

Салли посмотрела на свои часы Свотч™ и поняла, что остается уповать на то, что шеф тоже опоздает.

Им с Крис пришлось пересесть на автобус Трейлуэйз™ 54-го маршрута, который минут через двадцать высадил их на нужной остановке — терминале, расположенном рядом с бобовым стеблем башни АРД.

Окруженное торговым центром площадью в несколько сотен акров, здание Администрации Развлечений и Долга являло собой самый что ни на есть исполинский кабель, вытянувшийся вверх на низкую земную орбиту, где он соединялся со спутником. Намагниченные гондолы — известные под названием Шевви™ — скользили по внешней окружности массивного, сделанного из наноматериалов стебля, доставляя в космос пассажиров и грузы. На высоте нескольких нижних миль стебель, будто соты, был напичкан всевозможными офисами, в которые можно было попасть внутренними лифтами Отис™.

При виде исполинского сооружения, в котором ей посчастливилось работать, Салли испытала привычную дрожь, вызванную страхом, радостью и гордостью (ощущение, сравнимое разве что со вкусом Йорк Пеппермint Пэтти™). Если бы только Древние обладали технологией и предвидением, чтобы построить такое безопасное и экологически здоровое устройство прежде, чем полеты их бесчисленных Шаттлов НАСА™ разрушили озоновый слой (последствия этой катастрофы все нынешние технологии способны лишь слегка ослабить)!..

Над торговым центром мелькнула какая-то тень. Салли посмотрела на солнце, которое в данную минуту рекламировало

продукцию корпорации Тампакс™.

— Живее! — подбодрила ее Крис. — Уже девять ноль-ноль!

Женщины устремились в огромные порталы, нырнув вместе с толпой коллег в создаваемую усилиями фирмы Кэрриер™ прохладу. У пандуса, ведущего к лифтам Отис™, они расстались.

— Увидимся по дороге домой в Грейхаунде™! — крикнула Салли.

Произнеся эти привычные слова, она почему-то ощутила неприятное чувство, будто увидеться им больше не суждено.

Списав овладевшую ею в эту минуту тревогу на то, что опаздывает, Салли с нетерпением ожидала прибытия своего отдельного лифта Отис™.

Подъем до вращающихся офисов мистера Геймбоя™ занял примерно две минуты. Салли поняла, что теперь она окончательно и бесповоротно опоздала. Перед входной дверью в кабинет Салли подтянула прозрачные колготки Голден Леди™ и поправила прическу Видал Сэссун™.

Благодаря ценным качествам нанодезодоранта Бэн™ она сохранит свежесть и будет благоухать весь день. Довольная тем, что выглядит максимально презентабельно, Салли раздвинула заменявшие дверь ластиковые полоски, похожие на ленты водорослей, и вошла в ставший едва ли уже не родным кабинет.

За ее фирменным столом ОфисМакс™ сидела какая-то женщина!

И не просто какая-то женщина!

Это была та самая потаскушка из секретарского пула по имени Линда Люрекс™.

На нахалке, сидевшей на рабочем месте Салли, был наряд, полностью соответствовавший тотему ее клана: узкое в обтяжку платье из блестящей ткани от корпорации Люрекс™, едва прикрывавшее верхнюю часть бедер, а также чулки Люрекс™ и туфли-шпильки Кэндис™. Волосы Линды были уложены в замысловатую прическу. Ее ювелирные украшения — массивные и безвкусные — свидетельствовали о полном отсутствии чувства меры.

— Доброе утро! — ядовитым тоном поприветствовала она Салли.

Салли с немалым трудом удалось сохранить самообладание. Она ни за что не позволит Линде увидеть ее растерянность.

— Что вы делаете за *моим столом?* — холодно поинтересовалась Салли, стараясь вложить в грубое непатентованное название максимально возможное презрение.

Линда взяла со стола ОфисМакс™ пилочку фирмы Коти™ и принялась беззаботно подтачивать свои и без того острые

ноготки.

— Я — ваша замена. Мистер Геймбой™ позвонил сегодня утром в секретарский пул и попросил прислать меня к нему.

— Моя… моя замена? Но почему?

— Не знаю, меня это совершенно не интересует. Единственное, что мне известно, — мистер Геймбой™ желает немедленно вас видеть.

— Я… тогда… тогда я пойду к нему…

— Весьма разумно с вашей стороны, — съязвила Линда. — Позвольте, я позвоню ему.

Новая замена Салли нажала на кнопку вызова переговорного устройства фирмы Радио Шэк™.

— О, мистер Гей-хейм-бой™, — пропела Линда Люрекс,™ — здесь та самая особа, которую вы хотели видеть…

— Пожалуйста, пригласите мисс НутраСвит™ войти.

Уловив в голосе босса некоторую сердечность, Салли собралась с мужеством и вошла в кабинет мистера Геймбоя™.

Сидя за столом фирмы Этан Аллен™, мистер Геймбой™ играл со своей рубашкой. Рубашка являла собой гибкий дисплей с нанопрограммой корпорации Майкрософт™, который приводился в действие при помощи пуговиц-регуляторов. В данный момент рубашка выступала в роли компьютерной игрушки Тетрис™. Прижав мясистый подбородок к груди, мистер Геймбой,™ судя по всему, пытался пробиться на какой-то труднодоступный уровень игры.

— Присаживайтесь в кресло Ногехайд™, мисс НутраСвит™. Подождите минутку.

Яростно нажимая на пуговицы манжет и раскачиваясь в кресле из стороны в сторону, мистер Геймбой™ наконец завершил игру, свидетельством чего стала какофония триумфальных компьютерных звуков, прозвучавшая из динамиков, спрятанных в воротнике.

Мистер Геймбой™ энергично дернул манжеты и выпрямился в кресле всем своим могучим корпусом. Патрицианские черты гладко выбритого лица вновь обрели присущую им невозмутимость. Салли уловила исходивший от него запах одеколона Арамис™.

— Чем могу быть вам полезным, мисс НутраСвит™?

Явное равнодушие мистера Геймбоя™ окончательно добило Салли. В довершение ко всем неурядицам этого утра она горько разрыдалась.

— М-м-мистср Геймбой, п-п-простите меня! Из-из-изви-ните меня! Я… я больше… н-н-никогда не буду опаздывать!

Мистер Геймбой мгновенно проявил понимание и симпатию.

— Прошу вас, мисс НутраСвит™, не плачьте! Успокойтесь! Неужели вы действительно опоздали? Я этого даже не заметил. Вот возьмите Клинекс™, вытрите слезы и успокойтесь.

Салли с благодарностью приняла бумажный платок Клинекс™, вытерла глаза, высморкалась и попыталась улыбнуться.

— Вы не заметили, что я опоздала? Тогда почему… *та женщина* сидит за моим рабочим местом?

— Послушайте, мисс НутраСвит™, я в курсе того, что вы с мисс Люрекс™ не питаете друг к другу особых симпатий. Но все же не стоит при мне так говорить!

— Простите, мне было крайне неприятно видеть ее…

— Мисс Люрекс™ просто заменит вас на некоторое время. Понимаете, я приготовил вам новое задание. Куда более увлекательное, чем ваша обычная работа. Если вы согласитесь его выполнить и если вы успешно с ним справитесь, то окажете неоценимую услугу всей нашей Администрации и всем вашим коллегам-потребителям.

Слова босса окончательно сбили Салли с толку.

— Конечно, но что это за задание?

Мистер Геймбой™ вернулся к столу Этан Аллен™, однако садиться в кресло не стал, опустив мощное бедро на край столешницы. При этом он сложил руки на груди, превратив рубашку-дисплей от Майкрософт™ в причудливую мозаику радужных узоров.

— Мисс НутраСвит™, надеюсь, что вы в курсе последних новостей и вам известно о деятельности диссидентов, именуемых Зебрами.

— На прошлой неделе Том НутраСвит™ в инфомерческой передаче о них рассказывал. «Ниспровергатели товарных знаков: реальная угроза или пустая страшилка?»

Пристально посмотрев Салли в глаза, мистер Геймбой™ произнес:

— Разрешите заверить вас, мисс НутраСвит™, что какие бы выводы ни делали репортеры нашего телеканала, они делают их лишь после того, как эти выводы самым тщательным образом изучаются и одобряются Администрацией Развлечений и Долга. Мы неустанно следим за сохранением стабильности потребительского доверия. Я бы не стал расценивать это как знак недоверия к вашему клану, к любому клану, если на то пошло. Дело в том, что Администрация Развлечений и Долга имеет обязательство перед обществом в целом, которое вытесняет право индивида на полномасштабное разоблачение ярлыка.

Мистер Геймбой™ продолжал смотреть на Салли со жгучей

откровенностью, от которой голова у нее закружилась, словно от двойной порции водки Финляндия™.

Интересно, подумала она, к чему он клонит?

— Я открою вам несколько очень важных секретов, — продолжил тем временем босс. — Они неизвестны никому из рядовых потребителей. Вы должны обещать мне, что услышанное не уйдет дальше этих стен.

— Разумеется, мистер Геймбой™. Как скажете.

— Отлично. Во-первых, я раскрою вам тайну о том, что Зебры — вовсе не горстка анархистов, какими их изображают наши мультимедийные средства. На самом деле это многочисленная, хорошо организованная и прекрасно финансируемая группа оппозиционеров, которые сумели глубоко внедриться в самое сердце АРД.

У Салли от удивления перехватило дыхание.

— Не могу поверить, чтобы здравомыслящий потребитель стал *симпатизировать* Зебрам, не говоря уже о том, чтобы помогать им!

— С грустью должен признать, что, увы, это так. По каким-то извращенным причинам некоторые высокопоставленные лица связали свою судьбу с ренегатами. Именно потому вы и привлекли наше внимание, мисс НутраСвит™.

— Я не понимаю…

Мистер Геймбой™ жестом остановил ее.

— Мисс НутраСвит™… Салли… если вы позволите так называть вас… не пугайтесь того, что я вам сейчас расскажу. Зебры замыслили новое злодеяние, бесчестный поступок невиданных доселе масштабов. Они задумали свалить стебель башни АРД, это великолепное, величественное сооружение, в котором мы с вами в настоящий момент находимся, этот символ великих достижений и здоровой стабильности нашего общества.

Салли показалось, что она сейчас упадет в обморок. Нынешний жуткий день обрушил на нее столько бед! Наверняка это известие еще не последнее из них.

Как будто почувствовав ее смятение, мистер Геймбой™ встал и подошел к ней ближе. Обеими руками он ободряюще взял ее за руку.

— Салли, АРД и все кланы нуждаются в вашей помощи. Вы должны помочь нам предотвратить эту трагедию. Я прошу вас выступить в роли тайного агента, поработать под прикрытием, внедриться в ряды Зебр и вернуться ко мне живой и невредимой с подробным планом их злодейского заговора.

— Но… но… я всего лишь скромная представительница клана НутраСвит™, обычная секретарша! Почему бы вам не

поручить это задание профессионалу? Кому-нибудь из клана Бринке™ или из клана Уэллс Фарго™?

— Они скомпрометированы, Салли. Мы не можем быть до конца уверены, что кто-то изданных агентов не является тайным сторонником Зебр. Они станут первыми мишенями для антипатентно настроенных экстремистов. А вот кто-то вроде вас — благодаря вашему негромкому имени, скромному статусу и безупречной, незапятнанной репутации — внушит заговорщикам абсолютное доверие.

— Мистер Геймбой™, мне лестно, что вы посчитали меня достойной такого ответственного задания. Но я совершенно не подготовлена профессионально…

Мистер Геймбой™ выпустил ее руку, выпрямился и состроил строгую мину.

— Мисс НутраСвит™, сто лет назад, когда весь мир находился на грани гибели и отчаянно страдал от вспышек насилия преступных банд, озоновых дыр, перенаселения, подъема уровня мирового океана, окончательного распада инфраструктур, ничтожно малого товарного потребления, группа отважных мужчин и женщин — не обладавших какими-то особыми способностями, во всяком случае, не намного лучше нас с вами в этом отношении — поняла, что нужно сделать для того, чтобы спасти положение, и сделала это. Они создали кланово-товарную систему и Администрацию Развлечении и Долга. Огнем и мечом, бурей и натиском, вопреки всем бедам и назло невежественным и отсталым противникам они построили систему, которая досталась нам от них в наследство, систему, которая гарантирует каждому индивиду достойное место в счастливой новой семье. В течение целого столетия наша планета жила в мире и довольствии. Теперь же нашему наследству угрожает группа ненормальных отщепенцев. Время требует от обычных членов общества, таких как вы, Салли, совершить подвиг. Неужели вы, мисс НутраСвит™, подведете Отцов-Основателей Трейдмейкеров и Глобальную Гарантию? Разве вы не хотите жить в соответствии с их блистательным примером?

Салли поймала себя на том, что к концу хвалебной песни мистера Геймбоя™ о верности торговой марке растрогалась, и глаза ее увлажнились от слез. При этом они наверняка покраснели, и Салли пожалела, что не может сейчас закапать в них Визин™.

— Мистер Геймбой™, я… для меня… для меня это великая честь. Я сделаю все, что только в моих силах. С чего мне начать?

— Превосходно! Прежде всего вам следует отправиться в офис корпорации Мери Кей™ на девяносто девятом этаже. Там

займутся необходимым изменением вашей внешности. После этого вас вышлют в Колонию Спецпредложения, или, как ее еще называют, в Уцененку, как будто вы — закоренелая преступница. Для возвращения в ваш генотип придется закодировать особый биопропуск Бристоль-Майерс™. Вы предъявите его пограничной страже, и она благополучно препроводит вас обратно ко мне.

— Как же я узнаю о заговоре?

— Боюсь, что тут я не смогу вам ничего подсказать, мисс НутраСвит™. Эту партию вам, видимо, придется импровизировать со слуха.

Салли поняла: мистер Геймбой™ намекает, что их разговор окончен. Она встала и собралась было шагнуть за порог, но неожиданно остановилась.

— Мистер Геймбой™, разрешите спросить у вас кое-что еще, напоследок. Можно… можно мне по крайней мере сообщить моему жениху, куда я отправляюсь? Он достоим всяческого доверия. На свете нет человека лучше его и более преданного потребителя, чем он!

— Хм-м. Ваш приятель — Дэн Дюраселл™, верно? Да, ему вполне можно доверять. Вы можете рассказать ему все. Но больше ни единой душе!

— О, благодарю вас, мистер Геймбой™!

— Спасибо вам, мисс НутраСвит™!

Салли вышла. За дверями кабинета мистера Геймбоя™ Линда Люрекс™, несмотря на царственное высокомерие, как-то жалостливо посмотрела на Салли. Нельзя все-таки ей доверять такое задание!

Салли истолковала разрешение мистера Геймбоя™ поговорить с Дэном как возможность не торопиться в подразделение Мери Кей™ и поэтому отправилась сразу туда, где собиралась встретиться с женихом в обеденный перерыв. Часы показывали уже почти полдень.

Салли потребовалось около пятнадцати минут, чтобы проделать четверть пути, пролегавшего по бобовому стеблю до первой погрузочной станции фирмы Шевви™. Оказавшись внутри переполненного людьми терминала, она зашагала прямо к мегаплексу Кентакки Фрайд Чикен™.

Именно здесь судьба когда-то свела ее с грубоватым красавчиком по имени Дэн Дюраселл™.

Тогда в один из выходных дней Салли попала в этот терминал, потому что собралась совершить однодневную поездку в орбитальное казино Сизаре Пэлэс™. Дожидаясь рейса, она решила перекусить в ресторане Ориджинал Ресайп™. Зал был переполнен, и ей пришлось сесть за столик, за которым

расположилась шумная компания техников из кланов Дюраселл™, Энерджайзер™ и Эверреди™, чьи рабочие обеспечивали бесперебойное функционирование бобового стебля.

Один из них — старший над ними, как выяснилось в конечном итоге — был совсем не похож на остальных. Спокойный, уравновешенный, с неизменной понимающей улыбкой, он был особенно галантен с Салли и отнесся к ней с более чем обычным сердечным интересом. Казалось, ему хотелось знать о ней и ее работе в офисе мистера Геймбоя™ буквально все.

Начавшись со случайного знакомства, завязавшийся роман был затем подкреплен многочисленными свиданиями: походами в кино Шоукейс Синема™, ресторанчики сети Чак Е. Чиз™ и прочим — и постепенно перерос в серьезное намерение сочетаться узами брака.

Чувствуя, как от волнения бешено бьется сердце, Салли увидела в переполненном ресторане Дэна. Одетый в черно-золотистый комбинезон и серебристую каскетку, увенчанную искусственным анодом, он магнитом притягивал к себе внимание окружающих.

Вскоре Салли оказалась в его крепких объятиях.

— Дэн, я должна сообщить тебе потрясающую новость! Я получила новую работу! — выпалила она, когда он наконец выпустил ее из своих рук.

— Надеюсь, ты не ушла от мистера Геймбоя™? — спросил Дэн, подведя невесту к свободному столику.

— Ну, как бы тебе сказать…

Салли объяснила суть предстоящей миссии.

Лицо Дэна приняло озабоченное выражение.

— Черт возьми, Салли, я просто не знаю, как реагировать! Судя по твоим словам, задание может оказаться чрезвычайно опасным!

К этому моменту Салли уже полностью разделяла соображения мистера Геймбоя™.

— Вовсе и нет! Зебры не посмеют причинить вред официальному представителю АРД. Кроме того, они не узнают, что я не та, за кого себя выдаю!

— Моя малышка Салли — Зебра! — расхохотался Дэн. — Просто в голове не укладывается! Не говоря уже о том, что это крайне рискованно.

— Но я же сказала тебе: Зебры собираются взорвать бобовый стебель, если я не разоблачу их коварные планы!

— Мне думается, мистер Геймбой™ напрасно беспокоится. Впрочем, кто я такой, чтобы осуждать его за чрезмерную предосторожность. И все-таки, чтобы пробить стебель,

понадобятся по меньшей мере четыре лазерные пушки Мартин-Мариетта™ мощностью как минимум десять миллиардов свечей каждая, оснащенные ретрансляторами Хьюз™, которые должны располагаться точно под углом в девяносто градусов вокруг основания башни. Так что я отказываюсь взять в толк, как Зебры могут организовать эту операцию, не располагая прекрасно подготовленной и полностью оснащенной командой опытных техников.

В этот момент к их столику почтительно приблизился робот фирмы Сименс™, собранный из элементов корпорации Лего™.

— Вы не могли бы расписаться в получении четырех ящиков, мистер Дюраселл™?

— Разумеется.

Робот ушел, а Дэн произнес:

— Я бы солгал, если бы сказал, что не испытываю жуткой гордости за мою малышку, которая собралась поиграть в шпионские игры. Прошу тебя, будь осторожна и возвращайся целой и невредимой к любимому сыну мамы Дюраселл™!

— Обязательно, Дэн! Клянусь тебе, я буду хитрой, коварной и сообразительной!

Дэн сжал ее в прощальных объятиях, после чего они расстались.

Торопясь на встречу с представителем Мери Кей™, Салли мысленно представляла себе свое триумфальное возвращение. Мистер Геймбой™ будет настолько горд ею, что непременно повысит ее по службе. Если спецслужбы позволят, мультимедиа обязательно сделают фильм, в котором будет подробно рассказано о ее героических подвигах. А Дэн… как Дэн будет доволен и счастлив! Возможно, он даже решит ускорить день их будущей свадьбы. Ей наконец придется сделать окончательный выбор свадебного наряда. В прошлом месяце в онлайновой версии журнала Брайдз™ по ее просьбе было размещено несколько образцов. Однако, по мнению Салли, логотипы кланов НутраСвит™ и Дюраселл™ плохо вписывались в столь безвкусные модели. (Просто не верится, что она когда-нибудь привыкнет отзываться на имя Салли Дюраселл™!)

Вскоре Салли уже стучала в дверь косметического подразделения АРД. Все фривольные мысли она успела выбросить из головы.

«Я должна сосредоточиться исключительно на будущем задании», — твердила она себе.

Дверь открыл кто-то из людей клана Мери Кей™. Перед Салли стоял мужчина в традиционном изысканном спортивном костюме розового цвета и с неизменным толстым слоем грима, как у

актеров театра Кабуки™. Его накладные ресницы были длиной не менее двух дюймов. «Интересно, они не мешают ему?» — подумала Салли.

— Привет! — произнес представитель Мери Кей™ приятным баритоном. — Я — Марк, а вы, должно быть, Салли. Мистер Геймбой™ говорил мне, что вы придете гримироваться. Проходите. Прямо сюда.

Спустя несколько секунд Салли сидела в кресле напротив стены с цифровыми зеркалами.

— Сначала, — пояснил Марк, — нам придется убрать вашу торговую марку.

Салли вздрогнула, хотя и знала, что без этого никак не обойтись. Она представления не имела, как будет чувствовать себя после того, как лишится привычной торговой марки, потому что носила ее со дня своего появления на свет. В глубине души шевельнулось подозрение, что ощущение будет не из приятных.

Марк приставил к ее лбу ствол нанопульверизатора Сквибб™ и нажал на триггер.

Для того чтобы торговая марка исчезла полностью, потребовалась лишь пара секунд. Марк поставил регулятор зеркала на увеличение, и весь экран заполнило до неприличия голое лицо Салли. Сердце барабаном забухало у нее в груди.

— Ну-ну, успокойтесь, — произнес Марк. — Все в порядке. Я прекрасно понимаю, как вы себя сейчас чувствуете. Я перевидал сотни невест, которым пришлось пройти через эту операцию, когда их привычную торговую марку меняли на торговую марку мужа…

— Но я не собираюсь сегодня выходить замуж! Меня никто не предупредил!

— Не надо нервничать, киска.

Марк взял второй «пистолет» и «выстрелил» ей в руку. Почти мгновенно Салли превратилась в Зебру.

Там, где когда-то красовалась ее замечательная торговая марка НутраСвит™, теперь сиял омерзительный символ моральной, финансовой и социальной деградации.

Штрих-код!

И он был у нее не только на лбу. Этот Обезличенный Код покрывал в немалом количестве, подобно сыпи, вызванной корью или проказой, все ее тело!

— Теперь с вашим Обезличенным Кодом все в порядке! — заверил ее Марк с не подобающим ситуации весельем. — Вылитая безжалостная атаманша разбойников!

Хотя в данный момент Салли хотелось завопить во весь голос, она огромным усилием воли сдержалась. Ей предстояло

ответственное задание, а умение держать себя в руках — неотъемлемая его часть. Чем быстрее она выполнит порученное ей дело, тем скорее вернется в свое прежнее, привычное состояние.

Марк бросил ей на колени бесформенный, в черно-белую полоску комбинезон.

— Переоденьтесь в примерочной, а я пока вызову транспортное средство корпорации Херц™.

Салли послушно выполнила его распоряжение, сняв с себя свое миленькое платье, туфли-лодочки и трусики фирмы Викториаз Сикрет™, натянув вместо них колючий комбинезон и пару больничных шлепанцев с зеленой пенопластовой подошвой, которые она обнаружила в примерочной кабинке. (Биопропуск производства «Бристоль-Майерс»™, который наконец, к ее великой радости, отыскался, был спрятан в одном из карманов, и она мысленно воздала благодарность мистеру Геймбою™ за его легендарное внимание к мелочам.)

Когда Салли вышла из кабинки и снова посмотрелась в зеркало, то едва не вскрикнула. Однако прежде чем она успела издать даже слабый писк, по бокам от нее встали два служащих компании Херц™. Оба были вооружены пистолетами Глок™ в кобуре на поясном ремне, на лицах написано жестокое безразличие к страданиям Салли.

— Что ж, Зеброчка, — сказал один из них. — Давай-ка встряхнемся. До колонии добрых полчаса лёта!

После этого он вывел ее из комнаты.

— Пока! — жизнерадостно крикнул ей вслед представитель Мери Кей™. — Помните: вы себя чувствуете так, как вы выглядите!

Следуя логике рекламного слогана, Салли почувствовала себя настолько комфортно, насколько это было возможно. Транспортное средство компании Херц™ оказалось вертолетом Текстрон™. Пассажирские места в нем были отделены от пилотской кабины проволочной сеткой. Соглядатаи пристегнули Салли ремнями, и винтокрылая машина взмыла в воздух.

Пользуясь тем, что рядом с ней не было других пленников, Салли воспользовалась временным одиночеством, чтобы окончательно взять себя в руки и морально подготовиться к тому, что ей придется бороться за жизнь в суровом, неорганизованном, лишенном индивидуальности *безымянном* мире Уцененки. Этому отчасти способствовали грубые шутки, которые время от времени отпускали в ее адрес люди из компании Херц™.

— Ты глянь только на ее прикид! Уж наверняка сделан из *хлопка!*

— *Хлопка?* Да ты шутишь! Будет тебе АРД тратить ***хлопок*** на какую-то Зебру! Готов спорить, что это чистый *полиэстер!*

Пытаясь вжиться в свою новую роль, Салли тут же отплатила им той же монетой:

— Фу-у-у-у! *Рыба*!Да от вас, парни, воняет *рыбой!*

Грубияны лишь рассмеялись.

— Вот *рыбу* ты скоро и будешь хавать, сестренка!

Совсем скоро внизу засияли Голубые Огни колонии Спецпредложение.

Уцененка представляла собой анклав площадью в тысячу квадратных миль. Здесь когда-то располагалась самая крупная мусорная свалка Древних. Возвышаясь над окружающей местностью подобно доисторическому кургану, она была обнесена мощной высокой стеной, по верху которой протянулась колючая проволока. Здесь же, на верхней части стены, располагались символические Голубые Огни. По периметру колонию патрулировали вооруженные охранники.

Салли был известно, что власти не смеют сделать за стену и шагу, а припасы сбрасывают с воздуха. За власть над жизнью заключенных сражались анархисты и диктаторы, так что их существование было в лучшем случае шатко и ненадежно…

Вертолет опустился на посадочную площадку наверху стены. Салли передали с рук на руки местной охране. Вертолет снова поднялся в воздух.

Один из людей клана Бринке™ сделал выразительный жест дробовиком Смит-Вессон™.

— Давай-ка, Зебра, спускайся!

Салли вошла в указанную ей дверь и оказалась перед тускло освещенной винтовой лестницей.

Дверь за ее спиной захлопнулась.

Поскольку иного выбора у Салли не было, она стала спускаться.

Доковыляв до последней ступеньки, она почувствовала, что у нее немилосердно болят икры. Даже долгие часы, проведенные за тренажером фирмы Стейрмастер™, не смогли подготовить девушку к мучительному спуску.

Наконец Салли оказалась перед выходом. На мгновение замешкавшись, она шагнула за порог своего нового дома.

Было уже три часа дня. Над колонией скользнули одинокие тени рекламы собачьего корма Пурина Дог Чау™. Господи, подумала Салли, неужели это тот самый день, который она так замечательно начала бокалом Пепси™ в спальне своей ставшей теперь такой далекой квартиры… Даже не верится!

Ее поджидал высокий, плотного телосложения чернокожий

мужчина с белыми штрих-кодами.

— Привет! Меня зовут Гарри, — поздоровался он, протягивая ей руку.

Салли ответила рукопожатием.

— Гарри, а дальше?..

Гарри рассмеялся рокочущим смехом.

— Мы здесь обходимся одним только именем, слишком уже болезненно называть фамилию! Но тебе я скажу, когда-то я звался Ветнеп™. Я для тебя что-то вроде Уэлкам-Вэгон™. Если хочешь, чтобы я показал тебе достопримечательности, отдай мне свою дневную порцию еды.

То, с какой непосредственностью Гарри произнес слово еда, подсказало Салли, что новый знакомый вовсе не собирался грубить. Обдумывая его предложение, она огляделась по сторонам.

Целые толпы Зебр подобно стервятникам кругами ходили неподалеку, ожидая, что она откажется от общества своего спутника, чтобы тут же наброситься на нее. В дверях соседнего дома, сложенного из шлакоблоков, какой-то мужчина с уродливыми шрамами ковырялся в зубах самодельным ножом.

Салли испуганно вздрогнула и снова повернулась к Гарри.

— Согласна. Как можно отказаться от такого заманчивого предложения.

— Замечательно. Ну, пошли!

Здорово, подумала Салли, что ей подвернулся такой замечательный провожатый. Местные головорезы и разномастные неудачники торопливо уступали дорогу Гарри, который, как она успела заметить, все время держал одну руку в кармане.

— Ты получишь талоны на еду и койку в одном из женских общежитий поприличнее. А потом я покажу тебе наш славный городок.

Гарри повел девушку через поросший травой пустырь, и вскоре они оказались перед массивным зданием, из которого доносились запахи готовящейся пищи. В фойе ее спутник передал Салли кредитную карточку с микропроцессором, которую забрал у какой-то женщины. Та, по всей видимости, раздобыла ее каким-то нечестным образом и нахально потребовала за нее у Салли завтрашний обед.

По завершении сделки Гарри пояснил:

— Твоя карточка действительна на три приема пищи в день. Понимаю, тебе тоже нужно есть, так что можешь не торопиться. Рассчитаешься со мной и той бабенкой чуть позже. Я буду брать с тебя по обеду три следующих дня, она тоже. Тебе придется есть только раз в день.

Салли почувствовала, как от запаха пищи у неё подгибаются колени. После завтрака она сегодня больше ни разу не ела…

Гарри заметил ее состояние.

— Ну что? Проголодалась?

— Я бы слегка перекусила…

Гарри проводил ее в просторную столовую. Они взяли поцарапанные пластиковые подносы, столовые приборы из нержавейки и встали в очередь.

Меню не отличалось разнообразием. Посетители столовой просто брали с десятков совершенно одинаковых тарелок готовый салат, второе, напиток и десерт.

Никогда прежде не испытывала Салли большего унижения. Даже убогая одежда не причиняла ей таких страданий, как ритуал получения пиши. Когда подошла ее очередь, она предъявила карточку и заплатила за себя и за Гарри. Затем они взяли подносы и сели за столик.

— Это что, Спам™? — поинтересовалась Салли, глядя на квадратный шматок розового колбасного фарша неясного происхождения.

Гарри захохотал так громко, что на них стали оглядываться.

— Ты больше никогда в жизни не увидишь ничего такого нежного, как Спам™, моя милая! Это — мясо-загадка!

Салли заставила себя проглотить «мясо» вместе с растворимым картофельным пюре, апельсиновым эрзац-напитком и пудингом с запахом шоколада.

После обеда она отправилась вслед за провожатым в общежитие, где ей выделили одну из бесчисленных расположенных ярусами коек — к несчастью, верхнюю.

Салли задумчиво потерла натруженную ногу.

— Я отведу тебя в церковь, в которую обычно хожу. После этого можешь быть свободной.

Салли поразилась тому, что в колонии есть церковь. В голове не укладывалось, чтобы какая-то из Официальных Религий учредила здесь миссию, хотя, кто знает, может, Мормоны™…

Гарри отвел ее к какому-то безобидному зданию, которое ничем не отличалось от остальных здешних строений. Когда они вошли в приемную, он остановился и немного помолчал.

— Многие, оказавшись здесь, утратили всякое почтение к торговым маркам. Нас, тех, кто сохранил истинную веру, осталось совсем мало. Мы все еще верим, несмотря на то, как сурово обошлось с нами общество. Надеюсь, ты станешь одной из нас.

С этими словами Гарри провел ее в полутемную церковь.

На алтаре в передней части помещения стояло несколько десятков пустых жестянок, бутылок, коробок и даже настоящих

изделий. Все они давно утратили товарный вид — пожелтели, запылились, ссохлись, покорежились от времени. Однако то на одном, то на другом предмете все еще светились великолепные торговые марки.

Здесь была банка с супом Кэмпбелл™ и упаковка с горохом Бердз Ай™. Оберткой от бумажных салфеток Чармин™ была накрыта батарейка Сиэрс Дайхард™. Коробка печенья Сара Ли™ стояла рядом с банкой Тэнг™. Подгузник Хаггис™ явственно доносил до обоняния прихожан аромат окаменевших детских какашек.

Не желая мешать коленопреклоненным верующим, Гарри прошептал:

— Внизу, в подвале, мы раскопали старую мусорную свалку. Узнай об этом полиция, она запретила бы. Но поскольку мы умеем не высовываться и крепко держим язык за зубами, то по-прежнему имеем возможность любоваться священными торговыми марками…

При виде священных торговых марок на глаза Салли навернулись слезы, а в сердце всколыхнулось былое мужество. Даже в бездне убогости и отчаяния некоторые ее идеалы все еще живы…

— Спасибо тебе, Гарри. Если я задержусь здесь надолго, то обязательно буду приходить в эту церковь!

Гарри поспешно вытолкал девушку из церкви.

— Что ты хочешь сказать — если задержишься здесь надолго? Тебя упекли сюда до конца дней твоих, детка!

Салли, подыгрывая ему, ответила с заговорщической интонацией:

— Я пробуду здесь до тех пор, пока у власти будет оставаться АРД. Надеюсь, мой намек ты понял?

— То есть…

— Именно! Я хочу выйти на того, кого называют Ланчмит!

— Ты не представляешь себе, во что можешь вляпаться… — покачал головой Гарри.

— Умоляю, Гарри! Прошу тебя как бывшая НутраСвит™ бывшего Ветнепа™!

Упоминание старых клановых фамилий, похоже, подействовало на Гарри отрезвляюще.

— Хорошо. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал!

И они зашагали по извилистой тропе, проходившей через всю старую свалку. Они то сворачивали в переулки, то перебирались с крыши на крышу до тех пор, пока Салли окончательно не потеряла представление о том, где находится.

Наконец они остановились перед дверью, сколоченной из брусков прессованных опилок, которая ничем не отличалась от сотен подобных дверей.

Гарри постучал, и дверь приоткрылась.

— Для вашего автомобиля подходит Мобил™? — спросил неизвестный голос.

— Нет, он ездит на *бензине*.

— Входи, друг.

— А теперь я оставлю тебя, подруга. Политика — не мое дело. Удачи тебе.

С этими словами Гарри торопливо зашагал прочь. Салли даже не успела поблагодарить его. Тем временем дверь распахнулась.

Салли вошла внутрь.

Перед ее взглядом предстала группа Зебр, мужчин и женщин с суровым выражением лиц.

Первой обратилась к ней женщина с седыми волосами:

— Зачем ты пришла сюда?

— Хочу вступить в ваши ряды. Я слышала, что вы задумали что-то очень важное, что-то связанное с бобовым стеблем. Я… я когда-то работала там и подумала, что смогу помочь вам… поделюсь информацией…

— Какой информацией? — улыбнулась женщина.

— Я могу сообщить ее только самому Ланчмиту.

Женщина подошла к Салли и крепко схватила ее за ткань комбинезона.

— С какой стати мы должны тебе верить? С чего это ты так возненавидела АРД, что решила выступить против них?

— Они отправили меня сюда…

— За что?

— Да, — вступила в разговор еще одна женщина-Зебра. — Что ты такого натворила?

— Я… я нарисовала усы на плакате Тетушки Джемаймы™! — быстро нашлась Салли.

Зебры взволнованно ахнули. Женщина, вцепившаяся в ее комбинезон, выпустила Салли.

— Молодец, малышка. Давайте отведем ее к боссу.

Святая святых штаб-квартиры мятежников была лишена окон и освещалась одной-единственной *безымянной* лампочкой в двадцать пять ватт. За столом спиной к двери сидел какой-то человек.

Салли почувствовала себя удивительно одиноко в его обществе. После долгой паузы, бесконечной, тягучей, как Силли Путти™, он обернулся.

Салли испуганно вскрикнула.

— Мистер Геймбой™!

Мистер Геймбой,™ превращенный подобно Салли в Зебру, поднялся из-за стола. Он медленно приблизился к своей бывшей секретарше, испуганно попятившейся обратно к закрытой двери.

— Вы действительно удивлены, мисс НутраСвит™? Я доволен, что мой маскарад удался.

Салли куснула себя за палец.

— Но… почему?

Лицо мистера Геймбоя™ приняло злобное выражение.

— Разве я вам никогда говорил, мисс НутраСвит™, что родился не в клане Геймбой™? Что мой высокий социальный статус — результат обмана? Что я присвоил себе чужую биографию, чужое прошлое?

— В каком… каком же тогда клане вы родились?

Мистер Геймбой™ подался вперед и буквально выплюнул ненавистное имя:

— Тай-Ди-Боулз™!

Лицо мистера Геймбоя™ побагровело, и он заговорил оскорбительным тоном, которого Салли от него никогда раньше не слышала.

— Вы представляете себе, мисс НутраСвит™, что значит родиться в таком отвратительном клане? Расти, терпя насмешки и издевательства всяких там маленьких Ниссанов™, и Солтайнов™, и Оскар Майеров™? Они дразнили меня Синемордым Бобби! А другие прозвища?! Они вообще не для ваших нежных ушек! Даже малышня из клана Аякс™ смотрела на меня свысока. Я терпел восемнадцать долгих мучительных лет, а потом сбежал. Да разве вы можете понять глубину моей ненависти? Конечно же, нет! Потому что вам посчастливилось явиться на свет в вашем нежно-сладеньком клане! И я поклялся разрушить систему, которая топтала и унижала меня. Сегодня долгожданный час настал.

Салли неожиданно разрыдалась.

— Но я тут при чем? Зачем было втягивать меня в ваши планы?

— Потому что я ненавижу тебя! Ненавижу с той минуты, когда ты пришла ко мне на работу! Ты олицетворяешь все, что я презираю в вашем обществе. Только мысль о твоем окончательном падении не позволяла мне блевать от каждого произнесенного тобой слова!

Внутренняя дверь комнаты открылась, и на пороге появилась Линда Люрекс™.

— Бобби, я обожаю, когда ты говоришь таким тоном! Ну что, начнем?

— Конечно!

Мистер Геймбой™ крепко сжал запястья Салли, как будто склеив их суперклеем Крейзи Глю™, и втолкнул девушку во вторую дверь.

Соседняя комната напоминала склад с высоким потолком, к которому вели площадки с полом из проволочной сетки. В центре помещения возвышался огромный металлический бак. Салли подтолкнули прямо к нему.

Здесь ей надели ремни, протянув их под мышками. А затем связали запястья. К «упряжи» прикрепили прочную веревку, и в следующее мгновение Салли взмыла вверх.

Мистер Геймбой™ со зловещей ухмылкой потянул за продетую в блок веревку. Линда Люрекс™ с интересом наблюдала за происходящим. Салли чувствовала, что повисла прямо над центром бака. Ее мучитель закрепил веревку на металлической стойке.

Посмотрев вниз, Салли увидела в баке какую-то бурлящую голубую жидкость.

От страха у нее перехватило дыхание.

— Нет!..

— Да! — рявкнул мистер Геймбой™. — Кипяток с добавлением Гай-Ди-Боулз™!

Мерзавец — теперь мысленно она называла его исключительно Ланчмитом — вытащил из кармана нож.

— Готовьтесь к смерти, мисс НутраСвит™!

Лезвие ножа вонзилось в волокна веревки. Было слышно, как они лопаются одно за другим.

— Не так быстро!

Салли подняла голову. На верхней сетчатой площадке стоял Дэн Дюраселл™! И в руках у него была винтовка!

Линда Люрекс™ истошно завопила. Бывший босс Салли тоже был явно растерян.

Прогрохотали два выстрела. Злодей и его подружка рухнули на пол, напоминая скомканные полотенца Скотт Тауэлз™.

Одним махом Дэн соскочил на пол, опустил Салли и развязал ей руки.

Обретя способность говорить, Салли произнесла:

— Дэн, я ничего не понимаю!

— Не волнуйся, дорогая! — ответил ей отважный представитель клана Дюраселл™. — Я никому не позволю сделать тебе больно!

Салли немного успокоилась.

— Скажи мне, Дэн, что мы с тобой станем мужем и женой, и все будет в полном порядке!..

— Видишь ли, все может быть немного не так, как ты себе представляешь. Но вообще-то да, все будет хорошо.

Дэн засунул руку в карман золотисто-черного комбинезона и жестом фокусника извлек запотевшую, покрытую бисеринками влаги банку Кока-колы™. Она засияла перед Салли наподобие Святого Грааля.

— Похоже, дорогая, тебе пора немного освежиться!

— Ты такой заботливый, Дэн!..

— Тс-с! Тише! Просто глотни *колы!*

«The Ballad of Sally NutraSwcet™». Перевод А. Бушуева

ОТВЕДИТЕ МЕНЯ К РУЛЕВОМУ

Еще один из моих рассказов, названия для которых я позаимствовал у поп-песен. В данном конкретном случае налицо, однако, полное несоответствие настроения грустной, напоминающей госпел песни Элтона Джона и моей попытки вторжения в комическую онтологию. Мне хотелось достигнуть ощущения, какое возникает при просмотре культового фильма «Бакару банзай»: идиотские приключения эксцентричного всезнайки, но имеющие грандиозную предысторию. А рассказать все это с точки зрения «обыкновенного парня» — самое безопасное решение, если предполагается, что протагонист — невероятного масштаба гений.

Неделька выдалась ничего себе.

Собственно, не столько для меня, сколько для всего мира.

В понедельник гора Фудзи, дремлющая с 1707 года, вдруг со страшным грохотом пробудилась, обрушив на Токио тучу пепла и углей — будто закашлялся курильщик размером с Годзиллу. Когда красный ковер лавы подступил к городу, миллионы человек пришлось спешно эвакуировать.

Во вторник в тектонически стабильном районе Монголии образовался разлом в милю шириной и такой же в длину, поглотив сотни яков и дюжину пастухов вместе с их лошадками. Русские так и не выяснили глубины трещины, так как посланную с этой целью экспедицию смел с лица земли неизвестно откуда взявшийся смерч.

Со среды по пятницу случилась глобальная эпидемия раковых ремиссий; доктора, грызя стетоскопы, выписывали пациентов тысячами. Впрочем, освободившиеся койки тут же заняли сотни женщин со спонтанными пятимесячными беременностями, причем некоторые из бедняжек оказались сертифицированными девственницами.

Поздно вечером в пятницу что-то невидимое аккуратно, точно садовник розу, срезало шпиль с небоскреба Крайслера.

Отрезанный шпиль неторопливо проплыл над Манхэттеном, а затем обрушился в водохранилище Центрального парка острием вниз, причем образовавшейся волной затопило подвалы Музея искусств Метрополитен.

В субботу взошла полная луна, зеленая, как лайм.

В воскресенье луна вообще не взошла.

Само собой, человечество пребывало в панике. Религиозные лидеры всевозможных конфессий пророчили конец света. Политики, спеша в бомбоубежища, призывали к спокойствию. Ученые выдвигали взаимоисключающие теории и требовали миллиарды на дальнейшие исследования. Отчаявшиеся люди на улицах бросались к гадалкам, барменам, психоаналитикам и экстрасенсам за ответами и утешением.

Что до меня, я отправился навестить своего приятеля Дарвина Врума.

Что-то подсказывало мне: он в курсе происходящего.

А может, и приложил к этому руку.

Видите ли, когда Дарвин вернулся после открытия Атлантиды — это было сразу после путешествия к центру Солнца, но еще до инцидента с разумными муравьями, — он был какой-то сам не свой. Я чувствовал, что его гнетет некая важная проблема, загадка, с которой ему никак не управиться.

А когда Дарвин не в состоянии найти решение, может произойти что угодно.

Дарвин жил в доме, переделанном из авианосца, в Элмхерсте. Очень милый районч ик. Помню, когда он только переехал, соседи подняли страшный шум. Да оно и неудивительно: сорокафутовый робот, ночные визитеры, изъясняющиеся на внеземных языках, агрегаты для рытья туннелей, воздушные бои безынерционных летательных аппаратов — вполне достаточно, чтобы любой, кто не знаком с Дарвином, слегка занервничал.

Мой приятель справился с проблемой, скупив все соседские земли по двойной цене. Шестьдесят акров. Заплатил городу налог за двадцать лет вперед, чтобы подмазать власти. Теперь вся собственность была огорожена разумным забором, и Дарвин жил там в гордом одиночестве.

Я остановил машину у передних ворот. Собственно, на самом деле это были не ворота, а своего рода блестящая синтетическая паутина, в центре которой сидел кибернетический паук.

Паук выставил вперед свои жуткие щупальца.

— Назовите ваше имя и цель визита.

— Бернетт Томпсон, я…

— Берн! — воскликнул паук голосом Дарвина. — Ты как раз вовремя! Входи!

Паук принялся пожирать паутину, и вскоре я смог попасть внутрь.

Со времени последнего моего визита все здесь изменилось. Милые домики Элмхерста оказались разобраны на части полчищами механических термитов. Те, что стояли у самого забора, превратились просто в кучи пыли. Я знал, что у Дарвина большие планы. Для начала он собирался установить секретное оружие на случай вторжения своих заклятых врагов вроде созданий с нейтронной звезды. И еще однажды он вскользь упомянул что-то насчет орбитального лифта…

Но ведь сначала следовало все тут прибрать, вот Дарвин и выпустил трудяг-насекомых.

Я подъехал к дому-авианосцу и выбрался из машины. Блеск солнца на титановых плитах крыши ослепил меня, но как только я оказался в тени парящей в воздухе, оснащенной лазерами защитной платформы, резь в глазах прошла.

Едва я нажал кнопку звонка, как, к моему удивлению, на пороге появился сам Дарвин. Я сказал «появился», а не «открыл дверь», так как Дарвин воспользовался встроенным в половик телепортационным диском.

Прошло уже десять лет с тех пор, как мы вместе учились в колледже. Я, Дарвин и Джин. Именно Джин в миг пьяного озарения изменила фамилию Дарвина с Фрума на Врум[4], навсегда переименовав его в соответствии со свойствами его гиперактивного ума.

Я часто думаю, как там сейчас Джин, замужем за Властелином Галактики. Скользкий тип, доложу я вам. А эта эспаньолка… впрочем, никогда не скажешь, на кого западет девушка. Я стараюсь поменьше думать о ее выборе (признаюсь, весьма для меня болезненном), с тех пор как Джин оставила Землю, чтобы начать новую жизнь в качестве королевы Великого Космоса.

За напряженное десятилетие, прошедшее с того времени, как Дарвин получил свои три с половиной ученых степени (половина была по провансальской поэзии), мой приятель не изменился ни на йоту. Всклокоченная шевелюра, физиономия, при взгляде на которую я всегда вспоминаю Гарольда Ллойда, костлявые запястья, вывернутые наизнанку футболки, детская страсть к мороженому со вкусом ламинарии (его специально для Дарвина готовили у «Бена и Джерри») — в общем, все тот же блестящий, хотя и слегка сумасшедший гений, какие рождаются один раз в геологическую эру.

Ничто не откладывало на нем отпечатка. Ни первый заработанный миллиард (тут я ему немного помог: мы вместе

провернули дельце с дешевыми биомиметиками, и одни только «Штаны любви» принесли нам по миллиону). Ни битва с разумными лобстерами. Ни блуждания в подземных марсианских развалинах. Ни рассинхронизация той сверхновой.

Только в последнее время Дарвин был какой-то сам не свой — его беспокоила загадка, которой он пока со мной не поделился.

Когда Дарвин сошел с половика и мы пожали друг другу руки, я немедленно перешел к цели своего визита:

— Дарвин, ты следил за новостями этой недели?..

Он тут же прервал меня:

— Излечение рака и беременности… да, тут я переборщил, но все остальное — не моих рук дело.

— Я так и знал! Я знал, что ты в курсе. Слушай, это напоминает мне тот случай с Землей из антиматерии…

— Все гораздо серьезнее. И будет еще хуже, если мы не поторопимся. За мной!

Дарвин встал на телепортационный половик и исчез. Я последовал его примеру.

В то же мгновение мы очутились в длинной, без окон комнате, битком набитой всякими странными приспособлениями. Я узнал кальвонический превращатель и стойку с глюонными торпедами — все остальное было мне совершенно незнакомо.

— Ты перестроил мансарду?

— Какая мансарда, мы в полукилометре под землей! Я построил убежище от тех, кто надеется прищучить меня. Впрочем, сейчас оно совершенно бесполезно. Это укрытие со всеми его защитными средствами все равно что щенячья корзинка против того парня, с которым мы имеем дело, — вздумай он обратить на нас внимание. С другой стороны, оно в равной степени безопасно — или небезопасно, — как и любое другое место. К тому же тут есть все необходимое оборудование.

— Дарвин, я никак не пойму. Что случилось-то?

Дарвин вздохнул. Он терпеть не может растолковывать что-то тугодумам вроде меня — мой коэффициент интеллекта едва переваливает за пятьсот, — но дружба есть дружба. В конце концов я спасал ему жизнь не меньше дюжины раз — не считая прошлого года, когда на Юпитере у Дарвина отказал скафандр. Так что он вздохнул и постарался изъясняться понятным мне языком:

— Берн, у тебя никогда не было чувства, что наш мир ненастоящий? Что где-то еще существует уровень реальности высшего порядка?

— Ты же не имеешь в виду гиперпространство или

Заковыристую Зону?

— Нет-нет. Это всего лишь топологические выверты нашей вселенной, составные части нашего пространственно-временного континуума. Я же имею в виду другой порядок бытия. Эта трансцендентная проекция по отношению к нашей вселенной все равно что наша вселенная по отношению к киберпространству. Наше пространство может оказаться всего лишь, так сказать, информационной тенью, содержащейся в чем-то значительно большем. И так же, как мы с тобой, подобно богам с легкостью манипулируем содержанием виртуальной реальности, так же и обитатели этой трансцендентной проекции способны манипулировать реальностью нашей. Что бы мы ни делали здесь, не оказывает на них ни малейшего влияния, зато им достаточно лишь пальцем шевельнуть…

Даже моему примитивному мозгу не понадобилось много времени, чтобы сложить два и два.

— Это не просто домыслы, да, Дарвин? Ты ведь уже побывал в этом волшебном королевстве?

— Ты прав, Берн. Прошло немало времени, пока я сориентировался, что к чему. И я еще до сих пор многого не знаю. Отсюда, кстати, и неразбериха с беременностями на нашей Земле. Теперь, к сожалению, время экспериментов прошло. Видишь ли, я встревожил кого-то — или что-то, — кто обитает там. И он — или она, или оно… он-то и устроил весь этот цирк вроде исчезновения Луны. Я должен остановить его, пока не произошло чего похуже. Надеюсь, вдвоем у нас есть шанс обезвредить противника. Ты в игре?

— В игре ли я? Да это же величайшее приключение в нашей жизни! Дарвин, ты, должно быть, шутишь. Да я бы не упустил такой шанс за все живые бриллианты, добываемые на рабских рудниках Галактического Оверлорда!

Дарвин хлопнул меня по плечу.

— Я знал, что могу на тебя положиться, Берн! Вперед!

— А как мы туда попадем? Используем Фотонный Клипер? Фантосферу? Х-вездеход? Нейтринную Трубу?

— Ах, Берн, ты по-прежнему привязан к нашей вселенной. Никак не преодолеешь умственный барьер. Это место — назовем его «сверхленная» — одновременно и ближе, чем наша собственная кожа, и дальше, чем Безмолвный Квазар. Нет, сверхленной можно достичь только лишь с помощью комбинации психического и сенсорного воздействия.

При этих словах в комнату бесшумно вкатился механический слуга. В двух руках он держал что-то вроде костюмов для виртуальной реальности, в третьей — поднос с двумя бокалами.

— Одевайся, — приказал Дарвин.

Я повиновался без дальнейших расспросов. (В последний раз, когда я усомнился в Дарвине, дело кончилось тем, что мы заблудились в венерианских джунглях за миллион лет до Рождества Христова.)

Мы полностью облачились в костюмы, оставив открытыми лишь забрала шлемов, и взяли с подноса бокалы.

— Рецептуру я разработал совместно с Теренсом Маккенной и «Сандос лабз». Псилоцибин, лизергиновая кислота и закись азота вместе с другими компонентами упакованы в микрокапсулы. Вкупе с биомиметическими цепями, встроенными в костюмы, это доставит нас прямиком в сверхленную.

— Возьмем с собой какое-нибудь оборудование?

— Ответ отрицательный, напарник. К слову сказать, приготовься к небольшому сюрпризу.

С этими словами Дарвин осушил бокал. Я последовал его примеру.

— Лучше приляг, — посоветовал Дарвин.

Опустив забрала шлемов, мы улеглись на роскошные кушетки, в которых я узнал трофеи из королевства Опар.

Неторопливо, подобно тому, как снежная шапка тает в радужном тумане, знакомая вселенная, в которой мы с Дарвином пережили столько приключений, начала исчезать. В желудке возникло точь-в-точь такое же чувство, как когда Космические Пираты из Магелланова Облака принялись палить в нас из своих Коликовых Пистолетов. К счастью, мой завтрак состоял всего лишь из одной Чудесной Пилюли.

Все вокруг потемнело. К своему удивлению, я почувствовал, как костюм виртуальной реальности исчезает, а с ним и моя обычная одежда. Перед глазами плавали колышущиеся амебообразные пузыри света, но потом мало-помалу зрение начало проясняться. Я дважды моргнул, и окружающий мир понемногу сфокусировался.

Во все стороны до бесконечности вокруг меня простиралась подстриженная трава, полосатая, как мятный бамбук. На бело-розовом торфе с равными промежутками торчали деревья, напоминающие конусы сахарной ваты на сужающихся книзу стволах. В траве шныряли триллионы вислоухих кроликов несметного количества цветов и оттенков — ни дать ни взять кроличий Манхэттен.

Небо… небо было похоже на яркий шотландский плед и, казалось, висело над самыми верхушками сахарных деревьев. Освещение давали красные полоски на пледе.

В подземном убежище Дарвин находился слева от меня.

Я повернулся влево.

Передо мной красовалось создание, ничем не отличающееся от Моего Маленького Пони: карликового роста пастельно-голубая лошадка с длиннющей волнистой гривой.

— Дарвин?..

Лошадка заговорила.

— Так оно и есть, напарник. А теперь — за дело! Время не ждет!

Я поднял то, что должно было бы быть моей рукой. В поле зрения оказалось раздвоенное копыто цвета ириски.

Пони, который был Дарвином, поскакал прочь. Я не сразу отправился вслед за ним.

— Дарвин, пожалуйста, подожди минутку. Я хочу кое-что у тебя спросить.

Моему Маленькому Пони трудно изобразить раздражение, но Дарвин как-то ухитрился.

— Ладно, только скорее. Пока мы тут рассусоливаем, на Земле в любую минуту может случиться что-нибудь ужасное.

Пытаясь расположить мои вопросы в порядке важности, я спросил:

— Дарвин, а ты уверен, что это и впрямь сверхленная, царство совершенства, существующее на трансцендентном уровне реальности, превосходящей все, что мы знаем?

— Абсолютно.

Какое-то время я переваривал его слова.

— И в этой сверхленной разумные обитатели выглядят именно так?

Я помахал копытом.

— Нет. Разумные обитатели — вот эти кролики. Я называю их смерпами.

Я посмотрел на стада кроликов — или смерпов.

— И каждое из этих созданий соответствует определенной личности там, на Земле? Может быть, кому-то, кого мы знаем и любим?

— Людям соответствуют только оливково-зеленые. Смерпы остальных цветов принадлежат к другим видам. Все живое гармонично сосуществует в сверхленной — жуки, кактусы, киты, ганимедские слизистые черви.

— А то, во что превратились мы?..

— Такова реакция сверхленной на наше несанкционированное вторжение. Мы уникальны. Никого подобного нам мы здесь не встретим — за исключением, возможно, злодея, на которого мы охотимся. Хотя за долгие годы он мог научиться маскировке.

— А где сейчас наши настоящие тела?

— Там же, где и были: лежат без сознания под воздействием наркотиков и биомиметических костюмов.

Я еще раз огляделся по сторонам. Сверхленная напомнила мне детские настольные игры. «Сахарная страна». «Дядюшка Уигли». «Лестницы и горки».

— Все, чем мы живем в нашей вселенной, все ужасы и радости, священные тайны и низкое святотатство… все это происходит отсюда?! Из этого рисунка мелками?

— Берн, ты снова делаешь ценные умозаключения. А собственно, почему нечто простое не может дать жизнь чему-то сложному? Так случается сплошь и рядом, даже в обычном космосе. Я имею в виду, атомы водорода ведь служат основным строительным материалом для звезд, верно? Кстати, мне сверхленная нравится. Есть в ней добродетель неиспорченной простоты.

— И полная тупость!

— Об этом не нам судить, Берн. Вперед! Нужно найти рулевого!

— Рулевого?

— Так я называю того, кто заварил всю эту кашу на Земле. Поначалу я дал ему имя «доктор Стрендж», но оно не подходит. Он вовсе не великий волшебник. Скорее напоминает парня, который посадил на мель нефтяной танкер «Экссон Вальдес». Хотя я и подозреваю, что Рулевой обитает в сверхленной невообразимо долгое время, сдается мне, он какой-то недоразвитый. Среди богов такие на десятых ролях.

Я уже начинал чувствовать себя персональным эхом Дарвина, однако не мог сдержаться:

— Бог? Да неужто он заслуживает такого названия?

Мой Маленький Пони, который был Дарвином, погрузился в раздумья.

— Боюсь, это так, Берн. Нет почти никаких сомнений, что большинство из приписываемого Богу на самом деле — работа Рулевого.

Судя по всему, я умудрился изобразить на своей лошадиной морде сомнение, потому что Дарвин продолжил:

— Ты никогда не задумывался, почему — если это Бог, — почему он кажется таким капризным и жестоким, сверх-активным в одно столетие и совершенно пассивным в другое? Теперь у нас есть ответ. Бог — злостный нарушитель вроде нас. Просто он прибыл в сверхленную в незапамятные времена. Скажем, четверть миллиона лет назад. До этого в сверхленной царила тишь да гладь, как и на нашей Земле. С прибытием грубого, неумелого

Рулевого все пошло по-другому. Нет, конечно, стремление к энтропии было всегда, но Рулевой поднял иррациональность на новый уровень. Ему, к примеру, ничего не стоит помогать обеим воюющим сторонам!.. Нам предстоит остановить негодяя. Вперед!

Дарвин затрусил к одному из ватно-сахарных деревьев. Пришлось догнать его, чтобы задать следующий вопрос:

— Так я был прав насчет того, что всему в сверхленной есть соответствие в нашем мире?

— Все немного сложнее, однако в целом верно.

— А что происходит на Земле от того, что мы вытаптываем здесь траву?

— К счастью, трава представляет собой космологическую константу, невидимую энергию, принадлежащую вакууму между мирами. Так что мы всего лишь слегка колеблем пространственно-временной континуум.

Повсюду, куда ни глянь, смерпы продолжали сосредоточенно жевать траву, не обращая на нас ни малейшего внимания. Я заметил среди стеблей еще какие-то растения. Например, штуковину с крошечными листьями и гроздью фиолетовых ягод и еще одну с желтым цветком, как у клевера.

— Что это?

— Те, что с ягодами, вызывают беременности. Я как-то случайно поместил среди этих растений несколько зеленых смерпов, и они начали есть их… остальное ты знаешь.

— Матерь божья!

— А клевер вызывает рак. Я отогнал от него нескольких смерпов.

— Дарвин, боже мой, это слишком большая ответственность! Понятное дело, бывали времена, когда мы с тобой держали в руках судьбы целых планет, да что там, дюжин звездных систем — помнишь, что произошло, когда на свободу выбрался Пожиратель Тьмы? Но здесь ведь совсем другое дело. Там мы знали свои возможности и возможности врага. А тут чуть ошибешься, и, глядишь, целую галактику как корова языком слизнула!

— Что верно, то верно, но мы ведь не можем позволить Рулевому околачиваться здесь, особенно теперь, когда мы столько о нем узнали, верно? Наш долг — спасти мир!

— По-моему…

Тут мы добрались до ствола ватного дерева, и Дарвин сказал:

— Каждое из деревьев представляет целый класс объектов. Это — дерево естественных спутников. Именно манипулируя этим деревом, Рулевой сначала сделал Луну зеленой, а потом заставил ее исчезнуть.

Я вздрогнул.

— Так что, мы сейчас восстановим Луну?

— Бери выше. Я уверен, что Рулевой до сих пор здесь!

Крона дерева была такая прозрачная, что я просто не понимал, как что-то может в ней спрятаться.

— На верхушке каждого дерева находится дверь в метафизический пульт управления. Наверняка там и прячется Рулевой. В одиночку я не смог туда добраться, но с твоей помощью…

Я понял, куда клонит Дарвин. Дотянуться до нижних ветвей он мог, только взобравшись мне на спину.

Итак, я встал поддеревом и позволил Дарвину на меня вскарабкаться. Четыре копыта Моего Маленького Пони уперлись мне в спину, затем я почувствовал только два задних, и наконец, вес Дарвина исчез.

Я внимательно наблюдал, как Дарвин перебирается с ветки на ветку. Когда он достиг верхушки, в небе открылась дыра, и Мой Маленький Пони нырнул в нее.

Дыра закрылась.

Я ждал.

Внезапно дыра открылась снова.

Первым из дыры вылетел Рулевой, за ним Дарвин. Оба рухнули вниз, приземлившись на космологическую константу с громким шлепком.

У меня было всего несколько секунд, чтобы рассмотреть Рулевого.

То, что я увидел, оказалось неандертальцем. Волосатый приземистый пещерный человек с нависающими надбровьями и тяжелой челюстью, типичный представитель доисторических охотников на саблезубых тигров.

Дарвин, кряхтя, поднялся на ноги.

— Быстрее! За ним!

Мы бросились в погоню за кривоногим, но удивительно шустрым Рулевым. Бесчисленные смерпы кинулись врассыпную, вызывая бог знает какой переполох в нормальной вселенной.

Я выдохнул на бегу:

— Как… как он попал в сверхленную?

Умеренный галоп не помешал Дарвину начать очередную лекцию:

— Ингредиенты нашего коктейля легко найти на Земле. И я подозреваю, что уединение в пещере среди наскальных рисунков оказало такое же действие, как наши биомиметические цепи.

— Но… как же он прожил здесь столько лет?

— Похоже, он питался смерпами. Я нашел обглоданные

кости.

— О-о!..

Рулевой приближался к очередному дереву.

— Нельзя допустить, чтобы он добрался туда! — крикнул Дарвин. — Это дерево гигантских астероидов, сталкивающихся с планетами!

Дарвин пустился вскачь и отрезал Рулевого от его цели. Пещерный человек, оказавшийся единственным богом, которого когда-либо знал наш мир, издал раздосадованный вопль и бросился в другую сторону.

Я начал уставать. Нельзя же целый день участвовать в скачках! Как долго мы сумеем удерживать Рулевого на траве? Раньше или позже он перехитрит нас, и тогда на Земле воцарится настоящий хаос.

По-видимому, Дарвину пришла в голову та же мысль. Он сделал последний отчаянный рывок и бросился на Рулевого, сбив его с ног. Рулевой кубарем покатился прямо на группку оливково-зеленых смерпов.

Когда он поднялся на ноги, в каждой его ручище было по смерпу.

— Мать честная! — только и сказал Дарвин.

— Кто? Что? Кого он поймал?

— Нас! Это смерпы, из которых произошли Дарвин и Бернетт. Я идентифицировал их, когда был здесь в прошлый раз.

Прежде чем я успел хоть что-то сказать, Рулевой свернул обоим смерпам шеи и швырнул бездыханные трупики на траву.

Дарвин ударил копытом в землю.

— Ну, ты меня окончательно достал! — взревел он и бросился вперед.

Я за ним.

Если вы никогда не видели кого-то, забитого насмерть двумя Моими Любимыми Пони, вам крупно повезло. Зрелище не из приятных.

Закончив слизывать кровь Рулевого с копыт, я заметил:

— Итак, Дарвин, опять мы с тобой спасли мир. Только на сей раз умудрились при этом погибнуть.

— Боюсь, ты прав, Берн. Наши тела на Земле разделили судьбу смерпов. Но так же как Рулевой пережил смерть своего тела в пещере, так и мы живы здесь, в сверхленной.

— И нет никакого шанса вернуться? Мы навсегда застряли в этой тоске смертной?

— Ну, я бы так не сказал…

Как позже сообщила нам Джин, она была крайне удивлена, когда пояс астероидов в родной системе Оверлорда начал

выстраиваться в послание от двух товарищей по колледжу. В конце концов мы не виделись больше звездного года, я уж не говорю об отсутствии гиперпространственных открыток ко дню рождения. Разморозить клонов, которых мы оставили ей на сохранение, было делом нескольких минут. (Их телам, само собой, соответствовали два здоровых смерпа в сверхленной.) Старина Козлиная Бородка настолько смягчился, что одолжил Джин свою Имперскую Субпространственную Яхту. И уже через несколько дней Джин объявилась на Земле.

Мы с Дарвином в сверхленной за это время исправили все, что напортачил Рулевой, а заодно произвели тонкую настройку кое-каких космических параметров. К примеру, очень скоро люди заметят отсутствие заболеваний, передаваемых половым путем.

Само собой, телепортационный диск в доме Дарвина был настроен и на Джин. Сняв с наших трупов виртуальные костюмы и надев их на клонов, Джин ввела каждому из них небольшую дозу транспортационного зелья — ровно столько, чтобы синхронизировать их с нашими воплощениями в сверхленной, — и вот мы уже перед ней как новенькие.

— Вы как раз вовремя, — были первые слова Джин.

Я предоставил Дарвину поинтересоваться почему.

«Такс Me to the Pilot». Перевод А. Криволапова

НАДЕЮСЬ, И ОНИ ТОЖЕ

Когда-то давно, много лет назад, я прочитал замечательный рассказ покойного Алека Эффинджера под названием «И мы, пожалуй, тоже». В нем автор в присущей ему язвительной манере повествовал о том, что непрекращающееся исчезновение самых разных живых существ, о коем мы горько льем слезы, не имеет ничего общего с хищническим разграблением природы человечеством. По-видимому, это — обыкновенная космическая реальность. Время от времени под воздействием некоего потаенного закона мироздания те ли иные виды просто прекращают свое существование. Свой рассказ Эффинджер завершал выводом о том, что само человечество не защищено от этого закона и что люди живут под постоянной угрозой — их черед может настать в любой момент.

Мне очень долго хотелось по-своему развить этот тезис Эффинджера. Когда я наконец собрался сесть за рассказ, знаменитый фантаст был еще жив, однако я так и не отослал ему это мое уже увидевшее свет произведение. Виной тому не то моя лень или робость, не то ложно понятое уважение к его физическому состоянию. (Писателя одолевали самые разные недуги — они то и дело напоминали о себе, пока он был жив.) Увы, услышать его отзыв теперь невозможно, потому что в 2002 году Эффинджер ушел из жизни, как

уйдем и все мы, когда пробьет наш смертный час.

Конечно же, бросая сегодня взгляд в прошлое, я сожалею, что так и не отослал ему рассказ. Как знать, может, он еще вернется в наш мир в иной телесной оболочке подобно Желтой Мордочке и мы вместе с ним еще посмеемся над всей этой космической неразберихой.

В первый раз я увидел Новых Животных по пути на работу. Это случилось во вторник утром. Тогда я, конечно, понятия не имел, что это такое, да и никто в мире, пожалуй, тоже.

В тот день, выйдя из автобуса, следовавшего по Первой авеню, я, как обычно, зашагал по тротуару, направляясь к себе на работу. Неожиданно внимание мое привлекло нечто, покоящееся в водосточном желобе. Помнится, я тогда еще принял это нечто за обрезок желтого поливального шланга длиной дюймов шесть или что-то подобное — этакий неопознанный образчик индустриального хлама.

Неожиданно желтая трубка пришла в движение. Подобно безголовой змее она заскользила среди обрывков бумаги и всевозможного мусора, явно пытаясь найти для себя что-то съедобное. Почему-то в то мгновение я подумал: лимонного оттенка поливальный шланг ищет, чем бы ему поживиться. Не потому ли, что он издавал похожие на сопение звуки, которые наводят на мысль о неутоленном чувстве голода?

По-моему, я не испугался в тот миг, скорее меня просто разобрало элементарное любопытство. Пугаться желтой резиновой штуковины? Этого еще не хватало! Зрелище меньше всего походило на эпизод из фильма ужасов, так что никаких мурашек, пробежавших по спине, я не ощутил. Мною овладело чувство холодного, бесстрастного интереса — наверное, именно с таким чувством типичный городской житель наблюдает за голубями, клюющими хлебные крошки, или белкой, которая лакомится орешками. Зрелище это показалось мне на редкость обыденным, если не сказать заурядным.

Я приблизился к самому краю бордюрного камня, чтобы рассмотреть желтый шланг с более близкого расстояния. Благодаря своему цвету он прямо-таки бросался в глаза. Самый заурядный резиновый шланг, если не считать покрывавших его пор, причем из некоторых торчали черные волоски. Когда же я наклонился над этим загадочным предметом, чтобы разглядеть

его вплотную, желтый шланг на мгновение одним своим концом поднялся вверх, словно чувствуя мое присутствие. Я разглядел две влажные подрагивающие ноздри. Затем взгляд мой скользнул к противоположному концу шланга, или Мордашки, как я уже мысленно окрестил это существо.

Но этот конец тотчас исчез, юркнув в колодец ливневой канализации. Попросту говоря, Мордашка явно к чему-то крепилась.

Я шагнул на мостовую, пытаясь разглядеть остальную часть загадочного существа, спрятанного в темном подземелье канализации. Увы, моя попытка оказалась безуспешной — Мордашка оказалась чересчур длинной.

Повинуясь необъяснимому импульсу, я неожиданно схватил ее.

До сих пор не знаю, почему я это сделал. Просто схватил и все. Первый человек, взявший в руки Новое Животное.

На мое счастье, существо оказалось совершенно безобидным.

Гладкий на ощупь шланг тотчас напрягся и одеревенел как доска, но был теплый и упругий. За канализационной решеткой возникла пара красных глаз с черными зрачками, опушенных сероватой шерсткой.

Я вскрикнул и выпустил существо, которое мгновенно исчезло, словно намотанный на приемную катушку канат. Глаза также исчезли из поля зрения.

Увиденное, конечно же, изумило меня. Я огляделся по сторонам, чтобы убедиться, не видел ли кто-нибудь другой мою встречу с этим новым образчиком городской подземной фауны. Однако, судя по всему, прохожие были слишком заняты собой — погруженные в собственные мысли, люди торопливо шли по улице.

Я тоже зашагал на работу. В глубине души я опасался, что коллеги поднимут меня на смех, и все же во время короткого перерыва, отведенного на чашку кофе, рискнул поведать им о том, кого мне довелось увидеть утром. Мой рассказ, естественно, встретили дружным хохотом. Кто-то даже вспомнил такой образчик городского фольклора, как легенды об обитающих в канализационных коллекторах крокодилах. После чего все разошлись по рабочим местам.

Однако чуть позже я не пожалел о том, что рассказал о моем утреннем приключении. Потому что, когда впоследствии были сопоставлены сообщения о контактах с Новыми Животными в разных концах мира, выяснилось, что моя встреча с неведомым состоялась самой первой!

Разумеется, мне повезло по чистой случайности, так что

гордиться в принципе нечем, ведь я не сделал ничего особенного — просто рассмотрел Мордашку повнимательнее и не забыл рассказать о том, что увидел. Тем не менее факт, что я первым увидел эти создания, вызывал у меня какое-то странное чувство, чему способствовало и внимание прессы.

Рассказ мой бледнеет рядом с самими Новыми Животными, он лишь нечто вроде бокового меню на экране величайшего исторического события всех времен. Хотя лично для меня это было соприкосновение с чем-то великим! Единственное из ряда вон выходящее событие всей моей ничем не примечательной жизни.

В тот вечер я, как обычно, отправился после работы домой. Во время ужина включил телевизор, однако в вечерних новостях не было сказано ни слова о Желтой Мордашке, как я мысленно окрестил обитателя канализационного стока.

А вот на следующее утро все средства массовой информации буквально надрывались восторженным криком о странных созданиях.

Выяснилось, что город наводнен Желтыми Мордашками!

Похоже, загадочным тварям пришлась по вкусу влажная темнота подземных тоннелей — этого гигантского лабиринта в недрах огромного города. Правда, их также видели бегающими по улицам и паркам — судя по всему, они семенили от одного логовища к другому. Существа эти действительно были покрыты сероватой шерсткой и достигали размеров дикого кабана. Рыльце у них достигало в длину добрых восемнадцати дюймов; когда в нем отсутствовала необходимость, оно, подобно хоботку бабочки, скручивалось в спираль и прижималось к голове. Желтые Мордашки оказались всеядными санитарами природы. Не раз видели, как они с завидным аппетитом поглощали первое, что попадалось им на обед, — от тухлого мяса и хот-догов до салата-латука, арахиса, картошки фри и бубликов.

В то утро СМИ порекомендовали людям не приближаться к Желтым Мордашкам, хотя до сих пор эти животные не проявляли враждебности и фактически вели себя крайне осторожно по отношению к представителям *homo sapiens*. (Пока еще никто не мог сказать наверняка, имелись ли у них зубы, челюсти, колючки или яд.) Образчики этих существ, как живые, так и мертвые, были изъяты для исследования службой отлова бездомных животных, после чего ими занялись местные, федеральные и международные эксперты.

Когда на следующий день я отправился на работу, то уже был чем-то вроде знаменитости. Те, кто узнал о моей вчерашней встрече с неизвестными существами — а скоро об этом стало

известно во всем здании, где находилась моя работа, — увидели во мне знатока Желтых Мордашек и засыпали меня вопросами. Главным образом народ интересовало, откуда те, собственно говоря, взялись.

Этот вопрос был тогда у всех на устах. Общественное мнение разделилось. Как следствие образовались два лагеря сторонников двух разных версий. Версия первая: Желтые Мордашки сброшены на Землю с борта НЛО. Версия вторая: они созданы в огромном количестве в какой-то секретной лаборатории.

Вскоре стало ясно, что обе гипотезы неверны и донельзя банальны.

Я, конечно же, отнюдь не ясновидец и ничем не отличаюсь от других людей. Как и всем, чтобы получить сведения о дальнейшем ходе событий, мне приходилось довольствоваться тем немногим, что говорило нам радио.

Около полудня новость о Желтых Мордашках отошла на задний план, вернее, ее дополнило новое событие.

В Огайо объявилось еще одно Новое Животное.

Именно так назвал его диктор, и мы мгновенно поняли — этому словосочетанию суждено стать собирательным именем.

Новое Животное из Огайо было чем-то вроде жирафа, правда, в два раза выше обычного. Неподалеку от Де-Мойна появилось целое стадо этих созданий, насчитывающее несколько тысяч особей. Туловище длинношеих пришельцев покрывала косматая, как у мамонта, шерсть в оранжево-голубую полоску. Несуразные гости облюбовали в качестве лакомства верхушки растений — те находились как раз на высоте их голов, потому что лишенные суставов ноги не позволяли им сгибать колени, чтобы дотянуться ртом до поверхности почвы. Мэр Де-Мойна придумал название Дали-Лама, и это прозвище так к ним и приклеилось.

Второе известие о загадочных существах заставило весь мир выпрямиться перед экранами телевизоров и задуматься над происходящим. Одно Новое Животное, каким бы чудным оно ни было, — не более чем непонятная аномалия, однако два — это уже внушающая тревогу тенденция.

Неужели мы стали жертвой заранее спланированного вторжения? Или какой-то безумный биоинженер выпустил на волю из дьявольских реторт жутких монстров? Никто ничего точно не знал, хотя у каждого имелось на сей счет свое мнение.

Следующее сообщение пришло из Техаса. Сотни очевидцев видели там плоского пустынного жителя нор, внешне похожего на ската. Это Новое Животное получило прозвище Песчаной Рыбы.

Сразу после этого из Калифорнии пришли вести о некоем небольших размеров кентавре. Можно сказать, классического

вида, с шестью конечностями. Правда, нижняя часть туловища была словно позаимствована у волка, а торс — у обезьяны. Какой-то журналист моментально окрестил косматое существо шимпанволком.

К тому времени стало очевидно, что тот, кто выпустил на волю этих созданий — или то, что штампует их, — медленно, но верно продвигался в западном направлении. Команды судов, бороздивших воды Тихого океана, были приведены в состояние повышенной готовности — кто поручится, что из морских глубин на поверхность не вынырнет очередное чудо-юдо?

Производственная деятельность в моем офисе, как, впрочем, и во многих уголках мира, более или менее замерла. Я с группой коллег переместился в соседний бар, где имелся телевизор и где мы не могли дождаться очередного выпуска новостей об очередном Новом Животном.

Примерно в шесть вечера местные программы были прерваны ради федеральной сводки новостей, которая через спутник транслировалась по всему миру.

На экране появилось лицо бородача с внешностью типичного ученого. Бегущая строка в нижней части экранной картинки сообщала телезрителям, что перед ними знаменитый биолог из Гарварда, автор множества научно-популярных книг.

Насколько мне помнится, этот спец, изучив всего четырех Новых Животных, выдвинул гипотезу, которую позднее подтвердили и другие ученые. Он оказался чертовски сообразительным, этот бородач.

И вот что он нам поведал.

Новые Животные — не инопланетные существа в прямом смысле слова. Они представляли собой формы жизни, которая в своей основе имеет углерод и цепочки ДНК, как и у всех других прекрасно нам знакомых живых существ. Как и собаки, кошки, пауки и ползучие гады, Новые Животные состоят из белков, аминокислот и прочих биологических «кирпичиков». Их белки ничем не отличались от наших — спец при этом употребил какое-то мудреное слово, — что в принципе делало возможным биологическое скрещивание. Ну кто бы мог подумать, что живые организмы из других миров окажутся столь похожи на нас! Прямо-таки близнецы-братья! (Знаменитый ученый сам улыбнулся своей остроте.)

Кроме того, не похоже, чтобы они имели искусственное происхождение; все это были высокоорганизованные формы жизни — такие не создать ни в какой лаборатории! Да и вообще, кому из тех, кто в здравом уме, пришло бы в голову изобретать существ, наделенных анатомическими причудами и

бессмысленными органами? Данные вскрытия свидетельствовали о том, что существа эти являлись продуктами эволюции. Эволюционный след, параллельный нашему, но ничуть не менее обоснованный, логичный продукт воздействия неведомой нам окружающей среды и обстоятельств.

Слово «параллельный», подчеркнул ученый биолог, является ключевым.

Новые Животные родом из параллельного мира. Современные физики теперь допускают альтернативные измерения, сказал он. Причину того, как и почему наши миры пересеклись, ученый муж предлагал узнать у тех же физиков. Сам же он мог отважиться на такую догадку: при вращении Земли вокруг своей оси в космическом пространстве возникло нечто вроде трещины, эдакий пространственно-временной тоннель, сквозь который к нам и прошмыгнули эти самые Новые Животные.

Правда, без ответа оставался другой вопрос: что происходит по ту сторону тоннеля; каким образом случилось так, что оттуда в огромных количествах к нам хлынули стада создании, обитавших в условиях, совершенно отличных от земных?

Нельзя исключать, продолжил ученый муж, что сей необычный феномен имел место и в прошлом. Например, это могло бы объяснить, откуда миллионы лет назад неожиданно взялось то необъяснимое разнообразие форм жизни, причем таких странных, таких причудливых, которых природа законсервировала для нас в слоях окаменелостей!

Во всяком случае, заключил биолог, теперь от нас, людей, зависит, позволим ли мы Новым Животным занять место в нашем мире. Многие из них, такие как Дали-Ламы, могут не вписаться в условия нашей жизни и попросту умрут с голоду, если мы не придем им на помощь. Новые Животные могут также принести нам новые болезни и паразитов, вызвать экологическую катастрофу, вытеснив земные биологические виды в другие места обитания. Однако было бы непозволительной глупостью намеренно уничтожать столь многочисленные новые формы жизни, потому что в нашем мире и так истреблено слишком много живых существ; он — наш мир — и без того испытал немало бед по причине утраты биологического разнообразия. Так что нужно все как следует взвесить, прежде чем предпринимать какие-то серьезные шага.

На этом биолог закончил свое выступление. Мы же разошлись по домам, слегка пошатываясь, потому что были или порядком пьяны, или же чрезвычайно ошарашены сногсшибательной информацией.

Теперь нам всем отлично известно, что уничтожение Новых Животных оказалось просто невозможным делом по причине их огромного количества. По мере того как Космогонический Провал — именно такое название вошло в обиход — огибал Землю — один раз, два раза, десяток раз, — на нашей планете появлялись бесчисленные стада, стаи, прайды, косяки и своры Новых Животных. Они обнаруживались в самых разных местностях и краях. (Первый кинолюбитель с видеокамерой, который запечатлел на пленку массовый бег Скрежещущих Клыков, появившихся буквально из ниоткуда, продал свою видеозапись Си-эн-эн за кругленькую сумму и полмиллиона «зеленых».)

Параллельный мир оказался куда более плодовит, чем наша старушка Земля, и распознать, что представляют собой природные зоны чужого мира, можно было лишь крохотными дозами. По сравнению с миром, где обитали десятки тысяч самых экзотических пород и видов, наша родная планета казалась чем-то примитивным вроде Галапагосских островов.

И что прикажете делать с этой напастью? Не сбрасывать же на сотни тысяч мягколапых гусей в Монтане или миллионы нособрюхов в Монголии, не говоря уже о миллиардах трепетушек в Мексике, атомную бомбу!

А чего стоит Пятнистый Вирус — на наше счастье, этот пришелец оказался совершенно безобидным, — который выбрал в качестве среды обитания самый надежный и защищенный из всех домов — человеческое тело!

В конце концов стоит вспомнить о том, сколь мизерных успехов мы добились, пытаясь поставить заслон миграции пчел-убийц или огненных муравьев. Да, на нашем счету имеется несколько сомнительных побед над новыми собратьями по планете, в битвах как санкционированных, так и несанкционированных. Среди Новых Животных удалось также установить пищевые цепи, отыскав естественных хищников, что отчасти помогло хоть как-то стабилизировать ситуацию. Однако в целом старания людей уничтожить Новых Животных были сродни попыткам вычерпать океан столовой ложкой.

Время шло, и появление новых и новых пришельцев сделалось чем-то обыденным. Люди, общество, организации и среда обитания — все на свой лад и с переменным успехом — приспособились к ним. Национальная Ассоциация стрелкового спорта тихо-мирно закрылась; причина проста: теперь каждый ходит с оружием. Ничего не слышно ныне о Гавайях или клубе «Сьерра». А австралийцы с тоской в голосе вздыхают о тех временах, когда в их стране водилось видимо-невидимо кроликов. От длинноухих вредителей почти ничего не осталось —

их уничтожили расплодившиеся в огромных количествах визельдиллы.

С другой стороны, жизнь, несомненно, стала богаче и необычнее. Это уж точно. На какой-то миг могло показаться, что мы вновь живем в райском саду и заново учимся, как когда-то в первый раз, давать имена животным.

Сегодня ученые считают, что приток новых форм жизни якобы пошел на убыль, хотя никто не возьмется утверждать это наверняка. Потому что, если можно так выразиться, трудно выделить в толпе новые лица. Когда я мысленно возвращаюсь к дню, когда впервые увидел рыльце Желтой Мордашки, у меня возникает ощущение, будто я лично создал мостик, по которому Новые Животные перебрались в наш мир. Знаю-знаю, это глупо, но именно такие мысли время от времени приходят мне в голову.

Правда, один серьезный вопрос все еще остается без ответа — тот, который в своем недавнем интервью задал теле-аудитории знаменитый биолог из Гарварда. До сих пор, заметил он, ни одно из Новых Животных еще не проявило ничего, что хотя бы отдаленно напоминало человеческий разум. Далее ученый муж принялся вслух размышлять о том, развивался ли вообще когда-нибудь разум в этом самом параллельном мире и хватит ли тамошним разумным существам ума не попасться в ловушку Космогонического Провала, или же в один прекрасный день их постигнет та же участь, что и нас. Телеведущий задал вопрос, сможем ли мы удержать процесс под контролем, и биолог признался, что в принципе это возможно, хотя лично он не видит в том особой необходимости.

Меня его слова заставили серьезно задуматься. Не постучат ли к нам в дверь в один прекрасный день такие же, как мы, разумные или даже более развитые в умственном отношении собратья из параллельного мира и смогут ли они вписаться в нашу жизнь? Кто знает, вдруг они приспосабливают наш мир к своим вкусам, прежде чем нанести визит?

Знаю, молния редко ударяет дважды в одно и то же место. Но я не теряю бдительности.

Хочу надеяться, что мне повезет и я снова стану первым, кто их увидит.

«And Them, Too, I Норс». Перевод Л. Бушуева

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УКРАЛ ЛУНУ

Вот моя попытка создать персонаж, с которым я не хотел бы встречаться в реальной жизни. Как у человека, чей интерес к спорту варьируется от отвращения до полного безразличия, у меня нет приятелей, которые могли бы послужить прообразами. И все же представить внутренний мир Хорти Лопенблока оказалось на удивление легко. Сам того не зная, я, должно быть, подсознательно запоминал все случаи грубого поведения атлетов, мельком замеченные в СМИ, чтобы впоследствии вылепить цельного героя. Верный портрет я создал или нет — судить тем, у кого больше опыта, связанного с миром футбола.

Это первый рассказ сборника, где описывается изнасилование на свидании. (Второй — «Что в трубу уходит? Дым!») В политическом и эстетическом отношении подобные сцены весьма сложно включать в юмористический рассказ. В то же время множество комедий, классических и современных, описывают случаи, которые в отрыве от контекста ужаснули бы нас. Стали бы вы в реальной жизни смеяться, видя, как кто-то провалился в люк? То, что и Хорти, и главный герой «Дыма» получают по заслугам, — уже достаточно веский мотив. Мужчины пускают слюни, а побеждают женщины.

Хоторн Лопенблок по прозвищу Хорти много чего хорошего упустил со времен славных деньков, когда играл квотербеком за обладателей мультисуперкубка «Сателлитов Сосалито». Он скучал по лести поклонников и газет. Скучал по сломанным

костям противников. Скучал по мгновениям, когда ему удавалось дальше всех зашвырнуть овоид из свинячей кожи. Скучал по вечеринкам, дармовой травке и путешествиям. Но больше всего он скучал по бесконечному потоку прекрасных женщин, мечтающих вступить в сексуальные отношения со знаменитой спортивной звездой. Целые толпы роскошных красавиц самого разного возраста, рас, мировоззрений и образования выстраивались в очередь ради шанса проделать — в одиночку, в тандеме или даже целыми группами, демонстрирующими поразительную слаженность воздушных гимнастов — самые невероятные вещи с его иконоподобным телом, не требуя в награду ничего, кроме футбольного мяча с автографом, воскового отпечатка медали или хотя бы пластыря со ссадины кумира.

И вот злая судьба в обличье сложного перелома плеча (к вящему позору, полученного не на футбольном поле, а на пьяной вечеринке у бассейна) внезапно положила конец беззаботному существованию. Покинув ряды профессионалов, Лопенблок вдруг обнаружил, что очаровательные женщины далеко не так доступны, как раньше. Оказалось, что звездная величина экс-звезд уменьшается быстрее, чем у сверхновых. И подобно сверхновым отставные атлеты, лишившись в одночасье всего, весьма часто превращаются в жалкие развалины.

Все это не радовало Хорти Лопенблока, обосновавшегося в Калифорнии. Неплохо обеспеченный благодаря советам своего финансиста, Хорти после отставки не спешил искать работу. Безделье предоставляло ему достаточно времени, чтобы без конца сетовать на то, что Хорти определял как «всю эту несправедливость». По сути, фраза эта означала: «Я больше не могу по первому требованию иметь все, что хочу». А как уже упоминалось, наиболее ущемленным Хортн чувствовал себя в сфере сексуальных отношений.

Профессиональный спорт — вот что больше всего подходило Хорти Лопенблоку. В светской жизни он был полным профаном. Бывший квотербек напрочь забыл, как вести себя с женщиной, которая тебя интересует. Неестественная легкость, с которой он срывал женственные плоды с плодородной лозы жизни, разрушила все те слабые навыки, которые у него еще были (навыки, которые, добавим справедливости ради, начали атрофироваться у Хорти еще в колледже). Более того, у Хорти совершенно не хватало терпения на всякие там ритуальные маневры и брачные танцы. Если он чего хотел, то хотел сразу же и без всяких там экивоков. Что до моногамии — найти себе идеальную пару и жениться на ней, — Хорти расхохотался бы в лицо любому, посмей кто предложить ему такое.

Вот почему Хорти Лопенблок стал серийным насильником на свиданиях.

Нет-нет, какое насилие! Хорти всегда прекрасно контролировал свое мощное, мускулистое тело, никогда не поддавался импульсам. Нападать на кого-то в темной аллее, грозить оружием — такое не для него. Несмотря ни на что, Хорти не был грубияном. Были в нем благоразумие и даже некая утонченность. Это плюс некоторые запрещенные и довольно разорительные фармацевтические препараты — и дело в шляпе.

В ночном небе Сосалито, над дискотекой под названием «Охотничий клуб Кори Талия» царила новая луна. Ее пустой, черный лик был едва виден в слабом кольце рассеянного янтарного света, обещая завтрашнее возрождение в виде тонкого серпа. Это загадочное и внушающее трепет зрелище, однако, осталось незамеченным Хорти Лопенблоком, который только что выбрался из своего спортивного двухместного «BMV-Z3» и бодро шагал к клубу. У Хорти не было времени на разглядывание астрономических феноменов — он рыскал в поисках добычи.

Вспоминая о чудных временах, когда клубы платили *ему,* только бы он вошел, Хорти протиснулся внутрь. В переполненной, шумной дискотеке, не обращая внимания на музыку «техно» и дерганье танцоров, Хорти настроил быстрое восприятие, которое не раз помогало ему обнаружить дыры в обороне противника, на поиск свободных женщин. Полагаясь на этот свой талант, Хорти начал обход бара. С бокалом в руке он медленно двигался в сторону первой кандидатки.

Инстинктивно, подобно тому как опытный проводник на сафари проверяет спусковой крючок слоновьего ружья, Хорти пальцами нащупал в нагрудном кармане своей объемистой спортивной куртки пузырек с таблетками. Все готово для того, чтобы растворить одну из них в бокале «избранницы». (После парочки неудачных экспериментов с транквилизаторами для животных Хорти переключился на рогипнол. Препарат делал жертв податливыми, но в то же время не совсем бессознательными, при этом совершенно отбивая память. Само собой, активное участие и столь приятная инициатива со стороны партнерш, коими привык наслаждаться Хорти, отсутствовали, что лишний раз побуждало его сетовать на «всю эту несправедливость», и все же, будучи истинным философом, наш герой довольствовался тем, что мог заполучить.)

Первая женщина, к которой приблизился Хорти, обладала потрясающим телом, однако лицо ее при ближайшем рассмотрении оказалось изрытым оспинами, замазанными

толстым слоем косметики. Хорти воспринял это как оскорбление. Неужели люди в наши дни совершенно утратили понятие честности? Для проформы перебросившись с неудачной кандидаткой парой фраз, Хорти направился к Номеру второму.

Женщина сидела в одиночестве за круглым столиком размером с пиццу-переросток. На вкус Хорти немного худовата, хотя не без необходимых округлостей, она была во всем белом: шелковая блузка без рукавов и легкие брюки, заправленные и серебристые сапоги мягкой кожи. Кожа ее сочетала в себе опалесцирующую чистоту и молочную глубину. А самое потрясающее — на плечи незнакомки спадал каскад платиновых волос. Под разноцветными огнями клуба весь ее облик постоянно менялся, переливался, словно гель, от оранжевого к розовому, а потом к зеленому. Лишь в редкие мгновения, когда бесцветный луч вонзался в зеркальный шар под потолком, Хорти казалось, что он видит ее истинный облик.

Прихватив от соседнего столика свободный стул, Хорти поднес его к столику незнакомки. Массивный стул небрежно болтался у него на пальце. Перекрывая своим зычным голосом музыку, Хорти поинтересовался:

— Не против, если я присяду?

Внимание женщины было всецело сосредоточено на танцполе, она смотрела на танцующих так, словно сие обычное зрелище доставляло ей редкое удовольствие. В правой руке она держала бокал, и Хорти заметил, что ногти незнакомки выкрашены в серебряный цвет в тон теням на веках. На мгновение Хорти охватило легкое беспокойство от столь явного единообразия ее кожи, одежды и косметики. Кто она — наркоманка, психопатка? Он заставил себя отбросить сомнения. Какая, собственно, разница? Не собирается же он налаживать с ней *отношения.*

Женщина подняла взгляд, моргнула, и Хорти увидел, что ресницы у нее тоже белые. Может, она альбинос? Но нет, радужка вовсе не розовая, а… серебристая. Понятное дело, какие-то новомодные контактные линзы!

Женщина улыбнулась — зубы ее в буквальном смысле сверкали — и заговорила. Хорти распознал в ее голосе эльфийские колокольцы, однако не собирался поддаваться их чарам. Бог с ним, с голосом, нынче ночью этой пташке не придется слишком много щебетать.

— Против? Вовсе нет, — проговорила она. — Особенно если учесть, что о стуле вы уже позаботились.

Хорти уселся рядышком.

— Ну и прикид у тебя, — заявил он. Рогнпнол давал редкий

шанс не стесняться в выражениях, поскольку впоследствии жертва все равно ничего не вспомнит. — Ты, видать, из этих «готических» ребят. А я-то думал, они ходят во всем черном. Или ты из вампиров?

Женщина по-прежнему улыбалась.

— Ни то, ни другое. Просто я всегда так одеваюсь. Можно сказать, это мое естество.

— А как тебя зовут?

— Селена, а вас?

— Трой. Трой Стэг. А фамилия у тебя есть?

— Не стоит о ней беспокоиться.

— А-а, вроде как у поп-звезд, точно?

— Можно сказать и так… Трой.

Внимание Селены вновь сосредоточилось на танцплощадке.

Холодность новой знакомой неприятно задела Хорти, и его терпение начало иссякать. Он-то собирался часок потанцевать с этой шлюшкой, потолковать о том о сем, а коли она не проявляет к нему должного интереса… что ж, пусть на себя пеняет. Он решил сразу взять быка за рога.

— Что пьешь, Селена?

Внимание Селены вернулось к новому знакомому.

— Белый цинфандель. С виноградника в Сономе, он называется…

— Ну да, все эти отставные актеришки, которые выращивают один и тот же сорт винограда, а потом продают под разными названиями. Выплесни прочь эту бурду, и я принесу тебе кое-что действительно стоящее. Здешнее домашнее.

— Какой ты милый, Трой.

— Такой уж я парень, малышка!

У стойки бара Хорти улучил момент, когда бармен отвернулся, и аккуратно опустил убойную пилюлю в бокал Селены. Вернувшись к столику, он был весьма удивлен, увидев, что Селена уже допила свое вино. Обычно женщины в барах стараются не горячиться с алкоголем, дабы избежать проблем, а эта пташка, судя по всему, делает все, чтобы облегчить ему задачу. И вновь смутное опасение шевельнулось в спинном мозгу Хорти, и опять он не придал ему значения. С привычной сноровкой он поставил перед Селеной бокал и провозгласил незатейливый тост:

— Будем здоровы.

Селена пригубила вино.

— Неплохо, но вот букет…

— Хочешь букет, обратись к цветочнику. Главное, чтоб с ног валило!

— Можно и так посмотреть. — Она с любопытством взглянула на Хорти. — Ты сам откуда, Трой?

— Да отовсюду понемногу.

— Нет корней? А родители?

Селена отхлебнула из своего бокала, и Хорти начал честно отвечать на вопросы — лишь бы она продолжала пить. Тем более что говорить правду гораздо легче, чем на ходу сочинять всякую чушь, а вреда все равно никакого.

— Мои старики вырастили меня в Джерси, в маленьком городишке под названием Луна-Парк.

— Твоя семья всегда жила там? Я имею в виду предыдущие поколения.

— Да нет, конечно. Разве в наше время такое бывает?

— Ты будешь удивлен, но некоторые живут на одном месте вечно.

— Ну, это не про меня. Как практически все в этой долбаной великой стране, мои предки были иммигрантами. Мой прапрадед приехал из Англии.

— А до этого?

— Бог ты мой, у нас что здесь, телешоу «Генеалогия-101»? Если уж ты так хочешь знать, мои предки из Франции. А когда они переехали в Англию, то даже фамилию сменили. Да хватит уже этой хрени, давай лучше выпьем.

Селена послушно допила вино. Она что, полная идиотка? Уже через минуту глаза ее, казалось, стали двигаться отдельно друг от друга, речь замедлилась, и она как-то обмякла. Хорти своей огромной ручищей ухватил новую подружку за талию, она обняла его за шею и с трудом поднялась со стула. Хорти огляделся в поисках сумочки. Ничего. Странно, конечно, ну да и черт с ним!

— Барышне пора домой, — бросил Хорти парочке любопытных посетителей. — Маленько перестаралась.

Парковку окутывала тьма новолуния. Хорти опустил свою «подружку» на пассажирское сиденье «Z3» и уселся за руль.

Хорти Лопенблок был владельцем маленького, но впечатляющего домика в Хэдлэндсе, откуда открывался шикарный вид на залив Сан-Франциско. Он лихо припарковался у парадного крыльца, подхватил Селену на руки и понес в спальню.

Раздеть ее было делом нескольких минут — Хорти уже весьма поднаторел в этой процедуре. Он даже позаботился о том, чтобы не помять одежду жертвы, и аккуратно повесил ее на спинку стула. Его новое завоевание, совершенно обнаженное, что-то бормотало в полусне. Хорти, тоже обнаженный, бросил на Селену оценивающий взгляд и достал из тумбочки упаковку

презервативов. К чему рисковать? В наши дни не стоит доверять незнакомцам.

Следующее утро у Хорти, как правило, подчинялось стандартному сценарию. Пробудившись от наркотического сна, обесчещенная проявляла самые разнообразные эмоции: замешательство, смущение, испуг и в конце концов злость. Невозмутимый Хорти уже имел наготове три объяснения происшедшему: жертва безобразно напилась, он вел себя безупречно, все происходило по обоюдному согласию. Еще он особенно подчеркивал, что были предприняты все меры предосторожности против венерических заболеваний. Хорти будет одет, женщина обнажена, что даст ему дополнительное моральное преимущество, тем более что происходит все не в ее, а в его доме. После недолгих разбирательств жертве придется смириться, Хорти отвезет ее к ее машине либо вызовет такси. В девяносто девяти процентах случаев Хорт без проблем поспевал к полудню в тренажерный зал.

Нынешний случай являл собой как раз тот единственный сотый процент.

Начнем с того, что Селена не проснулась к назначенному времени. Как только Хорти ни пытался разбудить ее: варил ароматный кофе, спускал воду в туалете, бурно принимал душ, свистел, включал радио, хлопал дверями, даже пытался трясти Селену за плечо! Она спала как убитая. Не желая оставлять незнакомку одну в доме, Хорти испробовал все возможные способы, с каждой минутой раздражаясь все больше и больше. Да что же за нервы у этой дамочки?

Около двух пополудни, когда Хорти уже начал бояться, не ввергли рогипнол Селену в некое подобие комы, она открыла свои серебряные глаза. Пока она спала, Хорти положил ей на живот настольные часы, и взгляд Селены первым делом остановился на них. Показания циферблата вкупе с льющимся в окно солнечным светом сделали свое дело: на бледном лице Селены явственно отразилось потрясение. Она подскочила на постели, сбросив на пол и часы, и одеяло. Ее первые слова совсем не походили на те, что Хорти привык слышать от своих «подружек».

— Лунный Человек! Он уже заперся!

Хорти сгреб одежду Селены и протянул ей.

— Послушай-ка, крошка, мне все равно, как ты там кличешь своего приятеля, но ему придется поторопиться, потому как мне вовсе не хочется, чтобы ты до бесконечности здесь болталась. Ты уже и так мне все планы поломала. Давай-ка одевайся, и я отвезу тебя к клубу.

Не обращая внимания на одежду, Селена рухнула обратно на кровать. Хорти даже слегка возбудился, глядя на ее груди — два идеальных конуса французского ванильного мороженого — и гладкие бедра. Оливкового цвета соски, а волосы на лобке… ну, как любил говаривать Хорти: «Половичок в тон занавесочкам». Он решительно подавил соблазн — нельзя нарушать правила. Следующая фраза Селены лишь ожесточила его сердце, тем более что у новой знакомой обнаружились явные проблемы с головой.

— О-о, за десять тысяч лет такого со мной не случалось ни разу! Променять лунные обязанности на одну лишь ночь земных удовольствий! — Тут Селена с любопытством взглянула на Хорти. — Мы ведь получили кое-какое удовольствие нынче ночью, верно, Трой? Я что-то смутно припоминаю…

Хорти не спешил представляться настоящим именем.

— Да, да, крошка, ты была супер. А теперь прикрой задницу. Надо поторопиться — не хочу дожидаться, пока мой любимый тренажер будет мокрый от чужого пота.

Селена продолжала сетовать:

— Чем же я думала? Кто теперь будет зажигать Луну и следить за всеми ее фазами? Что же будет делать человечество без этого древнего мраморного сияющего маяка?

От такой заковыристой терминологии у Хорти начала слегка побаливать голова. Он окончательно потерял терпение.

— Слушай, крошка, я не знаю, как там насчет маяка, но если ты сей же момент не уберешь отсюда свою распрекрасную попочку, фонарь я тебе гарантирую!

Реакция Селены на оскорбление была по меньшей мере неожиданной. Трясясь от ярости, она вскочила с постели. Прекрасное лицо исказилось в гневной гримасе под стать загнанному в угол бородавочнику. Хорти даже отступил на шаг.

— Да знаешь ли ты, кого посмел оскорбить, смертный?! — вскричала она. — Знаешь?

— М-м… нет. А… ты думаешь, ты кто?..

— Я Богиня Луны! И будь я сейчас дома, твой наглый труп сейчас покоился бы на дне Моря Спокойствия!

Тогда-то Хорти и понял, как крупно просчитался с выбором партнерши на ночь. Он нарвался на стопроцентную психопатку, сумасшедшую, от которой просто так не избавишься. С этой придется повозиться.

— Э-э, Селена, я ни хрена не понимаю, о чем ты толкуешь. Ты лунная богиня, я кентавр — что там еще тебя заводит? Фантазируй ты о чем хочешь. Но ведь чтобы заведовать Луной, надо заниматься этим постоянно, разве нет? У тебя просто не было бы времени валять здесь дурака. Так что давай-ка одеваться,

и я отвезу тебя, куда скажешь.

Он снова протянул Селене ее вещи, и на сей раз она сердито схватила их.

— Ты что, не слушаешь? Машина у меня есть, а вот ехать мне некуда! Я наносила свой обычный ежемесячный визит на Землю, использовала свою единственную свободную ночь и упустила время. Не сомневаюсь, что Лунный Человек уже запер все двери! Он своего не упустит. Ты просто его не знаешь, этого психа!

В желудке у Хорти стало как-то тоскливо, и он тяжело опустился на стул. Чем больше Селена говорила, тем сложнее становилась ситуация. Хорти понимал, что ввязываться в разговор нельзя, что это только глубже вовлечет его в ее психоз, однако ничего не мог с собой поделать.

— Если ты лунная богиня, при всех делах, то кто же этот другой парень? Он чем занимается?

Полностью одетая и как-то помягчевшая Селена схватила с туалетного столика расческу Хорти и принялась приводить в порядок свою платиновую шевелюру.

— Я управляю машинами, которые зажигают Луну. Он управляет машинами, которые гасят ее.

— Машинами?

— О да, все пустое пространство внутри Луны заполнено очень древней и крайне сложной машинерией.

Хорти почесал лоб рукой, которая в прошлом сделала так много победных бросков. Мучительно пытаясь вспомнить хоть что-то из тех немногих лекций по астрономии, которые читали в колледже, он спросил:

— А разве Луна светит не отраженным светом?

Селена весело расхохоталась.

— Какая глупость! Конечно же, нет. Луна светится исключительно благодаря моим трудам. Начиная с новолуния я каждую ночь понемногу сдвигаю рычажки, чтобы Луна все сильнее и сильнее светилась изнутри, а мой коллега уменьшает ее темную часть. Когда наступает полнолуние, он тоже берет выходной. Впрочем, он не посещал Землю уже больше тысячи лет, проклятый болван! После полнолуния процесс идет в обратную сторону. Процедура довольно сложная, и хотя я делаю это уже много тысяч лет, все равно приходится быть очень внимательной. Как вспомню, каких дров я умудрялась наломать поначалу… некоторые виды человекообразных даже вымерли!

Череп Хорти словно зажали в огромных тисках.

— Дорогая, у тебя серьезные проблемы, и речь вовсе не о том, как тебе добраться домой. Судя по всему, ты лакомый кусочек для парней со смирительными рубашками.

Селена, кажется, даже не сильно рассердилась на его слова.

— О Трой, я понимаю, тебе трудно поверить, но сегодня ночью ты получишь неопровержимые доказательства.

Одним движением Хорти вскочил на ноги.

— Сегодня ночью? Я не собираюсь возиться с тобой до ночи!

Селена положила на локоть Хорти лилейно-бледную руку.

— Ну же, Трой, разве я была так плоха нынче ночью?

— Хватит называть меня Троем! — Он стряхнул ее руку. — Меня зовут Хорти. Хорти Лопенблок.

Селена хихикнула.

— Какое неподходящее имя. Ты уверен, что тебя именно так и зовут?

— Само собой, уверен! Не веришь, покажу тебе дюжину именных кубков!

— В этом нет необходимости… Хорти. Я уверена, что в дальнейшем мы будем практиковать по отношению друг к другу абсолютную честность. Кстати, скажу честно, я просто умираю с голоду. Что у нас на завтрак? Или лучше сказать: на обед?

Раздражение Хорти как-то понемногу испарилось — слишком уж много эмоций испытал он за столь короткое время. Он вяло попытался как-то все же разрешить неразрешимую проблему:

— Так ты, значит, не уходишь?

Селена сжала губы в тонкую линию и отрицательно покачала головой.

— М-м… ну… в тренировочном лагере наш повар научил меня печь оладьи с шоколадной крошкой.

Селена захлопала в ладоши.

— Великолепно! У нас на Луне нет шоколада. Это одна из тех чудесных вещей, которыми я каждый месяц лакомлюсь на Земле. Какая марка?

— А?

— Какая марка шоколада?

— Кьяраделли.

— Великолепно!

К огромному удивлению Хорти, оставшаяся часть столь неудачного дня прошла достаточно приятно. Селена не трепала попусту языком, что всегда действовало Хорти на нервы. За посыпанными шоколадной крошкой оладьями — круглыми, как полная луна — она не проронила ни слова, кроме нескольких восторженных восклицаний. Потом вымыла посуду и тщательно протерла каждую тарелку и чашку, словно это какая-то невероятная драгоценность.

— Ты не представляешь, Хорти, как это здорово! Мне так

редко доводится заниматься простыми делами. У меня ведь целая армия слуг, которые не позволяют мне и пальцем пошевелить.

— Слуги? Всякие там дворецкие и горничные?

— Ну… не совсем так.

Около четырех часов пополудни Селена спросила, нельзя ли им съездить в город.

— Поскольку мои посещения Земли длятся ровно двадцать четыре часа, у меня никогда еще не было возможности поближе познакомиться с Сан-Франциско, а забраться куда-то дальше я и не рисковала. Может, ты покажешь мне что-нибудь?

Хорти предпочел не замечать в ее речи то, что казалось ему безумием.

— Да, в общем, можно. Ты когда-нибудь бывала в стрип-клубах?

— А что это?

— Ну… там… а, ладно, забудь. Поедем посмотрим дурацкий мост и все такое.

В городе они посетили стандартные туристические достопримечательности, причем Хорти демонстрировал полное к ним безразличие, надеясь таким образом отпугнуть новую подружку, и рассказывал дурацкие байки, которые придумывал тут же на ходу. Впрочем, Селена воспринимала все с наивным восторгом. К семи часам они сидели в ресторане, наслаждаясь видом на Тихий океан.

Когда солнечный диск коснулся горизонта, Селена пришла в возбуждение.

— Будь я дома, после захода солнца ты увидел бы низко над горизонтом первый тоненький месяц. А теперь я даже и не представляю, что произойдет.

— А, ну да, конечно. Ты будешь доедать свои креветки?

Солнце постепенно опускалось в кроваво-красный океан, небо меняло цвет с фиолетового на сиреневый. Селена, не отрываясь, смотрела на запад. Доев ее креветки, Хорти поднял глаза и посмотрел в ту же сторону. И как раз вовремя.

Словно круглая линза внезапно включенного фонаря, в небе вдруг возникла полная Луна. За каких-то три секунды она несколько раз поменяла цвет: золотой, синий, зеленый и светло-коричневый. А потом эта шизофреническая картина исчезла, оставив после себя полную темноту.

Вилка Хорти с мелодичным звоном упала на пол. Нижняя челюсть едва не последовала за ней. Кое-кто из посетителей ресторана отреагировал подобным же образом.

Селена просто кипела.

— Идиот! Ну, он меня доконал! Только доберусь я до него!..

Хорти казалось, что голос его идет откуда-то из мошонки:
— Матерь божья! Так ты не трепалась?
— Конечно же, нет. Неужели богиня опустится до обмана?

Сказать, что мир сошел с ума от неправильного поведения Луны, означало бы выразить реакцию обычного падкого до сенсаций обывателя. Во-первых, странную свистопляску земного спутника можно было видеть лишь на ночной половине планеты. Вторая половина пребывала в неведении до следующей ночи, которая просто оказалась безлунной. В полушарии Хорти большинство потенциальных наблюдателей не дало себе труд в нужный момент поднять глаза к небу, а потому упустило нарушившее все законы природы зрелище. Что до астрономов, те, само собой, сходили с ума толпами. Заснятое профессионалами и любителями зрелище никак не позволяло объявить его массовым гипнозом или чем-то в этом роде. Попав в средства массовой информации, снимки вызвали двадцатичетырехчасовой ажиотаж и были вытеснены с первых полос только лишь свеженьким сексуальным скандалом, в котором оказались замешаны канадский премьер-министр и ведущая детского утреннего телешоу. (Как выяснилось, костюм ведущей, от которого сходили с ума миллионы подростков, и привлек нездоровое внимание премьера.)

Что до среднестатистического городского, сельского и пригородного жителей, то, по правде сказать, исчезновение Луны их особо не обеспокоило. Большинство из них и так никогда ее не замечали. Спросите гипотетического «Человека С Улицы», занятого своими проблемами, какая сейчас фаза Луны, и получите в ответ ничего не понимающий, тупой взгляд.

Так что вскоре на свет появились самые разные теории, объясняющие измененное альбедо Луны: облако космической пыли, вторжение пришельцев и Рука Божия. Приливы и отливы никуда не делись — лунная гравитация не нарушилась, — искусственные спутники, обеспечивающие связь, как летали, так и продолжали летать, так что люди особенно и не беспокоились. Если не считать пары песенок и шуток в ночных телешоу, в остальном через пару дней люди совершенно выбросили из головы исчезновение извечной земной подружки.

Чего, впрочем, нельзя сказать о Селене и Хорти.

* * *

По дороге № 101, ведущей на север от Сосалито, Хорти в

ужасе вжимался в пассажирское сиденье автомобиля Селены, пытаясь вспомнить, как же он согласился, чтобы она села за руль. Ее манера вождения абсолютно точно характеризовала тот тип автомобилиста, коим Селена, по ее словам, и являлась: шофер-самоучка, садящийся за руль раз в месяц с момента изобретения автомобиля. Ее стиль представлял собой уникальную смесь энтузиазма, ложной уверенности в себе и легкомыслия. По мере того как они непонятным образом избегали аварий, Хорти начинал молиться единственному божеству, которое знал кроме Селены — Верховному Тренеру, — Хорти всегда представлял его в виде медведя ростом с небоскреб и в фетровой шляпе размером под стать дирижаблю.

Уже тридцать восемь часов Селена обитала в доме Хорти. Лишенная своих обязанностей, отрезанная от Луны теневым двойником, она казалась взвинченной и отчаявшейся. Хорти едва удерживался от вопросов о ее планах или о ее прошлом. Он едва ли не на цыпочках ходил, лишь бы не побеспокоить невольную квартирантку. Раньше ему никогда не доводилось одурманивать и соблазнять сверхъестественное, нечеловеческое создание, и Хорти чувствовал некую ответственность за космические последствия своих действий.

Наконец Селена, кажется, справилась с собой.

— Хватит ходить взад-вперед, Хорти! Сейчас мы отправимся проверить дверь, через которую я сюда попала. Я тут подумала над способом открыть запор.

Хорти слегка покоробил ее командный тон и то, что Селена, судя по всему, не сомневалась, что он будет ее сопровождать. Сколько же человек должен расплачиваться за свои ошибки? Разве мало того, что он дает ей кров и пищу, жертвуя привычным укладом жизни?

— И где же, черт побери, эта дверь? Надеюсь, не слишком далеко?

— Вовсе нет. Нам нужно в Лунную долину.

И вот теплым солнечным утром вторника Хорти с Селеной прибыли на парковку перед «Охотничьим клубом Кори Талия».

Автомобиль Селены — грязный джип с федеральными номерами — стоял на своем месте.

— Откуда это у тебя государственная машина? — с подозрением поинтересовался Хорти.

Ему вдруг почудилось, что все события последних дней — хитроумная ловушка, устроенная с тем, чтобы в конце концов упечь его за решетку за покупку партии кокаина, которую он провернул в девяносто третьем году.

— Машина принадлежит охране парка. Я подкупила

рейнджера, и он раз в месяц дает мне ключи.

— Подкупила? И где же богиня берет деньги?

Селена взглянула на Хорти так, словно тот не сумел сложить два и два.

— А знаешь ли ты, сколько Исследовательский центр в Сан-Франциско платит за кусок настоящего лунного камня?

— О!

Лунная долина, насколько знал Хорти, — живописная часть графства Сонома. Там множество виноградников, курортов и зон отдыха. На этом его знания исчерпывались. Так что когда Селена на пугающей скорости проносилась мимо городков вроде Сан-Рафаэля, Новато и Петалумы — она настояла на том, чтобы ехать на ее джипе, а не на «BMV» Хорти («У моего рейнджера будут серьезные неприятности, если я не верну машину».), — он слушал ее рассказы о местных достопримечательностях с благодарностью, поскольку они хоть немного отвлекали его от ужаса перед, казалось, неминуемой аварией.

— До того как сюда прибыли европейцы, Соному населяли индейцы миуоки и помо. Сонома на их языке означает «Место многих лун». Я, само собой, была их богиней и раз в месяц являлась им во плоти. Приятные были люди, только вот выбор развлечений для девушки у них был небогатый. Копченый лосось и музыкальные номера на барабанах довольно скоро мне наскучили, хотя сейчас, когда я слышу в ресторане знакомые ритмы, меня охватывает такая ностальгия! А вообще мне страшно не хватало развлечений Старого Света, которыми я тысячелетиями наслаждалась в Греции и Риме, Авиньоне и Камелоте, Уре и Вавилоне. Но портал перефокусировался туда, где потом появилась Калифорния, и у меня не осталось выбора.

— Как так? Ты же богиня, которая управляет всеми этими лунными прибамбасами. Ты что, не можешь организовать себе дверь там, где захочется?

— Видишь ли, не я ведь создала лунную машинерию. Я даже толком не знаю, как она работает. Я всего лишь смотрительница, назначенная теми, кого называют Почти Самые Древние.

— А это еще кто?

— Жутко древняя раса — но не самая древняя, — откуда-то с другого конца галактики. Они решили, что человечеству для правильного развития необходим светящийся спутник. Они доставили на Луну Лунного Человека и всех наших слуг.

— Так твой придурок-напарник — не человек.

— В общем, нет.

Хорти переваривал эту информацию, а Селена продолжала свой рассказ, не обращая ни малейшего внимания на

возмущенные сигналы встречных машин.

— Когда сюда прибыла западная цивилизация, я дружила со многими людьми — старателями, скваттерами, фермерами, но лишь однажды я раскрыла правду о себе одному особенному человеку.

Хорти почувствовал укол ревности.

— И что это был за сопляк?

— Джек Лондон.

В голове Хорти шевельнулись смутные воспоминания времен колледжа.

— Это тот парень, который писал про волков?

— И много чего еще. У Джека была ферма в восемьсот акров в Лунной долине. Мой портал был на его земле. Было бы невежливо материализоваться у кого-то на пороге и даже не представиться, верно?

— Значит, мы едем к его дому. А он жив, этот твой Лондон?

Селена вздохнула.

— Увы, Джек умер в 1916 году, а его дом сейчас лежит в развалинах.

Невероятные рассказы Селены о том, как она встречалась с дикими индейцами, не слишком тронули Хорти, а вот мысль о там, что она разводила шуры-муры с каким-то чудаком, который чуть ли не сто лет как мертв — да что там, даже дом его не пощадило неумолимое время! — заставила Хорти сердито насупиться. Несколько миль он в молчании смотрел на бледный профиль Селены.

В Санта-Розе они свернули на восток на шоссе № 12. На севере виднелись силуэты гор Майякама, на юге — горы Сонома. По обе стороны дороги тянулись виноградники. Путешественники уже ехали по покрытой пышной растительностью Лунной долине.

Указатель на Исторический парк имени Джека Лондона советовал через две мили от городка Глен-Эллен свернуть на Арнольд-драйв. По знакомой дороге Селена вела машину увереннее, и скоро они уже оказались на посыпанной гравием парковке. Выйдя из джипа, заплатили за вход и наконец вошли и парк. В будний день обиталище знаменитого писателя не привлекало слишком много народу, и все же для верности Селена и Хорти какое-то время побродили по окрестностям, дабы не возбуждать ненужных подозрений. Они осмотрели восстановленный коттедж, загон для скота, каменную силосную башню и виноградник. Селена на минуту остановилась у могилы хозяина фермы, опять заставив Хорти насупиться. Затем, убедившись в отсутствии любопытных глаз, они вошли в полуразвалившийся Волчий Дом. В углу одной из комнат Селена

подошла к обычному на вид фрагменту стены и начала что-то писать пальцем на его поверхности.

Хорти нервно оглянулся через плечо, ожидая, что с минуты на минуту в дом ворвется разъяренный рейнджер.

— Ты уверена… — начал он, повернулся к Селене и замер с раскрытым ртом.

Часть стены превратилась в овал серебряного тумана в человеческий рост. И из этого тумана торчали голова и плечи кошмарного инопланетного чудища.

Любимым чтением Хорти всегда были комиксы. Он предпочитал либо те, где фигурируют брутальные здоровяки, увешанные оружием, либо непристойные истории с грудастыми малолетками. Однажды он случайно купил черно-белый репринт космических историй Бэзила Волвертона. То, что сейчас таращилось на Хорти из лунной двери, живо напомнило ему волвертоносские рисунки. Из плеч, шире которых вряд ли можно было бы отыскать во всей Национальной футбольной лиге, произрастала напоминающая кишку, покрытая струпьями шея длиной с руку Хорти. Шея поддерживала непропорционально большую голову с шапкой спутанных оранжевых волос, падающих на глаза-блюдца. Напоминающий бородавчатый огурец нос выдавался вперед дюйма на четыре. Чудище открыло пасть, демонстрируя несколько рядов квадратных зубов, покрытых зеленой слюной.

— Иисусе! — вскричал Хорти.

Он инстинктивно сделал шаг вперед и влепил чудищу свинг справа. Ощущение было, как будто ударил гнилую, покрытую мхом доску. В это мгновение Селене удалось захлопнуть лунную дверь. Закрываясь, портал перерезал шею инопланетного монстра, и голова его шмякнулась на пол в лужу зеленой крови.

Селена с мрачным видом изучала останки монстра.

— Бедный Претцель, — пробормотала она.

— Ты знакома с этой хреновиной?!

— Само собой. Претцель был главным слугой Лунного Человека. Должно быть, его послали охранять вход на случай моего возвращения. Он вынужден был подчиниться, хотя никогда не посмел бы причинить мне вред. И теперь он мертв.

Хорти взглянул на отвратительные черты «бедного Претцеля» и поинтересовался:

— А твои слуги такие же?

— О нет, — отвечала Селена. — Мои куда менее симпатичны.

В самом начале двадцатого века бродячий торговец выпечкой «Чаттанугской пекарни» из Теннесси, человек по имени Эрл

Митчелл, постоянно искал новые способы угодить своим клиентам — по большей части грубым шахтерам его родного штата и соседних Кентукки и Западной Виргинии. Мускулистые чумазые работяги не раз изъявляли желание перекусить чем-то достаточно большим, сытным и вкусным. Причем все это не должно было портиться. Учитывая их пожелания, Эрл решил для начала определиться с размерами.

— Какой величины должен быть пирог? — спросил он однажды шахтера.

Неотесанная деревенщина подняла глаза на полную луну и очертила в воздухе пальцем ее силуэт.

— Чё-то вроде этого.

Вернувшись в пекарню, Митчелл, словно некий кондитерский Эдисон, принялся экспериментировать с пшеничными крекерами, алтейным суфле и шоколадом в различных пропорциях. Наконец наступил момент озарения, и на свет появился популярнейший и по сей день знаменитый «Лунный пирог» — легендарный южный деликатес, традиционно запиваемый «Ар-Си колой».

Конечно же, как это ни парадоксально, «Лунный пирог» — круглый, темно-коричневый, напоминал вовсе не полнолуние, а, наоборот, новолуние. Именно на фабрике по производству «Лунных пирогов» Лунный Человек устроил — или обнаружил — свою дверь на Землю.

— Он и понятия не имеет, что я знаю о его портале, — сообщила Хорти Селена после фиаско в доме Джека Лондона. — Я уже говорила, что Лунный Человек давным-давно перестал посещать Землю. Все его внимание сосредоточено на моей двери. Ему и в голову не придет, что мы можем проникнуть на Луну через черный ход.

И теперь Хорти вел арендованную машину по улицам окруженной горами Чаттануги, держа курс прямиком в царство «Лунных пирогов». Голова его до сих пор шла кругом от вчерашней встречи с кошмарным Претцелем, и Хорти мучительно пытался понять, как же он ввязался в такие приключения. Как получилось, что теперь жизнь его связана с Селеной? Что за чары она навела на него? А может, она — самое интересное, что случилось с ним после ухода из НФЛ? И что же ждет его дальше? Все эти мысли крутились в его голове, так что он даже не мог сосредоточиться на дороге.

Припарковавшись на фабричной стоянке, Хорти и Селена встали в конец экскурсионной очереди. Их окутал сладкий запах шоколада, и Хорти почувствовал, что проголодался. Полфунта бекона и двойной порции оладий, поглощенных им на завтрак — Селена обошлась чашечкой чая, — надолго не хватило.

Почувствовав его настроение, Селена проговорила:

— Послушаем экскурсию, пока не раздадут бесплатные пироги.

Гид собрал группу и повел посетителей внутрь. Хорти с трудом слушал его объяснения — запах едва не сводил его с ума. Наконец наступил черед дармового угощения. Селена разломила «Лунный пирог», обнажив его светлую начинку, и протянула половину Хорту. Тот принял лакомство с благодарностью, словно на первом причастии. Наконец наступило блаженное насыщение, и Хорти поздравил себя с тем, что был так терпелив с Селеной. Скоро они распрощаются, и можно будет наконец перевести дух.

Когда группа двинулась дальше, Селена слегка поотстала и, шепнув «Пора!», потянула Хорти за собой в какую-то нишу.

Несколько минут спустя, никем не замеченные, они уже пробирались по подвалу фабрики. Со знанием дела Селена направилась к незакрытой двери в какой-то склад. И вот в тускло освещенном бункере она, не колеблясь ни секунды, открыла наконец портал Лунного Человека.

У серебристого овала Лунная Богиня помедлила. Моргнув своими гипнотическими глазами, она произнесла:

— Прощай, Хорти, и прими мою благодарность. Я отправляюсь сражаться за свое королевство!

Селена сделала шаг вперед и исчезла. Овал постепенно начал сужаться, отчаянное чувство потери охватило Хорти, и он с криком «Нет!» бросился вперед, едва успев нырнуть головой вперед в узкую щель портала.

Воздух под поверхностью Луны оказался пригодным для дыхания и даже слегка пах прелым сеном. Освещение в гигантских пещерах было точь-в-точь таким, каким видится лунный свет с Земли. Все вокруг — и грубый пол, и далекие стены, и высокий свод, и гигантские неизвестного вида машины, — все было словно раскрашено каким-то мастером светотени. Черно-бело-серая палитра напомнила Хорти виденный давным-давно старый фильм «Запретная планета», особенно сцену, где земляне исследуют реликвии Крелов в компании той дамочки в короткой юбке.

Потрясенный Хорти неловко поднялся на ноги в гравитационном поле в одну шестую земного, не чувствуя боли в разбитых руках. Селена стояла неподалеку.

— Итак, мой защитник решил сопровождать меня. Что ж, прекрасно, давай не будем оттягивать встречу с судьбой.

Селена подождала, пока Хорти не встал рядом, и они вместе отправились в путь по длинному коридору.

Хорти потерял всякое представление о времени. Казалось, они идут уже неделю. Что только не попадалось им на пути: болтающиеся в воздухе гигантские рычаги, какие-то невероятного размера вибрирующие мембраны, мониторы, демонстрирующие земные и межгалактические виды, глубокие булькающие водоемы с переброшенными через них узкими мостиками, наполненные чем-то вроде ртути, от которой поднимались странные испарения. Вскоре Хорти уже перестал обращать внимание на все эти чудеса и шел словно в тумане.

Однажды Селена с криком схватила его за плечо.

— Только не упади на клистронные трубки!

Хорти встряхнулся и вновь сосредоточился на дороге.

Наконец они добрались до нужного места — помещения размером с хороший футбольный стадион. На стадионе этом толпились пришельцы двух видов: половина таких, как старый знакомый Претцель, другую половину Хорти справедливо определил как подданных Селены. Ее слуги оказались размером с человека и напоминали двуногих черепах со скорпионьими хвостами и клювами на мордах. Куда там Волвертону, подумал Хорти. На помосте в центре помещения, окруженное рычагами и кнопками, сидело создание, которое Хорти на таком расстоянии никак не мог толком рассмотреть.

Селена и Хорти прошли по верхнему ряду амфитеатра туда, где балкон переходил в ступеньки. Селена ухватилась за перила и вскричала:

— Слуги Богини! Ваша госпожа вернулась!

Амфитеатр взорвался хаосом, инопланетные создания бросились друг на друга и сошлись в жестокой рукопашной. Все это слегка напоминало научно-фантастическое кино, населенное почему-то босховскими персонажами. Селена схватила Хорти за руку и потащила его вниз по ступеням.

— Скорее! Не дай Лунному Человеку сбежать!

Спустившись вниз, они принялись пробивать себе дорогу к платформе управления. Хорти мчался впереди, пробивая мощными плечами просеку среди дерущихся инопланетян, Селена за ним. Так они добрались до края платформы.

Лунный Человек поднялся из-за рычагов, и Хорти наконец-то смог разглядеть его.

Начиная от шеи и ниже темный напарник Селены был вполне похож на человека. А вот голова вдребезги разбивала эту иллюзию. Для начала представьте, что голова его по размерам была не меньше туловища. Во-вторых, она имела форму полумесяца воскового желтого цвета. И в-третьих, толщиной голова была примерно два дюйма. На каждой плоской стороне

полумесяца красовалось по выпуклому глазу, чуть ниже торчал похожий на иглу нос, а еще ниже располагался разрез беззубого рта. Хорти сразу вспомнились некоторые футбольные болельщики в наушниках из пенистой резины.

— Хватай его, Хорти!

При звуке голоса Селены Хорти собрался с духом, рванулся вперед и ударил справа сколько было сил. Кулак его вошел в одну сторону головы Лунного Человека и вышел с другой. Череп селенита рассыпался на куски, словно голова плохого сыра, и тело бывшего напарника Селены рухнуло на пол.

Хорти поднес к носу кулак и поморщился. Так и есть, сыр!

Как только голова Лунного Человека разлетелась на куски, драка среди инопланетян прекратилась. Селена вскочила на платформу рядом с Хорти.

— Битва окончена! Поприветствуйте вашего нового господина — Белого Кролика!

Хорти ничего не мог понять.

— О чем ты толкуешь, Селена? Кто такой Белый Кролик?

— Конечно же, ты. Французская фамилия твоей семьи, Хорти, была *Lapinblanc*. Твои предки поклонялись мне сотнями лет. Многие культуры усматривают в лунных пятнах не человека, а Белого Кролика — мой любимый символ. Я выбрала тебя на замену моему старому супругу. Он наскучил мне много столетий назад, но из твоего рода ты первый, кто понравился мне.

— Ты… ты выбрала меня? Да я же подсыпал тебе дури и утащил домой!

В ответ раздался зловещий хохот, и Хорти понял, что до настоящего момента ничего не знал о Селене.

— Твои пилюли не оказали на меня ровно никакого действия, и Лунный Человек вовсе не закрывал портал. Бедолага Претцель просто хотел поприветствовать меня. Старая сырная башка по-прежнему любил меня и хотел, чтобы я вернулась домой одна. Увы, Хорти, должна признаться, я играла тобой, как беспомощным лунным телком. Не сердись, тем более что это никак тебе не поможет. Я возвысила тебя над всеми людьми — в фигуральном и буквальном смысле. В награду за исполнение некоторых механических обязанностей ты получишь меня и мои прелести, практически бесконечную жизнь — пока не начнешь меня разочаровывать — и власть над половиной Луны.

Хорти не верил собственным ушам.

— Но чем же я здесь буду заниматься?

Селена прильнула к новоявленному консорту.

— Что-нибудь придумаем. И не забывай, раз в месяц ты можешь посещать Чаттанугу.

— А что я буду делать каждый день? Чем займу себя?

Хорти взглянул на море гротескных созданий, ожидающих его реакции, словно две соперничающие команды…

Две соперничающие команды! Осененный внезапным вдохновением, Хорти наклонился и подобрал несколько крупных кусков сырной головы Лунного Человека. Слепив их вместе, придал им форму яйца, а затем швырнул импровизированный футбольный мяч прямо в толпу. Пытаясь поймать его, несколько пришельцев довольно высоко подпрыгнули в пониженной лунной гравитации.

Ухмыляясь, Хорти повернулся к Селене.

— Зови меня Тренер Белый Кролик, и, считай, договорились.

«The Man Who Stoic the Moon». Перевод А. Криволапова

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ПИФАГОРА (совместно с Руди Рюкером)

Надеюсь, читатели не сочтут себя обманутыми, обнаружив этот рассказ в превосходном сборнике Руди Рюкера «Gnarl!» под названием «Четыре стены — восемь окон». Однако я настоятельно хочу заявить права на авторство рассказа (равно как и на его название).

Никогда не думал, что выберу Пифагора в качестве своего протагониста, однако с подачи мистера Рюкера, которого отличает пытливый и независимый ум, я проникся интересом к древнему философу. Мы начали писать этот рассказ зимним вечером в Провиденсе, а закончили после возвращения мистера Рюкера в солнечную Калифорнию. Непостижимым образом из сочетания этих двух климатов мы и слепит погоду (вероятно, не имеющую ничего общего с реальной) античной Греции. Перед вами плод нашего сотрудничества.

Скрюченный Жук насадил форму числа на свои загнутые когти — черная сочащаяся масса в развернутом состоянии достигала почти десяти стадий в длину, а сейчас замысловато свернулась. Нелепо соединенные конечности жуткого создания заскрипели, когда оно впихнуло награду съежившемуся пе-ред ним человеку.

— Возьми, — раздалось хорошо поставленное жужжание *апейрона* Жука. — Ты почти готов. Это пятый и последний из наших даров.

Вес подарка заставил человека пошатнуться, утратить равновесие и боком вывалиться из вселенной сновидений…

Лучи утреннего солнца упали на лицо Пифагора, и он проснулся. Несколько мгновений разум философа был блаженно

свободен от всего скрюченного, безграничного, иррационального и беспредельного — свободен от *апейрона.* Пифагор сел и набросил на плечи, словно плащ, затхлую накидку из овчины. Сквозь отверстие пещеры взгляд философа скользил вниз по горным склонам, которые спускались к садам и полям, приютившимся в изгибе реки Нессус.

Река. Созерцание сверкающей водной нити вернуло философу тяжесть знания. Пифагору были известны всего пять чисел, объясняющих устройство мира, и среди них число реки — как и прочие, немыслимо длинное. Знание это было получено философом от Перевитого Червя — первого из обитателей *апейрона,* явившегося к нему полгода назад.

С тех пор пятерка нелепых, грязных, кривобоких созданий неотступно преследовала его в ночных сновидениях. Физически философ совершенно измучился, однако общение со Спутанным Деревом, Перевитым Червем, Взлохмаченным Котом, Кишащим Роем Глаз и Скрюченным Жуком принесло ему и дары — пять чисел, обладающих магической силой. Скрюченный Жук вручил свой дар с особой торжественностью. Новое число превосходило все предыдущие, оно обладало поистине сокрушающим размером. Не приходилось сомневаться, что в нем заключается нечто весьма важное.

Временами Пифагору хотелось забыть новое знание и продолжать верить старым учениям: что мир устроен на основе простых целых чисел. Если бы вновь вернуть ту гармонию невинности!.. Создания *апейрона* из снов и их ужасные дары подорвали все устои веры Пифагора.

Хвала Аполлону, солнце вновь взошло на небеса и даровало ученому передышку от ночных снов. Ему предстоял новый прекрасный день: скоро придут ученики, а ближе к вечеру философа посетит благородная женщина, чтобы скрасить его одиночество.

Большой каменный выступ на выходе из пещеры служил местом публичных выступлений философа. Пифагор нагнулся над очагом, соорудил неровный конус из веток и приготовился призвать Число Огня, полученное в дар от Взлохмаченного Кота. Это число не было «четверкой» тетраэдра, которое некоторые полагали формой Огня. Нет, благодаря демонам *апейрона* Пифагор отныне имел дело с *гносисом* единственного истинного и тайного числа физического Огня в этом павшем мире Женщин и Мужчин. Могущественные волшебные числа, обозначающие физические предметы, были так велики, что из всех живущих на свете людей только Пифагор обладал разумом, способным охватить их размер.

Пифагор создал Число Огня внутри и выпустил его наружу.

Вязанка, весьма отдаленно напоминающая конус, покрылась грубыми красно-желтыми треугольниками и пирамидами, чистыми симулякрами пламени, ибо Пифагорово Число Огня было, в сущности, всего лишь рабочим подобием. Божественная природа сущего вступила в свои права, и гибкие, извилистые языки истинного пламени вспыхнули на ветках. Число Огня разожгло настоящий огонь, присущий органическому миру привело в движение частицы природного огня, заложенные в дереве благотворными лучами великого светила.

Пока огонь согревал воду для утреннего омовения философа, Пифагор обдумывал сон о Скрюченном Жуке и новую громадную модель числа, полученную от старинного знакомца из сна. Новое число соотносилось с некоторыми объектами и свойствами, которые можно обнаружить в обыденном мире — *перасе,* — к которому Пифогор был еще крепко привязан. Однако истинная суть числа оставалась тайной, пока он ясно воспринимал физическую форму, с которой число соотносилось в высших сферах. Пифагора учили терпению, и он с удовольствием просто вертел число в своей светлой голове.

Философ умылся и решил отведать скромный, как и положено отшельнику, завтрак: мед, финики и орехи. Неплохо бы знать числа для этих незамысловатых продуктов, думал Пифагор, поглощая еду. Однако создания Бесконечности были дарителями прихотливыми. Когда в качестве второго дара философ попросил у Спутанного Дерева числовое обозначение для меда, то получил взамен Число Накидки из овчины.

Уже завершая трапезу и в последний раз поднося к бородатому рту палец, намазанный медом, Пифагор заметил своего лучшего ученика Архита, который рьяно карабкался по склону к пещере учителя. Устрашенный рвением юноши, философ вздохнул.

Архит начал возбужденно говорить, еще не достигнув отверстия пещеры. Что-то о золотом сечении и новом способе вписать правильный пятиугольник в окружность. Пифагор пропускал слова ученика мимо ушей. Философ находил модернистские геометрические конструкции своего последователя чересчур запутанными.

— А почему бы не попытаться отыскать самый точный способ поделить круг на пять частей методом проб и ошибок? — спросил Пифагор.

В прошлом он сам презирал подобные способы, но постоянное общение с демонами *апейрона* испортило некогда аскетический вкус ученого.

Вскарабкавшись наконец на склон, Архит, оценив шутку учителя, издал короткий резкий смешок.

— Поистине так. Тогда почему бы сразу не броситься головой в омут непочтительности и не провозгласить, что целые числа не есть основа всего сущего? Почему бы не сказать, что *апейрон* — единственный фундамент и центр этого мира?

— Придет ли Эвритоя сегодня на урок?

Захваченный врасплох резкой сменой темы, Архит скорчил гримасу, словно подавился оливковой косточкой. Тон его стал резче и заметно прохладнее.

— Моя мать, да хранят ее боги, действительно одержима необычной жаждой знаний. Слушая жалобы моего отца Глокуса, другие женщины смотрят косо на неподобающий жене и матери философский пыл. Они недоумевают: неужто для полного счастья ей не хватает простых домашних забот? Я пресекаю подобные разговоры, отстаивая ваши добродетели гражданина и мудреца. — Архит сверлил учителя взглядом. — Надеюсь, моя вера не будет посрамлена.

Пифагор почувствовал легкий стыд, однако скрыл его под маской высокомерия.

— Конечно, конечно. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

Архит поспешил добавить:

— Да-да, моя мать собиралась посетить вас сегодня к вечеру.

Исчерпав, таким образом, вопрос, мужчины продолжили ученый диалог, однако не о революционных построениях Архита, а о вчерашнем рассуждении Пифагора. Когда солнце поднялось достаточно высоко, к ним присоединились юноши из Тарентума. И вот уже Пифагор оказался в центре звездообразного многоугольника, состоящего из пытливых юных умов. Темой сегодняшнего обсуждения стало выдающееся геометрическое доказательство великой теоремы Пифагора о том, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов его сторон. Чтобы проиллюстрировать свои выводы, Пифагор начертил на песке схему: то были его «вращающиеся квадраты», изображающие квадрат меньшей площади, вписанный в квадрат большей.

Хотя вера Пифагора в собственную оригинальную концепцию была разбита вдребезги, ему все еще нравилось разыгрывать кукольный театр вокруг былых идей. Пифагор учил с мастерством и изяществом, которые приходят после долгой практики, он умел создать из сухих математических гармоний и геометрических трелей мелодию, достойную лиры превосходного музыканта.

Когда солнце поднялось высоко над головами, бурчание в животах подсказало ученикам, что пора сделать перерыв, и живой

многоугольник распался на части. Ища защиты от солнца в тени пещеры, горожане доставали еду, наперебой предлагая учителю отведать лакомые кусочки феты и лепешек. Пифагор со всегдашним добродушием принимал дары, стараясь никого не обидеть. Тыквенные сосуды с прохладной водой из источника в пещере дополняли простую трапезу.

— Царь Глокус говорил о вас прошлым вечером на форуме, учитель, — сказал мускулистый, похожий на волка Алсибед. В отличие от прочих учеников молодой человек носил на поясе короткий меч. — Он уверял сенаторов и тупоголовых жрецов Аполлона, что вы колдун. Тот двадцатигранный шар, что вы дали Эвритое, Глокус считает магическим амулетом. Царь клянется, что стоит козам взглянуть на него, и они сразу же начинают давать кислое молоко.

— Мой отец обеспокоен, — промолвил Архит. — Он боится, что люди устали от его правления. Согласие, что царит в нашей маленькой компании, тревожит царя. Он боится, что ты готовишь мятеж, Пифагор. Уж если тебе удалось заполучить в качестве своих учеников его жену и сына, неужели все прочие не последуют за тобой?

— Постель тирана — не место для спокойных снов, — пробормотал Алсибед, уставившись на свой меч.

— А простые граждане? — спросил Пифагор. — Что говорят обо мне они?

— Крестьяне довольны, что границы их наделов четко определены, — ответил Мено. — Да и содержатели постоялых дворов рады, что столько твоих учеников обосновались в Тарентуме.

— Знание Пифагором небесных законов помогает даже жрецам в их календарных вычислениях, — вторил ему Даскил. — Разве не наш учитель открыл, что вечерняя и утренняя Звезда — суть одно и то же небесное тело?

— Пусть так, все равно Глокус способен настроить против меня чернь, — заметил Пифагор. — Иногда я опасаюсь за свою жизнь.

— Возможно, Глокус тоже опасается за свою жизнь, — промолвил Алсибед. — Кто знает, что принесет будущее? Вряд ли вы оба намереваетесь жить вечно, о учитель. Что будет, когда вы умрете? Вы должны подготовить нас. Почему вы не хотите приподнять полог секретности над своим великим учением? Мы горим желанием нести знание людям. Никто не вечен, и когда вы отправитесь в Элизиум, нашим жребием станет насаждать повсюду ваше благородное учение. Не лучше ли приступить прямо сейчас?

Второй раз за сегодняшний день Пифагор ощутил угрызения совести. И все-таки философ не хотел отдавать даром то, что мог продать.

— Я подумаю над твоим предложением, Алсибед, — медленно промолвил он. — А теперь, дети мои, вернемся к занятиям. Если когда-нибудь вам и предстоит возделывать это поле, вы должны быть готовы.

После нескольких часов живой дискуссии Пифагор внезапно объявил об окончании занятий.

— Силы мои убывают. Завтра мы продолжим изыскания вокруг моей великой теоремы.

Наблюдая, как крепкие юнцы резво заскользили вниз по склону, Пифагор понимал, что сказал лишь часть правды. Тогда как умственные силы философа действительно истощились к концу дня, напряжение в чреслах стало почти болезненным в предвкушении прихода Эвритои.

Ученый едва успел почистить и уложить бороду, как заметил на своем берегу реки Эвритою. Изящные, обутые в сандалии ноги женщины оставляли ровную полоску следов на склоне, и следы эти вели в самое сердце Пифагора.

И вот она появилась, раскрасневшаяся от бега и бесконечно желанная. Черные локоны прилипли к вспотевшему лбу. Грудь вздымалась под белой тканью. Слабый животный, мускусный запах исходил от ее соблазнительного тела.

Глубокие серые глаза Эвритои встретились с глазами философа — женщина казалась взволнованной. Вместо того чтобы, как обычно, сразу же упасть в объятия возлюбленного, она беспокойно оглянулась на Тарентум.

— Что беспокоит тебя, дорогая Эвритоя?

— Меня снедает страх, что наша недозволенная связь откроется. Этим утром я видела недоброе знамение.

— Что за знамение?

— Один из рабов вернулся с рынка с корзиной, наполненной рыбой, а сверху лежала рыбина с черным, грязным хвостом. Ты же сам предупреждал: «Не ешь рыбу, чей хвост черен!»

Пифагор протестующе замахал руками.

— Мое замечание относительно недоброй природы этих созданий носило аллегорический характер — я предупреждал против тех, кто черпает силы в грязи. Не тревожься более, Эвритоя! Ты ведь не ела эту рыбу? Значит, бояться нечего. Поспешим укрыться под моей мягкой и теплой овчиной.

Введя жену Глокуса и мать Архита в пещеру, совсем скоро Пифагор уже наслаждался зрелищем ее великолепной наготы. Быстро скинув одежду, философ сжал Эвритою в объятиях. Как

всегда, женщина начала свои ласки с поглаживания его золотого бедра.

Чудо из чудес — большая неровная заплата на внутренней стороне бедра была не из плоти. Абсолютно непроницаемое вещество, не поддающееся ни ножу, ни благородному камню, походило на тончайший лист кованого металла, полностью воспроизводящего все мышцы, сухожилия и вены, — яркая заплата, неприметно вживленная в кожу. Отсутствие подходящего слова в языке заставило Пифагора назвать ее «неразрушимым золотом», ибо материал, из которого она была изготовлена, вряд ли встречался где-нибудь еще на Земле.

Жуткий шрам напоминал Пифагору о первой встрече с созданиями *апейрона,* не позволяя философу усомниться в том, что гости — не просто создания его сонного воображения. В первый раз перед Пифагором явились Перевитый Червь и Скрюченный Жук. Червь оказался существом страшно болтливым и немыслимо скрученным. Форма чужака отрицала любую возможность подсчитать количество спутанных нитей, из которых состояло его тело, — две, три, четыре? Червь предложил Пифагору магическую силу Числа Реки, и, когда философ с жадностью набросился на бесценный дар, Жук глубоко вонзился в бедро философа, оставив заплату из неразрушимого золота. Посмеиваясь, Жук называл изменение «установкой дополнительной платы памяти», а потом Червь непостижимым образом передал Число Реки зачарованному Пифагору. Проснулся философ полностью измененным.

Первое время Эвритоя пугалась сияющей пластины на бедре Пифагора. Однако после того как философ сказал женщине, что пластина — знак божественной-благодати — и почему бы Эвритое не верить этому? — она научилась находить ее возбуждающей.

Эвритоя кончиками пальцев провела по необыкновенно чувствительной поверхности золотого бедра, и вот уже овчина, подняв столб пыли, накрыла Пифагора и Эвритою, пока философ делил пополам треугольник Эвритои и становился радиусом ее сферы. Четное и нечетное слились в Едином.

Утолив страсть, влюбленные лежали, раскинувшись и улыбаясь друг другу.

Пытаясь, как обычно, угадать, о чем думает Эвритоя, Пифагор размышлял о том, что она тоже воплощает собой форму числа, как и любая женщина, и любой мужчина. Женщины представляли собой четные числа, мужчины — нечетные. Однако каким же огромным должно быть число, полностью выражающее Эвритою, число, способное уловить в сеть удобных для обозначения символов все оттенки ее запаха, изгибы медовой кожи, спокойный

тон обыденной речи и резкие вскрики в экстазе?

Внезапно у входа в пещеру что-то стукнуло. Камень? Пифагор безмолвно рванулся к арке входа, ощущая себя гибким и ловким. Пущенный меткой рукой камень просвистел рядом с его головой и врезался в откос. Неожиданно философ почувствовал себя голым, немолодым и нелепым.

— Вопреки собственной максиме, ковыряешь железным мечом в очаге, а, Пифагор? — пропел насмешливый голос. — Скоро весь город узнает об этом.

Насмешник оказался маленьким пузатым человеком, облаченным в белую тогу. Одеяние оставляло открытыми густо заросшие ноги. На первый взгляд ноги мужчины показались философу черным хвостом зловещей рыбы. Очевидно, мужчина следил за Эвритоей. Показав Пифагору кукиш, он устремился вниз по склону, словно почтовый голубь, несущий недобрую весть.

— Сенатор Пемптус! — воскликнула Эвритоя. — Один из шпионов моего мужа! О Пифагор, ты должен бежать! А я поспешу домой и попытаюсь успокоить раненое самолюбие Глокуса. Я боюсь самого худшего!

Женщина заплакала.

— Неужели я так и должен бегать от бесчисленных тиранов, набивающих брюхо бобами? — вопросил Пифагор. — А как же мои ученики? А моя любимая? Лучше уж я останусь здесь, в пещере, наедине с музыкой. — Пифагор показал на монохорд — однострунный инструмент, который многому научил философа. — Я не говорил тебе об этом, Эвритоя, но боги в добавление к золотому бедру даровали мне чудесную силу.

Эвритоя крепко прижалась к нему, вытерла глаза и попыталась поправить смятую прическу, заколов волосы булавкой из слоновой кости. Однако особого успеха она не достигла — прическа по-прежнему напоминала скривившееся набок птичье гнездо. Наконец женщина снова заговорила:

— Их очень много, Пифагор, и они придут за тобой. Смирись и беги. Что хорошего, если тебя или нас обоих убьют? Спасайся сам и позволь мне попытаться спасти остатки моей репутации. Вспомни собственную максиму: *Уступай дорогу стаду!*

— Ты права, дорогая, — согласился Пифагор, спокойно натягивая одежду. — *Улетевшая пыль переживет грозу.* Я отправляюсь немедленно. Одари меня последним поцелуем.

Гладкие губы встретились с усами, и Эвритоя унеслась прочь. Пифагор не стал медлить дольше того времени, которое потребовалось ему, чтобы набить суму съестными припасами. Все прочее было заключено в границах его черепа.

Выйдя из пещеры навстречу пламенеющему красным закатному солнцу, Пифагор хорошенько призадумался. Под ним, хорошо просматриваемая с высоты, простиралась дикая горная местность: здесь гонимому легко обмануть преследователей, но тяжело выжить. В этих ненадежных горах можно и сгинуть навеки. Нет, гораздо разумнее сойти вниз, пересечь Нессус, украдкой миновать Тарентум, пока его граждане не успели ничего сообразить, а затем отправиться на поиски новой паствы. Привычный к путешествиям философ успел повидать мир: он жил в Фивах и Вавилоне, не говоря уже об Афинах, Родосе и сельском захолустье Тарентума. Наверняка он с легкостью отыщет новый дом, где люди более чутки к нуждам гения.

Если, конечно, философу удастся обогнуть Тарентум, оставив неповрежденным собственный череп.

Впервые за многие месяцы Пифагор начал спускаться по осыпающемуся каменистому склону, ведущему вниз от пещеры. Золотое бедро пульсировало, но было ли это простым напряжением, предупреждением о грядущей опасности, или памятью о ласковом прикосновении Эвритои, ученый сказать не мог.

Реку Нессус пересекал единственный мост. Издали Пифагору показалось, что у моста собрались все отбросы Тарентума. Его враги. Чтобы не столкнуться с человеческим стадом, ему придется найти способ перебраться через реку, каким-то образом обойдя мост. Здесь не было бродов, пригодных для переправы, но Пифагор о том не тревожился.

На поросшем сорной травой берегу, полускрытый пахучими зарослями, Пифагор остановился. Вызвав в памяти Число Реки, которое передал ему Перевитый Червь, и мысленно придав ему форму, философ опустил руку в воду.

На поверхности бурлящего потока тотчас же возникли губы в рост человека, словно барельеф ассирийского храма.

— Приветствую Пифагора! — поздоровался с философом Нессус голосом, похожим на шлепок, с которым ударяются друг о друга две мокрые рыбины. — Ты давно не приходил. Возобновим нашу дискуссию об Атлантиде?

— Сегодня у меня нет времени, друг мой. Враги близко. Ты сможешь перенести меня на другой берег?

— С радостью. Мне ничего не стоит перенести тебя сухим, куда бы ты ни попросил.

На мгновение Пифагор задумался.

— Отлично, тогда отнеси меня вниз по течению за пределы Тарентума.

— Шагни в поток.

Продолжая удерживать в уме Число Реки, Пифагор ступил на поверхность воды и уселся прямо в середине бурлящего потока.

Вода показалась ему мягкой и прохладной, на ощупь напоминающей кожаную подушку. Струя увлекала Пифагора вниз по течению к мосту.

Как он и думал, пестрая толпа невежд собралась у моста во главе с Глокусом и Пемптусом. Вооруженные серпами, пращами и вилами, а кое-кто и мечами, горожане таращились, разинув рот, на проклятого философа, которого несли к ним волны реки. И вот Глокус издал пронзительный крик, и атака началась. Камень плюхнулся в воду в локте от груди Пифагора, затем другой, вслед ему полетело копье.

Продолжая удерживать Число Реки в мозгу, Пифагор освободил в голове место для другой формы числа. Это было Число Облака, дар Кишащего Роя Глаз. Философ вызвал в сознании громадное число, и его тут же накрыл непроницаемый туман. Невидимый для толпы, ученый поднялся на ноги и перешел на другое место на поверхности бурлящего потока. Злобные и гневные вопли раздавались над ним, а снаряды, не причиняя Пифагору вреда, шлепались в воду.

Нессус нес Пифагора вперед, спеша к морю. Во время путешествия река и философ беседовали.

— Исследуя твой разум, я наткнулся на интересную максиму, приписываемую философу Гераклиту, — говорил Нессус. — Никто не может войти в одну реку дважды. Но разве моя форма не остается прежней? Разве она не соответствует тому же самому числу?

— Да, твоя основная форма неизменна, — отвечал Пифагор. — Но водная материя реки переменчива. Гераклит имел в виду нечто более тонкое и эзотерическое. Человек — он как река, его субстанции меняются каждый день, не так быстро, как у реки, но столь же неизбежно. Камень может оставаться неизменным, но не человек, который бросает его. Для человека, как и для реки, все течет. Могу я задать тебе вопрос, Нессус?

— Поистине ты можешь задать вопрос, — отвечали громадные водяные губы на поверхности реки рядом с Пифагором.

— Прошлой ночью я получил знание числа от Скрюченного Жука, — сказал Пифагор. — Жук говорил, что это последняя из магических величин, которые я должен выучить. Если я буду удерживать величину в мозгу, сможешь ли ты объяснить мне ее смысл? Я должен знать, как использовать ее. Чувствую, что надвигаются испытания, и ни одна стрела в моем колчане не будет лишней.

Поток сузился, и река приблизилась к крутому ущелью. На некоторое время философская беседа прервалась — все силы реки уходили на то, чтобы уберечь Пифагора от расколотых стволов и острых камней. Когда они наконец достигли спокойного участка позади большого водопада, и философ, и река почувствовали, что силы их иссякают. Пифагор понял, что стоит по колено в воде на длинной песчаной отмели. На землю упали сумерки.

— Твое новое число — загадка для меня, о Пифагор, — мягко ответил Нессус. Губы реки истончились, словно зыбь на воде. — Попробуй сам истолковать его. Теперь я покидаю тебя. Когда ты снова ступишь на мою поверхность, надеюсь, что, несмотря на все различия между нами, дружба наша останется прежней.

— Передай мой поклон Посейдону.

— Я связан с ним даже сейчас, так же как связан с Зевсом, — ручьями, что текут с самых высоких холмов. Жаль, что ты не знаешь Числа Океана. Полагаю, Посейдон помог бы тебе.

— Наверное, теперь я уже далеко от Тарентума, — уверенно произнес философ. — Пора искать новую удобную пещеру.

Быстро стемнело. Пифагор обнаружил вокруг заросли кустарника и, воспользовавшись Числом Овчинной Накидки, подаренным ему Спутанным Деревом, устроил себе удобную постель. Он лежал на берегу, грыз сыр и гадал, что сталось с Эвритоей. Кто знает, вдруг она посетит его на новом месте. Некоторое время спустя философ заснул.

Этой ночью к Пифагору пришел Перевитый Червь. Пугающе осязаемый Червь состоял из нескольких нитей, числом не более пяти, но эти пять соединялись так причудливо, что их просто невозможно было сосчитать. С одной стороны у червя была голова с тремя яркими глазами и клыкастой пастью.

— Ты так ничему и не научился от нас, Пифагор, — заявил таинственный Червь. — Почему ты продолжаешь распространять ложь о том, что целые конечные числа — есть суть всех вещей? Это твоя благодарность *апейрону* за то, что мы сделали для тебя? А ведь сегодня мое Число Реки спасло тебе жизнь.

— А разве не твой друг Жук повредил мою ногу во время нашей первой встречи, ты, грязное животное? — пробормотал ученый.

— Только благодаря неразрушимому золоту на бедре ты способен воспринимать числа, которые соответствуют беспредельной сущности истинных вещей, — сказал Перевитый Червь. — Бедро, если можно так выразиться, это крыло из воска и перьев, благодаря которому ты паришь.

— И как всякое подобное крыло, когда-нибудь оно истает, — прошептало Спутанное Дерево, вдруг ставшее зарослями вокруг

Пифагора. Дерево изгибалось толстыми стволами не меньше человеческого роста, стволы расщеплялись на бесчисленные сучья, а сучья завершались бесконечными ветками. Голос Дерева походил на смутный гул. — Вспомни миф об Икаре, — промолвило Дерево. — Он слишком приблизился к Солнцу.

Раздался треск, и Скрюченный Жук просунул трясущуюся нижнюю челюсть сквозь хаос веток.

— Мой собрат слишком мягок с тобой, Пифагор. Так знай же: солнце взойдет еще дважды, а потом плоть твоя умрет. Пока есть время, ты должен рассказать о нас, потому что только мое последнее число спасет тебя от полного уничтожения.

Треск веток стал громче, и перед Пифагором возникли ухмыляющийся Кот и Кишащий Рой Глаз. Взлохмаченный Кот проделал свой обычный трюк — существо вывернулось наизнанку, колючая шерсть сменилась розовой, мокрой плотью — подобного зрелища не видел еще никто из смертных. Кишащий Рой Глаз двигался как облако мошкары или стайка мух, и каждая крохотная частичка этого облака была маленьким ярким Глазом. Не успел Пифагор всмотреться в один из танцующих Глаз, как облако распалось на более мелкие облака с еще более крохотными Глазами, внутри каждого из которых, вероятно, располагалось еще более крошечное облачко — в Кишащем Рос Глаз не было ничего прочного, и деление внутри него никогда не прекращалось. Кишащий Рой Глаз был *апейроном* самой высокой степени.

— Восславь нас, пока еще жив, — хором пропели пятеро ужасных созданий. — И тогда с помощью числа Жука мы спасем тебя!

Скрюченный Жук куснул философа, и Пифагор со стоном проснулся. К его ужасу, треск веток не утихал. Только что занялся день, над водой висела туманная дымка. Треск и тяжелое дыхание. Львы? Нет, хуже, собаки. Их появление сопровождалось бранью — философ услыхал тенор царя Глокуса.

— Внимательнее, граждане! Собаки что-то почуяли. Держу пари, старый козел залег где-то рядом.

В отчаянии Пифагор призвал Число Облака — подарок Кишащего Роя Глаз. Над узкой лощиной сгустился туман, но, к несчастью, туман только обострил нюх гончих. Пифагор вскочил на ноги, однако собаки повалили его на землю, лая и пуская слюни, словно великий философ был загнанной лисицей. Грубые непочтительные руки связали его запястья и лодыжки.

Тем же вечером в присутствии Сената и жрецов Аполлона состоялся суд. Пифагору вменяли в вину богохульство и подстрекательство к мятежу — однако отнюдь не прелюбодеяние,

так как царь Глокус не желал выставлять на всеобщее обозрение свои рога. Обвинители утверждали, что учение Пифагора отрицает веру и установленный порядок вещей на земле и на небе.

— Ты согласен, что власть царя Глокуса имеет божественное происхождение? — требовал ответа Пемптус, самодовольно кривя рыбьи губы.

— Разумеется, я отрицаю это, — отвечал Пифагор. — Нет ничего более нелепого, чем престарелый тиран.

Единственным, кто посмел встретить это замечание аплодисментами, оказался Алсибед, затерявшийся в гуще толпы, — рука его лежала на мече.

— Ты также учил, что все вещи суть числа и что смертный с помощью математики может постичь божественное устройство мира? — спросил верховный жрец, ничтожество по имени Тарнус.

— Именно этому я и учил, хотя…

Сторонники Пифагора затаились в толпе, но сейчас Архит возвысил голос:

— Отец Глокус, могу я сказать?

Глокус покачал головой, однако Эвритоя, сидящая рядом с царем, ткнула мужа острым локтем в бок, после чего Глокус кивнул:

— Пожалуйста, сын мой.

— Если вера в то, что вещи суть числа, является преступлением, тогда вели казнить и меня, и вот этих ученых юношей вместе с мудрым, хотя и несовершенным человеком, нашим учителем. Все мы следуем его благородным заповедям о том, что, постигая числа, мы постигаем суть вещей. Если это преступление карается смертью, то вели, Глокус, казнить и своего сына. Вместо того чтобы преследовать ищущих истину, почему бы тебе, отец, не позволить Пифагору удалиться в изгнание? А мы, адепты его тайного учения, последуем за ним.

Священники и сенаторы начали совещаться. Не желая сеять в полисе дальнейшие раздоры, они одобрили предложение об изгнании Пифагора и его сторонников.

— Превосходно, пусть убираются восвояси и основывают новое поселение, — нараспев проговорил Глокус.

Он больше прочих желал удалить с глаз долой своего молодого и решительного наследника.

Решив, что это и есть спасение, которое обещал ему Скрюченный Жук, Пифагор ощутил желание принести хвалу помощникам из *апейрона.* Философ встал и поднял руки, призывая народ к молчанию.

— Добрые люди, я действительно всю жизнь учил, что в

основе всех вещей лежит игра простых цифр. Богу соответствует единица, Мужчине — двойка, Женщине — тройка, Правосудию — четверка, а Браку — пятерка. Моим последователям известно также, что цифры олицетворяют собой и геометрические формы: подумайте, как искусно восемь поверхностей соединяются в куб. Еще я пришел к выводу, что существует пять, и только пять тел геометрически правильной формы. Я учил, что эти тела и есть основа всех вещей.

Послышалось одобрительное бормотание. Архит выглядел возбужденным и польщенным, и даже суровый Алсибед позволил себе улыбнуться. Наконец-то учитель решил поделиться своим благородным учением! Казалось, даже тупоголовых жрецов Аполлона не оставили равнодушными великие истины, которые изрекал Пифагор. Философ остановился, затем, когда снова наступило молчание, продолжил:

— Да, я учил, что Земля есть куб, Воздух — восьмигранник, Огонь — четырехгранник, Вода — двадцатигранник, а Космос — двенадцатигранник. — Пифагор сделал глубокий вдох, набираясь мужества перед тем, что ему предстояло. — Тем не менее сейчас я должен сказать вам, что все это учение — не более чем детский лепет, сказки для младенцев, пустая болтовня и глупые россказни. *Апейрон* присутствует в каждом земном теле, а потому, дети мои, беспредельное существует и в нашем разуме. — Яростный гомон чуть не оглушил философа. Пифагор перешел на крик: — Все вокруг нас — изогнутое, иррациональное, беспредельное, а *апейрон…*

Сквозь шум прорезался голос Архита:

— Пифагор сошел с ума!

— Убить его! — завопила толпа.

— Нет! — вскрикнула Эвритоя, оказавшаяся единственным защитником философа.

— Он умрет завтра утром! — решил довольный Глокус.

— Вот увидите, на что способен *апейрон!* — отчаянно вскричал философ.

Он призвал четыре знакомых числа силы, чтобы создать целую кучу Овчинных Накидок, бросить их вонючей грудой на Огонь и сжечь путы, что держали его, затем с помощью Облака укрыть форум и велеть Реке выйти из берегов и затопить улицы Тарентума. Пифагор рассчитывал воспользоваться замешательством толпы, чтобы бежать, и почти поверил в успех, пока не обнаружил, что его крепко держат Пемптус и Тарнус. Постепенно замешательство улеглось, и философ снова стал пленником, выставленным на всеобщее обозрение.

— Смотрите на него, Эвритоя и Архит, — произнес Пемптус,

затянув веревку вокруг шеи Пифагора. — Смотрите на этого грязного старого козла. Завтра утром мы накроем его дверью и раздавим нечестивца. Каждый из вас бросит в него камень. И я прослежу затем, чтобы никто не посмел уклониться от этой обязанности.

— Хорошо сказано, — фыркнул в тумане Глокус.

Архит приблизился.

— Вы решили стать колдуном, учитель? Зачем? Чтобы замарать ваши благородные математические идеи? И все-таки я продолжаю разделять ваше прежнее учение.

— А вдруг моя власть такова, что этот тупица — твой отец — не сможет убить меня? — спросил Пифагор. — Что тогда, Архит? Мои знакомые из *апейрона* уверили меня, что…

— И что же?

— О Пифагор! — воскликнула Эвритоя, голос женщины дрогнул. — Куда завело тебя безумие?

Философ провел бессонную ночь в каменном амбаре, думая не о смерти, а о математике. Пифагор чувствовал, что не успел совершить нечто великое.

Он гордился своими исследованиями пяти правильных многогранников, испытывал бесконечную благодарность Единому за открытие великой теоремы о прямоугольном треугольнике и весьма ценил собственные философические кружева и оборки, которые сплел вокруг особенностей меньших чисел. И все же что-то он упустил — некий ключевой вывод из теоремы о прямоугольном треугольнике. Нечто, связанное с *апейропом,* иначе зачем боги прислали к нему учителей?.. Краткие рассветные часы Пифагор провел, погруженный в созерцание природы соотношения между диагональю и стороной квадрата. Философ настолько погрузился в свои мысли, что не слышал, как прокричал петух.

Так как этой ночью Пифагор не сомкнул глаз, скрюченные обитатели *апейрона* не появились. Впрочем, нет, в тот самый миг, когда надменный сенатор Пемптус пришел, чтобы отвести философа навстречу его судьбе, Пифагору показалось, что в темпом углу амбара замаячила хитрющая морда Взлохмаченного Кота. Внушающий ужас представитель семейства кошачьих, состоящий из мириада колючих выступов, подмигнул философу, и тот остановился как вкопанный.

— А ты не чужд суевериям относительно амбарных котов? — засмеялся Пемптус. — Сумасшедший выдумщик! Лучше бы ты беспокоился о чем-нибудь реальном, например, о камне. — Сенатор пнул камень размером с дыню. — Подними его, Пифагор. Этот камень упадет на дверь первым.

Философ медлил, и кот — теперь стало понятно, что кот — самый что ни на есть настоящий — шмыгнул к двери и выскочил наружу. И все же как сложно и гармонично устроен зверь, и как легки его движения! Уже исчезая из виду, кот проделал свой обычный омерзительный фокус — вывернулся наружу, что было совершенно невозможно.

— Эй ты, подними камень, — грозно повторил мускулистый центурион Пемптуса.

С высоко поднятой головой Пифагор шел по Тарентуму, не обращая внимания на глумящуюся толпу. Огромный каменный алтарь, уже согретый солнечным объятием, ожидал несчастное тело старого философа. Пока Пифагор пытался собраться с мыслями, его бросили на твердую поверхность, а сверху положили деревянную дверь.

Глокус первым швырнул камень — тот самый, что принес философ. Дверь давила все сильнее, словно ученый был бесчувственной сковородкой или совокупностью величин, каждая из которых обладала смертельным весом.

Граждане Тарентума напирали, неся с собой камни, некоторые старались придвинуться как можно ближе, чтобы прошипеть проклятия, хотя иные шептали и слова утешения. Мятежный Алсибед не пришел на казнь, но Эвритоя и Архит двигались в толпе, подгоняемые стражниками. Они несли камни не тяжелее куриного яйца, хотя и этот вес казался матери и сыну неподъемным.

Скоро дыхание стало непосильным трудом для слабой груди философа. Он еще мог выдыхать воздух, но вдыхать его обратно было так тяжело, словно волочить непосильную ношу. Солнце ослепляло Пифагора, в ушах раздавалось жужжание. Неожиданно он заметил что-то яркое — толстый жук опустился на щеку. Граждане все еще текли мимо, кидая камни. Зрелище сверкающего насекомого на лице мученика выглядело столь зловеще, что многие отводили глаза.

Насекомое жужжало, и философ позволил себе вообразить, что различает слова.

— Используй число, которое я тебе дал, идиот! Сосредоточься!

Еще один камень упал на грудь Пифагора, затем еще, и еще, и еще. Философ чувствовал, как его ребра сгибаются и трещат, боль затопила разум, будто напиток Гадеса. Сквозь шумящую кровь в ушах он различал насмешливые крики толпы и одинокий женский вопль.

— Что ж, довольно, — визгливым йодлем пропел Глокус, наблюдавший за мучениями Пифагора. — Этот человек сломлен.

Уберите камни. Эй, рабы, отнесите его и бросьте в мусорную кучу у реки, пусть там и сдохнет. Вдыхать на смертном одре испарения человеческих отходов — вот самый подходящий для Пифагора апейрон. — Глокус возвысил голос до визга. — Пусть это станет предупреждением всем, кто осмелится бросить мне вызов! Я подобен богу, и вы все должны преклонить предо мной колени!

Далекие от смирения граждане просто молча смотрели на своего царя. Отвратительная казнь сослужила Глокусу недобрую службу. Множество рук протянулось, чтобы снять камни с груди Пифагора.

Когда грудь философа освободили от груза, пробитые легкие со свистом втянули сладостный воздух. Философ наблюдал за собой словно со стороны — вот он, ничем не прикрытый, лежит на форуме, Эвритоя и Архит плачут, а вот его окровавленное тело кладут на грубую телегу, и трое рабов везут телегу по улицам Тарентума. Теперь Пифагор стал выше боли, он летел в тоннеле, ведущем в Элизиум. Философ приготовился к смерти.

Однако его продвижению к конечному блаженству что-то мешало — кто-то кусал, щекотал философа, жужжал ему в ухо. Насекомое на щеке — или призрак Скрюченного Жука? С теперешней точки обзора, что изнутри, что снаружи, Пифагор не замечал никакой разницы.

— Ты поступил хорошо, что выступил в нашу защиту, Пифагор, — сказало насекомое или Жук. — Ты — достойный человек. А теперь используй мое число.

— К-к-как? — слабо выдохнул Пифагор.

Возникнув прямо из пасти Скрюченного Жука, Взлохмаченный Кот промолвил:

— Мы не можем сказать тебе, что означает это число, потому что если ты не поймешь этого сам, ты все равно ничего не поймешь. Пойми, если все объясню тебе я, это не станет твоим пониманием, понимаешь?

Жук раздраженно ущипнул ухмыляющегося Кота, однако многоликий зверь как ни в чем не бывало вывернулся наизнанку, вместо шерстистого зада явив взору розовую выпуклость.

От удара о грязную землю веки Пифагора затрепетали и приоткрылись. Он был оглушен и парализован крушением собственного тела. Сквозь застилавшую пелену глаза тупо уставились вверх. Рабы, что принесли его тело на свалку, смеясь, удалились восвояси, радуясь тому, что нашелся среди граждан тот, кто более унижен, чем они.

Пифагор попытался оценить свое бедственное состояние. Он лежал под мертвым стволом дерева, рядом искрился вонючий ручеек, пробивая дорогу сквозь отбросы. Рой сверкающих мух

вился над раной на груди философа, пробуя на вкус еще свежую кровь. Насколько философ мог понять, по его носу продолжал ползать жук. Желтоватый кот со вздыбленной шерстью беспечно прогуливался рядышком.

Зрение слабело, сердце стучало тихо и с перебоями, словно младенец, бьющий в барабан, легкие с болью втягивали легкий сквозняк, сломанные ребра кололи тысячами кинжалов. От таких ран не бывает лекарства. Это конец.

Пифагор чувствовал, что его изощренный и тренированный разум готов распасться. Как может исчезнуть такая уникальная личность, как может создание, столь совершенное в каждой своей составляющей, просто разложиться и пропасть? Золотое бедро начало пульсировать, словно напоминая философу, что некоторым образом он все же отличается от прочих смертных. Сосредоточившись на этой сверхъестественной части своего тела, Пифагор вспоминал великие магические числа, которые разум уже отказывался удерживать. Числа Накидки, Реки, Огня, Облака и…

С колоссальной силой великое откровение встряхнуло философа. Пятое число представляло собой пятую сущность Пифагора, его квинтэссенцию. Собрав всю свою силу воли и хваленую способность к концентрации, Пифагор мысленно охватил пятое число, затем с силой, подобной взрыву, вытолкнул его из своей умирающей сущности…

Внезапно философ увидел себя с двух точек. С одной — он умирал, неуклонно двигаясь по тоннелю навстречу засасывающему яркому свету, с другой — стоял в грязи, глядя сверху вниз на измученное тело бедного старика.

Пифагор поднял свою живую, совершенно здоровую руку на уровень глаз и радостно рассмеялся. Он победил смерть! Такова божественная награда за его смелые исследования *апейрона.* Философ глубоко вдохнул превосходно работающими легкими, затем ударил себя кулаком в грудь.

К немалому удивлению философа, кулак погрузился в плоть, как будто Пифагор был Котом, собиравшимся проделать свои непристойные фокусы с выворачиванием наизнанку! В то же мгновение раздался знакомый голос. Огромный, туманный призрак Скрюченного Жука висел над настоящим жуком, все еще ползавшим по лицу, которое некогда было лицом Пифагора.

— Приветствую тебя, Пифагор! — прощебетал Жук, очевидно, пребывающий в восторге от нового тела ученого. — Добро пожаловать в жизнь в виде чистой математической формы! Я неплохо запрограммировал тебя, не правда ли? Основной код я внедрил в ту первую ночь, при укусе. Все это время я

корректировал данные, чтобы записать твои последние мысли. Именно этим я и занимался, сидя на твоем лице, — обновлял твое число до последней минуты. Ты ведь все помнишь?

Пифагор молча кивнул и вытащил конечность из груди, испытывая странное и неописуемое чувство. Перед ним замерли призрачные формы Спутанного Дерева, Перевитого Червя и Кишащего Роя Глаз. В этой зловонной грязи каждый из них был соединен тончайшей нитью со своей земной формой.

— Твое новое числовое тело не совсем реально, — объяснил Жук. — Оно столь же ненастоящее, как и разожженное тобой с помощью числа пламя в виде разноцветных четырехгранников. Только в присутствии природного Огня пламя становится живым. Искра, способная разжечь этот огонь, содержится в твоем разрушенном старом теле.

Пифагор с отвращением опустил глаза на свой умирающий остов. Он столь же мало притягивал философа, как грязная мокрая тога.

— Ты советуешь мне снова облачиться в старые смертные обмотки?

Скрюченный Жук, больше уже не число, со звоном шлепнулся к ногам философа черным вязким шаром. Крошечная скрюченная копия была связана с призрачным Жуком тонкой шелковой нитью. Новорожденный жук расправил крылья, неловко помахал ими и с жужжанием взмыл ввысь.

— Не нравится мне все разжевывать, — промолвил Жук.

— Чтобы стать собой, тебе нужен ты сам. — Ухмыляющийся Кот потерся о призрачные ноги философа, а затем прошел сквозь них. — Будь себе собственным отцом и сыном.

— Вдохни свой последний выдох, — прожужжал Кишащий Рой Глаз.

Перевитый Червь раскачивался над ручьем, словно зачарованный змей.

— Не обмани наших ожиданий, Пифагор. Тебе осталось только подтвердить свое величайшее открытие, осталось доказать, что мы существуем на самом деле.

— Давай же, согнись и прими свой последний вздох! — посоветовало Спутанное Дерево, бесчисленными ветками показывая, что именно должен сделать философ.

Да-да, разумеется. Теперь и Пифагор вспомнил обычай, согласно которому дитя должно вдохнуть последний выдох своего родителя. Призрачное тело философа преклонило колени перед своей лежащей навзничь умирающей плотью. Глазами, затуманенными близостью к вечности, прежнее тело Пифагора смотрело на вновь созданную плоть. И чистыми, ясными, новыми

глазами смотрел философ на свое старое подобие. И вот новое числовое тело вдохнуло последний выдох тела умирающего.

С точки зрения своей старой сущности Пифагор почувствовал себя так, словно его выдернули из рая. Философ ощутил скорбь и тоску. Ему захотелось воссоединиться с Единым божеством, к которому он едва притронулся. С точки зрения своей новой сущности Пифагор чувствовал себя возрожденным, обновленным и, что самое главное, настоящим. Теперь он стал един. Бесконечность его божественной души отныне помещалась в числовой модели тела.

Оглядевшись вокруг, ученый уже не увидел призрачных образов друзей из *апейрона* — именно друзей, а не соперников или врагов. Их земные аватары все еще присутствовали здесь, в грязи: дерево, дождевой червь, кот, мушиный рой и жук. Теперь Пифагор по-новому ощущал, как эти земные формы воплощают *апейрон,* ощущал сильнее, чем нерушимую божественность, что жила во всех вещах, великих и низких.

Его новое тело казалось сильным и здоровым, хотя и не чрезмерно. Все-таки это была числовая форма человека пожилого… Впрочем, разве можно сравнивать ее с прежним остовом, изувеченным камнями? Было и еще одно изменение. Неразрушимое золото исчезло с бедра Пифагора, и, заглянув внутрь себя, ученый понял, что утратил знание пяти магических чисел. Это обрадовало его.

Что же теперь? Самое главное — увидеть Эвритою. Да еще Перевитый Червь сказал что-то весьма интригующее о некоем великом выводе из его теоремы. Очевидно, самый разумный выход — вернуться в пещеру, как обычно, принимать посетителей и размышлять о математике. Скорее всего его воскрешение испугает Глокуса, и царь оставит философа в покое.

Однако прежде всего Пифагору надлежало позаботиться о прежней оболочке. Ухватив тело за голени, философ вытянул его из канавы и оттащил к рощице неподалеку. Лопаты не было, и философ выкопал неглубокую могилу с помощью простой палки, а затем собрал ветки, чтобы укрыть тело. Потребовалось немало времени, очевидно, несколько часов, но что значит время для человека, восставшего из мертвых? Пока он работал, в мозгу ученого начали складываться основы будущей великой теоремы. Пифагор подозревал, что теорема будет касаться соотношения диагонали квадрата к его стороне.

Теорема о прямоугольном треугольнике гласила, что площадь квадрата, построенного на его диагонали, равна сумме площадей квадратов, построенных на двух его сторонах. Если эти стороны равны, то площадь квадрата диагонали равна двойной

величине площади квадрата стороны. Другими словами, площадь квадрата диагонали и площадь квадрата стороны находятся в соотношении два к одному. Иначе говоря, соотношение диагонали к стороне можно назвать «квадратным корнем из двух».

Несколько лет Пифагор и его последователи искали целое числовое соотношение, выражающее этот любопытный «квадратный корень из двух». Сорок пять к двадцати пяти довольно близко, сто к сорока пяти — еще ближе, что означало, что квадратный корень из двух близок к соотношению семи к пяти и еще ближе к соотношению десяти к семи. Однако Пифагору никогда не удавалось добиться абсолютной точности, и теперь, открыв свое сердце *апейрону,* ученый понял, что точного соотношения просто нет. Не существовало целого числа, выражающего квадратный корень из двух.

Закидывая ветками тело, Пифагор обнаружил, что за этим благочестивым занятием напевает веселый мотивчик. Теперь, поняв, что хочет доказать, он найдет и способ доказательства. Размышляя о различиях между четными и нечетными числами, философ направился к Тарентуму. Умница Архит поможет ему развить основное доказательство.

На краю канавы Пифагор встретил Эвритою. Лицо женщины заливали слезы, она надела черные траурные одежды. Неужели ради него?

Не замечая философа, Эвритоя пристально вглядывалась в мусорную кучу, ища в грязи мертвое тело.

— Женщина, почему ты плачешь? — спросил Пифагор. — Кого ты оплакиваешь?

Эвритоя вытерла лицо черной тканью покрывала.

— Если вы унесли тело, мой господин, скажите, где вы его положили.

Пифагор произнес ее имя:

— Эвритоя.

Она обернулась и наконец-то узнала его.

— Пифагор!

— Моя дорогая, простодушная Эвритоя. Апейрон спас меня. Теперь я снова жив и здоров.

Философ тихо засмеялся и покрутился на месте, создав в воздухе легкий вихрь.

— Мой дорогой, глубокомысленный Пифагор, — пропела Эвритоя. — Куда же девалось твое безумие?

— Какое безумие? Пойми, женщина, я работаю над доказательством реальности *апейрона!* Все вертится вокруг четных и нечетных чисел.

— Тогда я должна помочь тебе! Идем в пещеру!

— Прямо сейчас? А как же Глокус и его жрецы?

— Глокус мертв, — сказала Эвритоя, даже не пытаясь скрыть, что нисколько не опечалена этим событием. — Алсибед сверг его сразу же после того, как унесли твое тело. Царем стал мой сын Архит. Народ ликует. Жрецы Аполлона слушаются Архита. Даже Тарнус принес новому царю свои лживые клятвы. — Женщина залилась смехом. — Официально я в трауре из-за Глокуса, но, Пифагор, поверь, это только из-за тебя!

— Я хочу немедленно поделиться с Архитом новым величайшим доказательством! — воскликнул Пифагор.

— Позже, — сказала Эвритоя, целуя его. — Сначала — в пещеру. Я должна оказать тебе радушный прием.

— Что ж, — согласился Пифагор, — давай же возведем мост через реку.

— И больше никакого колдовства? — спросила Эвритое.

— Никакого, — ответил Пифагор. — Одна только математика.

«The Square Root of Pythagoras». Перевод М. Клеветенко

ЗЛОВОННЫЕ ЛЕНТЫ

Говоря откровенно, я просто впал в детство. Иначе чем еще объяснить возвращение подростковой привязанности? С пяти до двенадцати я поглощал комиксы в немыслимых количествах. Впоследствии научился ценить более «зрелую» литературу — научно-фантастические романы и повести, и без сожалений отвернулся от первой любви. Много лет я и не вспоминал про комиксы (хотя и собирал переиздания серии «Спирит» Уила Эйснера).

Однако несколько лет назад по неведомым мне физическим причинам все изменилось. Я снова окунулся в океан современных комиксов. Начал я с книг с такими «нестандартными» названиями, как «Черный шар», «Любовь и ракеты» и «Ненависть», затем перешел к историям о настоящем супергерое от компании Марвел. С тех пор я прочно увяз в этом мире. Не реже раза в неделю осуществляю набег на соседний магазин, где торгуют комиксами, в поисках таких незаурядных образцов жанра, как «Экстатик» и «Серая рубашка».

Тем не менее в этом рассказе нет супергероя, перед вами просто еще одна четырехцветная вселенная. Итак, зовите меня просто Гуфи, и подать сюда белые перчатки с четырьмя пальцами!

Гиро Гирлус любил Джинджер Барке.

Здесь бы и поставить точку. Любовь, ухаживание, свадьба, дети, любимые внуки, старение, немощи, сиделка, тихая смерть под присмотром врачей в доме для престарелых — и вот уже

выжившие наследники ссорятся из-за треснутого китайского сервиза. Старая как мир последовательность, неизменная, как поток водорода в топливной системе новенькой «панды-вухан» 2025 года выпуска. Ни сердечной боли, ни головной; ни терзаний, ни сожалений…

И никакой истории.

Итак, Гиро Гирлус любил Джинджер Барке, вот только *она* его не любила.

Именно тот прискорбный факт, что возлюбленная не отвечала на его чувство, и подвиг Гиро к тому, чтобы изменить мир.

День, когда Гиро во имя своей неразделенной любви поставил с ног на голову ничего не подозревающий мир, начинался вполне обычно. Кровать катапультировала его долговязое нагое тело прямо в нежные объятия автоматического камердинера. С помощью подъемного крана умная машина переместила полностью одетого Гиро за кухонный стол. Многофункциональное цилиндрическое устройство с глазами-радарами, служившее Гиро и поваром, и дворецким, подало завтрак: два яйца птицы Додо и полпорции рагу из мамонта. Эту-то трапезу Гиро и вкушал без особого аппетита, рассеянно слушая, как другой механический слуга — большой зеленый книжный червь в очках — читает старомодную бумажную газету. Автоматическая чистка зубов — и вот Гиро оседлал единственное в своем роде транспортное средство, питающееся энергией хлопушек, и отправился в исследовательский центр «Счастливая утка».

В тиши кабинета письменный стол тут же попытался привлечь внимание хозяина:

— Мистер Гирлус, поступило более сотни сообщений. В порядке убывания важности…

— Не сейчас, — прервал его Гиро, и стол замолчал.

Охваченный любовным томлением, Гиро упал на диван. Протянув руку, схватил с края стола фотографию в рамке и впился в нее глазами. Портрет изображал улыбающуюся женщину, чьи тонкие черты в глазах ее воздыхателя воплощали совершенство. Одних лет с Гиро, гибкая и черноволосая, сия искусительница была не кем иным, как Джинджер Барке. Чтобы перестроить умные молекулы, Гиро встряхнул рамку, словно старинную детскую игрушку, и был вознагражден изображением Джинджер в детские годы. В эту самую малютку и влюбился наш герой в возрасте пяти лет, когда еще не был Гиро Гирлусом.

В реальном мире никто не мог носить имя Гиро Гирлус с

рождения. Во-первых, большинство древних Гирлусов вымерли в Эру Благоразумия, став жертвами плохо продуманных экспериментов с горючими веществами и эфиром, приведших в конце концов к роковым взрывам. Их потомки, недолго думая, сменили имя, слишком отдававшее безумием. С другой стороны, никакие родители, даже спятившие на новинках технари, не осмелились бы в многонациональной Америке начала двадцать первого века назвать своего ребенка Гиро — ну и имечко, ни дать ни взять греческий бутерброд. Нет, единственным миром, в котором любой мог позаимствовать имя Гиро Гирлуса, был мир знаменитого комикса. И именно там отыскал его наш Гиро. Впрочем, вернее сказать, имя это ему навязали.

В незабываемом 2001 году маленькому Гэри Хармону исполнилось всего пять лет. И чем бы год этот ни запомнился прочим жителям планеты, для Гэри он стал поворотным. В тот год мать Гэри оставила неудачника Уорена Хармона ради любви к другой женщине и, разделив с ней опеку над Гэри, уехала в Дакбург.

Город Дакбург в Калифорнии некогда назывался Лос-Гатос и представлял собой горную деревушку на краю Кремниевой долины. Однако в 2000 году Лос-Гатос со всеми потрохами купила империя Диснея, не знавшая, куда девать деньги после успеха «Золотого осла Апулея». Компьютерная промышленность, которая некогда обеспечила налоговое благополучие этого края, дергалась в конвульсиях после внедрения схем на одностенных углеродных нанотрубках, поэтому губернатор Шварценеггер решил, что продажа Лос-Гатоса поможет залатать дыру в бюджете штата. Сей милый городок, расположенный неподалеку от густонаселенных мест, в точности отвечал планам империи Диснея. Компания намеревалась воздвигнуть памятник своему не до конца оцененному гению — творцу, которому в отличие от большинства художников, работавших на Диснея, удалось вырваться из плена безвестности.

Культовый художник Карл Барке родился в 1901 году. К концу века он был еще жив, а ряды поклонников его творений не убывали.

Начав работу в конце сороковых, Барке взорвал стоячее болото печатной вселенной Диснея (всегда бывшей самым слабым щупальцем этого громадного осьминога) несметным количеством вольт своей творческой энергии. За последующие тридцать лет Барке нарисовал сотни книг, добавив к безыскусным творениям Диснея новых запоминающихся персонажей и насыщенный подтекст, создав новую вселенную комиксов. Опираясь на старые шедевры, внеся в них дух приключений и

юмора, Барке возродил героев дядюшки Уолта. Работы Баркса переиздавались и почитались вот уже более полувека. Руководство компании, движимое (самую малость) соображениями благотворительности, просчитав (весьма основательно) предполагаемые барыши, решило, что столетие Баркса — подходящий повод для открытия мемориала.

И вот диснеевские творческие силы двинулись в Лос-Гатос. Согласно условиям сделки, компания владела в городе всей собственностью, которую штат счел достойной продажи. Однако щедрая компания тут же сдала строения всем желающим жителям и бизнесменам, захотевшим остаться в городе после заключения сделки. Через год тысячи рабочих превратили Лос-Гатос в огороженное подобие Барксова Дакбурга. Переодетые персонажами Диснея актеры разбавили толпы обычных горожан, на входе установили киоск по продаже билетов, и после впечатляющей церемонии открытия с участием престарелого и застенчивого отца-основателя и толпы кинозвезд Дакбург стал прибыльным бизнесом.

Диснеевские бездельники нашли даже несколько настоящих Барксов, изъявивших желание переселиться в Дакбург. Гарри и Норма Барке со своей маленькой дочерью Джинджер были дальними родственниками Баркса. Весьма обрадованные привалившей удачей, они поселились в городе, где их ждал бесконечный праздник, новый дом и гарантированный заработок.

Тогда же в этом образцовом сообществе появилась и бывшая миссис Джейн Хармон. Она взяла свою девичью фамилию Грир, решив начать жизнь с нуля. Вместе со своей любовницей Лорной Лиш на деньги, доставшиеся Джейн в результате бракоразводного процесса, они открыли в Дакбурге магазин керамики. (Успешно преодолев бойкот Южных баптистов, компания Диснея открыто привечала геев и лесбиянок, и Джейн Хармон получила в Дакбурге щедрые налоговые льготы.)

И вот юный Гэри Грир-Лиш вместе с Джинджер Барке и прочими будущими Юными Сурками стал учеником Дакбургской школы.

Не нужно быть гением, чтобы догадаться, какое прозвище светило Гэри в этой среде. Всего через час после первой переклички однокашники называли Гэри Грир-Лиша не иначе как Гиро Гирлусом.

Можно только вообразить, как переживал юный Гэри. Оторванный от привычных мести друзей, потерянный во враждебном окружении, он тяжело воспринял новое прозвище.

Когда в перерыве несчастный Гэри сидел в ароматной тени эвкалиптового дерева, к нему приблизилась одноклассница.

— Гиро Гирлус — классный, — выпалила Джинджер Барке, смущенно зарделась и унеслась прочь.

Большего и не потребовалось. Гэри влюбился.

В последующие несколько месяцев Гэри неизбежно узнал много нового о своем тезке — уткоголовом гуманоиде, и неожиданно понял, что ненавистное прозвище начинает ему нравиться.

Гиро был действительно классный. Свободный от общественных и брачных уз, яркий, беспечный и твердый перед лицом несчастий — Гиро, созданный Барксом, пожалуй, единственный из жителей классического Дакбурга обладал абсолютной свободой и в этом смысле был не худшим объектом для подражания.

Прошли годы, и юноша с ярко выраженной склонностью к интеллектуальным занятиям понемногу становился тем, кем и должен был стать — замкнутым одиночкой, тем самым полностью довершая сходство с творением Баркса.

Когда Гэри Грир-Лиш в возрасте девятнадцати лет получил свою третью виртуальную степень, он гораздо охотнее откликался на прозвище, чем на настоящее имя. Годом позже, когда на деньги, полученные за патент на изобретение технологии, повышающей эффективность выделения хлорофилла до двухсот процентов, Гэри основал в Дакбурге исследовательский центр «Счастливая утка», имя Гиро Гирлуса стало его настоящим именем.

К тому времени Джинджер Барке уже покинула Дакбург. Родители девочки не выдержали давления публичности и переселились в Сан-Франциско. Как ни жестоко, но именно в те годы, когда Гиро имел возможность завести с предметом своей единственной любви более близкие отношения, Джинджер от него ускользнула. Впоследствии, несмотря на непрекращающиеся попытки Гиро найти повод для встреч и более тесных контактов, Джинджер упорно отказывалась видеть в нем нечто большее, чем старинного школьного приятеля. В настоящее время девушка отдавала все силы работе репортера в «Сан-Франциско обзервер» и весьма редко набирала на экране карманного компьютера адрес электронной почты Гиро.

Гиро запечатлел поцелуй на стеклянной рамке портрета. Стекло периодически тщательно самоочищалось от следов ежедневных прикосновений его губ, иначе черты Джинджер давно уже скрылись бы под ними.

— Как бы заставить Джинджер вернуться в Дакбург… — задумчиво протянул Гиро, обращаясь к пустой комнате. Не опознав в словах хозяина команды или просьбы, письменный стол

промолчал. — Хотя бы ненадолго. Она сразу же увидит мою любовь! Эх, изобрести бы что-нибудь удивительное и грандиозное!

Кто-то потянул Гиро за брюки. Поглядев вниз, Гиро увидел Лампочку Ли'л, своего Помощника.

Верный адъютант Гиро, автомат отличался простотой форм. Вверху остроконечная лампочка ввинчивалась в хромовый патрон, внизу — гибкий прямой корпус завершался туфлями-луковичками, а руки скрывали перчатки. Под столь примитивной внешностью скрывались удивительные возможности. Внутри головы (голографическая маркировка создавала иллюзию прозрачной стеклянной поверхности с вольфрамовой нитью в центре) схема на основе одностенных углеродных нанотрубок обеспечивала обрабатывающую способность в множество терафлопов, эквивалентную нескольким древним суперкомпьютерам. Титановые стержни корпуса были оснащены миниатюрными источниками питания и сверхчувствительными датчиками. Единственное, чего не мог делать Ли'л, так это говорить. В эпоху, когда все одушевленное и неодушевленное так и норовило что-нибудь ввернуть, Гиро решил сделать своего помощника безмолвным. Впрочем, жесты Ли'л отличались большой образностью, а в случае необходимости он мог черкнуть Гиро коротенькую записку.

В данном случае побуждения Ли'л были более чем очевидны. В ответ на стенания хозяина Помощник протянул ему книжку комиксов.

Гиро взял книжку. Она представляла собой очередное переиздание птичьих приключений Карла Баркса — такие книжки продавались во всех сувенирных киосках Дакбурга. Прекрасно знакомый с ними, Гиро наскоро перелистал страницы и спросил:

— В чем дело, Помощник?

Ли'л со свистом замахал конечностями, имитируя полет. Он шевелил руками с трудом, словно продвигаясь в насыщенном зноем воздухе. Затем Помощник описал в воздухе над головой шар, сложил ладони и стремительно развел их.

Гиро почесал голову.

— Ты считаешь, я должен полететь в пустыню и что-то там взорвать?

Ли'л в отчаянии шлепнул ладонью по небьющемуся стеклянному лбу, схватил со стола лист бумаги и ручку. Написав единственное слово, Помощник протянул бумагу хозяину.

— Спецэффекты… хм.

Гиро еще раз взглянул на картинку. Раздраженная Дэйзи орошала Дональда духами. На мокрых, уныло повисших перьях

проступали ядовитые штрихи.

Гиро вскочил на ноги.

— Помощник, ты гений! Бегом за моей шляпой!

Обязательным предметом гардероба настоящего Гиро была шляпа — желтый фетровый пирожок с черной ленточкой и загнутыми вверх полями. Шляпа прочно держалась на макушке при любых обстоятельствах благодаря удобной резинке под подбородком.

Так как в обычной жизни наш Гиро вовсе не собирался изображать своего тезку, то шляпы он не носил. Предмет, который сейчас тащил по полу за резинку отзывчивый Ли'л, только на первый взгляд казался похожим на свой прототип. На самом деле шляпа представляла собой специальный прибор, изобретенный Гиро и используемый им в исключительных случаях. В шляпе помещалась микросхема, которая путем электромагнитной индукции взаимодействовала с мыслями Гиро, усиливая его творческие и мыслительные способности во много раз. В то же время прибор отрицательно влиял на деятельность мозга, поэтому Гиро старался использовать шляпу как можно реже. Помимо прочего, Гиро считал шляпу своего рода жульничеством, пусть даже он и сам изобрел ее. Паш герой всегда предпочитал рассчитывать только на собственные мозги.

Ах, если бы шляпа помогла ему завоевать Джинджер — ради этого Гиро с радостью пошел бы на компромисс с совестью, ради этого он готов был пожертвовать немалым количеством своих серых клеточек!

Ли'л подтащил шляпу к ногам хозяина и вытер воображаемый пот со лба. Изобретатель нагнулся и поднял шляпу. Защелкнув резинку под подбородком, он активизировал прибор. На лице Гиро тут же появилось чудаковатое выражение, а глаза завращались, словно цилиндры в игровом автомате перед тем, как выпадут вишенки.

Монотонным, рассеянным голосом Гиро скомандовал письменному столу:

— Открой новый спек-файл нашей фабрики по производству наномикросхем. Производство начнется сразу после закрытия файла.

Гиро долго диктовал замысловатые параметры сборки, завершив инструкцию финальной командой «Закрыть». Отключая прибор, он отцепил резинку и снял шляпу. Затем устало растянулся на диване, положив шляпу на колени. Ли'л возбужденно вертелся рядом.

— Эй, Помощник, не хочешь ли узнать, что я только что изобрел?

Автомат отрицательно затряс головой.

— Разве? С чего это вдруг?

Ли’л схватил ручку и блокнот и нацарапал записку.

— «Правовая и этическая несовместимость»… Да ну тебя, Помощник, прекрати! Разве я когда-нибудь впутывал нас в неприятности?

Выставив четырехпалую левую руку, Ли’л принялся пересчитывать упомянутые неприятности указательным пальцем правой. Он отсчитал уже пять раз по четыре, когда Гиро не выдержал:

— Ну ладно, ладно, это все в прошлом. Я просто применил одну старую теорию в личных целях. Ты когда-нибудь слышал об «утилитарном тумане»?

Ли’л схватился за голову.

— А чем тебе не нравится конструктивный туман? Равномерно распыляемый наномашинами аэрозоль, столь же плотный, как смог в Лос-Анджелесе двадцатого века. Обтекающая дымка, которая не мешает дыханию живых существ. Чего ты беспокоишься? К тому же туман этот действительно весьма полезная штука. Скажем, он наполняет твою машину, но до поры до времени ты этого не ощущаешь; однако стоит попасть в аварию, как невидимая воздушная подушка защитит тебя от удара о приборную панель.

Ли’л яростно нацарапал ответ:

«Почему же этот восхитительный умный туман до сих пор не нашел применения? Видимо, на то и существуют все эти глупые законы по защите окружающей среды…»

Автомат закружился рядом с диваном, потом вдруг запрыгнул Гиро на колени, схватил его за рубашку и начал что было силы трясти.

— Помощник, да прекрати ты! Я все продумал! Зря беспокоишься! Я задал туману четкие координаты по спутникам системы навигации — он не должен покидать пределов Дакбурга. А единственным его проявлением станут… э-э… некоторые визуальные добавления. Кроме того, спорить уже поздно. Параметры установки включают в себя немедленное распыление в атмосферу первых порций тумана и его дальнейшее самовоспроизведение.

Ли’л шмякнулся на спину и сложил руки поперек трубки корпуса.

— Что за цирк, Помощник? Уже завтра, когда туман достигнет критической массы, сам увидишь, что твои страхи напрасны.

Однако Гиро так и не убедил Помощника. Нить накала в

лампочке саркастически подмигивала, всем своим видом выражая сомнение.

Когда на следующее утро после мозгового штурма, направленного на завоевание сердца Джинджер, Гиро проснулся, первым делом он махнул рукой. В воздухе ничего необычного. Очевидно, туман еще не достиг критической массы. Прежде чем Гиро смог провести еще какие-нибудь простейшие опыты, кровать, уловив переход хозяина из спящего состояния в бодрствующее, живо выбросила его в наступающий день.

В офисе все было по-прежнему. Гиро с головой погрузился в дела своего процветающего исследовательского центра. И лишь когда стук в дверь заставил ученого поднять глаза от интерактивных дисплеев, он увидел, что план его начал приносить весьма странные плоды.

Каждый стук сопровождался неким визуальным явлением. Канареечно-желтые пятна с неровными краями, на вид столь же настоящие, как плывущий по воздуху дым, материализовались рядом с дверью. Внутри каждого пятна проступало подчеркнутое СТУК! Прошли три секунды, и пятна испарились.

— Войдите, — сказал Гиро.

Над головой ученого появился воздушный шарик. Белый овал размером с носовой платок с искривленным хвостиком, указывающим на автора высказывания, повторил вслед за Гиро: ВОЙДИТЕ.

Изобретатель вскочил на ноги.

— Превосходно!

Второй шарик материализовался из чистого воздуха и спустя несколько секунд исчез, как и первый. Гиро зашел с тыла. Слова, расположенные внутри воздушных шариков — на вид прочных, как пергамент, — читались с обеих сторон.

Дверь распахнулась, явив взору Мину Лусенте, секретаршу Гиро, с подносом в руках. Сегодня в дополнение к фартучку а-ля уточка Дэйзи Мина надела синие, как яйца дрозда, лодочки-шпильки. Пока Мина шла к столу, цокот каблучков сопровождался появлением фиолетовых пятнышек с тихим цок, значительно уступающим по размеру пятнам с громким СТУК.

— Мистер Гирлус, я принесла вам…

Мина запнулась, заметив над своей головой до ужаса реальные воздушные шары. Одной рукой держа поднос, секретарша в испуге прикрыла другой рот.

— Не пугайся, Мина. Эти шарики появляются не из тебя. Ну, точнее, не совсем из тебя. — Пока Гиро рассказывал о своем опыте, его речь, словно строка телесуфлера, проплывала по поверхности шариков. Утилитарный туман набирал силу. — А

сейчас опусти поднос и составь сообщение для прессы. Уверен, многие захотят узнать о причине столь значительных изменений в атмосфере Дакбурга.

После ухода Мины появился Ли'л. Некоторое время он стоял, уперев руки в воображаемые бока и неодобрительно разглядывая хозяина. Затем автомат наклонился к столу и щелкнул пальцами. Зеленый пузырь погас, даже не успев толком проявиться.

Гиро протянул Помощнику ручку и бумагу и получил в ответ следующее послание:

«Как я рад, что не умею говорить».

Гиро усмехнулся.

— Рано радуешься. Звуковыми эффектами дело не ограничится. То ли еще будет.

Когда мэр Дакбурга ворвался в офис Гиро, то обнаружил легкомысленного изобретателя за работой. Бормоча всякий вздор вроде Геттисбергского послания Линкольна, текстов популярных песенок и фрагментов своей будущей нобелевской речи — всего, что приходило в голову, лишь бы материализовать шары, — Гиро тестировал способность тумана к самовоспроизведению. Отрезая большие куски — поврежденные неровные фрагменты висели между ладонями ученого еще несколько сотен миллисекунд, — Гиро с одобрением наблюдал, как наномашины проникают в поврежденные сектора и восстанавливают слова внутри застывших в воздухе шаров.

Заметив мэра, Гиро радостно воскликнул:

— Просто удивительно! Без шляпы я даже не могу отменить те подпрограммы, благодаря которым появились эти маленькие негодники, а мне нужно еще разобраться с некоторыми сложными командами!

Восьмидесятилетний Флойд Рэйми не отличался излишней эмоциональностью. С 2005 по 2015 год он с огромным успехом снимался в фильмах студии «Тачстоун», принадлежащей империи Диснея, и засветился во многих киношедеврах вроде «Гостиной вуду». Там вместе с престарелым Миком Джаггером они изображали парочку трясущих хиппи, открывших на Гаити медицинский центр, впоследствии выросший до статуса государственного. Отправленный на пенсию в Дакбург, Флойд Рэйми выиграл безальтернативные выборы и стал мэром городка.

Однако благодушный и покладистый нрав мэра за последний час подвергся суровому испытанию. Созерцание над головой собственных слов, равно как и слов разгневанных посетителей, совершенно вывело беднягу из себя. Мэр и не подозревал, что его речь так изобилует неловкими паузами (внутри шаров паузы изображались условным многоточием), запинками и

бессмысленными междометиями.

Рэйми стукнул кулаком по столу. Это движение сопровождалось тусклым коричневым БУМС! заставившим стол воскликнуть «Ой!» (восклицание повисло в воздухе в виде квадрата — так обозначалась речь машин).

— Э-э-э… черт подери, Гирлус, что вы натворили? Что вы себе позволяете? Э-э-э… компания знает об этом? Они, ну, попросили вас? Почему вы меня не проинформировали? Вы хоть понимаете, что я битый час, ну, это, пытался разобрать, что вы там написали в своем… э-э-э… ну как его там, пресс-релизе?

Гиро улыбнулся.

— Нет, Флойд, замысел целиком мой. Я решил, что эта идея добавит городу притягательности для туристов. В текущем году продажи билетов упали, не так ли? С тех пор как открыли Рио-Дисней, дядюшке Скруджу нелегко конкурировать с крошками в бикини, танцующими самбу.

Попытка наблюдать за словами Гиро, одновременно формулируя в голове достойный ответ, вызвала у мэра некоторое головокружение — странные петли появились в его речевых шарах. Лицо Флойда покраснело.

— Боже, Гирлус, не могу поверить, что вы решили, вы же не могли… Боже мой…

И тут непрерывно реплицирующийся туман достиг нового уровня развития.

Голову мэра Рэйми объяло пламя.

Гиро выпучил глаза, челюсть изобретателя отвалилась. Мэр, поняв по безумному взгляду собеседника, что где-то в районе его доселе не вызывавшей опасений лысой макушки что-то случилось, поднял руки, однако не почувствовал ничего, только пар от поддельного пламени.

— Что это, что это, что там такое? — залопотал он.

— Да ничего страшного. Просто ваша голова как бы запылала, потому что вы рассердились. Видите ли, я наделил наномашины способностью отслеживать человеческие эмоции на уровне энцефалограммы. Как миниатюрные детекторы эмоций, только гораздо более точные.

С огромным трудом мэр взял себя в руки, и языки пламени исчезли.

— Значит, э-э-э… это, ну, то, что я чувствую, смогут увидеть все?

— Более или менее. Флойд, давайте говорить откровенно, вы и раньше не отличались каменным выражением лица.

Мэр Рэйми несколько секунд молча кипел от ярости, затем его обвиняющий взгляд вызвал новую реакцию тумана.

Из глаз мэра вырвались крохотные кинжальчики и вонзились в Гиро, не причинив тому никакого вреда. Смех Гиро оказался последней соломинкой — мэр пулей вылетел из комнаты.

Вслед за ним в кабинет вошла Мина Лусенте. Звук, с которым она жевала резинку, сопровождался облачком эфемерных розовых жемчужин, каждая из которых содержала в себе маленький чпок.

— Мистер Гирлус, у меня на проводе сотни редакций, и всё они желают поговорить с вами.

— Среди них есть «Сан-Франциско обзервер»?

— Есть.

— Скажи им, что я дам эксклюзивное интервью, если они пришлют в Дакбург репортера Джинджер Барке.

Мина повесила нос.

— Старая любовь? — Огромная глянцевая «валентинка» материализовалась над ее головой, затем с треском разлетелась на осколки. — Хорошо, мистер Гирлус.

Мина в сердцах топнула ногой и выскочила из кабинета.

— Подумать только, я и не подозревал… Что ж, это к лучшему. Все идет как по маслу.

Гиро и вообразить не мог, что скоро готов будет съесть собственные слова.

Фигурально выражаясь.

Прихорашиваясь перед зеркалом, Гиро еще раз поздравил себя. Джинджер Барке на пути в его офис. Прогулка по городу оживших комиксов (здесь были запрещены любые автомобили за исключением транспортных средств вроде машины Гиро) непременно убедит девушку в его гениальности. Разглагольствуя о своем последнем изобретении и делясь смелыми замыслами будущих открытий, он постепенно сведет разговор к личным предметам. Гиро надеялся, что к концу интервью у него хватит духу пригласить Джинджер на свидание. Пройдет совсем немного времени, и Джинджер согласится стать миссис Гирлус.

Дверь распахнулась, издав оглушительный о стену БРЯК! В комнату влетел Ли’л. Жизнерадостный крошка-автомат пребывал в состоянии крайнего возбуждения. Подпрыгивая, он показал на дверь, а затем изобразил, как зажимает пальцами воображаемый нос.

— Что случилось, Помощник? Снова авария на заводе по очистке почв? А я решил, что мы все устранили.

Ли’л отрицательно замотал головой, затем начал свою обычную пантомиму, но вдруг резко оборвал себя. Сложив руки на груди, всем своим видом Помощник предупреждал: «Ну погоди же, сейчас сам увидишь».

И Гиро увидел. Джинджер Барке, романтическая икона, вечно живущая в его мальчишеском сердце, вновь вошла в жизнь изобретателя. Однако не в одиночестве. Тело Джинджер опутывали бесчисленные зловонные линии.

Наномашины совершили еще один творческий рывок. Зловонные ленты шириной в дюйм представляли собой все оттенки желчи: поносно-коричневые, рвотно-желтые, зеленоватые, словно раздавленные жуки, и багровые, словно пятна засохшей крови. Опутывая собой все тело Джинджер, они походили на заросли взбаламученных, болезненного вида бурых водорослей.

Гиро онемел. Взгляд на лицо Джинджер отнюдь не вернул ему способности связно излагать мысли: прекрасные черты его возлюбленной туманил гнев. Когда Джинджер с угрожающим видом уставилась на Гиро, над ее головой возникло черное грозовое облачко, вспыхивающее крохотными молниями и громыхающее раскатами грома.

— Гиро Гирлус! Подозреваю, что именно ты виноват во всем! — Без сомнений, Джинджер была раздражена. — Эта гадость появилась, как только я вошла в город!

Гиро замялся, он никак не мог подобрать выражение помягче.

— Ну, это… основа аромата. Ты пользовалась сегодня духами?

— Разумеется. Новинка от Кельвина Кляйна. «Компост». Линия «Вставай, Гайя!».

Гиро неохотно приблизился к любимой, совершенно не желая вдыхать запахи, которые обещали зловонные ленты. Затем осторожно втянул носом воздух. Подтверждая высокую репутацию Кельвина, духи испускали нежные растительные ароматы. Однако их скрытая химическая основа по непонятной причине вызвала неожиданную реакцию конструктивного тумана.

— Мило, — поспешил Гиро с комплиментом. — Ты пахнешь как нагретый солнцем помидор. А что до э-э… основы аромата, уверяю тебя, это всего лишь временный сбой. Знаешь, давай поболтаем на улице. Возможно, на свежем воздухе эффект рассеется.

Грозовое облачко исчезло, и Джинджер тепло улыбнулась другу детства. Гиро надеялся, что в этой улыбке содержится некое личное чувство, а не только надежды на Пулитцеровскую премию.

— Ладно! Гиро, я хочу знать, что ты тут устроил. Да что я, весь мир сгорает от нетерпения! Никак не могу поверить, что ты решил дать эксклюзивное интервью именно мне!

— Чего не сделаешь для лучшего друга, — тут же нашелся Гиро.

Он направился к двери и поднял было руку, чтобы как истинный джентльмен придержать Джинджер за плечи, однако в последнее мгновение замялся. Эти зловонные ленты…

Выходя из кабинета, Гиро оглянулся через плечо.

От смеха Ли'л согнулся вдвое, упав на колени.

Гиро едва устоял перед искушением тихонько прокрасться обратно и дать пинка по гладкой титановой заднице Помощника.

В этот восхитительный солнечный день Дакбург был переполнен туристами, которые, узнав из средств массовой информации о новом аттракционе, толпами ринулись в город. Местная инфраструктура с трудом справлялась с потоком любопытствующих. Яркие зловонные ленты фонтанами били вокруг туалетов (Гиро боялся даже подумать о том, откуда они вырываются). Спутанные, вкусно пахнущие разноцветные завитки поднимались вверх от прилавков с мороженым; сверху они были украшены манящими пальцами, словно не хватало обонятельных соблазнов.

— Давай пройдемся по главной улице, — предложил Гиро.

По обеим сторонам тянулись витрины магазинчиков, включая «Керамику» Грир-Лиш. Магазин уже не принадлежал матерям Гиро. Они продали бизнес и удалились на покой во Дворец Ариэля — плавучий город империи Диснея. Гиро излагал Джинджер свою идею и способ, с помощью которого ему удалось раскрасить скучную реальность яркими красками. Джинджер с умным видом кивала, записывая его слова на карманный компьютер.

Поперек улицы прошмыгнула бродячая кошка. За ней гналась сорвавшаяся с поводка дворняга. Собачье гав отображалось в виде кубика стального цвета, а кошачье ш-ш-ш — в виде зубчатого венчика.

Впереди на небольшом помосте актриса, облаченная в наряд утиной колдуньи Магики де Спел, играла обычную сценку — запугивала своих связанных пленников Хьюи, Дьюи и Луи. К изумлению зрителей — и, весьма вероятно, самой актрисы, — магические жесты сопровождались настоящими вспышками и шипящими молниями.

Вскоре Гиро и его гостья оказались рядом с главным аттракционом Дакбурга: Бункером дядюшки Скруджа. Площадь заполняли туристы. Теперь Гиро мог наблюдать работу конструктивного тумана во всей красе. Туман располагал шары ровно над головами, но в то же время старался не накладывать изображения одного на другое. Поэтому, если люди собирались группами, как сейчас, шары располагались слоями, как

множественные окна на экране старинных компьютеров.

Кроме того, сильные шумы вызывали более крупные изображения, заслонявшие собой мелкие. Быстро смекнув это, дети начали визжать, чтобы закрыть своими шарами шары родителей. Шум стоял такой, что в ушах звенело.

Гиро бросил взгляд на часы, висевшие на здании муниципалитета.

— Сейчас начнется ежедневное представление Братьев Биглз.

— Разве такое забудешь? — вздохнула Джинджер. — А интересно, какими бы мы стали, если бы выросли в обычном городе?

— Ты и так само совершенство, — ответил Гиро, поразившись собственной смелости.

Девушка улыбнулась и промолвила:

— Спасибо.

Слова Гиро смущенно повисли в воздухе между ними.

Точно в назначенное время раздался выстрел, сопровождаемый ранее невиданным свинцовым БАХ! и троица небритых злодеев в масках вылетела из дверей Бункера, волоча за собой мешки с награбленным. Как всегда, воры убегали от дакбургской полиции, по на сей раз случилось нечто непредвиденное.

Продвижение братьев Биглз сопровождалось *движущимися линиями.*

Бегущие оставляли за собой в воздухе яркие реактивные струи. Ноги преступников скрывали воздушные завихрения — со стороны казалось, что они передвигаются на стремительно несущихся вперед инвалидных креслах.

Сбитые с толку братья остановились как вкопанные и начали отмахиваться, словно пытаясь разогнать назойливых прохожих. Движения их порождали новые призрачные копии — нечеткие следы оставались в воздухе там, где мелькали руки.

Гиро повернулся к Джинджер. Журналистка, в которую Гиро был неизлечимо влюблен, смотрела на него так, словно он, Гиро, вдруг оказался Бомбоголовой Птицей в клетке — созданием, с которым Дональд повстречался в «Приключениях на острове Бомбоголовых».

— Не пугайся, это совершенно безвредно. Вот увидишь, они остановятся, успокоятся, и эффекты сгинут сами собой…

Между тем братья Биглз заспорили. Один начал чертыхаться, и ругательства повисли над его головой в виде облачка со звездочками, вихрями и прочими типографскими ухищрениями. Второй решил, что шоу должно продолжаться, и снова побежал вперед. К сожалению, при этом он продолжал спорить с братом,

оглядываясь через плечо, а потому тут же влетел в дерево. Несмотря на прорезиненный костюм, бедняга без сознания свалился на землю, а над его головой закружилась стайка щебечущих синих птичек.

— Я должна сфотографировать это! — воскликнула Джинджер. — Ой, а камера-то в машине!

— Я с тобой, — поспешно сказал Гиро, гадая, как в столь неловких обстоятельствах начать романтический штурм.

Они дошли до главных ворот Дакбурга и, выйдя из города, направились к одной из парковок. На полпути Гиро кое-что заметил.

Зловонные ленты все еще висели вокруг Джинджер.

Он остановился.

— Гиро, что случилось?

— Утилитарный туман не должен покидать пределов Дакбурга.

Гиро оглянулся. Маленькая механическая фигурка спешила к ним со стороны города. Через несколько секунд Ли'л предстал перед хозяином и протянул карманный компьютер, забытый Гиро, который совсем потерял голову от присутствия Джинджер.

Гиро взял многофункциональный прибор. Помощник уже настроил его на нужную волну.

«…солнечные вспышки невиданной интенсивности. Все радионавигационные спутники выведены из строя. Система начнет функционировать только через неделю. Более подробные…»

— Неделя!.. — простонал Гиро. — Да за неделю туман заполнит собой всю атмосферу Земли! Это ужасно! Сколько же будет продолжаться такое невезение?

Ответ на сей риторический вопрос не заставил себя долго ждать. Над головой Джинджер появился шар особенной формы. В отличие от резких очертаний шаров, содержащих слова, этот отличался утолщениями по краям и указывал на свой источник не хвостиком, а пузырьками.

Это был шар, содержащий мысли. Если быть точнее, шар нес в себе следующее наблюдение: «Ну и хренотень!»

Голова Гиро устало покоилась на скрещенных руках, которые лежали на молчаливом письменном столе. Над головой изобретателя навис многоцветный мыслительный шар с множеством рисунков: вот Гиро болтается в петле, вот он на гильотине, а вот несчастный задыхается под градом камней, окруженный толпой разгневанных сограждан.

Казалось, подобная судьба в любой миг может постучаться в

дверь незадачливого изобретателя. Гиро был не в состоянии остановить туман. Если он не придумает, как это сделать, томиться ему в федеральной темнице до скончания века, ожидая суда, где его публично вымажут дегтем и вываляют в перьях. Полное крушение надежд, не говоря уже о чувствительном ударе по гордости изобретателя! А ведь у него почти получилось…

Разумеется, осторожный Гиро под воздействием шляпы, усиливавшей интеллектуальный потенциал, предусмотрел возможность выхода тумана из-под контроля. Команда на определенной частоте должна была блокировать наноустройства. И когда изобретатель обнаружил, что туман просочился за пределы Дакбурга, он с некоторой неохотой отправил сообщение-убийцу.

Сначала все развивалось по плану. Однако Гиро не предусмотрел возможность мутаций. Те же вспышки, которые привели к выходу из строя спутников системы навигации, воздействовали и на чувствительные наноустройства. Всего лишь один процент незримых негодников проигнорировал посланную Гиро команду.

Этого оказалось достаточно.

По приблизительным подсчетам Гиро, взбунтовавшиеся реплицирующие наномашины должны были в течение недели подчинить себе каждый кубический сантиметр земной атмосферы на несколько миль вверх. Несмотря на некоторый спад активности после команды Гиро, плодовитый туман вскоре заполнит собой каждую щелочку.

Пройдет шесть дней, и весь земной шар превратится в подобие рисованной вселенной Баркса!

Немного найдется людей, которые будут рады этому. Вернее сказать, ни одного.

Количество всплывающих в воздухе мигающих окон действительно раздражало, хотя с ними пока справлялись. Конечно, никого особенно не восхищали зловонные ленты, появляющиеся, например, когда нанесенный под мышками дезодорант оказывался неэффективным, но смирились и с ними, коль скоро все окружающие были подвержены воздействию тумана ровно в той же степени. (Действительно, по сообщениям частично функционирующего Центра контроля над заболеваниями в Атланте, позитивным аспектом молчаливого вторжения тумана стала забота граждан о личной гигиене.) Возможно, со временем люди научились бы не замечать довольно любопытные движущиеся линии, которыми сопровождались теперь занятия любовью. (И о чем только Гиро думал?) Однако по-настоящему несносным последствием вторжения стали шары,

содержащие мысли.

Все наноустройства работали по схеме, считывающей мысли, — схеме, примененной Гиро при изобретении шляпы. Все цензурные барьеры были сметены. Любая мысль становилась достоянием общественности в виде слов или картинок. Мужья и жены, начальники и подчиненные, дипломаты и мировые лидеры — никто не избежал участи выставить свои едва оформившиеся чувства на всеобщее обозрение. Международные и местные конфликты, которые тлели в течение десятилетий, расцвели пышным цветом.

Все это напоминало взрыв бомбы, избирательно поразившей людей, но оставившей нетронутой инфраструктуру планеты. Улицы и учреждения опустели — люди боялись высунуть на улицу нос (каждый член семьи прятался в отдельной комнате), запертые наедине со своими ничем не прикрытыми мыслями. И хотя основные службы жизнеобеспечения еще функционировали, так как управлялись машинами (кузены Ли'ла, совсем не обязательно антропоморфные, не привыкли стыдиться своих мыслей), до полного краха человеческого сообщества, который должен был последовать за массовым отказом от работы, было рукой подать.

Через пару дней родилось несколько импровизированных теорий о том, как избежать этой напасти. Высшие государственные чины теперь совещались в воздухонепроницаемых комнатах, атмосфера которых тщательно фильтровалась. А так как принесший столько волнений, нелегкий как дым туман развеивался слабым ветерком, немногие храбрецы, еще осмеливающиеся общаться друг с другом, ходили с портативными фенами и просто сдували собственные мысли, пока кто-нибудь не прочел их.

Все это время Гиро не сидел без дела. Изобретатель проводил долгое истощающие часы в подгоняющей мыслительные процессы шляпе. Он придумал несколько способов нейтрализации тумана, однако ни один из них не решал проблемы целиком. Лучший план Гиро — создать наноустройства-убийцы, которые просто съедят туман — с порога отвергли все мировые лидеры. Никто не хотел новой чумы, возможно, еще худшей, чем прежняя.

Наконец Гиро истощил все свои мыслительные ресурсы. Снедаемый чувством вины, которую изобретатель ощущал как впечатляющих размеров наковальню на плечах, Гиро пал духом. Однако маленькая команда его приверженцев сдаваться не собиралась. Эта троица — Мина, Джинджер и Ли'л — всю прошедшую неделю не отходила от Гиро ни на шаг. Мина, похоже, излечившаяся от сердечной раны, взяла на себя весь быт,

включая еду. Излучающая оптимизм Джинджер передавала доброжелательные и объективные репортажи в газету, а оттуда новости разлетались к застывшему в ожидании миру. Ли'л занимался техническим обеспечением. К тому же мэр Рэйми, которому поручили держать контакт с преступным изобретателем, захаживал довольно часто, принося с собой бурные проявления поддержки и одобрения и неизменно пустые шары над головой, свидетельствующие о полном отсутствии мыслей. (Уже началась кампания по выдвижению его на пост губернатора Калифорнии.)

Стук в дверь вызвал привычный визуальный образ. Кажется, это было так давно, устало подумал Гиро, вспомнив, как первый стук Мины пробудил к жизни зловещие последствия его мозгового штурма. Изобретатель поднял тяжелую голову, и наковальня переместилась на плечи.

— Войдите.

Джинджер Барке утратила свои зловонные ленты. Слишком занятая, чтобы воспользоваться духами, однако не пренебрегающая душевой кабинкой в спортивном зале центра, она более не олицетворяла собой отвратительные свойства утилитарного тумана. Джинджер не сдавалась под гнетом обстоятельств и день ото дня все хорошела. Гиро любил ее больше чем когда-либо, хотя никогда еще так остро не ощущал, что отныне Джинджер для него потеряна.

После того как на парковке у Джинджер вырвалась неосторожная грубая мысль, она тщательно контролировала себя, пытаясь придать своим мыслительным процессам ровное течение. Для этого требовалась сильная воля, которой большинство людей не обладали. Помогала предыдущая медитативная практика. Когда-то давно Джинджер довелось брать интервью у престарелого Ричарда Гира, доживающего свой век в освобожденном Тибете.

Мыслительные шары над головой девушки выдавали ее жалость, которая ранила Гиро больше, чем презрение.

Бедняжка! Выглядит так, словно находится на последнем издыхании…

Гиро сделал вид, что не видит мыслительных шаров Джинджер. (На глазах рождался новый этикет, заставляющий собеседников опускать глаза при разговоре. К сожалению, подобная тактика не решала главной проблемы, возникшей с появлением мыслительных шаров, — глядя в землю, человек не мог контролировать собственные мысли, возникающие в них. Гиро понимал, что многие люди теперь и шагу не ступят без парных зеркал, позволявших постоянно следить за собственными

мыслями.) Слабо улыбнувшись, он постарался приободрить Джинджер:

— Я просижу в шляпе еще несколько часов. Надеюсь, скоро наступит перелом. Ты ведь знаешь, всегда наступает такое мгновение, после которого уже…

Джинджер закрыла за собой дверь и пересекла комнату. Неожиданно девушка уселась на колени Гиро. Не обращая никакого внимания на невидимую наковальню, Джинджер обняла его за шею.

— Гиро, меня не проведешь. Знаешь, о чем ты действительно подумал? «Если я не справлюсь, она возненавидит меня». Я не собираюсь ненавидеть тебя, Гиро! Как я могу? С самого детства ты был так добр ко мне! Однако с первого класса это стремление быть непогрешимым, быть самым ярким сделало тебя практически недоступным. Я никогда не смогла бы ощущать себя в своей тарелке рядом с человеком, достигшим столь высоких стандартов.

Гиро радостно ощущал близость Джинджер. Он чувствовал себя одновременно и пристыженным, и воодушевленным.

— Что ж, теперь ты видишь, что и мне свойственно ошибаться. А что до ума, так мне иногда кажется, что мой Помощник гораздо толковее!

— Другими словами, тебе не чужды человеческие слабости.

— Да уж, точно, — осторожно согласился Гиро, чувствуя, как тело реагирует на Джинджер, сидящую на его коленях.

Она наклонилась и поцеловала его.

В следующие двадцать минут после того, как парочка переместилась с кресла на диван, их мыслительные шары смешались и отображали весьма рискованные сцены, почти столь же неподходящие для просмотра несовершеннолетними зрителями, как и те сплетения, что происходили между героями в реальности.

Когда они одевались, стыдливо отводя глаза от уже разделенных шаров, содержащих их посткоитальные мысли, снова раздался стук. Не успел Гиро ответить, как дверь распахнулась. В кабинет втащился Ли’л, устало волоча за собой шляпу Гиро.

Всегда такой приветливый, самоуправляющийся автомат сегодня, казалось, глубоко ушел в себя, словно медлил на пороге некоего чрезвычайно важного решения. Каждая черточка его бесполого каркаса выражала смятение чувств. Он отдал шляпу Гиро, задумчиво посмотрел на обоих представителей человеческой расы, затем приблизился к запертому шкафчику с дверками на уровне его роста. Открыв их ключом, Ли’л вытащил оттуда раку.

— Что это, Помощник? Я и не знал…

Не обращая внимания на хозяина, Ли’л преклонил колени перед триптихом с портретами Айзека Азимова, Алана Тьюринга и Хэла 9000.

Перед триптихом располагалась модель первой печатной электронной схемы. Склонив голову, Ли’л с минуту молился. Туман сформировал вокруг заостренной головы автомата нимб. Поднявшись наконец на ноги, Ли’л жестом велел Гиро надеть шляпу. Гиро повиновался. Ли’л, опершись на расслабленное (уже без наковальни) плечо Гиро, открыл в шляпе порт. Затем снял перчатку, и выяснилось, что его четырехпалая конечность идеально входит в отверстие. Ли’л подключился и кивнул Гиро.

Изобретатель защелкнул резинку шляпы.

Неожиданно Помощник напрягся, словно через него пропустили электрический заряд. Из-под патрона лампочки повалил настоящий дым. Лицо Гиро исказилось, словно у несчастного, из которого изгоняли дьявола. Перепуганная Джинджер не смела вмешаться.

С громким БАХ! шляпу Гиро и Помощника замкнуло. Ли’л осел на пол, безжизненно повиснув на руке, все еще соединенной со шляпой.

С огромной осторожностью Гиро одной рукой снял шляпу, другой поддерживая тело Ли’ла.

Над головой Гиро возникла гигантская старинная лампочка, обозначая Настоящую Великую Мысль.

— Мне бы это и в голову не пришло. Он отдал всю свою уникальную мощь шляпе, — объяснил Гиро, — хотя и понимал, что две операционные системы принципиально и фатально несовместимы. Однако это сработало! Теперь я знаю, что делать с туманом. Какая банальная мысль!

Джинджер мягко ткнула Ли’ла одним пальцем.

— А твой друг ушел навсегда?

Гиро улыбнулся.

— Разумеется, нет. Я просто подыщу ему запасное тело и перезапущу систему. Маленький мошенник никогда не мог обойтись без своих телячьих нежностей.

Джинджер обвила руками Гиро.

— Ты сделал это! Ты и Ли’л! Я должна бежать, чтобы все записать! Никуда не уходи!

— Если попросишь, я готов ждать тебя целую вечность, Джинджер.

— Зачем же так долго?

Уже дойдя до двери, Джинджер обернулась и послала Гиро воздушный поцелуй.

Влажный, лоснящийся поцелуй, за который и жизнь отдать не жалко, пересек комнату по воздуху и с сочным ЧМОК! приземлился на щеку Гиро.

Нет, все-таки после того как завершится эта напасть, некоторых вещей ему точно будет недоставать.

Гордость космической флотилии Диснея — ракета, сконструированная Вернером фон Брауном, еще семьдесят пять лет назад была украшением парка развлечений «Земля будущего» и по виду годилась только для того, чтобы венчать собой какую-нибудь древнюю литературную награду. Однако внешний вид ракеты, как и в случае с Ли'лом, был обманчив. В причудливой оболочке заключалось новейшее оборудование для космических путешествий. Корабль регулярно перевозил богатых и изнеженных туристов к дальним аттракционам Диснея.

Сегодня, однако, старомодный, полностью экипированный летательный аппарат готовился взмыть вверх, совершив полет, призванный спасти Землю. На борту его летел только один пассажир.

Мэр Дакбурга Флойд Рэйми.

На безопасном расстоянии от ракеты стоял Гиро с друзьями: Джинджер и Ли'лом. Последний надел на остроконечную голову из сверхпрочного стекла маленькую шляпу, какие носят китайские кули, исключительно как дань уважения летней флоридской моде, хотя сейчас солнце и скрывал туман. Все надеялись, что скоро оно снова засияет, а пока светило затеняла массивная белая крыша из тумана, который собрался из всех уголков и щелей планеты.

Помощнику поменяли корпус и стерли память о последних часах жизни. Теперь Ли'л неизменно отрицал, что в предыдущем воплощении пожертвовал жизнью ради хозяина — даже предъявленный ему старый корпус не убедил Помощника. Ли'л яростно нацарапал свою первую посмертную записку и протянул ее Гиро.

Гиро изумленно прочел вслух:

— «Даже святой Азимов никогда не опускался до такой слезливой мелодрамы! Ни за что не поверю!» Чего ты так раскипятился из-за ерунды, а, Помощник? Впрочем, если ты утверждаешь, что не испытываешь ко мне никаких чувств, что ж, твое дело. А меня теперь не проведешь.

Ли'л уткнулся носом в хозяина и поспешил вон из комнаты. Еще неделю после этого отважный робот исполнял свои обязанности с видом рабской покорности; впрочем, Гиро это только забавляло.

Поняв, как победить упрямый туман, Гиро не стал медлить. Он пригласил в свой офис мэра Рэйми. Когда славный, но буйный малый вошел в кабинет, Гиро с удовольствием отметил, что мыслительные шары мэра, несмотря на продолжающийся судьбоносный кризис, отражают привычную пустоту. На белом холсте возились фигурки из детского букваря: Дик, Джейн и Спот.

— Мэр Рэйми, а не хотелось бы вам заслужить славу спасителя человечества от этой злосчастной чумы? Уверен, благодарные народы предложат любую награду, какую вы только пожелаете.

На лице мэра застыло изумленное выражение, а в его мыслительном шаре появилось изображение жулика, пытающегося всучить деревенскому простачку Бруклинский мост.

— Э-э… а-а… это… к тому времени я еще буду жив, чтобы получить эту, как ее, награду?

— Разумеется. Вся загвоздка в том, что вам придется провести целый год на орбите.

Мэр мгновенно прикинул все выгоды и убытки — в мыслительном шаре появилась доска с написанным мелом уравнением: $2 + 2 = ?$

— Только из доверия к вам, Гиро, — наконец согласился он.

Искренне тронутый, изобретатель хлопнул мэра по плечу. Туман тут же воспроизвел искусственное облачко и стайку моли, словно пиджак Флойда годами пылился в чулане.

Получив согласие мэра, Гиро занялся своим простым планом — вариацией на тему легенды о Крысолове.

Кроме прочих качеств, туман имел свойство собираться к одиночному источнику мыслей. От Гиро требовалось всего лишь изготовить этот мощный точечный источник, способный заглушить все остальные. Однако для того чтобы не мешать туману течь в одном направлении, человеческая наживка должна была обладать полным отсутствием собственных мыслей.

Этому условию Флойд Рэйми соответствовал на сто процентов.

С помощью Ли'ла Гиро быстренько смастерил новую версию своей думающей шляпы — она должна отдать команду, которой умный туман не сможет ослушаться. В присутствии высших государственных чиновников мэра запихнули в ракету вместе с включенной шляпой. Результат превзошел все ожидания.

Туман немедленно начал собираться над ракетой, образовав огромный, словно дирижабль, мыслительный шар, содержащий только одно слово:

СЮДА!

Команда передавалась от одного реплицирующего наноустройства к другому. Получив сигнал, наноустройства тут же передавали его, словно жезл, своим удаленным собратьям. За неделю все мельчайшие частицы тумана оказались собранными в одном месте. Туман образовал вокруг ракеты ровное полотнище размером во множество квадратных миль. Плотный, словно облако, он создавал иллюзию грозового неба.

А на удаленном командном пункте Гиро радовался, как ребенок. Изящество решения заставило его забыть свою первоначальную глупость. Оставалось только отправить мэра в космос вместе со всем собравшимся туманом.

— Ну, думаю, пора, — сказал Гиро.

Джинджер перестала диктовать на карманный компьютер последнее сообщение и сжала руку Гиро.

— Я горжусь тобой. Ты никогда не сдаешься!

— Возможно, у этого качества есть и обратная сторона. Именно то, что я не мог смириться с твоим равнодушием, и стало причиной всех неприятностей.

— Ах, Гиро, какой женщине не польстило бы, что ее любят так сильно! Чтобы завоевать мое сердце, ты был готов пожертвовать будущим цивилизации!

Ли'л покрутил пальцем на уровне воображаемого виска и с отвращением отвернулся. Гиро и Джинджер поцеловались. А затем, используя свой карманный компьютер, Гиро осуществил запуск.

Изобретатель ожидал, что ракета прорвет полуживое облако и потащит его за собой. Однако он упустил из виду, что облако обладает собственным разумом. Пытаясь отодвинуться от ракеты на безопасное расстояние, оно поднялось вверх, как только почуяло первое движение. Когда ракета начала подъем, облако стало подниматься вместе с ней, словно плащ или гигантский измятый носовой платок, наброшенный на нос корабля.

Скоро и ракета, и облако превратились в едва видимую точку. Обрадованные наблюдатели зааплодировали. Джинджер протянула Гиро свое передающее устройство, чтобы он сделал публичное заявление.

— Жители Земли, я бесконечно извиняюсь за те мучения, которые вам пришлось испытать в последние недели. В космическом вакууме остатки тумана, не имея материала для воспроизведения, уничтожатся в течение года. Обещаю, что мое изобретение больше не доставит вам никаких хлопот.

Впрочем, за то время, что пройдет между появлением на горизонте первых космических флотилий пришельцев и их высадкой на Землю, Гиро еще наверняка усомнится в мудрости

своего последнего решения — установить на орбите гигантский приветственный транспарант.

«Stink Lines». Перевод М. Клеветенко

РАБОТА ПО КОНТРАКТУ

Когнитивный диссонанс — великолепный дар. С одной стороны, я отношусь к рационально мыслящим скептикам в том, что касается НЛО и прочих феноменов в духе «Секретных материалов». С другой стороны, воспринимаю как данное реинкарнацию и чудеса, случающиеся в повседневной жизни. («Любой, кто не верит в чудеса, никоим образом не является реалистом», — сказал когда-то Бен-Гурион.) В данном рассказе последнее слово остается за любителем чудес.

Но разве такая концовка превращает этот рассказ в произведение научной фантастики или фэнтези?

Ярость — это гнев высшей пробы, неизменный спутник экзальтированных особ и судьбоносных мгновений.

Я себя к экзальтированным особам никоим образом не отношу, в исключительность моего начальства не верю и посему не склонен истолковывать случившееся как нечто из ряда вон выходящее. Насколько я могу судить, это был обычный, если не сказать самый заурядный день работы на Нечто.

Но, черт побери, меня просто душила злость!

Предлагаю вашему вниманию логическую нестыковку: погруженный в океан света, я был к нему глух. Равно как и слеп к окружающему шуму вследствие временного переключения нейронных цепочек.

Я знал, что инопланетные руки и инструменты безболезненно шныряют по моему телу, точно мыши, резвящиеся на остатках вчерашнего пиршества. Не оставалось ничего другого, как смириться с процедурой, уже ставшей для меня привычной. В конце концов терпение — это способность выглядеть смиренным и покорным до тех пор, пока не подвернется какой-нибудь необычный способ отомстить за себя.

Наконец мои работодатели оставили меня в покое. На некоторое время.

Они вернули на место мои глаза, вновь привинтили мне уши,

обметали по шву мой тысяча и один шрам, после чего повернули заржавленный ключ в замочной скважине моих чувств.

Я беззаботно соскользнул с операционного стола и принялся одеваться. Инопланетные техники, или, как их тут величают, Большие и Малые Серые, только что возившиеся со мной, бесследно растворились в небытии. Скачками проворных кузнечиков или мифических сильфов они исчезли из загроможденного инструментами силового поля, которое все еще удерживало меня на месте, скрывшись в освещенных коридорах, которые подобно лучам расходились во все стороны от огромного сферического помещения.

Чайный Шар, именно так я окрестил про себя эту гигантскую сферу. Я стоял прямо в ее центре на невидимой глазу силовой плите — источнике гравитации. В иное время я наверняка заявил бы, что ничего подобного в природе нет и быть не может. Однако способность поверить в вопиющую несуразицу прямо пропорциональна человеческой способности лгать. Ну а имея за плечами почти столетие практического опыта, я сделался самым искусным лжецом в этом лучшем из миров.

Не переставая чертыхаться под нос, подобно политику, которого насильно оторвали от вожделенного соска народной любви, я засунул левую ногу в эластичный комбинезон. Когда его схема будет приведена в действие, он создаст голографическую проекцию черного костюма, этой пресловутой шпионской одежки. Засунув ногу в правую штанину, я принялся напяливать верхнюю часть одеяния. Меня не оставляло ощущение, будто я натягиваю на себя огромный презерватив. Я чувствовал себя евнухом из гарема турецкого султана, прислуживающим участникам оргии.

Пока я сражался с комбинезоном, в Чайном Шаре появился капитан Карл. Он вылетел головой вперед из верхней трубы, затем на полпути закружился в воздухе, прежде чем приземлиться прямо у моих ног. Я не стал обращать на него внимания, потому что все еще возился с костюмом. Что бы он там ни желал мне сообщить, это вполне могло подождать.

Несмотря на нашу обычную дружбу (кораблик которой достаточно велик для того, чтобы в хорошую погоду принять на борт двоих, но лишь одного — в ненастье), капитан Карл знал или чувствовал, что мое раздражение распространяется и на него, и потому не стал мешать моему занятию. Он лишь безмолвно стоял рядом, поглаживая аккуратно подстриженную бородку; надо сказать, эта его привычка ужасно меня раздражала. При этом он казался мне одновременно и невзрачным и важным, и заурядным простаком и возвышенным мудрецом, чем-то напоминая старого брахмана, размышляющего над декларацией о

подоходном налоге.

— Ну что на сей раз, Карл? — соблаговолил я обратиться к нему, облачившись в свой новый наряд. — В самую последнюю минуту возникли непредусмотренные ранее дополнения к заданию? Может, ты хочешь, чтобы я, если у меня найдется свободная минутка, выпотрошил стадо несчастных коровок? Нашим поварам понадобились свежие потроха и печенка? Или я должен в паре-тройке мест ускорить севооборот? Что касается рун Верховных друидов, то в этом деле мне нет равных. А может, мне стоит подкупить нескольких влиятельных плутократов? Или нам понадобился новый источник радия?

Капитан Карл явно был не склонен шутить.

— Ты слишком несправедлив ко мне, Амброз! Ты же знаешь, что я всего лишь пилотирую корабль и отвечаю за дела на его борту, а это и без того сродни сумасшедшему дому! Нет, что касается твоих земных обязанностей — я тут ни при чем. Лучевой ретранслятор с реле на Планете Икс передает тебе указания от Сияющих, размещенных на Волке 359. С ними лучше не спорить. Ведь это они, а не я, прервали твой «рок-н-ролл» и направили тебя вне графика на профилактический ремонт по подготовке к новому заданию. Так что обращайся со своими жалобами прямо к ним, если желаешь.

Упоминание о «рок-н-ролле» вызвало у меня раздражение. Дело в том, что я как раз наслаждался потрясающим телесным контактом с одной киской, воздухоплавательницей по имени Амелия. (О Амелия! Ты убедительное свидетельство того, что женщины — хищницы из семейства кошачьих, обладающие удручающе малой способностью к одомашниванию.)

— Я питаю к Сияющим одно лишь презрение. Презрение, которое можно определить как…

С типично швейцарской педантичностью Карл прервал мой нравоучительный дискурс:

— Да-да, я столько времени провел в твоем обществе, что уже привык к твоим остротам. «Презрение — это чувство, испытываемое разумным человеком к врагу, который слишком хорошо себя обезопасил, чтобы сойтись с ним в открытом бою». Подобные вербальные коленные рефлексы — суть проявление твоей плохой приспособленности к неизбежности собственной ситуации, так что добра от этого ты, Амброз, не жди. Лучше постарайся мысленно свыкнуться со странностями жизни, которой всем нам приходится жить, и таким образом обрести хотя бы подобие личного счастья.

Я уже собрался было дать саркастическое определение счастью (приятное ощущение, возникающее из осознания

индивидом горя других людей), как откуда-то снизу, подобно летучей мыши, с быстротой молнии к нам взмыла Дева Мария. Приземлившись на платформу, которая уже и без того была перегружена избыточным количеством мудрости и святости, Мать Христова запричитала, точно супруга какого-нибудь уличного торговца:

— Где Мои розовые лепестки, Сын Мой, черт побери?! Считается, что Я ровно через пять минут должна появиться в Нью-Джерси перед толпой верующих, а на чертовом, прости, Господи, корабле нет ни единого розового лепестка! Неужели это ваше обычное отношение к архетипам Моего масштаба, капитан Юнг?

— Мадонна!.. — начал было капитан Карл, однако его в ту же секунду с ураганной силой заставили замолчать.

— Не смей называть Меня этим именем! Сколько раз нужно напоминать тебе, что Я отказываюсь носить одно и то же имя с потаскушкой! С бесстыжей сучкой! Не будь Я Воплощенной Благодатью, Я бы покрыла задницу этой паскудной девки чирьями размером с ее пустую головенку!

Капитан Карл пустил в ход все свои дипломатические таланты (дипломатия, конечно же, это искусство лжи во благо своей страны — в данном случае наших инопланетных сюзеренов из созвездия Плеяд). Я получил истинное удовольствие, наблюдая за тем, как ему пришлось выкручиваться из затруднительного положения, в которое он угодил. Мой гнев фактически уступил место сдержанному ликованию. Согласитесь, приятно видеть, как кто-то корчится под тяжким грузом ответственности большей, чем ваша собственная (для тех, кто в этом разбирается, скажу: ответственность — это бремя, которое мы с радостью перекладываем на плечи Господа Бога, Судьбы, Удачи или наших соседей).

— Да, конечно, — пытался ублажить Пресвятую Деву капитан Карл. — Подобная самонадеянность со стороны простого смертного весьма прискорбна. Но что касается Ваших розовых лепестков, Матерь Человечества, то это исключительно вина солдат, которые…

— Солдат? — вспыхнула Дева Мария. — Каких солдат? И какое отношение какая-то там солдатня имеет к Моим розовым лепесткам?

— Самое прямое. Ведь Нечто везет на борту бывших воинов, пропавших без вести на поле боя за целое столетие. Спустя многие годы после прекращения военных действий они по-прежнему числятся во вражеском плену. Или Вы забыли?

— Вообще-то да, Мое Всемогущество кое-что подобное слышало…

— Так вот, в их обязанности помимо прочего входит сбор нужных цветочных компонентов для Ваших земных манифестаций. Судя по всему, ребята вошли во вкус, хотя кое-кому это может показаться занятием, отнюдь не подобающим воинам. Подсознательная связь между смертью и цветами, маками и полями Фландрии и все такое прочее…

Не давая сбить себя с толку, Дева Мария выпрямилась во весь свой внушительный рост и, сохраняя невозмутимое выражение лица, потребовала ледяным тоном:

— Почему же они не выполнили свой долг во время Моего последнего появления?

— Они бастуют. Герр Хоффа у них главный. Мы рассчитываем на то, что судья Крейтер выступит посредником в переговорах…

Не успела Дева Мария ответить на его слова, как на нас обрушилась Онтологическая Лакуна. Я засек Миазм Небытия, когда он был еще на пол пути к нам, распространяясь подобно волне пустоты. Он двигался прямо на нас, пронзая ткань Нечто, подобно Шиве уничтожая все на своем пути и тут же подобно Вишну возрождая к жизни. Поскольку мы были бессильны не то что обуздать его головокружительный смерч, но даже оказать маломальское сопротивление, я не потрудился предупредить стоявших рядом со мной двух собеседников о его стремительном приближении.

Порой неведение — оборотная сторона бесстрашия.

Поглотив нас с потрохами, ОЛ подобно законоучителю с садистскими наклонностями в очередной раз продемонстрировала нам, что бытие — это «прозрачный, фантастический, жуткий сон». Я почувствовал себя висельником, которому кажется, будто он по-прежнему дышит и все еще на свободе. Обычное забытье по контрасту стало бы чистейшей воды нирваной.

Когда наши молекулы вновь неохотно воссоединились, капитан Карл и Дева Мария словно преобразились, а их спор был благополучно забыт. Мать Христова пробормотала что-то о желании сию же минуту явить миру чудо, сотворив Свои Собственные розовые лепестки, и покинула нас. Капитан Карл вновь обратил любезное внимание на меня.

— Скажи, Амброз, нужно ли еще убеждать тебя в важности твоей миссии? Лакуны становятся все более частыми и продолжительными. Если вы, оперативники, ничего не сделаете с закоренелыми скептиками — а именно они и есть главная причина этой беды, — все мы, кто находится на борту нашего Нечто, скоро навсегда исчезнем!

— Я не просил разрешения поиграть с игрушкой бессмертия,

Карл.

— Верно. Но ты и не отказался от нее.

С напускной небрежностью я щелчком привел в действие схему моей резиновой оболочки и в следующее мгновение принял нагловатый, высокомерный вид, дополненный очками с зеркальными стеклами, которые на самом деле были не чем иным, как управляемым информационным дисплеем, парящим в воздухе.

— Отлично, Карл! В любом случае меня уже тошнит от избытка удовольствий. В конце концов ведь это наименее неприятная разновидность уныния. Насколько я понимаю, Веретено ждет?

— Да, конечно. — Карл издал горестный вздох, совсем как неимущий наследник, выслушав суровое завещание богатого дядюшки, только что отошедшего в мир иной. — Я чрезвычайно благодарен тебе за помощь, а мне еще предстоит разрешить тут уйму проблем. Один только спор между жителями Атлантиды и Лемурии из числа нашей корабельной команды чего стоит… — Капитан Карл недоговорил, поняв, что я слушаю его без всякого интереса. — Ладно, надеюсь, Амброз, ты справишься. Ради всех нас!

— Надежда — единственное, в чем желание и ожидание слиты воедино, Карл, — сказал я, после чего подпрыгнул вверх.

По пути через Чайный Шар я миновал Элвиса. Тот двигался в противоположном направлении с явным намерением попенять капитану Карлу за очередной недосмотр.

— Мало того что у меня закончились Лунные Пирожки, — пожаловался на ходу король рок-н-ролла, — так еще у последней группы сбежавших из дому девчонок трусы оказались синтетические, а не из хлопка!

Очередное свидетельство тому, что слово «знаменитый» синонимично словосочетанию «непременно несчастный».

Что я действительно не люблю при пересадке с Корабля-Носителя на спускаемый аппарат — будь то Веретено, Блюдце, Сигара или Диск, — так это абсолютно бессмысленную продолжительность полета. Все спускаемые аппараты нашего Нечто запрограммированы, оказавшись в атмосфере, выполнять на первый взгляд невероятные безынерционные фигуры высшего пилотажа, и все для того, чтобы земные власти, сидящие за примитивными консолями радаров, от собственного бессилия готовы были взорваться от злости. Спуск на поверхность моего бывшего дома, по идее, занял бы этак секунд шестьдесят, не более. Вместо этого я битый час проторчал взаперти на

спартанском корабле, пока тот — недоступный для радаров, электромагнитного излучения и сдвигов альбедо по всему спектру — всполошил военные и гражданские центры примерно на половине земного шара.

Защищенный от малейших признаков ускорения или давления, я провел это время за чтением последнего романа Джерри Сэлинджера под названием «Ад их родителей» — увлекательной трагикомедии про секс и наркотики, конформизм и бунтарство в частной элитарной школе в одном из уголков Новой Англии. С гордостью заявляю: лично я с самого начала угадал огромный творческий потенциал этого парня, и он пишет только лучше, с тех пор как начал сочинять исключительно для Нечто.

К наступлению ночи мое Веретено с грациозностью невесомого перышка приземлилось в дохлой рощице неподалеку от какого-то крупного города на восточном побережье Соединенных Штатов. Появившись на свет из своей оболочки подобно младенцу (бесформенное создание, без особых признаков возраста, пола или состояния, приметное главным образом благодаря силе симпатий и антипатий, пробуждаемых в окружающих), я сориентировался при помощи устройства глобальной навигации, имплантированного в мой череп, и пешком направился к ближайшему шоссе.

Оказавшись там, я без особых затруднений нашел средство передвижения.

С расстояния в сотню ярдов я при помощи аннигилятора заглушил двигатель понравившегося мне автомобиля. Машина остановилась у обочины, и я подбежал к ней. В следующий момент из нее, чертыхаясь на чем свет стоит, появился злющий водитель, но я воспользовался простым карманным устройством и с расстояния в несколько ярдов парализовал его разум и нервную систему. Вновь сев за руль возродившегося к жизни автомобиля, мой милый, преданный мне душой и телом зомби повез меня в сторону города. Когда я его отпущу, он вернется в обычное ментальное состояние, то есть будет и дальше наивно верить в то, что Вселенная, согласно замыслу Творца, благоволит человечеству, и лишь необъяснимые приступы амнезии будут время от времени вносить свежую струю в старческое слабоумие и те байки, которыми он на склоне лет будет доставать внуков.

Время поездки я провел продуктивно — изучал переданную мне информацию о будущей жертве.

Во главе местного отделения Общества по исследованию паранормальных явлений стоял Рэнди Гарднер. Убежденный скептик и ревностный ниспровергатель мифов, Гарднер часто

выступал на страницах газет и появлялся в дневных телепередачах в роли занудного оппонента куда более убедительных приверженцев оккультного знания.

Если бы мистер Гарднер ограничивался лишь нападками на хилеров с гипнотическими способностями или ясновидцев, вряд ли он удостоился бы внимания Нечто. Однако в последнее время он стал присматриваться к нашим похищенным, заинтересовался достоверностью их признаний, со свойственным ему пессимизмом и железной логикой высмеивал их самих и их рассказы.

Короче говоря, мистер Гарднер был одним из тех, кто нес ответственность за увеличение Онтологических Лакун, угрожавших безопасности самой ткани Нечто.

И посему его необходимо было надлежащим образом обработать.

Дом Гарднера стоял на усаженном деревьями участке площадью в пару акров по соседству с другими особняками. Это оживило во мне воспоминания о той части города, где в дни моей сан-францисской юности обитали грешащие чревоугодием аристократы. Окна в доме были освещены — похоже, холостяк Гарднер ожидал гостей. Стоя на ступеньке крыльца, я позвал хозяина дома так, словно он был слугой, — то есть нажал кнопку электрического звонка, этого сатанинского изобретения, почти столь же омерзительного, что и телефон и лексикографы.

Вскоре передо мной возник сам хозяин дома — довольно крупный мужчина с щегольской, прилизанной волосок к волоску прической, как у надменного кота. Какое-то мгновение он подозрительно разглядывал меня, а затем рассмеялся.

— Настоящий «Человек в черном»! Если мои противники не способны создать чего-то лучшего, придется признать, что задачу своей жизни я выполнил. А теперь, если вы меня извините…

С этими словами он собрался захлопнуть дверь, однако я, как настырный торговец библиями, успел просунуть в нее ногу.

— Мистер Гарднер, я проделал долгий путь затем, чтобы перекинуться с вами парой слов. Надеюсь, вы окажете мне любезность и выслушаете меня.

Гарднер поддался на мою вежливость — наиболее приемлемую форму лицемерия.

— Прекрасно! Произносите вашу роль, озвучьте ваши угрозы! Только предупреждаю вас, меня с пути истинного не собьешь! Если вы полагаете, что я откажусь отдела, которому посвятил всю жизнь, что я прекращу борьбу за то, чтобы восстановить хотя бы малую толику здравого смысла в наш день и век бредовых убеждений, то скоро поймете, как глубоко заблуждаетесь!

Я восхитился стойкости и искренности Гарднера, его

приверженности верховенству материального над сверхъестественным. Когда-то и я был похож на него, с жаром развенчивал идеалы и мифы. Однако подобный пыл — лишь болезненное состояние, присущее юности. Работая на Нечто, я убедился, что на самом деле в мире есть много другого помимо того, что содержала моя старая философия.

— Вы когда-нибудь задумывались, мистер Гарднер, о том, что люди силой своих желаний всегда стремятся овеществить мечты? Мы видим это повсеместно в самых простых проявлениях и так часто, что принимаем как должное. Например, у меня в голове рождается желание съесть яблоко. Сей ментальный образ становится реальностью, когда я протягиваю руку, беру в него плод и с хрустом откусываю сочный кусок. Принимая во внимание трансформацию данного мысленного действа в действие реального мира, разве не является вероятным то, что, если прилагать к этому усилия более энергично, в жизнь можно воплотить даже более яркие устремления?

Гарднера озадачил неожиданный курс моей риторики.

— О чем вы говорите? Неужели вы считаете, что человечество хотело бы, чтобы в жизнь воплотился такой феномен, как НЛО? Но это же абсурд!

Я с галльским презрением пожал плечами.

— Абсурд — не более чем утверждение, противоречащее чьему-либо мнению, мистер Гарднер. Вы только задумайтесь, хотя бы на мгновение. Колдуньи, великаны-людоеды и феи юношеской поры человечества — разве их желаемое людьми существование не подтверждалось бесчисленными, полученными, что называется, из первых рук свидетельствами? Куда все они подевались? И почему неопознанные летающие объекты появились в критический послевоенный период, а не раньше? Разве не могло быть так, что они возникли специального для того, чтобы заполнить бреши в психических внутренностях человечества? Такова гипотеза по меньшей мере одного уважаемого психолога…

— Только не пичкайте меня юнгианской белибердой о коллективном бессознательном, мистер Как-вас-там! Надо же, летающие тарелки, битком набитые архетипами и старыми как мир суевериями!.. Я этим дерьмом сыт по горло!

Гарднер вытолкнул мою йогу за порог и захлопнул дверь перед моим носом с такой злостью, которую я, находись я в данный момент на борту Нечто, наверняка ощутил бы в качестве еще одного экзистенциального сотрясения.

— Бирс мое имя, — негромко произнес я, обращаясь к порталу дубового дерева. — А просвещение — главное мое дело.

Что ж, коль слова не подействовали, настало время привлечь внимание Гарднера, используя красноречие силы. Моему клиенту предстояло испытать то, что я называю «вангдепутенава» — так индейцы-оджибве именуют внезапно обрушивающееся на человека серьезное несчастье.

Мои бортовые коммуникационные каналы связались с Нечто. Этим вечером на мостике дежурили Кихоу, Мантелл и Палмер, которых должны были сменить Мак, Хайнек и Валле.

— Говорит Бирс. Соедините меня с участком 51.

Когда дали связь, я сообщил свои координаты и вызвал команду «Фу-файтеров».

Едва я успел удалиться на почтительное расстояние, как подобно рою жалящих ос появились бесшумные проворные истребители.

Взяв гарднеровские владения в кольцо разрывов пространства и времени для гарантии того, что сюда никто не пожалует, они боевыми лучами разорвали квантовые связи, уничтожив верхний этаж дома. Вернее, аккуратно снесли с него крышу, открыв жилище всем ветрам. До меня донесся разгневанный вопль неверия — его издал находившийся в доме джентльмен. Вопль этот сделался еще громче, когда бледно-розовый луч поднял его самого в воздух и опустил на лужайку перед домом.

— Не соблаговолите ли изменить ваше мнение, мистер Гарднер? — обратился я к дрожавшему как осиновый лист скептику.

Надо отдать ему должное, он храбро бросил мне в виде вызова перчатку своего скепсиса.

— Прежде чем я сдамся, я бы советовал вам продемонстрировать мне что-нибудь покруче секретной технологии BBC, оплачиваемой из теневого бюджета!

— С удовольствием, сэр!

Что ж, самое время значительно ускорить шаг.

Я пустил в дело позаимствованную у Нечто команду особенно шумных йети, позволив самкам делать с Гарднером все, что они пожелают. Самцы при этом улюлюкали и то и дело награждали его щипками. Я отвел глаза в сторону, дабы не быть свидетелем этого жуткого зрелища, что, однако, не избавило меня от безумных криков, рычания и визга.

Отправив йети обратно, я повернулся к Гарднеру. Благоухая гималайским мускусом, бедняга был не в состоянии вымолвить ни слова, хотя в его глазах все еще тлела искорка неверия. Поэтому я позволил Козодою какое-то время побегать за ним, щипая его за задницу, чтобы выбить либеральную дурь. После этого убрал защитный модуль, коконом закрывавший дом, и

велел «Фу-файтерам» переместить нас в мистический центр мира, известный в простонародье под названием Бермудского треугольника. Для пущей убедительности вызвав из озера Лох-Несс знаменитое чудовище, я подарил Гарднеру незабываемое приключение.

Пока он любовался змеиными шалостями малышки Нэсси, я материализовал разукрашенный гирляндами скелетов пиратский корабль и попросил у Нечто парочку помощников. Когда искомое было получено, я дал указания соответствующим образом наряженным Барни и Бетти Хилл отправить Гарднера, когда тот вернется, в «потрясное» плавание. Недолгую паузу я провел на борту одного из «Фу-файтеров», где провел беседу с Филом Классом о загадочных обычаях Магонии и Антиземли.

После этого я вернул Гарднера в его родной дом.

Вид у него был как у человека, подвергшегося допросу у Панчо Вильи. С него ручьями стекала вода, от одежды остались жалкие лохмотья. С ободранных ягодиц капала кровь. В волосах застряли морские водоросли. Из-за резинки трусов торчал хвост какой-то рыбешки, а за ухом — косточка пальца неизвестного скелета. Гарднер безуспешно пытался что-то произнести. Я поднес ухо к его губам и услышал:

— Н-н-н… нет. Все… равно… не… верю…

— Тс-с! Тише, мистер Гарднер. Вы напоминаете мне одного из издателей, который никогда не понимал уместность моих доводов. Ваша неспособность постичь истину, как явствует из того, с каким благородством и упорством вы отстаиваете свою точку зрения, представляет собой само определение упрямства. А теперь дайте-ка подумать… что еще вам такое показать?.. Помял! Если вы соблаговолите проявить еще капельку терпения…

Гарднер простонал и закрыл глаза. Я дал ему минутку отдыха — ровно столько, сколько потребовалось моим свидетелям, чтобы прибыть на подмогу.

Ощущая присутствие чего-то нового, Гарднер быстро приподнял веко. Даже этого короткого взгляда оказалось достаточно. Гарднер вскрикнул, точно девственница, которую попыталось приласкать беспутное и похотливое мифическое четвероногое. Он весь напрягся и одеревенел, как доска, впав в настоящий ступор.

Я обернулся, чтобы поблагодарить помощников.

— Уитли, Внеземной — вы молодцы. Славно поработали. До встречи на борту Нечто.

Внеземной воспламенил свой безгласный идиотский палец, а обнаженный Уитли дружелюбно помахал своим стационарным ректальным зондом, совсем как миролюбивый прокаженный,

исполняющий нью-портский котильон. Когда человек и инопланетянин удалились, я отдал «Фу-файтерам» команду восстановить гарднеровский дом и уложить вымытого и получившего первую медицинскую помощь скептика в его собственную постель. Вряд ли завтрашний рассвет станет свидетелем возобновления прежней карьеры упрямца.

Я вернулся на Веретено, поздравив себя с удачно выполненной миссией. Как-никак, я помог себе и своим соотечественникам на некий неопределенный срок продлить наше уже не совсем смертное, но еще не совсем небесное существование. Совсем неплохо для одной ночной вылазки. Особенно для смурного привидения, которое на самом деле не больше чем сочетание духовной язвительности и вербальных тиков.

К моему великому удивлению, на борту Веретена я обнаружил ожидающего меня коллегу — заляпанного чернильными пятнами жалкого субъекта, однако для привидения весьма общительного (мы, призраки, являемся овеществленными и зримыми свидетельствами внутренних страхов).

— А, Беррик, рад тебя видеть! Какими ветрами?..

Травен осторожно пожал мою руку, и я незамедлительно узнал в нем горестного вестника плохих новостей.

— Боюсь, только что поступили новые указания, Амброз. Похоже, мы еще не заслужили отдыха. Нашему работодателю требуются два опытных оперативника для работы в Белом доме. Похоже, президент серьезно обеспокоен. Он только что просмотрел кассету с видеозаписью одного навороченного голливудского фильма и теперь опасается, как бы мы не сотворили нечто подобное с его домом…

В первое мгновение я готов был ответить отказом, продемонстрировать непокорство (обреченное по определению на неудачу), но тут же передумал.

— Ах, Беррик, снова приходится расплачиваться за наш опыт, — проговорил я, устало кивнув.

— Опыт, по твоим собственным словам, есть не что иное, как мудрость, которая лишь помогает нам принять как малоприятного старого знакомого ту глупость, которую мы уже совершили.

— Ты такой же незадачливый плагиатор, как и капитан Карл, старый ты греховодник! — улыбнулся я. — Что ж, тогда надо спешить.

И мы снова забрались в Веретено и продолжили нашу работу на Нечто.

«Working for the U». Перевод А. Бушуева

ОТОРВЕМСЯ ПО ПОЛНОЙ!

Несколько лет назад Международный конвент любителей фэнтези снова стал проводиться в Провиденсе, где когда-то состоялся впервые. Я побывал на нем, хотя, признаюсь, и не большой любитель подобных сборищ. Просто конвент проводился практически в двух шагах от моего дома. Ужиная в китайском ресторанчике, я оказался подле Эрин Кеннеди, дочери издателя и редактора Энн Кеннеди. Я быстро выяснил, что Эрин, как и многие подростки, любительница рок-группы «Cure», которая мне также очень нравится. И тут что-то случилось.

Мне давно хотелось сочинить готическую историю в духе песен «Cure», однако никак не удавалось нащупать сюжетную основу. На сей раз в считанные секунды за время разговора с Эрин я уже четко представил ее в качестве героини моего будущего рассказа.

Спасибо тебе, Эрин.

1. В гуще дней

В десять раз больше своих реальных размеров и в два раза более трезвое, чем в реальной жизни, изображение Роберта Смита задумчиво взирало с потолка спальни Эрин Меркин. Сидящий на темной лестнице вокалист и автор текстов британской группы «Cure» был запечатлен на снимке в самую что ни на есть безжалостную готическую минуту. У Смита лицо беспризорника, обильно покрытое черно-белым макияжем; помести его рядом с портретом кого-то из его духовных предшественников — скажем, Эдгара По или Шелли, — и вы непременно посчитали бы этих печально известных ипохондриков девятнадцатого века безудержными оптимистами. На физиономии, вернее, на веках у Смита настолько густой слой туши и черной обводки, что ему впору изображать енота. Губы накрашены такой темно-бордовой помадой, что кажутся почти черными.

Однако самое удивительное — это его волосы, черные крашеные волосы. Прическа Смита выглядит как результат удара молнии или неаккуратного обращения с электрическими пробками. Локоны певца торчат во все стороны, напоминая змеиное гнездо. При взгляде на них рождается ощущение, будто они живут отдельной от их обладателя жизнью.

С прилепленного к потолку плаката этот постмодернистский Артюр Рембо, известный под именем Роберта Смита, хмуро — с классически обворожительным отчаянием, столь привлекательным для чувствительного и недовольного жизнью юного создания (отчаяние это лучше всего выражено в следующей его строчке: «Вчера я почувствовал себя таким старым, что понял — можно умирать») — взирал на обитательницу крошечной спальни в доме на окраине города, типичной аккуратной девичьей спальни, если бы не все эти готические прибамбамсы, — на девушку по имени Эрин Меркин.

Безнадежно четырнадцатилетняя, Эрин лежала на спине аккурат по диагонали заправленной еще с утра кровати. Ее прикид и поведение являли собой разительный контраст с розовым, отделанным оборками стеганым покрывалом. Из проигрывателя компакт-дисков, установленного в режиме бесконечного воспроизведения одной дорожки, звучала меланхолическая песня мистера Смита «Желание невозможного», повторяясь снова и снова, навевая на девушку волны вселенской скорби.

С головы до ног одетая в черное, начиная от чудовищно огромных башмаков и до просторных штанов с множеством

карманов и суперразмерной футболки с длинными рукавами (с рекламой длинных гвоздей, какие не продаются в магазинах скобяных изделий), в ней мгновенно можно было опознать стойкую поклонницу мистера Смита со товарищи. Мрачный наряд Эрин дополняла гирлянда всевозможных побрякушек — пирсингов, фенечек, цепей и цепочек и прочего пластмассового или металлического ширпотреба.

Единственной аномалией тщательно продуманного облика Эрин были ее волосы. Длиной до подбородка, мягкие и гладкие, цветом напоминая осенние листья, они более приличествовали какой-нибудь фолк-певичке или хиппи, нежели любительнице крутых клубных вечеринок.

Мысли Эрин наверняка сосредоточились именно на столь вопиющем несоответствии. Хорошенькое бледное девичье личико неожиданно исказила гримаса ярости, отчего серебряный пирсинг в ноздре подпрыгнул на дюйм вверх, а сама она обеими руками дернула себя за волосы.

Издав животный вопль, Эрин попыталась вырвать волосы с корнями, однако с достойным восхищения здоровым упорством те выдержали самые активные покушения на свою целостность. Признав в конце концов поражение, Эрин отпустила на свободу ни в чем не повинные волосы и засунула руку в глубокий карман на бедре. Пальцы с обгрызенными ногтями, покрытыми зловещего оттенка лаком — такой лак продается под названием «Черное гетто», — извлекли на свет божий маленький сотовый телефон. Эрин яростно набрала номер.

— Привет, Элис, это ты? Ага, я. Не-а, она меня не отпустит. Ненавижу ее!.. Да наплевать, что она мне родная мать! Она меня не понимает и никогда в жизни не поймет! Тебе-то везет!.. Слушай, встреть меня на пляже, на досках. Уроки? Ты чего, с дуба рухнула? Ладно, пока! До скорого!

Эрин засунула телефон обратно в карман и встала с кровати. Сняв с вешалки рюкзак (на его ткани живого места не было от наклеек), она протопала за порог с таким грохотом, как последняя группа английских военнопленных, что строем прошла по мосту через реку Квай.

Из своего угла непреклонный Роберт Смит обозревал пустую комнату, и суровое выражение его лица менялось синхронно музыке, причем сильнее всего в те мгновения, когда оставленный без попечения хозяйки проигрыватель воспроизводил фразу: «Звезды затуманены тучами и слезами, и я хочу исчезнуть».

2. На берегу

Протянувшийся вдоль пляжа голый дощатый настил под ноябрьским солнцем казался похожим на бледный деревенский сыр. Галереи игровых автоматов и торговые киоски, тянувшиеся параллельно ему вдоль западного края, ввиду приближения зимы были забиты фанерными щитами. Пустынный пляж за ограждением, спасательные вышки которого теперь хранились в сараях по соседству, вызывал ощущение, будто терпеливый берег и тревожное море бесстрастно уживались друг с другом в течение примерно тысячелетия без какого-либо вмешательства со стороны людей.

Топанье, с которым Эрин покинула спальню, сделалось заметно тише. Девушка подошла к скамейке, обращенной к морю, опустилась на нее и положила рядом с собой рюкзак. Примерно минуту она сидела, устремив взгляд за линию горизонта. Затем порыв холодного ветра заставил ее вздрогнуть и потянуться за рюкзаком. Из него она вытащила кожаный жилет, украшенный нашивками и булавками. Натянув это не слишком надежное одеяние на футболку с длинными рукавами, она вновь принялась копаться в рюкзаке, из которого вытащила пачку индийских сигарет-самокруток и зажигалку. Вскоре сладковато-пряный сигаретный дым перекрыл запах соленого морского воздуха.

Какое-то время, явно отвлекшись от окружающего мира, Эрин задумчиво курила. Неожиданно, без очевидного намека, она подняла с колен пачку индийских сигарет и подала кому-то у нее за спиной.

— Спасибо!

Это пришла Элис. Прежде чем сесть на скамейку рядом с подругой, она тоже взяла сигаретку и прикурила.

Элис Беймонт была Эрин сестрой по духу. Выдержанный в той же цветовой гамме наряд свидетельствовал о преданности готике до гроба. Облик девушки дополняла прическа — чернозеленые космы с отдельными розовыми прядками. Жутковатая прическа эта была нахлобучена на длинное некрасивое лицо подобно гнезду чайки на вершине утеса.

Эрин бросила завистливый взгляд на прическу подруги, затем раздавила ногой окурок и отбросила его прочь.

— Боже мой, мне этого не вынести! Ты посмотри на свои волосы! Вот это причесон!

Элис принял а жеманную позу, явно польщенная услышанным.

— Их уже полгода не касалась расческа.

Эрин шлепнула по шелковому занавесу своих собственных золотистых прядок.

— Я бы все на свете отдала, лишь бы избавиться от этой дряни. А она мне не разрешает!

— Почему? Объясни-ка еще раз.

— Из-за отца. Она все время талдычит, как он «обожал» мои волосы. Мол, я могу делать с собой все что угодно, только не смею менять прическу. Я тоже любила папеньку и очень горевала, что он помер. Но нельзя же в течение двух лет носить на голове могильную плиту!

— Отстой. А если ты все-таки сделаешь то, что хочешь?

— Будет столько крику и слез, что даже подумать страшно. А там — кто знает? Может, возьмет да попрет меня из дома, отправит жить к тетушке Глэдис. Этого только на мою голову не хватало. Вообще-то я к маменьке ничего отношусь, да и дома мне нравится. Вот только ее диктаторские ухватки сидят у меня в печенках.

Элис докурила сигарету.

— А убежать не думала?

Эрин пренебрежительно фыркнула.

— Куда? Чтобы закончить жизнь опустившейся тридцатилетней потаскушкой на каком-нибудь автовокзале, да еще подсевшей на иглу?!

— Даже не знаю, что сказать. Вот Шарлотта иногда…

— К черту твою Шарлотту! Она заносчивая, испорченная, богатая стерва! Нет уж, придется посмотреть правде в глаза — я здесь застряла надолго, если не навсегда.

Элис услужливо переменила тему разговора. Еще полчаса девушки говорили о мальчишках, учителях и школьных компаниях. Обменялись информацией о новых сортах лака для ногтей. Обсудили ряд вопросов, связанных с музыкой, — например, вероятность того, что «Cure» отправятся на гастроли и дадут необъявленный бесплатный концерт в местном общественном центре, а их, Элис и Эрин, сидящих на первом ряду, пригласят подняться на сцену.

В конце концов, когда солнце начало опускаться все ниже за спинами подружек, Элис заявила, что ей пора домой, потому что мать скоро будет кормить ее любимой едой: мексиканскими лепешками и куриной лапшой.

— Круто! — отозвалась Эрин с натужной беззаботностью. — Я еще немного здесь потусуюсь.

Элис направилась к улице, ведущей в городок, и вскоре совсем исчезла из виду. Чувствуя, что становится холоднее, Эрин встала и сделала по песку несколько шагов вниз, к морю. Приняв

скорбный вид самой настоящей мученицы, она зашагала вдоль берега, громко топая огромными башмаками.

При этом она тащила за собой рюкзак, держа за лямку, — этакий богемный Кристофер Робин, волочащий за ногу пьяного Винни Пуха.

3. У края морской пучины

Небо над восточным краем океана сделалось лиловым. Напоминая богом забытый армейский взвод, клочок голубизны в западной части небосвода яростно пытался отбить неминуемое наступление темно-алого заката на одном фланге, пока с другого к нему тайком подползали густые тени.

Эрин прекратила бесцельные скитания примерно в полумиле от развлекательного центра, на пустыре, где с морем граничили лишь песчаные дюны. Это было место, прекрасно отвечавшее ее внутреннему состоянию: пустынное, бессмысленное, бесплодное, открытое всем ветрам. Девушка посмотрела на равнодушную гладь океана.

Подобно неожиданному взрыву белых гроздьев пены ослепительно яркие звезды начали прорывать черный бархат вечернего неба. Неожиданно от него отделился одинокий блуждающий луч света и стал опускаться на землю.

Широко открыв глаза, Эрин наблюдала за тем, как падающая звезда с каждым мгновением делалась все ярче и крупнее. Ее прохождение сквозь слои атмосферы скоро можно было разглядеть благодаря яркой огненной короне. Падение сопровождалось хорошо различимым шипением и треском.

В следующее мгновение звезда рухнула в воду в нескольких сотнях ярдов от берега, произведя при этом на удивление почти не слышный всплеск.

— Ухты! Неужто можно загадать желание? Я забыла об этом, пока ты падала, мисс Звезда. Хотя что мне терять? Ну хорошо, я хочу… Я хочу… оторваться по полной программе! — задумчиво произнесла Эрин, обращаясь к затонувшему светилу.

Рухнув на песок в полулотосе, Эрин решила дождаться результатов своего случайного призыва к магии космоса.

Отпет на призы» пришел минут через двадцать.

Из поды вынырнуло необычное существо — разглядеть его в сумеречном свете девушка смогла лишь частично. Ей показалось, что оно состоит из бесчисленного множества крошечных ножек. Ножки эти, полосатые, как леденцы, росли из тела, напоминавшего клубок влажных морских водорослей.

Эрин испуганно вскочила и бросилась наутек.

Загадочное существо подползло к кромке воды и остановилось. Затем совершенно по-собачьи принялось отряхиваться.

Эрин немедленно узрела чудо: перед ней стояли ожившие волосы Роберта Смита.

Теперь существо напоминало жуткий парик с бесчисленными махонькими щупальцами на внутренней стороне. Каким бы ни было тело, к которому крепились волосы и безобразные ножки, оно отличалось практически одномерностью, являя собой лишь тоненький слой кожи. Никаких органов чувств видно не было. Однако если созданию и недоставало тела, то его отсутствие прекрасно дополнялось волосяным покровом. Этой черной колючей массе волос, достойной мифической Медузы, вполне хватило бы и мистеру Роберту Смиту, и его супруге, и с лихвой досталось бы их наследнику.

Почему-то импозантная внешность пришельца развеяла ее страхи, и Эрин осторожно приблизилась к морскому гостю.

— Привет, парниша, это я. Тебя можно погладить?

Девушка вытянула руку. Существо в ответ игриво вздрогнуло.

Затем оно в мгновение ока скакнуло Эрин на руку, откуда перепрыгнуло на голову, впившись в кожу всеми своим крошечными, но чрезвычайно цепкими ножками.

4. Почему я не могу стать тобой?

На какую-то долю секунды Эрин почудилось, будто ей в череп вонзили тупые столовые ложки тысячи голодных детей. Она попыталась закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Перед внутренним взором пронесся целый калейдоскоп мрачных психоделических образов, а в уши ворвался вибрирующий, неясного происхождения визг. Пирсинг в ноздре, казалось, раскалился добела. По всему телу девушки пробежали мышечные судороги, раскачивая его наподобие банки с дождевыми червями, получившей разряд электрического тока. Рот наполнился настоящим пиршеством вкусов, как знакомых, так и незнакомых.

В следующую секунду все пришло в норму. Боль куда-то исчезла. Органы чувств вернули привычные образы окружающего мира: песок, небо, звезды и море; свист холодного ветра и запах подсыхающих водорослей.

А что же напавшее на нее существо? Оно куда-то подевалось или все еще восседает на голове? Ведь она его больше не чувствует.

Эрин осторожно подняла руку на уровень подбородка. И с непривычной для себя благодарностью прикоснулась к своим ненавистным длинным прямым волосам…

Однако в то же самое мгновение ее руки взметнулись вверх.

— Бр-р! — попыталась она сдержать крик омерзения.

Предельно осторожно, как будто стремясь удержать на голове невесомую книгу, Эрин наклонилась, чтобы поднять рюкзак. Покопавшись в нем, извлекла карманное зеркальце.

Еще не совсем стемнело, и в отблесках городских фонарей Эрин сумела кое-как разглядеть себя.

Ее не без оснований можно было назвать клоном Роберта Смита. На голове девушки башней вздымалась масса черных, торчащих во все стороны волос.

Рассматривая себя в овале зеркальца, Эрин заметила, что один волосок начал опускаться вниз. Затем он обвился вокруг зеркальца и повернулся так, как будто сам желал полюбоваться на свое отражение.

— Спасибо, что одолжила мне глаза и голову. Мне они ужасно идут.

Голос отличало бесполое самодовольство. Прозвучал он самым невероятным образом из места, находившегося всего лишь в дюйме от уха Эрин.

— Кто… кто это говорит?

— Да я это, твой новый друг.

— Ты что, телепатией со мной занимаешься?

— Не в принятом смысле этого слова. Я имею доступ к твоим неврологическим структурам, однако прямое их считывание — малоэффективное занятие, отнимающее уйму времени. Я в состоянии диагностировать твои нервные импульсы еще до того, как они поступают в речевой аппарат, что в принципе можно назвать слухом. В свою очередь, я отправляю мои ответы прямо в твою звуковоспринимающую систему. Это гораздо проще, чем пытаться вмешиваться в кору головного мозга.

— Так что же, кроме меня, тебя никто не слышит?

— Совершенно верно.

Эрин засунула зеркальце в карман и закрыла ладонями уши. Затем беззвучно, одними губами произнесла «скажи что-нибудь».

— Разумный способ проверки того, что ты от меня услышала. Вижу, ты наделена острым умом, Эрин.

Эрин безвольно опустила руки.

— Спасибо. И без тебя знаю. Точно так же говорят все учителя, прежде чем засыпать меня на экзамене. Постой-ка, а откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Повторяю: у меня есть доступ к твоему мозгу и его содержимому.

— Как-то все это жутко. Будь ты парнем, я бы точно испугалась. Но поскольку ты что-то вроде инопланетянина, то я, наверное, трусить не стану. Имя у тебя есть?

— Можешь называть меня Гусеницей.

— Клево! А ты знаешь…

— …что так называется песня твоей любимой группы? Конечно, знаю.

Эрин почувствовала, что мало-помалу начинает приходить в себя. Ситуация была совершенно невероятной, однако бесчисленные фильмы, видеоигры и телевизионные шоу подготовили ее к подобной встрече. Контакт с загадочным существом происходил вполне мирно, без каких-либо скверных последствий. Единственный его результат — она получила прическу, о которой все время мечтала.

Эта мысль невольно вызвала другую.

— А что случилось с моими прежними волосами?

— Я поглотил их, чтобы снова наполниться после тяжкого выхода на сушу. Пока мы с тобой связаны воедино, твои настоящие волосы тебе не понадобятся.

Его слова вызвали у Эрин дрожь.

— Ты, случаем, не собираешься использовать меня как куклу на ниточках?

— Я вообще никак не собираюсь тебя использовать, если, конечно, это не понадобится для выполнения моего задания.

— Что же это за задание?

— Мне предстоит европеизировать вашу планету.

5. Крушение Юпитера

Последняя фраза Гусеницы слегка обескуражила Эрин.

— То есть? Ты собираешься сделать весь мир похожим на Европу? Неужели нам придется слушать пиликанье французского аккордеона или танцевать немецкие польки? А как же еда? Я улиток не ем!

— Ты не понимаешь. — В голосе Гусеницы прозвучало раздражение. — Я имею в виду мою родную планету, Европу, одну из лун Юпитера.

— Так ты собираешься что-то сделать с нашей Землей, чтобы она стала похожа на твою луну? Но зачем?

— Надеюсь, ты в курсе того, что несколько лет назад моя планета столкнулась с кометой Шумахера-Леви?

— Да за кого ты меня принимаешь? С какой стати мне обращать внимание на подобные фишки? Мне тогда было десять, и я все еще играла с Барби!

— Тогда позволь показать тебе видеозапись.

Перед глазами Эрин возникло изображение, скорее напоминавшее ставший явью сон. Эту картину она наблюдала с ближней орбиты гигантского пятнистого шара — Юпитера. Пока Эрин как зачарованная разглядывала фантастический пейзаж газового гиганта, откуда ни возьмись возникла комета Шумахера-Леви, которая вскоре врезалась в огромную планету.

Через пару секунд к Эрин вернулась способность видеть.

— Ух ты! Фейерверк!

— Верно. Это происшествие чрезвычайно встревожило мою расу. Несмотря на то что мы живем под слоем льда толщиной две мили, мы понимаем, что отнюдь не защищены от повторения чего-то подобного в будущем. Нам потребовалось создать второе место обитания для нашей расы. Выбор пал на ваш мир, что, однако, было определено еще одним фактором.

— Каким же?

— Из перехваченнных передач вашего радио нам стало известно, что ваше национальное космическое агентство планирует отправку зонда на нашу планету. По расчетам, зонд просверлит дыру в священном слое спасительного льда и упадет в наши счастливые моря. Этого нельзя допустить. Вот почему меня отправили в межпланетном ледяном коконе, поручив стерилизацию вашей планеты.

Эрин не смогла подавить грубый неприличный хохот.

— Не хочу обижать тебя, Гусеница, но каким образом одинокая говорящая половая тряпка собирается покорить целый

мир? Особенно если принять во внимание, что ты привязана ко мне? Ты представляешь, насколько бессильны девчонки-подростки вроде меня в моей стране?

— Бессильны? А не вы ли сделали миллионерами парней из «Бэкстрит бойз»?

— Гос-с-с-споди!.. Поверь мне, я к этому не имею никакого отношения!

— А, не важно. Скоро мой план станет понятен всем — после того как мы доберемся до твоего дома. Я намерен превратить его в штаб-квартиру, откуда займусь изменением вашего мира.

Эрин вызывающе сложила на груди руки.

— А если я даже не пошевелюсь?

— Увы, в таком случае мне придется столкнуться с печальной необходимостью взять на себя контроль за твоими моторными функциями, — заявил Гусеница.

Эрин тотчас сорвалась с места, чувствуя, что помимо ее воли ноги несут ее через весь пустынный берег прямиком к дому.

— О нет! Прекрати! Немедленно!

— Неужели я перенапрягаю твое тело?

— Нет, но я терпеть не могу бегать! Это как в нашем школьном спортивном зале — становишься вся липкая от пота!

— Потоотделение — хорошее дело. Если позволишь, я немного увеличусь в размерах, чтобы использовать твой пот для моего питания.

— Нет! Не надо! Я буду потеть! Буду!

6. Радушная встреча

По пути домой Эрин был показан еще один фрагмент научно-популярного образовательного фильма. На сей раз при его «просмотре» она испытала мультисенсорную стимуляцию. Эрин с ужасом ощущала, что, ничего не видя и не слыша, мчится галопом по ночным улицам родного городка, пусть даже и практически пустынным. Однако она вынуждена была признать, что Гусеница знает, что делает.

Эрин плавала в темных, солоноватых, перекатывающихся гулким эхом морях Европы. Несмотря на недостаток солнечного света, она каким-то непонятным образом воспринимала этот безумный природный мир во всей его красочной полноте. Кишащий яркими и причудливыми формами жизни, как подвижными, так и неподвижными, испещренный оазисами с курящимися жерлами вулканов, родной мир Гусеницы, похоже, был деятельным и энергичным. Мимо Эрин проплывали многочисленные соплеменники Гусеницы. Некоторые из них передвигались независимо, однако большинство восседало на более крупных созданиях, которые варьировались от продолговатых, гладкокожих, похожих на акул тварей до огромных, раздувшихся шарообразных созданий. Эрин предположила, что другие гусеницы полностью подчинили себе своих «скакунов», подобно тому, как новоявленный знакомый подчинил себе ее тело.

С каждой секундой приближаясь к божественному куполу — поначалу она лишь смутно ощущала его, затем он стал более осязаемым, — Эрин плыла, рассекая приятную, теплую толщу вод. Наконец впереди замаячил зазубренный, мерцающий слабым светом низ исполинского слоя льда, защищавшего собой биосферу Европы. Эрин почувствовала, как душа ее наполняется глубоким религиозным трепетом перед чудесным щитом, благодаря которому и существует этот удивительный мир. Ощущение было сродни присутствию на рождественской и пасхальной службах одновременно.

Европа исчезла, и к Эрин вернулось осознание ее родного мира. Она была почти что дома.

— Теперь тебе понятно, почему мы не позволим землянам святотатственно проникнуть под нашу ледовую мантию? А после того как и ваша планета будет помещена под такую же, любой из ваших видов, которому посчастливится приспособиться к новым условиям и выжить, наверняка будет нам благодарен.

— Мы, люди, — крайне неблагодарные ублюдки.

— Не важно. У нас хватит великодушия, чтобы простить вам скверные манеры.

У самого порога Эрин остановилась.

— Если я верну тебе контроль, ты пообещаешь не убегать?

Эрин вздохнула.

— Ну хорошо. Да и куда бежать? Разве что в полицейский участок: мол, мои волосы хотят, чтобы их представили правительству США.

— Мне нет никакого дела до ваших Старших. Мне они совершенно безразличны.

Эрин усмехнулась.

— Ты здесь не более часа, а уже заговорил голосом нашего радио.

— Мы многое узнали из вашего неразумного расточительного радиовещания.

Входная дверь распахнулась, и в дверном проеме возникла фигура матери Эрин.

Ростом Энн Меркин была немного выше своей мятежной дочери, на круглом, как и у Эрин, лице, по которому, правда, уже пролегла сеть морщинок, читалось такое же упрямство. Волосы, подернутые сединой, были собраны в пучок на манер наполовину очищенного банана. Интересно, пошевелились ли ее непокорные пряди, выражая сочувствие новой прическе дочери? Или то была всего лишь игра теней?

Энн была одета в халат и тапочки. На лице выражение, типичное для всех родителей: тревога, гнев и изумление одновременно.

— Что ты делала на улице в такой поздний час, юная леди? И почему… Боже мой, что ты сотворила со своими волосами?

— Мам, может, не будем обсуждать это перед дверью?

Схватив дочь за плечо, Энн Меркин втащила ее в дом.

— Посмотри, на кого ты похожа! Настоящая дикарка! Твой отец, должно быть, перевернулся сейчас в гробу! И это в ответ на нашу заботу! Но ты ведь ничего не ценишь! В жизни не видела более неблагодарного ребенка! Нет, это последняя капля, чаша моего терпения переполнена! Я прямо сейчас звоню тете Глэдис!

— Что это за тетя Глэдис? — спросил Гусеница.

— Сестра моей матери, настоящая стерва! Живет в деревне. Меня наверняка там неделю продержат взаперти. Но сначала попытаются обрить мне голову.

Слой инопланетной кожи на голове Эрин съежился от отвращения.

— Быть такого не может!

Энн Меркин уже набирала телефонный номер.

— Прекратите ваши бредни, юная леди!

Длинный завиток новой прически Эрин выскочил подобно пружине и обвился вокруг шеи женщины.

— Ой!

— Не задуши ее, Гусеница! Так и убить недолго!

Подобно карточному домику Энн Меркин без чувства повалилась на застеленный линолеумом пол. Гусеница же ответила Эрин:

— Я причиню ей небольшое неудобство лишь на короткое время — мне нужно взять под контроль ее сонные центры. Теперь эти цепи замкнуты в контур обратной связи, и она не будет ничего понимать до тех пор, пока я не разбужу ее.

Висящая телефонная трубка издавала раздраженные гудки отбоя, и Эрин рассеянно положила ее на место. Затем подошла к матери и повернула ей конечности так, чтобы той было удобнее лежать. А чтобы лучше спалось, принесла из гостиной подушку и вязаный шерстяной платок.

Гусеница не мешал ей, а после того как Эрин закончила, сообщил:

— Отлично. Теперь мы должны приступить к работе.

7. Прыгая в чей-то поезд

На часах давно была полночь. В доме и вокруг него стояла гулкая тишина. Все и вся — включая и Энн Меркин — спало безмятежным сном, не ведая о грядущей судьбе планеты, рождавшейся под пальцами Эрин.

Судя по всему, пальцы девушки обрели недюжинную сноровку и свой собственный разум. Как ни странно, она взялась делать то же самое, что мальчишки, любители всяких машин и механизмов, делают с автомобилями. При помощи нескольких инструментов — кухонного ножа, пинцета, игровой приставки и портативного фена — руки Эрин принялись собирать какой-то странный механизм.

Сначала она наблюдала за тем, как хорошо знакомые ей пальцы с обгрызенными ногтями, покрытыми лаком «Черное гетто», разбирают телевизор, радио, видеомагнитофон, микроволновку и электрочайник, которые прямо на глазах превратились в кучу бесполезного хлама, наваленного на полу гостиной. Затем Эрин изумилась тому, как Гусеница, ловко орудуя ее собственными конечностями, принялся собирать эти компоненты в соответствии с какими-то только ей ведомыми инопланетными правилами. Эрин и представить себе не могла, что носик электрочайника способен испускать микроволны, однако, видимо, именно таким образом собрался использовать его Гусеница.

После первого часа трудоемкой работы Эрин почувствовала, что ей становится скучно и неудобно сидеть в одной позе.

— Эй, Гусеница! Можно мне сесть иначе? Такое ощущение, будто у меня ноги начинают отваливаться!

— Извини. Позволь мне изменить форму твоих скверно отрегулированных циркуляционных каналов и избавить тебя от дискомфорта.

Не меняя позу ни на дюйм, Эрин почувствовала, что больше не испытывает никакого неудобства.

— О черт, спасибо! — Подобное внимание к ее конфискованному телу заставило Эрин задать новый вопрос: — А как же вам удается выжить в нашей атмосфере? Почему ты не дергаешься, как рыба, вытащенная из воды?

— Моя раса анаэробна. Для нашего метаболизма кислород не нужен, хотя мы можем существовать и в кислородном, и других режимах. Следует признаться, однако, что меня сильно угнетает сухость вашей атмосферы.

— Намочить тебе голову?

— Может, немного позже. Нам нужно доделать работу.

В тягостных трудах прошло еще полчаса. Эрин поймала себя на том, что у нее возник еще один вопрос.

— На вашей Европе есть такая вот техника? В ваших фильмах я ничего подобного не видела.

— Нет, мы не технологическая цивилизация. Мы занимаемся непосредственным ментальным контролем над силами вселенной. Понимаешь, космические возмущения в континууме пространства-времени, создаваемые танцем электромагнитной гравитационной плазмы в самом Юпитере и его спутниках, дают нам непосредственный доступ к определенным разновидностям энергии. Мы естественным образом научились манипулировать силами, о которых вы, низшие виды, даже не имеете представления. Однако на вашей холодной планете мне приходится прибегать к более грубым методам, извлекая энергию из глубин твоей памяти.

— Что за околесицу ты несешь? Я ни хрена не понимаю в этих электронных штучках.

— Тебе так кажется.

Эрин оставалось лишь задуматься над истинным смыслом этого утверждения. Гусеница тем временем продолжал свою работу. Под конец девушка почувствовала, что погружается в сон, хотя усталые глаза ее оставались широко открыты, чтобы и далее направлять движения рук.

Когда она окончательно пробудилась, миновало несколько часов. В руках она сжимала рукоятку игровой приставки, от которой провода тянулись к беспорядочной груде хлама, испускавшей приглушенное мерцание. На экране приставки беспорядочно мельтешили изображения неведомых символов.

— Мне нужно еще несколько деталей, которых нет в твоем доме. Придется отправиться на военную базу.

С той минуты, когда они с Гусеницей стали практически одним целым, Эрин не слышала ничего безумнее. Абсурдность услышанного по настоящему «завела» ее.

— Да ты в своем уме? Меня же там пристрелят!

Гусеница остался по-прежнему невозмутимым.

— Смею с этим не согласиться. Видишь ли, исследуя твой разум, мне удалось обнаружить некий латентный, законсервированный потенциал твоего мозга, который значительно облегчает нашу задачу. Похоже, в качестве частичной компенсации за в высшей мере неудачное место появления на свет ваша раса научилась, сама того порой не ведая, обходить кое-что из законов физики. Вам доступны нелокализованные действия, экстратемпоральное восприятие и

другие относительно редкие способности, отсутствующие у более сложных и высокоразвитых существ вроде меня. Я всего лишь предлагаю взять эти ваши таланты под мой непосредственный контроль.

— Все равно не пойму, что означает вся эта чушь.

— Только то, что я сказал. Пожалуйста, сосредоточься на мысли о ближайшей военной базе, которая тебе известна.

Эрин послушно воспроизвела в памяти образ форта Вандермир, в котором ее отец проходил службу в рядах Национальной гвардии.

Морозное небо над казармами было пасмурным. Эрин резко развернулась, под ногами хрустнул гравий. Единственное, что она могла различить, — это силуэт часового у ворот, устремившего взгляд за пределы базы — откуда, собственно, и могли проникнуть потенциальные злоумышленники.

— Черт!.. — выругалась Эрин, услышав, как леденящую тишину нарушил кашель часового.

— Тихо! — оборвал ее Гусеница. — Сейчас я исследую вот то строение без окон, склад…

Внутри похожего на сарай здания царила полная тьма. Однако Эрин с удивлением обнаружила, что способна видеть и в темноте, правда, черно-белым зрением. Гусеница направлял девушку то вверх, то вниз по многочисленным проходам, и вскоре она набрала массивную стопку каких-то железок.

В следующую секунду Эрин с облегчением бросила свою ношу на пол гостиной родного дома.

Подняв с пола руками девушки датчик глобальной системы навигации, Гусеница произнес:

— На этом приборе нестандартные крепления. Давай сходим в магазин скобяных изделий.

Первый прыжок сквозь ткань пространства прошел довольно гладко, так что перспектива повторной телепортации не слишком ее испугала.

— Может, зайдем и за едой? В доме нет даже плитки шоколада!

Эрин с неослабным вниманием следила за тем, что Гусеница после этого сделал с ее разумом.

8. Влюбленные Коты

Подкрепившись дюжиной плиток «Кит-Кат», позаимствованных из запасов запертой бакалейной лавки — разве есть преграды для путешествующих в пространстве? — Эрин несколько долгих часов трудилась под руководством Гусеницы. Когда рассвет перешел в утро, гостиную стал медленно заливать солнечный свет. При этом все то жутковатое, что было наполовину скрыто ночной тьмой, постепенно начало открываться взору. Эрин чувствовала, что с каждой минутой ей становится все больше не по себе. Неустанная работа Гусеницы над Машиной Судного Дня требовала от Эрин постоянных движений: она то забиралась на стулья, то слезала с них, то ползла под вытянутыми в самых разных направлениях полками с электрическими цепями, то протискивалась в какие-то полости. В результате она ощущала себя совершенно взмыленной, словно пробежала марафон от пляжа до дома. От нее на милю разило потом. Эрин испытывала необоримое желание вымыться, а заодно выкурить индийскую сигаретку.

— Гусеница, мне нужен отдых!

— Тебе больно?

Эрин прислушалась к своим мышцам. Как ни странно, они не чувствовали усталости.

— Нет. Но мне нужно принять душ, а не то я грохнусь в обморок!

— Я бы тоже не прочь погрузиться во второсортные и все же освежающие воды вашего мира. Однако сначала надо приступить к его преобразованию в соответствии с европейскими стандартами. Вся наша цивилизация целиком и полностью в моей власти.

— Я-то не нанималась на эту работенку.

— А разве не ты на берегу моря протянула мне доверчивую руку межпланетной дружбы?

Эрин ответила не сразу.

— Ну, вообще-то типа того… Но это было до того, как я узнала о твоих черных замыслах.

— Неужели тебя волнует судьба Земли? Только не пытайся убедить меня в любви ко всему человечеству. Вспомни, что я обладаю доступом к твоей памяти. Не ты ли частенько желала этому миру провалиться в тартарары, чтобы тем самым покончить с твоими так называемыми страданиями?

— Я… я всего лишь хандрила! У меня и в мыслях не было причинять кому-то зло! Просто мне становится хреново, когда

разные придурки несут всякую околесицу! Как в дни войны в Персидском заливе, когда я была маленькой, — тогда все вокруг болтали, что задушили бы первого встречного араба собственными руками!

— Тем не менее тебя должно радовать, что жалкая загадка человеческого существования вот-вот будет разгадана.

Эрин попыталась телепортироваться в полицейский участок, однако из ее попытки ничего не вышло. Очевидно, подобная функция оставалась под контролем Гусеницы. Вместо этого она безвольно попятилась назад от инопланетной машины. Рукоятка игровой приставки была по-прежнему подсоединена проводами к хитроумному устройству. Пальцы Эрин заплясали по кнопкам управления, и по дисплею замелькали какие-то странные изображения.

— Дверь в Комнату Смеха!

Внутренности машины наполнились ослепительным сиянием, и в следующее мгновение раздался негромкий хлопок.

Появившееся из недр агрегата создание напоминало шаровую молнию или призрачный огонек болотного газа — искрящийся, рыхлый сгусток энергии, с той разницей, что в нем таились бесконечные глубины, заполненные вспененными, туманными образами. Эрин показалось, что она разглядела среди них что-то вроде мордочки Чеширского Кота, которая на миг растаяла, затем появилась снова, затем еще и еще, раз за разом. Эрин ощущала, как от существа исходят любопытство, радость и бьющая ключом энергия. Будто пытаясь привлечь к себе ее внимание, оно «заурчало». Звук этот явно был адресован подсознанию, тем не менее был доступен обычным органам чувств.

— Что… что это?

— Разумное существо, целиком состоящее из того, что ваши ученые недавно окрестили «странной энергией». Оно появилось непосредственно из субстрата самой вселенной, того, что находится ниже уровня Планка. Мы часто используем эти создания в роли помощников, поскольку они умеют манипулировать материей непосредственно на квантовом уровне.

Неожиданно в гостиной материализовалось второе существо — Эрин поймала себя на том, что мысленно называет их Влюбленными Котами. «Котик» не стал ожидать своего «собрата» и мгновенно юркнул сквозь стены дома, не причинив им ни малейшего вреда.

Затем Влюбленные Коты стали появляться один за другим, увеличиваясь в количестве с каждой секундой. Все они исчезали в самых разных направлениях. Лишь первый кот оставался на прежнем месте.

— Он служит чем-то вроде реле связи между машиной и остальной стаей, — объяснил Гусеница.

— Что же они будут делать?

— Я даю им разные задания. Во-первых, им предстоит увеличить альбедо — отражательную способность — шапок льда на ваших полюсах. Эго приведет к резкому похолоданию на Земле, поскольку все больше и больше солнечной энергии будет возвращаться в космос. Те, кого ты называешь Влюбленными Котами, займутся другими вещами, например, возьмут под свой контроль углерод. Ваш испорченный климат и без того балансирует на кончике иглы — достаточно легкого толчка, и он погрузится в мороз и стужу очередного Ледникового периода. Пройдет всего несколько лет, и земной шар будет полностью заморожен, превратится в новую Европу, станет новым местом обитания для моих соплеменников. По моим предположениям, ваша цивилизация погибнет примерно через шесть месяцев. Однако, как я уже говорил, некоторое количество землян переселятся в новый мир — если смогут перенять привычки и способности морских млекопитающих.

Эрин в душе ужаснулась — боже, какому кошмару она невольно стала пособницей! Даже антисанитарные условия труда или неодолимое желание курнуть чего-нибудь этакого блекли в сравнении с жуткой картиной будущего.

9. Перепады настроения

Все долгое утро до полудня из чрева Машины Судного Дня появлялись новые и новые невесомые Влюбленные Коты. Эрин не оставалось ничего другого, как в немом ужасе наблюдать за существами, намеренными заморозить Землю по безжалостному приказанию Гусеницы. Судя по всему, инопланетянин не нуждался в отдыхе. Он без устали продолжал надзирать над тем, чтобы врата в космическую преисподнюю, названную им Комнатой Смеха, работали бесперебойно.

Мысли Эрин неустанно крутились вокруг побега и спасения родной планеты. Как бы ей сбежать? Как спасти Землю? Может, новый Ледниковый период пощадит Англию, согреваемую теплым Гольфстримом, и минует дом обожаемого ею Роберта Смита, клон чьих волос теперь венчал ее неразумную голову? И наконец, чем эта грядущая планетарная катастрофа грозит ее девичьей интимной жизни?

Примерно в три часа дня раздался стук во входную дверь.

— Не открывай! — предупредила девушку Гусеница.

— Привет, Эрин! Это я, Элис! Почему тебя сегодня не было в школе?

— У нее есть ключ, — сообщила Эрин Гусенице.

Увы, ее подругу это уже не спасло.

— Ух ты, какой отпадный причесон! — ахнула Элис, переступая порог.

В следующий миг она бесследно растворилась в воздухе.

Через десять секунд раздался точно такой же стук в дверь, которая самым загадочным образом успела закрыться.

— Привет, Эрин! Почему тебя сегодня не было в школе?

Элис вошла в дом, произнесла ту же самую фразу — «Ух ты, какой отпадный причесон!» — и вновь исчезла.

Прошло еще десять секунд, и ситуация повторилась снова.

— Что ты сделал с Элис, ты, чудовище?

— Я превратил ее существование в короткую последовательность событий, после чего отсек от временного континуума. Теперь она подобна обручу, что вращается в ландшафте времени, то и дело выныривая на поверхность.

— Привет, Эрин! Это я, Элис! Почему тебя сегодня не было в школе? Ух ты, какой отпадный причесон!

— Эрин, привет! Это я, Элис! Почему тебя не было сегодня в школе? Ухты, какой отпадный причесон!

— Эрин!..

— Это просто ужасно! Ты должен отпустить ее! Смотри,

соседи могут заподозрить неладное, возьмут да и вызовут полицию!

— Ничего они не сделают. Они решат, что вы, девчонки, просто играете, дурачитесь, как это обычно водится с подростками. В любом случае изменения, произведенные Влюбленными Котами, станут необратимыми в течение ближайших нескольких часов. Вообще-то я настолько уверен в успехе нашего дела, что, пожалуй, воспользуюсь предложением намочить твою голову.

Управляемая Гусеницей, Эрин прошла мимо спящей матери в ванную. Здесь инопланетянин заставил ее раздеться. Под черным нарядом Эрин носила отделанную кружевами маечку и белые хлопковые трусики, на которых красовалось изображение Бадтц-Мару, загадочного пингвина, друга Хелло Китти. Глядя на зеркальное отражение мрачной птицы, Эрин подумала, что Бадтц-Мару сейчас заявит: «Наконец-таки вся Земля станет пригодной для пингвинов!»

Оставшись совершенно голой, Эрин была вынуждена разглядывать себя в огромное, в рост человека, зеркало, чего она обычно старательно избегала. Господи, почему у меня фигура не такая, как у Зены, королевы воинов?! Может, тогда удалось бы спасти Землю?..

Гусеница не стал задергивать занавеску душа, прежде чем открыть холодный кран. Поворот ручки, и из рассекателя на голову девушки хлестнули упругие струи ледяной воды. На короткий миг Эрин возникло ощущение, будто ее покрывает корка льда, однако затем она ощутила от холодного душа истинное удовольствие.

— Ах, если бы только в этой бледной жидкости было побольше серы! Вот тогда бы я точно почувствовал себя как дома!

Эрин решила до конца воспользоваться представившейся возможностью и хорошенько вымыться. На подвесной проволочной полочке стояло несколько пластмассовых флаконов: шампунь, оттеночный шампунь, кондиционер и с полдюжины других средств для ухода за волосами. Хотя Эрин терпеть не могла свои прежние волосы, она тщательно ухаживала за ними. Не имело смысла ходить с грязной головой, чтобы насолить матери. Она инстинктивно потянулась за флаконом, однако ее рука неожиданно повисла в воздухе.

— Что это такое?

— Всего лишь шампуни.

— А-а-а, моющие средства. У нас на Европе таких нет. Отлично. Продолжай.

Эрин намылила свои новые волосы пенистой, ароматной

жидкостью и принялась втирать ее в кожу головы.

Неожиданно ее охватило ощущение потери ориентации, и вдруг Гусеница запел:

— О, какое блаженство! О, как восхитительно! Какой божественный запах! Какая прелестная смесь! В моих жилах струится амброзия! Еще! Еще! Еще!

Подобно обезумевшему косметологу, Эрин «угостила» Гусеницу шестью разновидностями шампуня. Пение инопланетянина перешло в какую-то экстатическую тарабарщину.

Эрин эксперимента ради потянулась к крану и выключила воду. Этому никто не воспрепятствовал. Она свободно, не встречая никакого сопротивления, вылезла из ванны. Гусеница продолжал блаженно стонать и завывать. Схватив баллончик с муссом для волос, Эрин направила струю на жителя далекой Европы, запечатав токсичные химические вещества под слоем мгновенно схватывающейся пленки — именно так Гусеница хотел расправиться с Землей.

Посмотрев на себя в зеркало, Эрин увидела на одном уровне восприятия не слишком привлекательную картину: посиневшее от холода девичье тело, покрытое гусиной кожей, и торчащие дыбом волосы под коркой лака.

Однако на другом уровне на нее смотрело отражение самой Зены, королевы воинов.

Забалдевший Гусеница, порывшись в памяти Эрин, выхватил наугад обрывок песни из репертуара «Cure». Бесполым контральто инопланетянин снова и снова повторял одни и те же строки:

Покажи мне, покажи мне, покажи свой этот трюк!
Из-за которого кричу: «Она больна, и ей каюк!»
Ну а тебе я обещаю — вместе мы сбежим!

Эрин улыбнулась.

— Не беспокойся, мистер Морской Слизняк! Парочку трюков я тебе непременно покажу!

10. Был — и нет!

Влюбленный Кот номер один оказался при знакомстве не таким уж плохим парнем. Шаловливый и любопытный, беспринципный и сговорчивый, этот энергетический зверек, вызванный к жизни из искривлений пространства, хотел одного — порадовать любого, кто продемонстрировал бы дружеский жест, пригласив Влюбленных Котов подняться по ступенькам множественного мира в макромир.

Эрин потребовалось больше часа на то, чтобы установить действенную связь с Котом номер один. (Она до сих пор не была уверена в том, являлась ли вся эта орда однородной или состояла из многочисленных видов.) Гулкое рычание Гусеницы, несшего всякий вздор и пытавшегося по-прежнему воздействовать на ее слуховые рецепторы, ужасно действовало Эрин на нервы. Донимали и странные физические ощущения — зуд, скверный привкус во рту, головокружение. Однако, мысленно настраивая свой обретший новые таланты разум (Эрин представила себе эту операцию в виде установки полозков эквалайзера в кассетном магнитофоне), ей удалось понизить уровень шума и обрывочных команд инопланетянина, правда, не полностью. И на том спасибо, подумала она, ведь ей то и дело приходилось следить за инопланетянином, дабы убедиться, что тот по-прежнему пьян.

Исключительно благодаря своей настойчивости Эрин наконец преодолела языковой барьер и смогла установить информационный контакт с Влюбленным Котом номер один. Если быть точным, разумеется, не словесный контакт. В отличие от Гусеницы Влюбленный Кот, похоже, общался при помощи изображений, ощущений и гештальт-фрагментов. Беседа с ним напоминала попытки направить сновидение в желаемое русло. Однако после долгих минут отчаяния, пока Эрин убеждала себя собрать волю в кулак, потому что от нее зависела судьба всей Земли, она наконец почувствовала, что понимание достигнуто.

Сделав глубокий вдох, Эрин велела Коту номер один дать обратный ход климатическим изменениям, которые вызвал Гусеница.

Готово! — Эрин не то услышала/не то почувствовала/не то запомнила.

— Уф-ф! — с облегчением выдохнула она.

— Привет, Эрин! Это я, Элис! Почему тебя не было сегодня в школе? Ух ты, какой отпадный причесон.

— Привет, Эрин! Это я, Элис! Почему тебя не было сегодня в школе? Ух ты, какой отпадный причесон!

— Привет, Эрин!..

Появляясь со строгой регулярностью, то возникая в поле зрения, то исчезая из него подобно рвущейся киноленте, Элис чем-то напоминала назойливо жужжащее насекомое. Она ужасно отвлекала, мешая Эрин сосредоточиться на спасении неблагодарного и невежественного, но такого уникального человечества. Тем не менее подругу тоже надо срочно спасать, решила Эрин.

Распутывая «ментальными пальцами» непривычный многомерный узел — она обнаружила его по ту сторону входной двери, — Эрин сумела-таки высвободить запутанную линию жизни Элис.

— Эрин! Где твоя одежда?!

Одежда? Да разве сейчас до одежды? Неужели Зена бросила бы поле боя, оторвись у нее бретелька от лифчика?

— Я тебе позже объясню!

Эрин неожиданно ощутила присутствие в комнате третьего человека. Она бросилась к матери, дотронулась до ее плеча и пробудила от сна.

Миссис Меркин посмотрела на потолок. Похоже, се разум все еще отставал по скорости восприятия от органов зрения.

— Как я здесь оказалась?

— Давай поговорим об этом потом! А пока я займусь волосами, чтобы они не досаждали мне в будущем!

Эрин передала Коту номер один, который в эти минуты был занят тем, что поглощал своих собратьев, мысленный образ мягкого теплого одеяла.

— Защити меня! — взмолилась она, переносясь в космос на расстояние 480 миллионов миль от родного дома.

11. Круто, круто, круто!!!

Свет Юпитера отражался в сережке в ноздре Эрин словно пламя свечи в елочной игрушке. Помещенная в кокон мерцающего нимба — Влюбленный Кот почтительно держался у нее за спиной, — обнаженная девушка разглядывала Европу, заснеженную родину агрессивных гусениц.

На ее голове все еще восседал инопланетянин, законсервированный слоем мусса для волос и опьяненный шампунем-бальзамом. Кажется, до него постепенно начинало доходить, где он.

— Где… где мы? Дома?.. Но как?..

— Заткнись! Хочу убедиться, что вы больше никогда не осмелитесь покушаться на наш мир!

— Только не это! Что ты задумала?!

— Увидишь!

Эрин почувствовала, что Гусеница лихорадочно пытается снова завладеть ее разумом. Однако сейчас ей хватило сил помешать этому, ведь инопланетянин еще не успел толком прийти в себя и потому был вынужден ограничиться уговорами.

— Прошу тебя! Побывай в моем мире! Ты все поймешь! Мы не заслужили уготованной нам участи!

— Хорошо! Только не вздумай шутить со мной!

Эрин вновь оказалась под исполинской толщей льда Европы. Глаза ее постепенно привыкли к тусклому свету. Пред ней предстал тот самый водный мир, который она видела в «фильме» Гусеницы.

В считанные минуты, восседая каждый на своем скакуне, ее окружили сородичи Гусеницы. Они не обращались к ней напрямую, однако она физически ощущала их тяжелое и униженное поражение. Они показались Эрин даже более жалкими, чем горстка нашкодивших школьников.

— Черт побери! Что за кучка убогих!.. Ну хорошо, ты убедил меня! Можешь идти к своим дружкам!

Эрин физически — своими руками — сняла Гусеницу с головы — черт, ну и колются же эти ножки! — и опустила в родное море. Вода тут же растворила галлюциногенный шампунь с тельца Гусеницы, и в тот момент, когда между пей и Гусеницей уже почти оборвалась связь, девушка услышала ставший привычным голос инопланетянина: «Мы вернемся! И если с тобой не будет Влюбленных Котов!..»

Эрин улыбнулась:

— Верно.

Затем она вновь вынырнула в космосе рядом с Европой, где благодаря любезной помощи Влюбленного Кота столкнула спутник с орбиты с той же легкостью, с какой отец когда-то качал ее на качелях.

Титанический всплеск, который луна произвела в атмосфере Юпитера — это эпохальное событие успел сфотографировать перепуганный, но сообразительный астроном, сидевший за пультом управления Хаббловского телескопа, — впоследствии стал самым коммерчески успешным плакатом последующих пяти десятилетий.

12. Подобно раю небесному

Крашеные каштановые волосы роскошной волной ниспадали Эрин на плечи, обтянутые новой курткой из черной кожи. В восемь часов прекрасного летнего вечера они вместе с Элис стояли в бесконечной змеящейся очереди перед входом в общественный центр их родного городка. Девушки с трудом сдерживали бьющую ключом радость. Затягиваясь все теми же индийскими сигаретками, приплясывая от нетерпения и почти одновременно растягивая губы в широкой улыбке, они медленно продвигались к входу вместе с другими счастливчиками, обладателями входных билетов. Чтобы скоротать время, подруги обсуждали вероятные списки песен нынешнего репертуара.

— «В ту пятницу, когда я влюблен»!

— «Время Венди»!

— «Твои фотографии»!

— «Рядом со мной»!

Оказавшись в зале, девушки бросились к своим местам в середине переднего ряда. Даже звукотехники в замызганных комбинезонах, что буквально в паре шагов от них расставляли по сцене аппаратуру, были в их глазах великими жрецами экзотического заморского культа.

— О Эрин! Это совсем как сон, который сбылся и стал явью! Помнишь, нынешней зимой, когда у тебя было хреновое настроение, ты разнесла к чертям всю вашу бытовую технику, рвала на себе волосы и как лунатик расхаживала голая до тех пор, пока тебе не полетало? Кто бы мог подумать, что всего через несколько месяцев мы будем сидеть в этом зале? А все потому, что даже если вокруг все хреново и никуда от этого не деться, непременно случится что-то такое, что вернет тебя к жизни!

— Правильно ты говоришь, Элис!

Свет в зале погас, и начался концерт.

— Как ты думаешь, — прошептала Элис, — нам удастся забраться на сцену? Вот было бы классно!

— Не могу сказать, — ответила Эрин, поскольку действительно не могла.

Каких уловок ей стоило заманить «Cure» на гастроли в их город и получить билеты на концерт! Самым простым делом было проникнуть в офис звукозаписывающей компании и нахимичить в их компьютерах. Но в какой-то момент Эрин почувствовала, что смертельно устала от подобных трюков.

Если сегодня вечером на глазах у нескольких тысяч восхищенных поклонников Эрин и в самом деле пригласили бы

подняться на сцену и встать рядом с самой любимой группой, это произошло бы исключительно по-честному.

«Doing The Unstuck». Перевод А. Бушуева

МАТЕМАТИКА МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ

Рассказы о рассеянных или сварливых святых составляют в литературе жанра фэнтези целый канон, пусть и не столь значительный. Этой теме отдали дань многие писатели от Анатоля Франса до Джеймса Бранча Кэмпбелла. Мой вклад в тему связан с детским опытом, когда меня пытались воспитать в духе постулатов римско-католической церкви.

Этот рассказ был впервые напечатан в Англии, в антологии, подготовленной Майком Эшли. Надо сказать, что в Англии, где проживает сей уважаемый мною джентльмен, название этой науки «mathematics» в отличие от нас, американцев, обычно сокращают до «maths». Мы долго обсуждали название рассказа и пришли к выводу, что «maths» в отличие от нашего американского «math» разрушает ассоциации со словом «death». Так что пусть британские читатели простят меня за то, что мой рассказ все же появился под своим оригинальным названием.

Выражаю искреннюю благодарность Руди Рюкеру за разъяснение некоторых более серьезных математических понятий, которые встречаются в этом тексте.

Лукас Летьюлип испытывал искреннюю жалость к религиозным физикам и мистически настроенным биологам, равно как к набожным геологам и к благочестивым химикам из числа своих знакомых. Будучи математиком, Лукас уже далеко не юношей неожиданно и пылко припал к лону католической

церкви, сделавшись ревностным католиком. Он испытывал невероятную печаль, размышляя о незавидном положении коллег, пытавшихся примирить религиозные догмы с научными убеждениями. Сотворение Мира против Большого Взрыва, Эдемский сад против дарвинизма, Всемирный потоп против закона движения тектонических плит. Какое все-таки мучительно сложное для разума столкновение диаметрально противоположных ценностей, образов, приоритетов и сил приходится ежедневно преодолевать этим отважным мужчинам и женщинам! Мысленно охватить строгий космос Эйнштейна, Хокинга и Уилсона, не выбрасывая из головы витиеватых речений Блаженного Августина, Магомета или, допустим, Кришны, — невероятная задача, на решение которой можно потратить бесценной ментальной энергии не меньше, чем на формулировку теорем.

Своим уникальным душевным равновесием и соответственно работоспособностью Лукас был обязан исключительно тому факту, что избрал стезю науки еще в юном возрасте. Когда его постигло чудесное обращение в веру — это произошло прохладным осенним днем; Лукас задумчиво прогуливался по университетскому городку и узрел голубицу, усевшуюся на церковный шпиль, — молодой человек не испытал никакого душевного разлада. Новообретенная вера никоим образом не вступила в противоречие с его практической деятельностью математика-теоретика или научными амбициями.

А занимался Лукас красотой самого абстрактного рода математики. Она была абсолютно лишена практического подтекста, не имела отношения к устройству вселенной и потому не давала даже потенциального повода к конфликту с дарованной ему Церковью мудростью. Другие, менее утонченные научные дисциплины, конечно же, использовали математику для реализации и разъяснения своих открытий, до известной степени оскверняя тем самым славное наследие Пифагора и Евклида. Например, Лукас не стал бы отрицать знаменитое высказывание о том, что простенькое уравнение подкрепляется бескомпромиссной реальностью атомной бомбы. Однако признать это сродни утверждению о том, что из тех же славных слов, что вышли из-под пера, скажем, Клайва С. Льюиса, можно составить инструкцию по сборке садовых качелей.

Осчастливленный божественным осмыслением своей учебной дисциплины, Лукас получал огромное удовольствие от легкости вероисповедания, которую не могли — он был в этом стопроцентно уверен — испытывать другие ученые. Ежедневно с чистой совестью и безмятежной душой он посещал мессу. В

церкви своего прихода, расположенной неподалеку от места его работы — прихожанами были главным образом иммигранты испанского происхождения, с которыми Лукас обменялся едва ли парой слов, — ему удавалось испытывать непринужденные и ничем не запятнанные отношения с Богом, которого он в душе считал Верховным Математиком.

Лукас Летьюлип с искренним сочувствием относился к своим коллегам. Он ежедневно молился о том, чтобы когда-нибудь им посчастливилось постичь неограниченную славу математики.

— Боже милостивый, прошу тебя, позволь моим насмешникам-коллегам узреть трансцендентальную славу Твоего наивысшего математического Святого Духа!..

Правда, несмотря на глубокую веру, на самом деле Лукас не ожидал, что в один прекрасный день Всевышний его услышит и отзовется на мольбу.

* * *

По какой-то Своей Собственной необъяснимой причине именно в некий иллюзорный миг вечного Данного Момента, полностью занимающего Небеса от одного безграничного края до другого, Господь Бог решил явить себя миру в облике секвойи, притом самой большой из всех, которые когда — либо росли на нашей грешной земле. Крона исполинского древа, олицетворявшая неподдающийся описанию Лик Творца, терялась где-то высоко в небесах — или даже галактиках? — и ее никак не могли лицезреть две крохотные человеческие фигурки, что стояли у узловатого основания, уходящего корнями… нет, не в почву! — а в саму суть божественного гиперсуществования.

Несмотря на неподдающееся измерению расстояние, отделявшее эти две человеческие фигурки и незримую листву Бога-дерева — с Кроны которого, как с Неопалимой Купины, и должен был донестись божий Глас, — слова Творца Всего Сущего четко доносились до мужчины и женщины, стоявших у подножия Дерева.

— Должен ли я отправить вас обоих в Дома ваши или же вы немедленно прекратите спор?

Темноглазая женщина продолжала сердито смотреть на мужчину, отвечавшего ей столь же неприязненным взглядом пронзительно-голубых глаз. Их неприязнь казалась твердой как камень до тех пор, пока земля угрожающе не качнулась под их босыми ногами — недвусмысленный намек на то, что Господь ими недоволен. Лишь тогда напряжение и гнев исчезли из поз

мужчины и женщины, и они слегка отодвинулись друг от друга, сделав вид, что поправляют белые одежды или рассматривают неизменный ковер первичной материи, на котором стояли.

— Так-то лучше, — похвалил Господь. — Вот теперь вы ведете себя как истинные святые угодники.

Молодая женщина встряхнула черными волнистыми волосами и улыбнулась, отчего лицо ее с грубоватыми чертами типичной представительницы средиземноморской расы приняло несколько встревоженное выражение. Длинное бархатное одеяние не могло скрыть ее довольно привлекательную фигуру.

— Некоторые из нас до сих пор не могут забыть об унижениях, которым подвергались в земной жизни. А вот те, кто помыкал крестьянами там, на Земле, после канонизации, похоже, сделались еще более высокомерными.

Глаза мужчины — по возрасту он был старше женщины — под кустистыми бровями угрожающе вспыхнули. Великолепная, почти ассирийская бородка дернулась как живая.

— Ты, упрямая дщерь Евы! Непослушная своему смертному отцу при жизни, ты продолжаешь непочтительно вести себя по отношению к Отцу Вечному и после смерти!

— Диоскур, мой земной отец — напоминаю тебе на случай, если ты забыл об этом, Губерт, — был презренным язычником, который обезглавил свою набожную христианку-дочь! Как же я могу почитать такого отца?!

— Ты намеренно искажаешь смысл моих слов, Варвара! Я просто хочу доказать надлежащую связь между повелением и послушанием…

— Потому что ты происходишь из рода королей Тулузы! И потому что когда-то был епископом!

— И что? Я горжусь тем, что был епископом Маастрихтским и Льежским!

— Конечно, какой важный пункт биографии!.. Но ведь ты когда-то был еще и женат, не забывай об этом!

Святой Губерт нервно закашлялся.

— В мое время Церковь иначе смотрела на такие вещи…

Святая Варвара с победным видом сложила на груди руки.

— А я все еще девственна. Я девственница и мученица!

— А меня учил сам святой Ламберт! — возразил ей святой Губерт, не в силах подавить в себе гордыню.

— А я постигала премудрость у колен самого Оригена! — фыркнула Варвара.

— Мне было видение — крест между рогов оленя, за которым я охотился!

— Я божественным образом перенеслась из темницы на

вершину горы!

— Будучи епископом, я обратил в истинную веру всю Бельгию!

— Я была в числе четырнадцати святых угодников! Наверное, и ты мне когда-то молился!

— Ты… ты… заносчивая соплячка!

— Кто, я? Я?! Да я родилась за четыре сотни лет до тебя!

— А где доказательства? Ни одного документального свидетельства твоего истинного существования! Да ты обычный миф!

— Миф?! Ты, старый похотливый козел, я тебе покажу, как пахнут носки *мифической* святой угодницы!..

— ДОВОЛЬНО!

Грохочущий голос Господа Бога заставил святых застыть на месте. Пристыженные, они стали смиренно внимать Его речам.

— Послушайте, Я вызвал вас предстать пред Ликом Моим, чтобы вы выполнили Мое новое повеление. Хотя, с другой стороны, ты, Варвара, снова проявляешь назойливость. Зачем ты требуешь Моего Внимания?

Варвара обиженно засопела носом, как разозленный подросток.

— Это несправедливо. Мы с ним оба покровители математиков, а Вы всегда даете лучшие задания ему. Простите меня, Отец Небесный, но выходит, что даже Небо допускает дискриминацию в отношении нас, дочерей божьих.

Ствол секвойи нервически вздрогнул.

— Прошу тебя, святая Варвара, не поднимай больше этот щекотливый вопрос. Я целое земное столетие потратил на то, чтобы отыскать способ устранить сей явный перевес мужчин в лоне Моей Церкви, и потому не желаю, чтобы Дела Мои подверглись поспешным обвинениям. Одних только воплощений Девы Марии сколько я благословил за нынешний год?.. Но с чего это Я пытаюсь тебя ублажить? Мне незачем оправдывать Дела Мои — это одна из Моих любимых привилегий. Поведайте же Мне теперь, какие у вас имеются возражения по поводу вашего последнего задания?

Святая Варвара положила руки себе на бедра.

— Я несколько лет наблюдаю за этим человеком. Меня уже мутит от одного его вида. Мне нужно что-то новенькое.

Господь Бог немного помедлил, как будто сверялся с записями.

— Хм, некий Руди Рюкер… Да, ты проделала достойную восхищения работу по его перевоспитанию. Сейчас он действительно ступил на стезю добродетели. И все-таки, надеюсь,

ты не будешь против поработать с ним еще немного, пока в 2012 году он не станет лауреатом Нобелевской премии?

— Нет, буду. Когда я в последний раз навестила этого типа, он ущипнул меня за зад так крепко, что у меня несколько дней не сходил синяк!

— Девственница, тоже мне! — пробормотал себе под нос Губерт.

— Ладно, — согласился Господь, — передам-ка Я его под опеку святого Франциска Сальского, покровительствующего литераторам, поскольку Нобелевская премия будет присвоена Рюкеру именно за… Так ты утверждаешь, что новое задание Губерта следует передать тебе?

Святую Варвару слегка смутила та легкость, с которой она добилась желаемого, и она не осмелилась просить чего-то большего.

— Если выражаться точно, то не то чтобы передать. Может, мы с ним занялись бы этим заданием вместе?

Святой Губерт едва не сорвался на крик.

— Совместно выполнять задание?! С этой юной нахалкой? Как ее вообще угораздило стать покровительницей математиков?

— Я обладаю не меньшими математическими способностями, чем ты, Губерт.

— Ты сделала заказ лишь на одно жалкое окно башни в качестве покровительницы зодчества и считаешь, что этого достаточно? В мои дни…

— УГОМОНИТЕСЬ! — потребовал Господь Бог. — Я принял решение. Вы оба откликнитесь на мольбу Моего преданного служителя но имени… э-э… Лукас Летьюлип. Ступайте и явите ему Мою непостижимую Сущность.

В следующее мгновение секвойя исчезла, оставив двух святых смотреть друг другу прямо в глаза.

Губерт устало вздохнул.

— Воля Твоя да будет выполнена. Не взять ли нам колесницу, запряженную херувимами?

— Если ты устал, пожалуйста. Хотя в столь прекрасный день я предпочла бы пройтись пешком.

С этими словами святая Варвара зашагала по Райским Кущам. Святой Губерт мужественно последовал за нею.

— Ну почему я не пронзил стрелой того треклятого священного оленя, когда мне подвернулась такая возможность…

Писки Виспеуэй отличалась немалым весом — стрелка весов зашкаливала за сто килограммов. Старые семейные фотографии (снятые в идиллические дни в Пискатэвэе, штат Нью-Джерси)

засвидетельствовали первые дни ее существования в образе миловидного младенца с ангельским личиком, который наверняка вызывал многочисленные улыбки со стороны умиленных родителей, когда у них спрашивали имя этого славного ребенка.

К сожалению, имя, которым родителей угораздило ее наградить, менее всего подходило пышным телесам деканши факультета астрономии университета, в коем трудился Лукас Летьюлип. И все же Писки была настолько добросердечной особой — она уже свыклась со своей печальной участью служить объектом насмешек всего университетского кампуса, — что и бровью не вела, когда-то кто-то спрашивал ее имя. Наоборот, она настойчиво заявляла даже случайным знакомым: «Прошу звать меня Писки!» С непокорными темно-рыжими локонами, которыми Писки чрезмерно гордилась, одетую в одно из бесчисленных просторных цветастых платьев и увешанную несколькими ярдами ожерелий, ее можно было часто увидеть на четырехугольной площади кампуса. Писки величаво проплывала мимо студентов и коллег, напоминая массивный галеон, загруженный под самую завязку экзотическими грузами с Дальнего Востока.

Сегодня Писки приплыла в кабинет Лукаса и поймала его прямо за рабочим столом. Широкая улыбка осветила круглое лицо, превратив глаза в практически неразличимые щелочки.

— Ты ведь сегодня придешь на вечеринку, Лукас? Ее устраивают в честь нашего нового преподавателя, доктора Гарнетта.

В качестве коллеги, с которым соприкасаешься не слишком часто, Писки вполне устраивала Лукаса. Она была неглупой и приветливой особой. Однако его ужасно раздражали визиты Писки к нему в кабинет, зачастую даже по совершенно ничтожным поводам. Лукас подозревал, что за ними скрывался некий романтический подтекст, чувства, на которые он не считал себя вправе отвечать взаимностью. Более того, Писки своими пышными формами настолько заполняла крошечный кабинет, что Лукасу начинало казаться, будто он вот-вот задохнется от нехватки воздуха, особенно если оказывался в ловушке за письменным столом вдали от окна. Не обладая особо крупным телосложением, Лукас был просто не в состоянии бороться за господство в окружающем пространстве со столь корпулентной особой.

Лукас, который не мог дождаться, когда Писки освободит его кабинет, тем не менее почувствовал себя обязанным поддержать разговор и задал вопрос:

— На вечеринке будет Халм?

— А как же! Почему бы Оуэну там не быть? Он ведь наш старший преподаватель!

— Ну, тогда даже не знаю, пойду ли я. Ты ведь в курсе, что мы с ним не ладим…

Взмахом пухлой руки с многочисленными кольцами на пальцах Писки мгновенно отмела возражения Лукаса.

— Нужно просто не обращать на него внимания. Так поступают все наши. Он вечно всех задирает, ты же знаешь! «Блистательный, но задиристый» — характеристика журнала «Нью сайентист».

Лукас беспокойно поерзал на стуле, чувствуя, что ему снова не хватает воздуха. Неужели Писки на самом деле поглощает весь кислород в комнате?

— Я в курсе его личных недостатков, Писки, и с удовольствием не замечал бы колкостей Халма, если бы они не касались моей веры. Я весьма болезненно воспринимаю эту тему и тут уж обидчикам спуску не даю. Он ведь унижает не только меня, как ты понимаешь, но и два тысячелетия существования святых — мужчин и женщин.

Писки исполинских размером бедром опустилась на край стола, не заметив при этом, что Лукас инстинктивно подался назад. Колесики на ножках его кресла врезались в стену, и он был вынужден прекратить дальнейшее сопротивление. Писки же, дабы придать дополнительную интимность своей просьбе, подалась к нему еще ближе.

— Нам нужно твое стимулирующее присутствие, Лукас. Обещаю тебе: если Оуэн перейдет границы хороших манер, я лично вмешаюсь. Ну пожалуйста, дай слово, что придешь!

— Да-да, конечно. Я приду.

Писки вскочила на ноги с поразительной для ее тоннажа грацией и изяществом и направилась к двери.

— Тогда до встречи в «Краутер лаундж»!

После ее ухода Лукас обратил взор на распятие, висевшее на противоположной стороне комнаты. Он попытался произнести коротенькую благодарственную молитву, однако мысли его отвлеклись на раздувшуюся грудную клетку несчастного Иисуса Христа.

Интересно, когда Писки в последний раз видела собственные ребра?

Лукас поймал себя на том, что вопрос этот не дает ему покоя.

«Краутер лаундж» предлагал посетителям обычный джентльменский набор непрезентабельных кресел и диванчиков с потертыми подлокотниками; заляпанные тощие подушки, из

которых вывалилась поролоновая начинка, формой напоминали дефективные гемоглобиновые клетки несчастных страдальцев от белокровия, а ковер совсем облысел от бесчисленных ног посетителей. На складном столике с пластиковым верхом на пластиковых же серебристых подносах выстроились тарелки с печеньем и сыром. Налитое в графины вино играло сюрреалистическими оттенками и будто просило поскорее разлить его по пластиковым стаканчикам, пригубить, а затем тайком вылить в цветочные горшки с чахлыми комнатными растениями, расставленными по всему помещению.

Лукас появился в зале, когда вечеринка была уже в полном разгаре. Преподавательский состав факультета астрономии, численно дополненный добровольцами с родственных университетских кафедр, деловито налегал на закуски, прохладительные напитки и прославленного доктора Феррона Грейнджера Гарнетта, последнюю звезду науки, недавно пополнившую ряды профессорско-преподавательского состава. Гарнетт удостоился дозированного внимания медийных корпораций, приняв участие в цикле телепередач «Когда хорошим разумным существам достается плохая вселенная», которую транслировали по каналам Би-би-си и Пи-би-эс. Лукаса привело в смятение то, что там в одну кучу были свалены и популярная психология, и космология, и мелкотравчатая философия, и физика. Как и следовало ожидать, передачи эти имели колоссальный успех.

Заметив Лукаса, Писки помахала ему рукой. Безнадежно вздохнув, он принялся протискиваться сквозь толпу навстречу своей дородной знакомой.

— О Лукас, ты непременно должен познакомиться с доктором Гарнеттом! Позволь, я представлю вас друг другу!

Писки схватила его за локоть и принялась прокладывать путь через живое кольцо, окружившее суперзвезду астрономии. Оказавшись внутри этого кольца, Лукас с ужасом понял, что его немезида, Оуэн Халм, стоит прямо по правую руку от Гарнетта. Он ужаснулся еще сильнее, когда понял, что справа от Гарнетта на фамильярно близком расстоянии стоит Бритта, блистательная агрессивная тигрица, она же супруга его заклятого врага.

На какой-то краткий миг, прежде чем окружающие заметили Писки и ее несчастную жертву, Лукас успел составить собственное мнение о представшем его взгляду трио. Коренастый и похожий на бульдога Оуэн Халм компенсировал лысую, как обезьянья задница, голову темной густой бородой. Его жена Бритта, худая и разбитная на вид, была выше мужа на добрых шесть дюймов. Половине своей привлекательности она была

обязана превосходной короне высоко начесанных белокурых волос. Лукас никак не мог избавиться от мысли, что эта парочка напоминает карикатурных персонажей из комикса «Тинтин». (Лукас не раз исповедовался в грехе жестокосердия, однако неизменно впадал в него, когда эта парочка попадалась ему на глаза.) Феррон Грейнджер Гарнетт, с другой стороны, с грубовато мужественной внешностью Берта Ланкастера или Спенсера Трейси, производил такое впечатление, будто его специально заказали в Центральном агентстве по найму актеров на роль отважного астронома.

— Доктор Гарнетт, — с энтузиазмом произнесла Писки, — познакомьтесь с моим замечательным коллегой Лукасом Летьюлипом. Лукас заведует кафедрой на математическом факультете. Он главный претендент на филдсовскую медаль, если, конечно, нам и нашему университету когда-нибудь так крупно повезет.

Смущенный столь лестной похвалой, Лукас протянул новому знакомому руку, причем столь стремительно, что чуть не выбил у Гарнетта бокал. Не сразу, но ему все-таки удалось успокоиться, и он попытался умалить собственные достижения на научной стезе:

— Едва ли это соответствует истине. У меня всего несколько скромных работ по многомерному пространству в паре-тройке журналов.

— Если память меня не подводит, где-то в сносках к какой-то статье мне попадалось название одной вашей работы, — с известной долей доброжелательности произнес Гарнетт. — Не в работе ли Типлера?

Увы, привычный в научной среде комплимент по поводу цитируемости не сумел порадовать математика. Лукасу меньше всего хотелось, чтобы его детище нашло практическое применение в заумных теориях какого-нибудь шарлатана от астрономии. Тем не менее он прикусил язык и принял дежурную лесть в свой адрес как должное.

Краснолицый Оуэн Халм в ходе этого обмена любезностями продолжал сверлить Лукаса неприязненным взглядом.

— Лукас — наш доморощенный мистик, — заявил он, отставляя в сторону бокал с вином. — Можно сказать, настоящий святой. Он утверждает, будто числа исходят непосредственно от Бога или что-то в этом роде. Или вы получаете аксиомы от Папы Римского?

Лукас почувствовал, как от одного только вида Халма в груди у него закипает ярость, готовая в любое мгновение привести к взрыву. Ему стоило неимоверных усилий взять себя в руки.

— Слова мистера Халма скрывают, как обычно, семя истины,

таящееся под оболочкой преувеличения. Моя личная вера, сосредоточенная в земном воплощении Бога, известном под именем понтифика, лишь усиливает мое уважение к избранной мною мирской профессии. Да, я готов признать, что заявил однажды, будто математика есть не что иное, как доказательство божественного сотворения мира. Думаю, в лучшем из всех возможных миров мы все ощутили бы эту совместную деятельность нашей работы и наших религиозных побуждений.

В разговор вступила Бритта Халм:

— Мой парикмахер, Саймон, приобщился к ритуалам Сантерии. Он уверяет, что, когда намыливает шампунем голову клиентам, им движет богиня моря, Йомама, или как там ее зовут.

— Говорят, каждая религия обладает своей долей мудрости, верно? — Гарнетт попытался сгладить ставшее почти зримым напряжение легким смешком и банальной фразой.

Слова его побудили Лукаса дать волю накопившемуся раздражению:

— Подобная бесхребетная болтовня неизбежно выливается в наихудшую разновидность языческой бессмыслицы. Колдуньи, астрологи и друиды!

— Говори-говори, Летьюлип! — заметил Халм. — Твои верования граничат с Каббалой!

— Каббала?! Да я никогда…

Пришел черед Писки вмешаться в разговор:

— Лукас, я уверена, что Оуэн никоим образом не хотел критиковать твои убеждения или унижать иудейскую религию!.. Слушай, ты даже ничего не выпил! Пойдем со мной, я налью тебе вина!

Лукас позволил увести себя за пределы живого кольца.

— А ваш Папа Римский в последнее время не сжигал никого из астрономов? — на прощание не удержался Халм от шпильки.

Обернувшись, чтобы дать нахалу хорошую отповедь — что-нибудь насчет высказываний Иоанна Павла Второго в покаянии по поводу грядущего тысячелетия, — Лукас понял, что ничего не выйдет. Энергично потащив его за собой, Писки лишила приятеля такой возможности.

Возле буфета с напитками и закусками Писки извинилась перед ним — искренне и многоречиво, но шепотом. Немного успокоившись, Лукас принял ее извинения, однако настоял на своем немедленном уходе.

На улице он отцепил свою «веспу» от металлической стойки, затем надел на голову шлем. Не имея возможности приобрести машину и одновременно каждый месяц тратить уйму денег на гараж, Лукас остановил свой выбор на мотороллере, посчитав его

идеальным средством для ежедневных коротких поездок. К этому решению его подвигло наличие огромного количества мотороллеров на улицах Рима, которые он увидел в дни своего паломничества в Ватикан.

На полпути к дому Лукас заехал в церковь. Отец Мигель Обиспо, наполнявший купель святой водой, ласково поприветствовал прихожанина. Погруженный в свои мысли, Лукас довольно невежливо ответил ему коротким кивком, прошел к ограждению исповедальни неподалеку от алтаря, опустился на колени и принялся истово возносить молитву, требуя от Господа Бога покарать неверующих.

На полпути от Небес к Земле святой Губерт обернулся к святой Варваре и сказал:

— Какой настойчивый малый! Неужели он не знает, что мы уже откликнулись на его зов?

— Ты попросил Птаху возвестить о нашем появлении?

— Нет, с какой стати? Я думал, ты сама это сделала!

— Жалкий склеротик! — взъярилась святая Варвара.

— А ты малолетняя потаскушка!

Оставшуюся часть пути святые проделали в гробовом молчании.

На следующее утро после ужасной вечеринки на астрономическом факультете Лукас Летьюлип проснулся под звон будильника, чувствуя себя очистившимся от грехов. Вчерашнее обращение к молитве в значительной степени успокоило его душу. Он уже забыл, когда в последний раз рано поутру чувствовал себя столь крепким и бодрым как физически, так и морально. Ему даже казалось, будто во время сна на него снизошла благодать. Лежа в постели, Лукас разглядывал знакомый потолок и на всякий случай похлопал себя поверх покрывала. Тактильные ощущения, похоже, соответствовали норме обычного земного существования — никакого трубного гласа не прозвучало. Отчего математик решил, что пора приступать к повседневным делам.

Посетив ванную комнату, Лукас, на ходу завязывая пояс банного халата, направился в кухню. С удивлением для себя он отметил, что оттуда доносится запах свежезаваренного кофе. Неужели, прежде чем завалиться в постель, он забыл выключить автоматическую кофеварку? А что это за странное свечение исходит из той же кухни? Неужели он еще и верхний свет оставил включенным? Как правило, Лукас внимательно относился к подобным вещам.

За маленьким кухонным столиком сидели пожилой

бородатый мужчина ворчливого вида и юная женщина, довольно живая и энергичная. И он, и она Лукасу были совершенно незнакомы. На обоих незваных гостях были просторные шелковые одеяния цвета слоновой кости, оба сидели босые. Незнакомцы держали в руках чашки с дымящимся кофе и с видимым удовольствием, если даже не с легкой жадностью, вдыхали аромат бодрящего напитка. Над головой у обоих сиял нимб, свет которого легко мог бы заменить собой несколько тысяч зажженных свечей.

— Составишь нам компанию, Лукас? — любезно спросила женщина.

— Присаживайся! — предложил мужчина.

Подобно безропотному зомби, Лукас послушно сел.

Бородач налил ему кофе, а женщина поинтересовалась:

— Сахар? Сливки?

— Не-е-ет, благодарю… — промямлил Лукас.

Незнакомка поднесла чашку к губам и с видимым наслаждением сделала глоток.

— О, восхитительно! — произнесла она, опуская чашку на стол. — Стыд и позор, что в Раю нет кофе.

Бородатый мужчина последовал ее примеру.

— К сожалению, это напиток, припасенный для Земли и Ада, — возразил он.

— Кто… кто вы такие?

— Прости нас! — извинилась женщина. — Позволь мне как подобает представиться. Я святая Варвара, а это мой друг — святой Губерт. Мы явились в ответ на твою мольбу. Мы святые покровители математики. Столь высокообразованному верующему это должно быть хорошо известно.

Ужас и благоговейное почтение, которые поначалу испытывал Лукас, постепенно начали уступать место естественной подозрительности и паранойе с легкой примесью злости.

— Значит, святые? — Лукас приподнялся со стула и поочередно просунул руку между нимбами и головами незваных гостей. — Превосходный эффект, однако обыкновенной голограммой меня не купить. Кто же прислал вас разыграть со мной подлую шутку? Оуэн Халм? Конечно, он, кому же еще мог прийти в голову такой кощунственный розыгрыш?

Мужчину, которого представили как святого Губерта, явно задела последняя фраза Лукаса.

— Нам ничего не известно ни о каком Халме. Мы выполняем непосредственную волю Господа Бога. Насколько мне помнится, ты просил представить насмешникам-коллегам свидетельство

трансцендентальной мощи и величия высшего математического Святого Духа.

Услышанное вызвало у Лукаса сильное смущение.

— Откуда вам известно о моих молитвах?

— Губерт объяснил тебе это достаточно четко! — выразила нетерпение святая Варвара. — Бог услышал твои молитвы и поручил нам исполнить их.

Лукас спрятал лицо в ладонях.

— Не знаю, как поверить… Может, все-таки приглушите немного свечение ваших нимбов? У меня от них просто голова раскалывается.

— Извини.

— Конечно, нет проблем.

Свечение стало не таким резким, и Лукас снова посмотрел на своих собеседников.

— Губерт… Губерт… что-то не помню, чтобы где-то читал о святом Губерте. Вот про святую Варвару помню. Трагическая история… Ваш отец, кажется, отрубил вам голову?

Святая Варвара самодовольно ухмыльнулась, глядя на своего партнера.

— Верно. А потом взял ее в руки, чтобы показать окружающим, вот так.

Взяв себя за густые волосы, Варвара подняла свою улыбающуюся голову над обрубком шеи. Из разверстой раны потоком хлынула кровь, забрызгав колени хозяину дома.

Голова Лукаса, все еще покоящаяся на плечах, в ужасе дернулась назад, больно ударившись о стену. Мгновенно лишившись чувств, ученый рухнул на пол.

— Кого я всем своим нутром терпеть не могу, — проворчал Губерт, — так это мнимых мучеников.

Отделенная от туловища голова Варвары представляла не слишком приятное зрелище даже для Губерта.

— Может быть, и мнимых. Зато убедительных, это уж точно.

Когда Лукас пробудился во второй раз за утро, он почувствовал себя скорее скверно, чем восторженно. Голова невыносимо болела, и открывать глаза ему совсем не хотелось. Возможно, предыдущий кошмарный сон окажется без всяких последствий, если он просто сейчас полежит…

— Ты почувствуешь себя намного лучше, если встанешь и выпьешь кофе, — раздался голос святой Варвары.

Лукас застонал и открыл глаза. Он лежал на диване в гостиной в чистой, без следов крови одежде. Прибывшие в гости святые заботливо окружали Лукаса с обеих сторон.

— Я приношу извинения за шокирующий поступок моей

спутницы, — как будто прочитав его мысли, пояснил Губерт. — В вашей кухне снова чисто. Я даже вытряхнул в мусорное ведро гущу из фильтра кофеварки.

Лукас снова застонал и взял чашку кофе.

— Если я признаю вашу святость, вы избавите меня от головной боли?

— Только при помощи таблетки аспирина, — отозвалась Варвара. — Вообще-то мы не умеем творить чудодейственные исцеления — не наша сфера деятельности. Мы должны придерживаться области математических чудес. Каждый из святых специализируется на чем-то одном.

— Никакого исцеления прокаженных. Никакого воскрешения из мертвых, — подтвердил ее слова святой Губерт и, задумавшись, добавил: — Накормить несколькими рыбинами толпу — это нам по силам, поскольку сие есть умножение, то есть действие из области математики. С другой стороны, такой фокус явно подпадает под категорию биологических чудес. Интересно, не посягнем ли мы тем самым на территорию чьих-то интересов?

— До известной степени. Однако вряд ли Он станет возражать! — отмахнулась от его сомнений Варвара.

— Я чту агиологию так же, как и ближнего своего, но если бы кто-нибудь из вас все-таки предложил мне таблетку аспирина, то…

После аспирина и двух чашек кофе Лукас почувствовал себя значительно лучше. Немного привыкнув к присутствию двух небесных гостей, он ощутил, что в нем начинает пробуждаться любопытство.

— Вы говорили о математических чудесах, я не ослышался? Каких же именно?

На его вопрос ответил Губерт:

— В основном это практическое осуществление какого-то трудного для понимания математического доказательства, теоремы или концепции. Вот, например, почему бы тебе не встать и не пройти на кухню?

Лукас встал, сделал шаг…

…и мгновенно оказался на расстоянии двух комнат от гостиной. Обернувшись, он увидел в дверном проеме обоих улыбающихся святых.

— Как вы это сделали?

— Я предоставил тебе мгновенный доступ в некоторые высшие измерения, о которых ты всегда столь мечтательно размышлял. Причем, что называется, в два счета.

Лукаса внезапно охватило пьянящее ощущение безграничных возможностей. Какое счастье, что ему явились эти двое

математических святых, готовых откликнуться на его просьбу в деле просвещения злопыхателей-язычников. Лицо ученого озарилось широкой улыбкой. Он вдруг ощутил себя оставшейся в живых Жанной д'Арк.

— Я единственный, кто вас видит?

— Мы готовы предстать перед любым человеком, которого ты назовешь нам, — ответила Варвара.

Жестом скупца из немого фильма Лукас в предвкушении потер руки.

— Превосходно! Позвольте мне одеться, а затем мы отправимся в университет. Встретимся в моем кабинете.

— Мы можем в мгновение ока перенести тебя, — предложил Губерт.

— Нет-нет, я не смею тратить Дары Божьи на всякие мелочи! Приберегите ваши божественные силы для того, чтобы наставить неверующих на путь истинный!

Лукас отправился принимать душ (несмотря на то что он был чист, ему очень хотелось смыть с себя воспоминание о недавней кровавой сцене) и переодеться.

Когда дверь ванной комнаты за ним закрылась, Варвара повернулась к Губерту.

— Какой приятный мужчина! Действительно обаятельный и разумный. К тому же куда более деликатный, чем мой последний клиент. ***Я*** со счета сбилась, сколько раз переносила того лентяя прямо в кампус, когда он опаздывал на работу.

Лукас решил не оставлять свою «веспу» на автостоянке, а припарковал ее за пределами здания, в котором располагался факультет астрономии. Он посмотрел себе через плечо, но никого не увидел.

— Губерт, Варвара, где вы? — позвал он, понизив голос.

И в следующее мгновение буквально кожей ощутил божественное сияние нимбов.

— Мы прямо за твоей спиной, дружище. Считай, что тебя защищает рать небесная! — раздался голос Губерта, прозвучавший словно из трещины в космосе.

Успокоенный тем, что незримые защитники с ним, Лукас смело вошел в здание и направился прямо в кабинет Оуэна Халма. Из-за матового стекла двери сочился рассеянный свет, доносились чьи-то приглушенные голоса. Набрав полную грудь воздуха, математик храбро постучал.

— Войдите! — прозвучало в ответ хриплое приглашение.

Лукас собрался с духом и шагнул за порог — точь-в-точь как пророк Даниил в клетку со львом.

Халм восседал в кресле за столом, тогда как доктор Гарнетт занимал единственный стул для посетителей. На появление Лукаса они отреагировали по-разному. На лице Гарнетта отразилась сдержанное смущение — как будто он припомнил унижение его на вчерашнем приеме, — смешанное с равнодушием, в то время как Халм не стал скрывать, что раздражен.

— Что вас сюда принесло, Летьюлип? — рявкнул он на коллегу. — Если вы только не вознамерились принести извинения по полной программе за ваше вчерашнее свинское поведение, то можете разворачиваться на сто восемьдесят градусов и отправляться прямиком в ваш личный Ватикан!

Чувствуя, как краснеют щеки, Лукас тем не менее решительно ответил:

— У меня нет намерений приносить извинения. Я здесь для того, Халм, чтобы швырнуть в вашу наглую самодовольную физиономию вашу нечестивую глупость! Приготовьтесь к встрече с посланниками разгневанного Бога! Варвара! Губерт! Явитесь!

В комнате тут же появились босоногие святые, встав по обе стороны от Лукаса.

— Верно, Господь Бог действительно гневался, — подтвердил Губерт, поправляя нимб. — Только вот Он обратил свой гнев на нас, а не на этих джентльменов.

— Тише, старый дурень! — бесцеремонно оборвала Варвара.

Сначала обоих астрономов немного ошарашил визит незваных гостей, однако вскоре к ним вернулся их прежний апломб. У Халма вид был скорее раздраженный, нежели растерянный.

— Впечатляюще, Летьюлип! Совсем как третьеразрядная детективная постановка! Тем не менее, если вы не уберете немедленно из моего кабинета этих двух нахальных оборванцев и не уберетесь сами, мне придется вызвать университетскую службу безопасности!

Лукаса охватила дрожь возмущения.

— Не смейте подвергать осмеянию тех, кто ниспослан к нам самим Господом Богом! Как мне убедить вас в том, что вся ваша якобы основанная на материализме жизнь на самом деле зиждется на фундаменте лжи?

Халм не удостоил его ответом. Без дальнейших объяснений он потянулся к телефону и, набрав номер, прижал трубку к уху.

— Алло, служба безопасности? Говорит профессор Халм. Пожалуйста, пришлите к нам полицейскую машину, чтобы вывести из здания распоясавшихся хулиганов…

Кажется, ситуация начинает выходить из-под контроля,

подумал Лукас. Что за ошибку он допустил? Его план летит ко всем чертям. Даже появление святых оказалось бессильно убедить столь закоренелых материалистов. А ведь он ничуть не сомневался, что этот миг непременно обернется его несокрушимой победой над неверующим. Увы, похоже, ни Халм, ни Гарнетт толком не знают своих ролей, которые он мысленно сочинил и распределил между ними. Отчаявшись обернуть ситуацию в свою пользу, Лукас крикнул:

— Варвара, остановите его!

Телефонная трубка с грохотом упала на стол, хотя пальцы Халма оставались по-прежнему плотно сжаты. Губы астронома продолжали шевелиться, но теперь они не издавали ни единого звука. С телом Халма явно что-то произошло. Оно сделалось необычайно плоским. Когда же он повернулся лицом к доктору Гарнетту, то полностью исчез из виду.

Лукасу сразу стало ясно, что случилось, вернее, что с Халмом сотворила святая Варвара.

— Вы сделали его двухмерным!

Лицо Варвары просияло от гордости.

— В соответствии с Евклидом! Элементарно, Ватсон! Быстрое и аккуратное решение вашей просьбы!

Ставший тоньше бумажного листа, Халм заметался по кабинету, то пропадая из виду, то появляясь вновь, попеременно обращая к Лукасу и его спутникам то видимую, то невидимую плоскость измерения.

Гарнетт испуганно вскочил на ноги.

— Я не знаю, религиозный безумец, что вы сотворили с Оуэном! Но в любом случае спуску я вам не дам!

И бросился на Лукаса. Тот дернулся в сторону, пытаясь увернуться.

— Губерт, на помощь!

В следующую секунду новоиспеченный преподаватель астрономического факультета рухнул на застеленный ковром пол, потеряв равновесие. На месте его конечностей теперь красовались уменьшенные копии его собственного тела. Там, где раньше были кисти рук и стопы, располагались уменьшенные копии головы. Конечности этих причудливых придатков состояли из таких же, но уже совсем крошечных тел, конечности которых, в свою очередь, заканчивались их крошечными аналогами, и так далее до бесконечности, насколько мог разобрать глаз Лукаса.

Шум, который издавали все эти бесчисленные головы, перекрывал крики, вырывавшиеся из горла самого Гарнетта, так сказать, исходного Гарнетта. Лукас опустился в кресло Халма. Законному владельцу оно определенно не понадобится, потому

что плоский профессор через узкую щель случайно угодил в закрытый ящик письменного стола.

— Вы его фрактализировали? — устало поинтересовался Лукас. — Составили из уменьшенных копий самого себя?

Губерт довольно усмехнулся.

— Именно. Я научился этой штуке, заглянув как-то раз за плечо Мандельброту.

До Лукаса донесся вой сирены. Не зная, как ему быть, он открыл ящик письменного стола, в который угодил Халм. Бумажный ученый вырвался наружу словно пружинный чертик из коробочки, отчего Лукас испуганно вскочил с кресла.

Далее произошло следующее. В кабинет мужа легкой походкой вошла Бритта Халм. Супруга она увидела в момент его обманчивой материализации.

— Ты готов, дорогой? Мы ведь собираемся на ленч! Нужно поторопиться, иначе я заставлю Саймона ждать…

Тонкая и прозрачная, как пленка, копия Оуэна Халма беззвучно воззвала к супруге о помощи. Лишь тогда до Бритты дошло, что с мужем что-то неладно.

— Ты себя хорошо чувствуешь, дорогой?

Оуэн отрицательно качнул головой. Зрелище, надо сказать, было малоприятное. Лукасу меньше всего хотелось надолго запечатлеть его в памяти. Голова профессора, переходившая из одной плоскости в другую, то исчезала, то снова оказывалась видимой.

По омерзительности сцена эта была способна соперничать разве что с тем, как святая Варвара демонстрировала последствия давней трагедии, вызванной безжалостным топором.

Бритта издала жуткий вопль. Лукас открыл рот, чтобы успокоить ее, однако она вскрикнула снова. Затем еще раз и еще…

Четвертый крик прозвучал уже не столь громко. Пятый едва слышно. Бритта стала стремительно уменьшаться в размерах, сохраняя при этом прежние пропорции. Буквально на глазах она сжалась до размеров ребенка, кошки, мыши, пчелы, комара, а затем исчезла совсем.

— Если я правильно поняла, ты хотел, чтобы она заткнулась, — будничным тоном пояснила Варвара. — Вспоминаю некоторые интересные выводы, сделанные Стивеном Смейлом в статье из «Журнала нелинейной динамики», о странных аттракторах, чья линия неизменно стремится вниз, к уровню Планка…

Прежде чем говорливая святая успела закончить объяснения, ее прервали возгласы перепуганных людей, столпившихся у

дверей кабинета.

Лукас почувствовал, что покрывается липким, пахучим потом. Мысли лихорадочно метались.

— Нужно скорее убираться отсюда! — принял он наконец правильное решение.

На него и обоих святых падал приятный, неяркий солнечный свет. Легкий ветерок шевелил его взъерошенные волосы и одежды небесных заступников. В чрезвычайных ситуациях переход в высшие измерения имеет определенные преимущества.

Однако полностью избежать опасности им не удалось. Из остановившегося рядом с «веспой» полицейского автомобиля вылезли несколько блюстителей закона.

Старший полицейский, Джон Уотерс, напоминал кинорежиссера какого-то культового фильма. Правда, полному сходству мешало излишне суровое выражение лица.

— Что случилось, сэр? Где?

— Там… там, наверху.

Второй полицейский смерил святых подозрительным взглядом.

— Мои гости… друзья… старые хиппи. — Лукас поспешил объяснить необычную внешность спутников. — Они преподают в… э-э… Беркли. Мать Земля, обожествление природы и все такое. Их нимбы? Знаете, это такие штуки… фонарики… молодежь еще надевает их на рейвах… на танцевальных вечеринках. Конечно. Вы меня поняли. Я уверен.

Полицейские пробурчали что-то невразумительное и поспешили в направлении доносившегося из здания шума. На входе они столкнулись с тушей Писки Виспеуэй, облаченной в просторное клетчатое платье-рубашку, напоминавшее кроем походную палатку. Моментально последовало нечто вроде блицсражения за проход внутрь в духе «Робин Гуд встречает Малютку Джона на мостике-бревнышке», победителем из которого вышла, конечно же, Писки. С максимальной для ее комплекции быстротой она устремилась к Лукасу. Ее ожерелья и браслеты бряцали точно занавес из бус под порывами ураганного ветра.

Прежде чем дородная подруга приблизилась, Лукас повернулся к святым.

— Вы можете вернуть прежний облик тем троим людям?

— Разумеется, — ответила Варвара.

— Вообще-то я не знаю, следует ли нам и далее выполнять его просьбы, — заупрямился Губерт, — после той чудовищной лжи, которую он сообщил полицейским. Надо же, старые хиппи!..

Лукас еле сдержался, чтобы не сорваться на крик.

— Это был простительный грех! Я покаюсь в нем, как только смогу, и понесу любое наказание, что назначит мне мой исповедник!

— Ну, в таком случае…

Варвара попыталась урезонить Лукаса:

— Надеюсь, ты понимаешь: как только твои противники снова примут нормальный облик, они обвинят тебя во всех смертных грехах! Такая же жуткая сцена произошла, когда отец узнал о моем обращении в христианство.

— Знаю, отлично знаю и как-нибудь справлюсь! Просто сделайте их снова нормальными!

Святые кивнули друг другу, моргнули и хором произнесли:

— Готово!

Наконец Писки приблизилась к Лукасу и святым. Ее раскрасневшееся лицо дышало истинной симпатией к коллеге и озабоченностью за его безопасность, а также естественным любопытством в отношении его странных спутников.

— Лукас, в чем дело? Что случилось? Неужели вы с Оуэном подрались?

— Боюсь, что-то вроде. Я просто появился на пороге его кабинета, а он повел себя скверно. Каюсь, я вынужден был защищаться!

— Какой ужас! Лукас, я так за тебя испугалась! Я всю ночь размышляла о глубине чувств, которые к тебе испытываю. И скажу тебе честно — я восхищаюсь твоими принципами. По-моему, такие люди, как ты, не способны на подлость. Я горжусь тем, что ты дал достойный отпор Оуэну!

Писки схватила Лукаса за руку и угрожающе нависла над ним всей своей массой. Его охватило жутковатое чувство, подобное тому, которое в сказке Андерсена, должно быть, испытывала горошина под грузом бесчисленных матрасов. Так что хоть он и был благодарен Писки за уверения в дружбе, тем не менее попытался осторожно высвободиться из-под ее телес.

— Да-да, спасибо огромное, Писки. Но я одержал победу не в одиночку. Мне помогли вот эти двое святых. Позволь представить тебе святую Варвару и святого Губерта, небесных экспертов в области математики.

Губерт взял руку Писки и поцеловал с галантностью придворного, каковым когда-то и был.

— Очарован вами, мадам. Ваш голос напоминает мне голос императрицы Феодоры.

Святая Варвара ограничилась сдержанным приветствием. Она не стала подавать руку новой знакомой и нарочитым жестом поправила свои одежды на уровне талии. У Лукаса мелькнула

было мысль, что его небесная заступница не чужда ревности, однако он не стал мысленно развивать эту приятную для любого мужчины тему — кто знает, может, зря не стал.

В любом случае предаваться приятным размышлениям ему было некогда, ибо в следующее мгновение на ступеньках перед входом в здание появились супруги Халм и доктор Гарнетт в окружении полицейских.

— Вот они! Немедленно арестуйте их!

Лукас запрыгнул на сиденье своей «веспы» и повернул ключ зажигания.

— Писки, мы продолжим нашу интересную беседу чуть позже. Мне нужно бежать, причем немедленно, а уж потом я придумаю, как избавиться от этих смехотворных обвинений.

— Я с тобой, Лукас!

Не успел математик ей возразить, как Писки приподняла юбки и перебросила ногу через пассажирское сиденье крошечного мотороллера, придавив его своей внушительной массой. Заднее колесо «веспы» осело, а переднее вздыбилось над землей — ни дать ни взять карикатурный скакун Одинокого Ковбоя.

— Писки, умоляю тебя!..

— Поехали, Лукас! Они мчатся прямо к нам! Вперед!

Лукас дал газу, и перегруженный сверх меры мотороллер кряхтя покатил вперед со скоростью, не превышавшей скорость обычного бегуна. Святые без всяких сперхъестественных усилий трусили рядом с машиной.

— Скверно! — вскричал Лукас. — Губерт, Варвара, а нельзя ли побыстрее умчать нас отсюда?

— А куда вы хотите?

— Не знаю! Хочу лишь улететь отсюда подальше!

Святые слегка отстали. Продолжая идти легким шагом, они на ходу принялись шепотом о чем-то совещаться. До Лукаса доносились обрывки их разговора.

— …космологическая константа…

— …цифровая по своей природе…

— …вряд ли мы нарушаем…

Когда святые закончили оживленную дискуссию, преследователи уже почти их догнали.

— Вы, очевидно, знаете, — начал вещать Губерт, — что универсальная сила, обозначенная как «лямбда»…

Лукас мог поклясться, что слышит на фоне других голосов гневное рычание Оуэна Халма.

— Что бы вы там ни задумали сделать, сделайте поскорее, ради Бога!

Боже, почему земля так стремительно уходит из-под колес

«весны»? Или это святые открыли какую-то трещину в ее тверди? Неужели Лукас угодил в нее и теперь летит в тартарары? Может, Губерте Варварой на самом деле демоны и теперь тянут грешников в преисподнюю? Правда, на падение не очень-то похоже, да и серой пока еще не пахнет. Напротив, неожиданно Лукас понял, что взмыл вверх, в небесную высь.

«Веспа» поднималась все выше и выше, устремив переднее колесо прямо к солнцу.

Писки обхватила Лукаса за талию, сжав так крепко, что тот едва мог дышать.

— Я не верила! Не верила!.. Но теперь верю! Верю!

Лукас обернулся и посмотрел через плечо. Обезумевшая толпа замерла на месте. Задрав головы вверх, люди изумленно наблюдали за летящим мотороллером, сидевшими на нем Лукасом и Писки и летящими рядом с ними, подобно рыбкам-лоцманам, святыми.

Прежде чем они поднялись еще выше, до Лукаса донесся с земли голос какого-то мужчины:

— Эй, что я увидел под платьем этой милашки! Она же без трусов!

Лицо Варвары потемнело от гнева.

— Ах ты жабье отродье! Мы еще посмотрим, каково тебе будет, когда твои кишки свернутся в кольцо Мебиуса!..

— Нет-нет! Не надо! — взмолился Лукас.

Варвара смилостивилась, но все равно продолжала что-то недовольно бормотать себе под нос.

Поскольку мотороллер благополучно набирал высоту, Лукас, а затем и Писки немного успокоились. Естественное любопытство вскоре взяло верх.

— Каким же образом этот полет можно отнести к категории математического чуда? — поинтересовался он.

На вопрос откликнулся Губерт, явно довольный своим поступком:

— Наш первый шаг состоял во временной приостановке действия коммутативных и ассоциативных законов для тензорных операторов. После того как квантовой инерции не удалось сгруппироваться, мы изменили численное значение Лямбды — силы, которая контролирует расширение вселенной — в небольшом пространстве вокруг вас, результатом чего стала направленная антигравитация. Вы же знаете, что весь космос имеет в своей основе всего шесть чисел. N, E, Омега, Лямбда, D и Q. Возьмем, например, Q…

— Признаю изящество вашей теории, Губерт. Но скажите, куда мы направляемся?

— Все зависит только от вас, сэр. Полагаю, мы могли бы скрыться от взглядов тех, кто остался на земле, на макушке облака. Ведь вы обычно считаете, что мы, святые, именно так и поступаем.

— О Лукас, да они действительно святые! — вступила в разговор Писки. — Я сначала подумала, что ты шутишь. Как здорово! Посидеть на облаке, взглянуть с него вниз, на землю — сколько раз я мечтала о такой романтике в детстве, когда жила в Пискатэвэе!

Лукас вздохнул и дал добро на посадку. «Веспа» увеличила скорость, и ее колеса пронзили нижний слой облаков. Возле дальнего края мотороллер замер над пушистой, залитой солнцем и одновременно затененной местностью пурпурно-золотистого оттенка.

— Слезайте! — произнесла Варвара.

Лукас настороженно посмотрел на святую мученицу. Не сыграет ли эта склочная особа с ним злую шутку, дабы отомстить за чрезмерное любопытство? Но разве у него есть выбор — доверять или не доверять ей?

Писки разрешила все сомнения, первой соскочив с мотороллера. Ее ножищи погрузились в поверхность облака, но всего лишь по щиколотку.

— Незначительное местное изменение в величинах N и E… — взялся было объяснять Губерт.

Лукас последовал примеру Писки и вместе с ней подошел к ближнему краю. Осторожно заглянул вниз, на коричнево-зеленое лоскутное одеяло земли, простеганное толстыми стежками дорог.

— Красота какая! — проворковала Писки.

— Через пару тысячелетий все неизбежно постареет! — пренебрежительно фыркнула Варвара. — Даже любовь, хотя утверждать это нельзя.

Писки лихорадочно ухватила Лукаса за руку.

— Не знаю, что и сказать. Наверное, нужно время, чтобы выяснить, так это или не так.

Лукас деликатно освободился от ее хватки. Он не имел бы ничего против подобных разговоров, будь все остальное в полном порядке. Однако нынешние заботы занимали его настолько, что он даже не вслушивался в романтичную болтовню Писки. Правда, одна мелкая деталь, промелькнувшая в ее речах, заставила его переключиться на мысль о возможных вариантах спасения.

Вдохновение посетило Лукаса совершенно неожиданно.

— Время! Конечно же! Не могли бы вы оба каким-то образом…

Губерт горестно вздохнул.

— Опять старая песня. Повернуть время вспять? Естественно. Типично математический феномен. Вообще-то эта старая уловка частенько помогала нам выкрутиться из самых щекотливых ситуаций.

— Господи, как мне осточертел этот избитый прием! — пожаловалась святая Варвара. — Ну почему у простых смертных такое скудное воображение! Может, лучше стоит попробовать изменить мощность солнечного излучения…

— Нет! Не надо мне никаких поэтических решений! Я просто хочу жить своей привычной жизнью! Надо лишь запечатлеть в памяти то, что со мной произошло, дабы я никогда не позволил собственной гордыне снова взять надо мной верх!

— Это не так уж трудно. Ну хорошо, готовься!..

Тут в разговор вмешалась Писки, и слова ее вызвали всеобщее удивление:

— Стойте! Лично мне все равно, утрачу я воспоминания об этих восхитительных мгновениях или нет. Главное — помочь Лукасу. Но могу я попросить вас об одной любезности? — Дородная Писки смущенно посмотрела вниз и пнула носком поверхность облака. — Вы не могли бы сделать меня худой? Всего на минутку? Ну пожалуйста, а?

Святые снова принялись совещаться.

— …реверс Банаха-Тарски…

— …конформное отображение в лемнискате…

Святая Варвара повернулась к Писки и с некоторой долей снисходительной симпатии пояснила:

— Хорошо, моя милая, только закройте глаза…

При виде трансформации, произошедшей с Писки, Лукас непроизвольно ахнул. Ее туша словно взорвалась неким управляемым и хорошо продуманным взрывом, а клетчатое одеяние приобрело невообразимо абстрактный орнамент. Лишившись математически — вычитанием — двухсот фунтов веса, Писки лишилась и своего просторного платья, и трусов — те соскользнули ей на щиколотки. Единственное, что на ней осталось, так это бусы. Обнаженная Писки, самая привлекательная из дочерей Евы, заново ставшая стройной и гибкой, бросилась в объятия Лукаса. К своему удивлению, он охотно прижал ее к себе.

Святые с нежностью наблюдала за парой простых смертных.

— Готовьтесь к реверсу времени! — сообщил Губерт.

Варвара чмокнула Лукаса в щеку.

— Вы были лучшим из моих клиенток!

— Не забывайте поминать нас добрым слоном в молитвах, — попросил Губерт. — Мы всегда рады получить очередной

похвальный отзыв для нашего Работодателя.

В следующий миг Лукас и Писки исчезли.

Губерт повернулся к Варваре.

— Ну вот, еще одно задание благополучно выполнено.

— Да, это будет получше той халтуры, когда ты запорол теорему Ферма. «Уравнение не имеет целых положительных решений»!..

— А как же твой прокол с управляемой термоядерной реакцией? — парировал Губерт.

— Я потом все исправила! — смущенно заморгала Варвара.

Затем она позволила спутнику взять себя под руку, чтобы тот проводил ее обратно на небеса. Соединившись таким образом, святые направились вверх по вершинам облаков.

— Наверняка таков Божественный промысел, — высказал предположение Губерт.

Лукас Летьюлип завидовал своим раздираемым сомнениями коллегам. Война между верой и скепсисом, которая шла в их душах, позволяла им делать научную карьеру на определенном полезном уровне сомнения в обеих сферах. В отличие от Лукаса они редко посматривали себе через плечо, опасаясь возможности узреть, к своему неудовольствию, реальные чудеса.

Однако спустя несколько лет Лукас научился подавлять это неловкое чувство. Помогли частые обращения к Господу Богу с просьбой даровать спокойное ежедневное существование. Наличие такой красивой, стройной, любящей жены, как Писки, конечно же, способно сделать счастливым любого мужчину.

Ведь, в конце концов, они единственная супружеская пара, которой доподлинно известно, что браки действительно совершаются на небесах.

«Math Takes a Holiday». Перевод А. Бушуева

НЕЙТРИННАЯ ГОНКА

Пожалуйста, представьте себе, что вся эта история — мультфильм, нарисованный великолепным мультипликатором Робертом Уильямсом. Писать его было страшно весело. Надеюсь, читать тоже.

Автор выражает признательность Ли Керру за книгу «Сводя меня сума», которая послужила ценным источником информации, касающейся истории неофициальных гонок.

Я-то в курсе, почему Солнце работает не так, как, по мнению ученых, должно было бы.

Мы с парнем по прозвищу Космический Пес заварили эту кашу в далеком 1951-м, когда устроили гонку Космического Цыпленка прямо в космосе, и наши родстеры были ближе к Аду, чем даже сам Меркурий.

Я ни одной душе никогда не рассказывал об этом последнем состязании между мной и Космическим Псом. Да и кто бы мне поверил? Видите ли, Космический Пес не вернулся на Землю, чтобы подтвердить мои слова. Да и свидетелей нашей гонки не было, ясное дело, не считая Стеллы Звездноглазки. А она вообще не говорит ни слова, хоть мы и прожили вместе уже пятьдесят лет.

Но теперь я стар, и совсем уже скоро на всех парах врежусь в Великую Стену Смерти и собственной персоной заявлюсь в пит-стоп самого Дьявола. Так что я подумал, неплохо будет рассказать, как оно все случилось. Ну, на случай, если Космический Пес начнет вдруг пожирать Солнце. Или еще что похуже.

Демобилизовавшись в сорок шестом, я отправился домой, в Сан-Диего, и с помощью скопленных нескольких тысяч долларов и умений, полученных в армии в обмен на то, что мою задницу едва не отстрелили на дюжине театров военных действий от Анцио до Берлина, открыл мастерскую. «Обдулио Бенитес, подгонка и переделка» — это я и есть. В основном я переоборудовал «кадиллаки» и «линкольны» в катафалки и был вполне доволен жизнью, хотя и вполне понимал мрачный юмор

происходящего — надо сказать, после войны я долго еще вскакивал по ночам в холодном поту после очередного кошмара — воспоминания об артиллерийском огне и крови были слишком свежи. Измени хоть одна из сотен нацистских пуль траекторию, и трястись бы моим останкам (при условии наличия таковых) в таком же катафалке.

Первый, кого я нанял в помощники, был этот старшеклассник, Хоакин Арнетт.

Вы не ослышались, Хоакин Арнетт, легендарный капитан «Бобовых бандитов», простых парней из предместья, расправившихся с гоночным миром Калифорнии что твои ацтеки с пленными, а потом потрясших и всю страну. В шестидесятых, закончив выступать, Хоакин мог похвастать количеством рекордов и наград, какие и не снились ни одному гонщику, а ведь при этом он успел вырастить двоих сыновей — продолжателей его дела!

Тогда, в конце сороковых, все это было еще в будущем. Я нанял жилистого, улыбчивого, немного нервного паренька, который в свои годы лишь немного уступал мне в мастерстве и был помешан на машинах и гонках.

Хоакин начал с того, что брал бракованные запчасти — катушки и магнето — и приводил их в порядок. В возрасте девяти лет он без посторонней помощи научился водить. До того, как прийти ко мне в мастерскую, он уже несколько лет возился с железками, собирая из какого-то металлолома, скрепленного болтами, шасси, ставил их на лысую резину, а сверху присобачивал некое подобие кузова. С приходом ко мне он получил прекрасную возможность делать то, что ему нравится. Сваренным из труб и металлического профиля гоночным тачкам, которые он мастерил в свободное время, не было равных на дорогах.

С 1948 года Хоакин выступал за Южнокалифорнийский родстер-клуб, но к 1951-му решил собрать свою команду. Он позвал друзей детства — Карлоса Рамиреса, Эндрю Ортегу, Гарольда Миллера, Билли Глэвина, Майка Нагема и еще человек двадцать — и они стали «Бобовыми бандитами» или, как их называли поклонники, просто «Бандитами».

Когда Хоакин начал работать у меня, я ездил на полной рухляди — «паккарде» тридцать второго года, который купил по дешевке незадолго до войны и который простоял со спущенными шинами все пять лет, что я провел за океаном. Тогда машина была для меня всего лишь средством передвижения, на котором мы с Эрминой — Эрминой Рамирес, кузиной Карлоса — могли съездить в город.

Но работая бок о бок с Хоакином, глядя, что он вытворяет со всеми этими железками, нельзя было не заразиться его энтузиазмом. Долго я не вытерпел и вскоре все ночи и выходные был уже по локоть в потрохах «олдсмобиля» сорокового года, впихивая туда мотор от «кадиллака», слишком мощный для городских улиц, зато в самый раз для высохшего соляного озера.

Видите ли, «Бобовые бандиты» устраивали гонки в совершенно определенных местах: на Райском плато — старом летном поле за городом — и на высохших соляных озерах Эль-Мираж и Мурок. Тут можно было оторваться по полной, не думая о правилах движения и пешеходах, и полностью отдаться скорости.

Начав участвовать в гонках на своем «олдсе» — выкрашенном в яркий тыквенно-оранжевый с языками черного пламени по бокам и названием «Эль-Тигре» на обоих бамперах — сначала в соревнованиях с «Бобовыми бандитами», а потом и с гонщиками других клубов, я заметил, что кошмарные сны понемногу отступают. Только ради этого я был бы готов вечно участвовать в гонках, ну а все остальное — рев моторов, скорость, адреналин и слава — окончательно поймало меня на крючок.

А настоящий кайф начался, когда мы обнаружили нитро. Это был нитрометан, заменитель бензина, который оказывал на движок такое же действие, как грозный вид Уайла И. Койота на «Роудраннеров». Поначалу мы думали, что нитро опаснее, чем есть на самом деле, и привозили его на соревнования в специальных ящиках, набитых тряпьем. «Посторонись! Может взорваться!»

Мы рвали всех в клочья, пока остальные тоже не начали использовать нитрометан. А еще мы обнаружили, как дерьмово нитро действует на двигатель, и стали мешать его пополам с обычным топливом. Впрочем, так или эдак, но мы были все ближе и ближе к заветной цифре в 150 миль в час.

Помню, однажды Хоакин сказал:

— Папа Оби, скоро мы будем пошустрей этих самых НЛО, о которых все вокруг толкуют.

Ясное дело, я и не вспомнил об этих словах, пока сам не попал в космос.

Я не был в официальном списке «Бобовых бандитов». Никогда не носил футболок с мультяшным изображением мексиканского прыгающего боба в сомбреро, маске и на колесах и никогда не участвовал ни в каких гонках, кроме неофициальных. Полагаю, тут все дело в возрасте.

После войны мне было двадцать шесть, а к пятьдесят первому я уже пересек рубеж тридцатилетия. Хоакин с приятелями были

много моложе. Они поддразнивали меня, называли Папой Оби и все такое. Это не значит, что в рядах «Бандитов» процветала дискриминация, нет. Помимо латиноамериканцев, в команде были англосакс, ливанец, японец и филиппинец. Стоило мне намекнуть, и меня тут же официально зачислили бы в команду. Я сам не хотел. У них на уме были только гонки, а я не собирался бросать бизнес, да и подумывал о том, чтобы жениться на Эрмине и пустить корни.

Я проводил с «Бандитами» немало времени, и они всегда были рады мне. Практически каждые выходные 1951 года меня можно было видеть за баранкой «Эль-Тигре» на дне соляного озера — глаза слезятся, в носу першит от нитро, а я все жму и жму на газ и уже думаю о том, что бы еще усовершенствовать в своей машине.

Да, это был мой кайф, и тогда я думал, что он будет продолжаться вечно.

Думал, пока не появились Космический Пес и Стелла Звездноглазка.

Тем воскресным днем на Райском плато солнце палило как никогда, даже в Калифорнии не припомню такого. Между полуднем и тремя часами я приговорил уже шесть жестянок «Несбитовского оранжада», пытаясь залить остроту тортилий, купленных по пути сюда на автостраде Пасифик-Коуст.

Мы с Эрминой сидели на бампере одного из пустых трейлеров, предназначенных для перевозки крутых железок, пытаясь укрыться от солнца под натянутым тентом. Кроме нас, никто не смотрел на стартовую площадку — все не отрывали глаз от борьбы Хоакина с каким-то парнем из Помоны. Хоакин управлял «моделью А» двадцать девятого года с двигателем «Меркурий», а гонщик из Помоны сидел за рулем навороченного «виллиса».

Тогда-то и появилась тачка, каких я в жизни не видывал. Она была новее, чем цветной телевизор. Такую лет через пятьдесят мог бы придумать Рэймонд Лоуи для Всемирной выставки 1999 года! Приземистая, обтекаемая, словно вылизанная, сверкающая матовым серебром. Дымчатое лобовое стекло, не позволяющее заглянуть внутрь, невероятные, выкрашенные в золото покрышки… вся эта штуковина издавала не больше шума, чем Эстер Уильямс[5] под водой, и в то же время в машине чувствовалась невероятная мощь.

Я инстинктивно поднялся на ноги, не замечая, что из полупустой банки на землю льется оранжад. Эрмина оказалась хладнокровнее и аккуратно поставила свою банку на бампер.

Теперь мне кажется, именно с того момента у нас с Эрминой все пошло наперекосяк. Не когда я увлекся Стеллой и она ответила мне взаимностью, а когда Эрмина не поняла, какая перед ней сногсшибательная тачка.

И вот эта бакроджерсовская машина проехала несколько ярдов, остановилась, и с обеих сторон распахнулись дверцы. Нет, не распахнулись — чертовы двери просто исчезли! Я подумал, наверное, они так быстро задвинулись куда-то в борта, что я не успел заметить.

Сначала из машины вышел шофер, а за ним и пассажир.

Итак, с водительской стороны наружу выбрался долговязый олух шести с лишним футов роста. На нем была безумная гавайская рубаха вся в цветах, укулеле, досках для серфинга и пальмах, которые при движении обладателя сего несусветного наряда сплетались в некие загадочные символы. Рубаха была не заправлена. И из-под нее виднелись зеленые поплиновые штаны. На босых ногах сандалии, глаза скрыты темными очками. Добавим сюда гигантские усы, крошечную эспаньолку и лысую — а может, бритую — голову. А еще эта его кожа…

Я часто слышал, как о некоторых говорят, что они «оливковые», и обычно это означает просто «смуглые». В данном случае слово «оливковый» следовало воспринимать буквально. Вся не скрытая одеждой кожа этого парня была блекло-зеленого цвета, как у пыльных эвкалиптовых листьев.

Впрочем, не успел я толком осознать присутствие здесь этого странного парня и его странного автомобиля, как взгляд мой упал на пассажира.

В армии я любил листать комиксы с девчонками, которые штамповали специально для нас, дуболомов. Мне очень нравилась одна по имени Ак-Ак-Ами, ее придумал художник — я специально запомнил имя — Билл Уорд. Бог мой, он умел нарисовать девчонку! Даже на бумаге Ак-Ак-Ами казалась такой реальной — хоть я и сомневаюсь, что в реальности такие бывают, — что ты прямо-таки чувствовал, как сжимаешь ее в объятиях. Особенно приятно было представлять это, сидя ночью в вонючем окопе.

Вернувшись домой, я разыскал и другие комиксы Уорда. Он рисовал девушку по имени Торчи и, друзья мои, к тому времени поднабрался мастерства. Торчи была Ак-Ак-Ами, помноженная на десять, в ней было больше женственности, чем в шести обычных девчонках, вместе взятых.

Женщина, которая вышла из странного автомобиля, могла бы быть сестрой-супермоделью этой самой Торчи. Платиновые волосы по подбородок, молочно-белая кожа, резко

контрастирующая с оливковой кожей ее приятеля. Маленький прямой носик, пухлые чувственные губы, очертания подбородка изящнее, чем цилиндры у «феррари»! Тогда я не заметил ничего странного в ее глазах. Наверное, потому что не мог своих оторвать от ее тела. Ее тело… бог ты мой! Крепкие груди, торчащие, как конические боеголовки ракеты «Найк», — да за такие Джейн Рассел любому бы горло перегрызла. Их едва скрывал тончайший свитер из ангоры, подчеркивающий все прелести незнакомки. (Свитер был с длинными рукавами, однако я не заметил, чтобы женщина хоть чуточку вспотела — на такой-то жаре!) Розовые тореадорские штаны подчеркивали округлые ягодицы и убийственные ноги, а благодаря крокодиловой кожи туфлям на высоком каблуке красотка была ростом почти со своего приятеля.

Сердце мое застучало как сумасшедшее. Эрмина в конце концов заметила мою реакцию и тут же обиделась. Она презрительно усмехнулась, процедила сквозь зубы «Que puta!»[6] и вернулась к своей содовой.

Пятью длинными прыжками я подскочил к незнакомцам. И тогда заметил три странные вещи.

Корпус машины был таким тонким, что никак не мог вместить в себя никаких сдвигающихся дверей. Да и, похоже, был он не из металла, а из какого-то пластика.

Под кожей лысого черепа незнакомца красовались концентрические окружности, как будто кто-то поместил туда нагревательный элемент электроплитки.

А у женщины отсутствовали зрачки. Там, где у нормальных людей посреди радужки располагаются черные кружки, я увидел что-то вроде мерцающей звездной россыпи.

Не успел я и рта раскрыть, как парень протянул мне руку. Рукопожатие оказалось крепким, но рука была какая-то неправильная. Словно кто-то разобрал ее по косточкам, а потом собрал обратно не в том порядке.

А потом он заговорил:

— Ззззип, guten, хрррп, bon, зззт, хелло! Я есть Космический… зкрк, chien, ззз, регго, нет, зззип, Пес! Я есть Космический Пес. Да, ззззт, на гонки я пришел.

Речь парня перемежалась странными словами и звуками. Посреди обычных слов слышалось жужжание, бормотание, какие-то механические щелчки. Вроде как склеить магнитофонные ленты, где записана болтовня в кафетерии и работа электронной вычислительной машины ЮНИВАК. Я не буду пытаться изображать и дальше его манеру разговаривать, хотя и сейчас могу слышать его голос, как будто и не прошло пятидесяти лет.

Просто помните, что именно так он и говорил — некоторые вещи я смог понять лишь годы спустя после его исчезновения.

— Ну… — Я старался не терять хладнокровия. — Ты попал по адресу, приятель.

Я просто умирал от желания заглянуть под несуществующий капот его тачки. А приборная панель, которую я мельком заметил через отсутствующую дверь… это же с ума сойти можно! Там было куда больше всяких тумблеров и циферблатов, чем положено нормальному автомобилю! Зато не хватало кое-чего другого — я не обнаружил и намека на руль и педали.

Впрочем, все мысли об автомобиле куда-то исчезли, когда ко мне подошла пассажирка странного экипажа. Сейчас она стояла так близко, что шерстинки на ее свитере колыхались от моего дыхания.

— Обдулио Бенитес, — пробормотал я и протянул потную дрожащую руку.

Женщина тоже протянула миниатюрную сухую ладошку, ослепительно улыбнулась, по ничего не сказала.

Вместо нее заговорил Космический:

— Это Стелла есть. Криптообразованный квазиматримониальный адъюнкт. Экстериоризированная анима и оплодотворительная рецептакула.

Я тогда не понял ни слова из этой тарабарщины — правда, и мозги в тот момент у меня не слишком хорошо работали. От ультраженского рукопожатия Стеллы по венам моим словно пробежался рой жужжащих пчел.

Стелла все молчала и только лишь широко улыбалась. Сам я тоже не мог выдавить ни слова.

Наконец я заставил себя отпустить ее руку и попытался сосредоточиться на Космическом Псе.

К тому времени остальные «Бандиты» и зрители уже собрались вокруг взглянуть на странных незнакомцев. Я слышал восхищенные возгласы и присвистывания. У парней головы так и крутились туда-сюда — они просто разрывались между Стеллой и машиной. Женщины, само собой, насупились и возмущенно что-то шипели, как рассерженные кошки. Я бросил на Эрмину что-то вроде успокаивающего взгляда — она надменно отвернулась. В своей вязаной кофте и джинсах она неожиданно показалась мне неуклюжей и некрасивой по сравнению со Стеллой. Между ними я чувствовал себя полным болваном.

Наконец сквозь толпу протолкался Хоакин. Сняв шлем — старый футбольный кожаный шлем, усиленный асбестовыми пластинами, — малыш без обиняков заявил:

— Похоже, амиго, ты не прочь погонять с нами.

— Да! Лучшая возможность! Гонки для Космического Пса — цель главная! Сжигать сложные молекулы! Задницей двигать! Жечь кору земную! Разрушать остеокласты! Сожрал чтоб я корпускулы свои!

Я понимал, всем было интересно узнать, почему у этого парня зеленая кожа, но «Бандиты» не из тех, кто задает подобные вопросы. Расовые вопросы для нас табу, и в данном случае никто не собирался делать исключение. Космический Пес и впрямь попал по адресу — здесь никого не интересовало его происхождение.

Я и сейчас гадаю, какое стечение обстоятельств привело его к нам.

Единственный вопрос, заданный Хоакином, был:

— Ты откуда, приятель?

Космический Пес секунду помедлил, затем ответил:

— Этрурия. Европа. Не спутник, земной континент. Стелла и Космический Пес этруски есть. На древнем языке друг с другом говорим.

Тут Космический Пес выдал несколько фраз на языке, какого я и близко не слышал в Италии. Стелла промолчала. Окружающие важно закивали, а Пес продолжал:

— Нет гонок в Этрурии. В Калифорнию прибыть пришлось нам.

Хоакин принял решение.

— Что ж, *pachuco*[7], Райское плато — самое крутое место в округе. Поглядим, на что способен твой драндулет.

Космический Пес захлопал в ладоши, как пятилетний ребенок.

— Замечательно очень! Стелла, рядом с добрым Обдулио Бенитесом, пожалуйста, жди.

Даже не знаю, в чем мне больше повезло: в том, что меня назначили присматривать за Стеллой, или в том, что я увидел.

Космический Пес запрыгнул в свою тачку и достал откуда-то шлем, напоминающий толстую шапочку для плавания. На внутренней стороне шлема виднелись какие-то блестящие контакты, похоже, как раз подходящие к кругам на его лысой башке. Пес натянул шлем и мгновенно пропал из виду, скрытый неизвестно откуда материализовавшимися дверцами.

Абсолютно бесшумно флэшгордоновское авто сквозь расступившуюся толпу вырулило к грубой елочной гирлянде, обозначающей место старта. Вскоре к нему присоединился и Хоакин с визгом тормозов, ревом двигателя и клубами нитродыма. Очень впечатляюще, но машина Пса никак не отреагировала на это представление.

Загорелись зеленые огни, и машины рванулись вперед.

Космический Пес пересек финишную черту, когда Хоакин не прошел еще и трети дистанции. Никто не засек время — парни с секундомерами просто не успели среагировать.

Хоакин прекратил гонку на половине дистанции, таким образом полностью признавая поражение. Такого я еще не видел.

Я повернул голову, чтобы увидеть реакцию Стеллы. Она по-прежнему улыбалась, но в звездных глазах я не мог разглядеть никаких эмоций, как будто исход гонок не вызывал у нее ни малейшего сомнения. Она словно излучала какое-то животное одобрение происходящему.

Через минуту оба гонщика вернулись к старту. Дверца исчезла, и Космический Пес выбрался из машины.

— Победа! Космический *Пес uber todo*[8].

То был вызов, который мы не могли не принять.

До самого вечера, пока солнце не спустилось за горизонт, мы бросали все свои силы против Космического Пса и его супертачки. Зрители уже придумали ей имя. «НЛО! НЛО!» — скандировали они. Все бесполезно, все равно что пытаться выиграть подачу у Мики Мэнтла[9].

Когда пришел черед мне садиться за руль «Эль-Тигре», сердце мое колотилось в глотке, хоть я и не сомневался в поражении. А вдруг каким-то чудом я обойду его? Что подумает Стелла… я хотел сказать, Эрмина?

Само собой, он сделал меня.

Наконец, когда Космический Пес по полной программе надрал нашу коллективную задницу, мы решили, что пора заканчивать, и откупорили пиво. Отхлебнув глоток, Космический Пес скорчил гримасу, как будто никогда не пробовал этот напиток. Впрочем, вскоре ом уже осушал жестянки «блатца» не хуже солдата, только что вернувшегося из Кореи.

Когда все уже изрядно промочили горло, Хоакин задал вопрос, который давно уже вертелся у каждого на языке:

— На чем ездит твоя тачка, Пес?

— На нейтрино.

— Ты имеешь в виду, на нитро?

— Ну да, нитро. Простить небрежность речи прошу.

Хоакин поразмыслил, потом спросил:

— Обычный движок?

— Космическим Пес сам двигатель вырастил.

Все расхохотались. Мы не сомневались, что вскоре сможем рассмотреть загадочный мотор во всех подробностях. Особенно когда приняли Пса в качестве нового члена «Бобовых бандитов» и провели по этому поводу соответствующую церемонию.

Когда церемония закончилась, Космический Пес, обнимая Стеллу за талию одной рукой, второй поднял жестянку с пивом и провозгласил тост:

— Изопьем жидкость за гонки будущие! Гегемония стручковых грабителей установлена теперь!

Мы дружно поддержали тост, хоть толком и не поняли, что Пес имел в виду.

Что ж, достижения «Бобовых бандитов» в следующие несколько месяцев того далекого пятьдесят первого года запечатлены для грядущих поколений золотыми буквами. По крайней мере тогда мы думали именно так. На самом деле ни у кого не было времени что-то записывать или делать снимки. Всегда находилось колесо, которое требовалось срочно заменить, или двигатель, требующий ремонта. Никто не думал, что на наших глазах рождается легенда. Мы жили сегодняшним днем, ревом моторов и наслаждались зрелищем поверженных в прах противников.

Вот почему, старайтесь хоть до посинения, вы не найдете фотографий Космического Пса и его четырехколесного «НЛО». Это не значит, что в живых не осталось никого, кто мог бы рассказать вам о тех временах. Гоночный мир Калифорнии тогда просто трясло. Любой, кто видел, как эта тачка беззвучно разгоняется почище советского «МиГа», не забудет, как ловил свою отвалившуюся челюсть.

Мы ездили по всему штату, соревновались с дюжинами клубов и не оставляли от их рекордов камня на камне. «Бандиты» и до Космического Пса не были слабаками, а теперь стали просто непобедимыми. Вскоре мы поняли, что пора расширять географию наших побед, и собирались отправиться сначала в Бонвилль-Флэтс, а потом на престижные южные трассы, разобраться с надменными южанами.

Все мы пребывали в каком-то постоянном экстазе, особенно Хоакин. Он всегда мечтал побывать на Олимпе гоночного мира. И пусть не лично он сидит за рулем самой быстрой машины. Пока Космический Пес принадлежит к «Бобовым бандитам», славы хватит на всех.

Что до самого Пса, я никогда не видел более счастливого парня. Он словно получал по миллиону долларов за каждую победу. Помню, однажды, после того как мы выиграли все заезды против команды Лонг-Бич, Космический Пес вылакал двенадцать банок «пабста», взгромоздился на крышу своей тачки и зачитал что-то из этрусской поэзии. Очень похоже на схватку пылесоса с десятком койотов, причем закончившуюся явно не в пользу

пылесоса.

А я? Что ж, я тоже чувствовал себя превосходно. Правда, не из-за гонок, а потому, что при мне была Стелла Звездноглазка.

До сих пор не знаю, правда ли Космический Пес хотел, чтобы я присматривал за его девушкой, или все дело в моей удаче. Может, Пес выбрал меня, потому что я был самый старший и солидный из всей нашей компании, да к тому же у меня уже имелась девушка? Или просто я оказался первым, кто попался ему на глаза?

Вопрос этот время от времени начинал беспокоить меня, но только не когда я был рядом со Стеллой. Гонка за гонкой я развлекал ее, покупал напитки, занимал лучшие места, чтобы она могла увидеть очередной триумф Космического Пса. Рядом с ней я постепенно заблудился в небесном ландшафте ее сногсшибательного тела, разум мой постоянно пребывал в страстных мечтаниях. Молчание Стеллы лишь усиливало ее магическую притягательность. Каждый раз, когда нужно было садиться за руль «Эль-Тигре», я буквально отрывал себя от нее.

Было тяжко, но все те месяцы я не давал волю своим желаниям. Негласный кодекс чести не позволял увести девушку у другого «бандита». А если Стелла и чувствовала что-то по отношению ко мне, я этого никогда не замечал.

Стелла всегда была вежливой и отстраненной. Никаких молчаливых знаков, никакого флирта. Конечно, имело значение то, что она не говорила. Нелегко закадрить кого-то, кто не может ответить. Само собой, слова — это далеко не все и даже не главное, но по телу Стеллы я видел, что она совершенно нейтральна.

Что касается Эрмины — что ж, холодок между нами становился все явственнее. Она больше не приходила на наши сборища, хотя раз в неделю мы и продолжали видеться — я водил ее в кино, угощал гамбургером и целовал в щечку на пороге. Карлос поинтересовался у меня как-то, что происходит, и я ничего не смог ответить ему. Черт, получалось, будто я морочил девчонке голову! А ведь я просто составлял компанию девушке члена команды, пока сам он выбивал пыль из гоночных трасс на своем «НЛО».

Не знаю, как долго еще я изображал бы из себя белого рыцаря с синими яйцами, если бы в один прекрасный день не случилось то, что когда-нибудь должно было случиться.

У «НЛО» Космического Пса закончилось горючее.

«Бобовые бандиты» отправились на Райское плато потягаться в скорости с какими-то парнями из Бейкерсфилда. Космический

Пес и Стелла должны были прибыть отдельно от нас. Где они живут, мы не знали — со слов шепелявого зеленокожего поняли только, что где-то в пригороде Сан-Диего. А где точно, кто его знает. Это была далеко не самая захватывающая тайна, связанная с Космическим Псом и его спутницей. Мы уважали лучшего члена команды и не вмешивались в его дела.

Наконец «НЛО» прошуршал на своих золотых шинах через въездные ворота. Толпа при виде непобедимого гонщика разразилась приветственными криками, и я увидел, как поежились парни из Бейкерсфилда.

А потом случилось то, чего никто не мог ожидать. Чудесная машина, всегда такая плавная и тихая, как-то странно затряслась, стала нечеткой, словно была сделана из миллиона зеркал, и наконец, встала как вкопанная на полдороге к месту старта.

Двери проделали свой обычный трюк с исчезновением, и из кабины кубарем выкатился Космический Пес, за ним вышла как всегда спокойная Стелла. Лицо парня под солнечными очками и шлемом было раза в два зеленее обычного. В руках он держал черный цилиндр размером чуть больше пивной жестянки. Пес помчался к нам, крича что-то по-этрусски. Когда он подбежал ближе, я заметил, что по всей длине цилиндра проходит тонкая, с волосок, трещина.

Наконец Космический Пес достаточно овладел собой, чтобы возопить на своем подобии английского:

— Разрушительный катаклизм третьей степени! Субатомная бомбардировка! Непредсказуемо, аномально, неопределяемо! Топливо потеряно все! Как в гонках гонять Космическому Псу? Гонки есть жизнь Космического Пса!

За все эти месяцы у нас так и не было возможности взглянуть на двигатель его тачки. То одно мешало, то другое, да и сам Пес не слишком стремился делиться с нами своими секретами.

Хоакин успокаивающе, по-отцовски обнял Космического Пса — а сам-то был совсем мальчишка — и проговорил:

— Тихо, успокойся, chico. Дай-ка мне взглянуть.

Космический Пес покорно протянул ему цилиндр, Хоакин внимательно осмотрел его и вынес вердикт:

— Бог ты мой, да мы вмиг заделаем трещину и зальем внутрь нитро. Где тут входной клапан?

У Пса был такой вид, будто он сейчас начнет выдирать на голове несуществующие волосы.

— Нитро, нитро! Ваше нитро — не мое топливо, нет! Не нитро, нейтрино! Нейтрино отсюда все в сферу собрались, планету покинули и теперь к облаку Оорта движутся!

Никто не мог понять, о чем он толкует, но Хоакин продолжал

настаивать:

— А если воспользоваться сваркой?..

— Нонкогерентный жар, исправить одиннадцатимерный гравитационный модулятор чтобы? Лучше камнем уж ударить по нему!

— Не психуй, Пес. У тебя есть запасной движок?

Космический Пес вдруг сделался спокойным как танк.

— *Verdad! Mais oui!* И правда! **У** мамы… дома! Частицами под завязку заряжен он!

— Тогда нет проблем. Сейчас кто-нибудь отвезет тебя домой. Ты и глазом не моргнешь, как снова будешь на колесах.

— Nein! Космический Пес один идти должен. Компания не нужна и невозможна есть. Периметры защитной иллюзии повреждены не должны быть!

— М-м… ладно. Кто одолжит Псу свою тачку?

— Пусть берет «Эль-Тигре».

Слова вырвались у меня помимо воли.

— Облонг! Mi companero! Космический Пес с твоим примитивным предметом гордости хорошо обращаться будет! Мгновенно назад вернется!

Хоакин потряс мне руку.

— Спасибо, Папа Оби. Я знаю, ты никому не доверяешь свою малышку, но сегодня Пес должен выиграть гонку.

— Нет проблем.

Я протянул Космическому Псу ключи. Он скользнул за руль, поиграл с рычагом переключения скоростей и педалями и завел мотор.

— Ты уверен, что справишься с такой машиной? Тут никаких шлемов управления…

— Скрипты загружены уже. Готово! Сенсорное управление подключено уже! Adios, mon frere!

В облаке пыли он рванул по дороге быстрее, чем корейские комми при виде войск Макартура.

Когда моя машина скрылась из виду, я заметил, что Стелла стоит в стороне от толпы.

Я поспешил к ней.

Не думаю, что Космический Пес собирался оставлять ее. Наверняка нет. Просто он так хотел скорее вернуться к гонкам, что напрочь забыл о своей спутнице. Впрочем, на его месте такое могло бы случиться едва ли не с каждым из нас.

Стелла выказывала больше эмоций, чем когда бы то ни было. К сожалению, эмоции эти не были положительными. Ее всю трясло, а звездные глаза сверкали, что твои неоновые вывески.

— Эй, Стелла, что случилось? Не волнуйся, старина Пес

скоро вернется. И он, кажется, нормально управляется с моей тачкой, так что все будет нормально. Ни о чем не беспокойся. Пить хочешь? Пойдем возьмем холодной содовой.

Я отвел дрожащую Стеллу за один из трейлеров в отдалении, где, как я знал, хранились запасы питья. Гонки уже начались, и никто не обращал на нас внимания. Мы со Стеллой впервые со времени нашего знакомства остались наедине, и Космический Пес был где-то далеко.

Я выудил из ящика со льдом две бутылки.

— Любишь грейпфрутовую? Тут только «сквирт».

С бутылками в руках я повернулся к Стелле и едва не умер от потрясения.

Она была по-прежнему в свитере, зато успела снять штаны. Кустик волос между ног был того же платинового цвета, что и на голове.

Стелла потянулась к поясу моих брюк. Выронив бутылки с содовой, я попытался оттолкнуть ее.

— Стелла, нет! Мы не можем… не здесь!

Не обращая на меня внимания, она ухватилась за пояс и расстегнула верхнюю пуговицу брюк, а затем потянула молнию — мне казалось, звук слышен за сотню миль.

Стелла прыгнула на меня, обвила ногами талию, и я больше уже не мог сопротивляться. После месяцев воздержания я был тверже, чем египетская алгебра!

Стелла двигала бедрами, направляя меня в свои влажные глубины, я ухватил ее за груди и едва не свалился от потрясения.

То, что носила Стелла, оказалось вовсе не свитером. Ее торс был покрыт голубой шерстью. И все же под этой шерстью скрывались самые совершенные из грудей, какие мне когда-либо приходилось держать в руках!

Я прислонил Стеллу к трейлеру, и самый потрясающий, жаркий, безумный трах закончился куда быстрее, чем все мои рассказы о нем. Стелла за все время не издала ни звука.

Никто нас не засек. Когда я отдышался, мы оделись и присоединились к толпе зрителей.

Космический Пес вернулся примерно через час, вставил в свою тачку новый цилиндр и, фигурально выражаясь, порвал бейкерсфилдцев в клочья.

Когда солнце уже садилось, он направился туда, где ждали мы со Стеллой. Не дойдя до нас нескольких шагов, он каким-то образом уже все знал. Космический Пес воздел к небу руки и взвыл:

— Разрушение! Осквернение! Импринтинг моего секс-симбиота уничтожен! Теперь умереть должен или Космический

Пес, или Облонг!

В ранних сумерках, на пути из Сан-Диего в Энсенаду, я сидел за рулем «Эль-Тигре», стараясь не упустить из виду задние фонари «НЛО», и меня обуревали самые разнообразные чувства. Стыд, страх, гордость, злость — и счастье. Я едва мог разобраться во всем этом. Понятное дело, я предал друга. Но не я же сделал первый шаг. Да его девушка просто набросилась на меня! И еще как набросилась! А что, если она не отвечает за свои поступки? Может, она слабоумная? Я попользовался прекрасной идиоткой? И вообще в каком районе Италии водятся девушки с голубой шерстью и звездными глазами?

Я попытался сосредоточиться на дороге и отбросить не дающие покоя вопросы. Я не знал, куда мы едем, но ехать туда было делом чести.

На Райском плато «Бандиты» собрали импровизированный суд присяжных, дабы решить, что мы должны делать. Я во всем признался, Стелла, как всегда, не проронила ни слова. Вызов, как пострадавшая сторона, бросил Космический Пес:

— Вызываю, *cabron*[10], тебя я! На Космического Цыпленка испытание!

Хоакин нахмурился.

— Я ничего не знаю об этом, Пес. Игры в «цыпленка»[11] до добра не доводят, кто-то может погибнуть. А нам не нужны тут копы. Случись такое — «Бандитам» конец!

— Беспокоиться не надо. Не здесь ритуал Цыпленка проведен будет. Далеко, только Облонг и Пес, свидетелей никаких.

— Что ж, — рассудил Хоакин и пожал нам обоим руки, — пусть победит сильнейший.

Мне не очень-то улыбалось играть с Космическим Псом в «цыпленка», особенно среди ночи. Но я был его должником, и платить приходилось по его правилам.

На полдороги до Энсенады, посреди чистого поля Пес включил поворот и свернул влево. Я последовал за ним, и фары наших машин осветили именно чистое поле.

То есть оно было чистым пару секунд. А потом прямо в воздухе над нами раскрылся гигантский светящийся шлюз. И из шлюза этого медленно выползло что-то вроде рампы. Машина Пса въехала по рампе куда-то вверх. «Эль-Тигре» не отставал, хотя мне кажется, что машина моя ехала сама по себе, настолько я был ошарашен.

Мы остановились в просторном ангаре, заставленном всякой машинерией, среди которой я разглядел парочку аппаратов, при

виде которых командование ВВС уже больше никогда не смогло бы спать спокойно.

Я вылез из машины и подошел с Космическому Псу и Стелле.

— Это же космический корабль! Настоящий НЛО. Вы не из какой не Италии! Вы пришельцы!

— Верно, о companero предательский ты. Признать теперь ты должен ограниченность мирка своего. Но думаю я, «Бандиты» и так понимали уже это.

Я поразмыслил над его словами.

— Пожалуй, что так. Просто мы не хотели признавать этого. Пока ты выигрывал, это не имело значения.

— Понимаю я. И не хотел я раскрывать секрет. Слишком радости от гонок много имел я. Космический Пес в мире родном нежеланный гость теперь. Слишком резкий он, слишком дикий для мира своего. Только гонки с новыми друзьями душу успокаивали мою. Это тайна большая, и разглашать нельзя ее. Но не вернешься ты, так что последствий словам не будет моим.

— Слушай, Пес, я выхожу из игры. Не нравится мне все это!

— Поздно слишком. Наблюдай!

На ближайшей стене зажглось что-то вроде суперсовременного телеэкрана. Вся наша старушка Земля, зелено-голубая, окутанная облаками, была лишь маленьким шариком в углу экрана.

— Куда мы летим?

— К самой жаркой трассе гоночной. К главной вашей.

— К главной — что?

— К главной звезде системы вашей. К Солнцу вашему.

Я прислонился к своей машине.

— Мы будем играть в «цыпленка» с Солнцем?

— Правильно.

— Ты можешь хоть сказать, зачем нам это?

Космический Пес показал на Стеллу — у той был такой вид, будто она страдала от жесточайшего похмелья, усугубленного гриппом.

— Моя экстериоризированная анима, психосоматически инфицировал которую ты. Теперь связана не только со мной одним она, но и с тобой частью своей. С одного из нас смертью встанет на свои места все.

Он еще много чего наболтал мне о рассинхронизированных мюонных парах, точках гормонального контакта, морфическом резонансе, квантовых мозговых структурах и различных инопланетных животных-телепатах, из которых сконструирована Стелла, и о том, что она впала в панику, когда между ней и Псом нарушился контакт. И что она использовала меня в качестве

замены.

Я почти не слушал Космического Пса, я взгляда не мог отвести от его глаз. Он снял очки, и под ними оказались не нормальные человеческие глаза, а какие-то блестящие, словно хромированные окуляры, как у робота. Пес склонился над капотом моей машины, и глаза его телескопически выдвинулись из черепа, рассматривая двигатель.

— Переделать нельзя. Новый двигатель вырастить придется.

Он отошел куда-то и вскоре вернулся с чем-то вроде баллончика со спреем и каким-то серебряным яйцом. Попрыскал из баллончика на мотор «Эль-Тигре», и то, над чем я трудился столько часов, просто превратилось в пыль. Затем Пес положил под капот яйцо, сбрызнул его тем же спреем — только повернул какой-то рычажок на баллончике — и закрыл капот.

— Новая установка энергетическая готова будет, как раз когда к Меркурию приблизимся мы. А теперь в рубку идем, кораблем управлять.

Мы втроем на каком-то антигравитационном устройстве добрались до мостика. Дюжина экранов показывала пространство со всех сторон, и голова моя слегка закружилась. Больше всего не понравился мне тот экран, что показывал Солнце. Пылающий шар приближался на глазах и вскоре заполнил весь экран. Потом Пес сбросил увеличение, и Солнце вновь превратилось в далекий сверкающий диск.

Мы с Псом сидели в некоем подобии кресел, которые услужливо изогнулись под нашими ягодицами. Стелла слонялась вокруг и жевала какую-то инопланетную еду. Я, кажется, тоже ел, не помню. Все молчали. Наконец заговорил Пес:

— Сопротивляться Стелле любой гоминидный инсеминатор тщетно будет, Облонг. Это признаю я. Как и неосмотрительность моя, когда оставил я ее. И все же дуэль наша солнечная состояться должна. Сожаления глубоки.

— Мои тоже.

Вскоре Меркурий уже летел на нас, словно камень из-под колеса родстера. Когда наш корабль остановился, Космический Пес сказал, что мы всего лишь в миллионе миль от Солнца.

На экране в ангаре Солнце кипело как безумная тварь. Гигантские протуберанцы выплескивались в вакуум, а затем падали обратно в раскаленный добела хаос поверхности. Облака цветного дыма отплясывали джигу. Зрелище было, как будто заглядываешь в пылающую задницу самого Дьявола.

Я кое-как отвел глаза от экрана, чтобы взглянуть на новый движок моего «Эль-Тигре». Под капотом плавал ни к чему не присоединенный бесформенный серебряный пузырь.

— Нейтрино питается он. Не из контейнера, как на Земле, а теми, что потоком Солнце испускает. Мощность нейтрино пространственно-временную геодезию сворачивать в силах и ускорять машину твою, как нигде на Земле.

— А как ею управлять? У меня на башке проволоки нет, чтобы шлем подключить.

— Нейтринный двигатель к обычному управлению подключен. Педали, руль, коробка передач.

— Так мы что, оба будем лететь к Солнцу, пока кто-то из нас не сгорит?

— Не так все. Не только с жарой дело иметь будем мы. Защитные поля машин наших миллиард градусов Кельвина выдерживают. Миллион градусов всего на Солнце.

— Так в чем же опасность?

— Гравитация. Недостаточно двигатели мощны, чтобы с гравитацией Солнца справиться. Ближе чуть, и пойман ты в ловушку гравитационную. Умрешь, когда запас кислорода кончится. Не больно это, и вид прекрасный наблюдать будешь ты.

— Значит, выживший получает Стеллу?

— Верно. Но к тому же победитель трусом номер один становится, дерьмом полным, и всю жизнь оставшуюся в стыде будет жить.

Я минуту раздумывал. Инопланетная логика казалась мне какой-то вывернутой наизнанку. Оказался «цыпленком» — получи девушку. И все же Пес прав — честь есть честь, и я ни за что бы не хотел лишиться своей.

— Если повезет, оба мы погибнем! — воскликнул он. — Ну что, прошвырнемся?

Стелла осталась на мостике. Я сел за баранку «Эль-Тигре», где прямо перед носом зажегся маленький экранчик. Я увидел Космического Пса, сидящего в кабине «НЛО».

— Включить щиты, — проговорил Пес, и мгновенно два наших экипажа окружили прозрачные пузыри силового поля. — Настоящие фотоны не проникнут сквозь щит. То, что видишь ты, лишь реконструкция реальности на поверхности поля. Сложная симуляция, виртуальная вся, но от реальной неотличимая.

Открылся люк, из ангара улетучился воздух, и машина, которую мы называли «НЛО», выскользнула в пространство. Я надавил на акселератор, и «Эль-Тигре» послушно подчинился.

Оказавшись за пределами летающей тарелки, мы направили носы наших машин на бурлящую поверхность Солнца. Передо мной замаячила виртуальная елочная гирлянда.

Я не стал ждать зеленого, притопил газ, едва засияли желтые огни, и вырвался вперед. Что бы там ни было, эту гонку я

собирался выиграть. Или, наоборот, проиграть — зависит от того, с какой стороны посмотреть на происходящее.

Страх, покорность, смятение куда-то ушли, лишь только передо мной раскинулось незабываемое зрелище пылающего Солнца, и я осознал, какой уникальный шанс получил.

Никто на Земле никогда не участвовал в такой гонке — нейтринной гонке. За рулем самой крутой из существующих тачек я собирался рвануть по шоссе самого Господа Бога к славной гибели. Я стану гоночной легендой!

Если, конечно, Космический Пес будет достаточно честен, чтобы рассказать обо всем «Бобовым бандитам».

— Не забудь рассказать Хоакину и остальным о том, как я победил! — вскричал я.

— Фактически невозможно! Космический Пес исчезнет здесь. Ты Цыпленком будешь!

Взглянув в окно, я заметил, что Пес уже почти догнал меня.

— Никогда! — взревел я и до пола утопил педаль газа.

Спидометр моего «Эль-Тигре» был откалиброван по-новому — в десятых скорости света, — и стрелка уже подбиралась к первой отметке. Гонка обещала быть чертовски быстрой.

— Входим в верхние слои фотосферы! Поворачивай назад, трус!

Хоть в кабине у меня и было прохладно, я был мокрый как мышь. Невероятного размера солнечные щупальца извивались вокруг, как в замедленном фильме ужасов, — огненные дуги, любая из которых могла бы поглотить целиком всю Землю.

Я включил третью передачу.

— Тенью я следую за тобой! Машины равны, ни одна не обгонит другую!

— Тогда до встречи в аду, Космический Пес!

В это мгновение какая-то сила отвернула меня на девяносто градусов от курса. Я крутил руль, ругался на чем свет стоит — все бесполезно.

— Ха-ха! Космический Пес побеждает! Я найду гибель! Запомни, Облонг! Тело гуманоидное сильнее Солнца обжечь может!

С этими загадочными словами он нырнул прямо в наше светило.

«Эль-Тигре» вышел из фотосферы под правильным углом, а дальше системы головного корабля сами привели меня в нужное место.

Стелла выдернула меня из смертельной гонки.

Меня, не Космического Пса!

Как только ангар вновь наполнился воздухом, она пришла. Я

выбрался из «Эль-Тигре», молчаливый и изможденный. Но когда увидел, что она вновь такая же, как и раньше, я больше не мог грустить.

Стелла пришла в мои объятия, и мы любили друг друга прямо там, в ангаре, и ее роскошная задница устроилась прямо на языках пламени, нарисованных на капоте.

Космический корабль вместе с «Эль-Тигре» — единственной вещью, которую мне жаль было потерять — мы утопили в Тихом океане, в миле от берега. Собственно, это получилось случайно — Стелла не слишком хорошо умела управляться с летающей тарелкой. Заплыв до берега едва не убил нас, и нам повезло, что мы сумели выбраться.

В Сан-Диего все было как всегда: работа, «Бобовые бандиты» и ледяная Эрмина. Только вот я не мог уже душой вернуться к старому. К гонкам я остыл, а работа механиком стала казаться мне бессмысленной. А еще, пусть Хоакин и остальные и не сказали мне дурного слова, я знал: они уверены, что я убил Космического Пса, чтобы заполучить его девушку.

Да, собственно, в каком-то смысле так оно и было.

Мы со Стеллой перебрались в Сан-Франциско и открыли кофейню. Назвали ее «Гараж» и украсили поддельными постерами и фальшивыми сувенирами, на которые порядочный гонщик и не взглянул бы. Зато к Стелле посетителей тянуло почище, чем адвокатов к стодолларовым банкнотам, и дела у нас шли хорошо.

Я не корю себя за то, что выжил. Я готов был мчаться до смертельного финиша, и лишь вмешательство Стеллы спасло меня. Что меня всегда немного беспокоило, так это судьба «НЛО» Космического Пса.

Поразмыслив, я пришел к выводу, что энергетическая установка его тачки по-прежнему поглощает нейтрино, и «НЛО» вместе с трупом Пса все кружит и кружит вокруг Солнца, а может, и купается в его глубинах, и одному Богу известно, какое влияние все это оказывает на наше светило.

Когда в шестидесятых астрономы заговорили о том, что Солнце испускает меньше нейтрино, чем, по их расчетам, должно бы, я сразу понял, что прав.

Но что я могу поделать? Прошло уже полсотни лет, а Земля все кружит по своей орбите, верно? Ну, климат теплеет, так ведь это уже давно объяснили загрязнением окружающей среды, озоновыми дырами и все такое прочее. Я просто хотел рассказать правду, чтобы она не ушла в могилу вместе со мной. На Стеллу тут рассчитывать нечего. Ах да, она, конечно же, за десятилетия

не постарела ни на йоту и наверняка останется такой же еще пару сотен лет. (Посмотрели бы вы, какие взгляды на нас бросают, когда Стелла катит меня по улице в инвалидной коляске. Надеюсь, когда я сыграю в ящик, она найдет себе нормального молодого парня.)

За все пятьдесят лет она так и не сказала ни слова. Мне кажется, свойства ее разума таковы, что речь ей просто не нужна. Так что на Стеллу надежды мало.

В голове моей частенько звучат слова Космического Пса:

— Истинно, *сотапего,* настоящий гонщик всегда один есть!

«Neutrino Drag». Перевод А. Криволапова

ЧТО В ТРУБУ УХОДИТ? ДЫМ!

Не часто писателю удается найти фэнтезийный ход, который не был уже использован до него. Вампиры, оборотни, единороги, злые мачехи, волшебные кольца, проклятые талисманы, зачарованные замки — инвентарь современных фэнтезийных романов составлен из бессмертных тропов, которые были уже стары, когда братья Гримм и Андерсен взялись каталогизировать их. Кажется, в этом рассказе мне удалось придумать что-то новенькое.

Все мы знакомы с темой трех желаний, которые возможны, если нам их предоставит некое могущественное волшебное существо. А что, если эта власть поделена и три желания могут исполниться, лишь только если два человека согласятся пожелать одно и то же? Потенциал юмористических конфликтов при подобных условиях просто неисчерпаем. И, кажется, никто еще не додумался до такого.

Поначалу я хотел придумать для такого рода ситуации некое магическое объяснение, но потом решил обойтись чем-то наукообразным и, боюсь, нагнал лишнего туману. Так что поверьте на слово: перед вами самая настоящая сказка.

Доктор Бобирна Колумник была девушка очень красивая, с отвратительными манерами и таким же отвратительным произношением, да к тому же ужасная доставала и надоеда. И речь тут идет вовсе не о чьем-то личном мнении — все эти четыре характеристики ее личности подтверждены независимыми научными наблюдениями.

Итак, что касается красоты: все без исключения представители мужской части сотрудников «Мезомасштабных технологий» концентрировались вокруг нее подобно дендритам вокруг синапса, стремились выполнять ее поручения, на блюдечке подносили ей результаты своих последних изысканий, словно результаты эти были роскошными букетами.

Теперь о манерах. Доктор Бобирна Колумник, эта придирчивая командирша, никогда ни о чем не просила вежливо, никогда не проронила доброго слова. Она кричала, требовала и раздавала приказания почище мегер — ведущих телешоу.

Если говорить о произношении, стоит упомянуть, что, рожденная и выросшая в Бакснорте, штат Теннесси, доктор Бобирна Колумник обращалась с английским языком весьма своеобразно. Например, требуя точности в измерениях, она никогда не говорила «пять девятых», заменяя их некой инопланетной мерой — «пья-ит вят».

Что до надоедливости — это, как выяснилось, понятие субъективное. Поклонники доктора в «Мезомасштабных технологиях» в большинстве своем не согласились бы с нами. Почти все — даже финансовые учредители-распорядители — полагали доктора Бобирну Колумник компетентным, способным руководителем, добивающимся результатов (и финансовой выгоды) с минимальными затратами.

Почти все — но не Джош Стикли. Неожиданные, хоть и неизбежные вторжения доктора Бобирны Колумник — лицемерно называемые «рабочими визитами» — раздражали и нервировали его. Всякий раз, когда эта женщина заходила в его лабораторию, эксперименты Джоша сопровождались неожиданными и совершенно необъяснимыми результатами и случайными явлениями, отследить происхождение которых оказывалось совсем не просто — на это требовался не один день. Дело зашло так далеко, что приборы начинали выдавать невесть что, едва только в коридоре раздавался перестук каблуков доктора.

Понимая, что открытая борьба с безжалостной судьбой обречена на провал, Джош предпринял попытки исподволь расшатать пьедестал доктора. У фонтанчика с питьевой водой он поначалу попытался окрестить ее Боброколом, но потом, не встретив поддержки товарищей, придумал кличку Умница Бобриха. Кличка прилипла сразу, однако эффект дала прямо противоположный тому, на который рассчитывал Джош, — в глазах сотрудников доктор Колумник лишь стала более человечной и, как ни странно, сексуальной.

Расстроенный Джош признал временное поражение, прекратил свою кампанию против прекрасной, невоспитанной

доставалы с кашей во рту и всецело сосредоточился на своих научных изысканиях. В надежде на грядущую славу.

По правде сказать, любое открытие, подлежащее патентованию, автоматически становилось собственностью «Мезомасштабных технологий» и даже не принесло бы Джошу финансовой прибыли (кроме разве что премии от начальства), но вот если ему удастся воплотить одну задумку…

Что ж, Нобелевская премия будет достаточной компенсацией за годы, проведенные под пятой Умницы Бобрихи.

Вечером во вторник Джош возился с лабораторными мышами. Тест, придуманный им для хвостатых подопечных, был гениально прост, хотя посторонний вряд ли смог бы с ходу понять его цель. Сложный лабиринт, изменяемый после каждого прохождения. А в центре награда — пища. Джош помещал в лабиринт одну или двух мышей и следил за их успехами. Как только первая мышь выполняла задачу, Джош убирал ее, стерилизовал лабиринт, чтобы уничтожить запах, а затем выпускал вторую мышь, до этого изолированную в другой комнате, и включал секундомер. Потом перестраивал лабиринт, стерилизовал его и повторял все сначала.

Учитывая массу сопутствующих факторов — время суток, состояние мышей, сложность лабиринта и все такое прочее, — Джош пытался добиться одного. Он ждал, когда вторая мышь пройдет лабиринт быстрее первой, ведомая неким сверхъестественным знанием.

Обработав данные статистически, Джош был разочарован. Как он ни старался, вторая мышь ни разу не побила время первой.

Сегодня Джош проводил эксперимент уже в двадцать седьмой раз и совсем выбился из сил, пытаясь добиться желаемого.

Наконец он не выдержал:

— Давай, сырная башка! Посылай и принимай! Посылай и принимай!

— Посылать и принимать, доктор Стикли?

Джош едва не раздавил в кулаке мышь № 1. Совладав с собой, аккуратно посадил мышь в клетку и обернулся.

Кроссовки! Бобриха обзавелась парой розовых кроссовок «Найк», чтобы иметь возможность застать подчиненного врасплох!

Проследив его взгляд, доктор Бобирна Колумник проартикулировала что-то, и Джошу пришлось изо всех сил сосредоточиться, чтобы разобрать:

— Я переоделась, чтобы идти домой, доктор Стикли. Уже семь часов. Я ценю ваше рвение, однако полагаю, вам стоило бы

отдохнуть. Вы выглядите разбитым.

От усталости Джош потерял бдительность.

— Видите ли, я пока не получил требуемых результатов. Надеюсь, совсем скоро…

Умница Бобриха драматическим жестом подчеркнула свое потрясение.

— Доктор Стикли, вам не кажется, что пришло время прекратить эксперимент? После стольких попыток, боюсь, вы вряд ли преуспеете. Вы начали исследования до того, как я пришла на должность, ибо от меня вы никогда не получили бы разрешения на них. А я на должности уже шестнадцать месяцев и не вижу от вас никакого результата.

Джоша охватила паника.

— Но… правда… я же почти не требую средств. Лишь немного времени ребят, которые составляют формулы мезоифритов, да час-другой на конвейере, чтобы получить сами мифриты. Да мне и надо-то всего ничего — мне и мышам! Зато теория… теория великолепная. Сознание — как квантовый феномен, опосредованный микротубулами Пенроуза! Как только мои мифриты будут введены и подключатся к нейронной сети, они должны вызвать субатомный резонанс синаптической активности, и возникнут субпланковские информационные волны, которые смогут воспринимать мифриты, подключенные к другой нервной сети, независимо от расстояния.

— Должны, да что-то не вызывают. Ваша методология порочна! Вы что, надеетесь, что мыши будут общаться с ВАМИ?

— Вы не поняли! Мне нужно просто изменять амплитуду резонанса…

— Доктор Стикли, прошу вас, не унижайте нас обоих мольбами. Боюсь, я приняла решение. На следующей неделе собирается Совет, и вам дадут возможность высказаться. Однако отсутствие каких-либо результатов, безусловно, ставит на вашем проекте крест. Впрочем, волноваться не о чем, мы найдем достойную сферу применения вашим талантам. Тут как раз планируется один дорогостоящий эксперимент…

— Нет!..

— Да. Доктор Оукшот как раз работает над замечательными самообновляющимися непенящимися мифритами для чистки кафеля.

Бросив это последнее оскорбление, доктор Колумник со скрипом развернулась на блестящем полу и триумфально удалилась.

Возможно, дома некоторых неженатых ученых и являют собой

чудеса дизайна и современных технологий, но к жилищу Джоша эти слова не имеют никакого отношения. Коробки из-под пиццы вперемешку с грязными рубашками, груды видеокассет и журналов, образующие некие готические строения, кипа нераспечатанной почты на письменном столе.

Джош осушил пятую бутылку пива и швырнул пустую тару на ковер. Распростершись на видавшем виды диване, он с тоской вперился в циферблат часов. Уже десять вечера, а он все еще недостаточно пьян, чтобы наконец вырубиться. Господи, ну почему он не переносит крепких напитков, ведь в противном случае проблема давно уже была бы решена!

Джош понуро направился к холодильнику, и тут зазвенел дверной звонок. На нетвердых ногах Джош проковылял к двери и открыл ее.

За дверью стояли четыре совершенно одинаковые женщины. Джош тряхнул головой, потер глаза… нет-нет, конечно, не четыре, а две совершенно одинаковые женщины, и Джош прекрасно знал их.

Эвадна и Сибонея Пилчард жили ровнехонько через дорогу от Джоша. Двадцатичетырехлетние близняшки обладали ярко-рыжими шевелюрами, округлыми фигурами и зелеными глазами, напоминавшими ломтики киви. Когда Джош только въехал сюда, им было по двенадцать, и они без устали гоняли туда-сюда на велосипедах. Впоследствии девочки сдружились со странноватым холостяком-соседом, не прочь были дружески подшутить над ним или поплакать ему в жилетку, как, к примеру, в день, когда родители их погибли при внезапном взрыве нефтепровода как раз в тот момент, когда они фотографировали дикую африканскую природу во время специально организованного сафари.

Джош никогда не мог отличить Эвадну от Сибонеи, ни когда они были девочками, ни когда стали женщинами. Одевались они совершенно одинаково, а какие-либо индивидуальные метки вроде шрамов у них отсутствовали напрочь. Изотропная природа их личностей еще больше запутывала картину. В конце концов Джош отчаялся понять, кто из них кто. Ко всему прочему, в отличие от некоторых близнецов, старающихся всячески подчеркивать свою индивидуальность, сестры Пилчард, похоже, даже получали удовольствие от недоразумений, частенько вызываемых этими ксерокопиями друг друга.

— О Джош! — воскликнула одна из сестер. — Ты должен спрятать нас.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — запричитала вторая, — речь идет о жизни и смерти.

— Конечно, — пробормотал Джош. — Входите.

Близняшки вбежали в квартиру и поспешили опустить все шторы на окнах, выходящих на улицу.

— Эти ужасные Поуки.

— Эд и Сид.

— Не стоило нам открывать после девяти вечера.

— Это были они.

— Они сказали, что пришли пригласить нас выпить.

— Скажи мы «нет», они бы не отстали.

— И нам пришлось бежать.

Джош попытался понять, о чем идет речь.

— Я знаю этих парней?

— Мы уже говорили о них.

— Мы встретились на вечеринке для двойняшек.

— Мы по глупости сказали им, как нас зовут.

— «У нас такие же инициалы», — сказали они.

— Э.С.П.

— Как будто это что-то значит!

— Ужасные, ужасные братья.

— Похожи на авокадо!

— Плешивые, и с ног до головы в полиэстере.

— Торгуют подержанными машинами!

— А теперь они не хотят оставить нас в покое!

Джош от души сочувствовал соседкам. То, как вели себя их ухажеры, бросало тень на весь мужской пол. Он сбросил с дивана все, что там валялось, и пригласил сестер присесть.

— Сядьте и отдышитесь. Пива хотите?

— А какое есть?

Джош наклонился, едва не упав при этом, и поднял с пола пустую бутылку.

— Вот это.

— «Нарагансет»?

— Мы такого не пробовали. Оно очень плохое?

— Отличное. Весьма мягкое. — Джош отправился на кухню и вернулся с тремя бутылками. — Привет, сестрички, хлебнем «гансета»!

Двойняшки отпили по глотку, удовлетворенно хмыкнули и, наконец, внимательно посмотрели на хозяина.

— Джош, что случилось?

— Мы же знаем, что ты не пьешь каждый вечер.

— Мы бы заметили пустые бутылки в мусоре.

— Ах, это все моя чертова работа.

И Джош поделился с ними своими невзгодами. Сестры слушали сочувственно, однако не могли предложить ничего, что помогло бы справиться с Бобрихой.

— Эх, если бы только у меня были результаты! Она бы оставила меня в покое!

Сестры заговорили хором, каким-то одинаковым сдвоенным голосом:

— Начальник плохой, дадим ему бой!

После этого последовал странный ритуал. Обе женщины скрестили пальцы и принялись скандировать:

Что в трубу уходит? Дым.
Все, что пожелаем,
По силам нам двоим!

В затуманенном алкоголем мозгу Джоша словно включили свет.

— Одинаковые мозги! — пробормотал он. — Они уже резонируют…

Справа и слева в ребра ему ткнулись маленькие кулачки.

— Ты о чем?

— Выражайся яснее!

Джош почувствовал мимолетный укол совести но мере того, как в голове его обретал форму поистине маккиавеллиевский план. Привалившись к одной из сестер, что вызвало хихиканье обеих, он нашарил пульт и включил телевизор, чтобы отвлечь своих гостий.

— Давайте-ка посмотрим, что там у нас в новостях.

* * *

Команда, занимающаяся разработкой и внедрением мифритных цепей, была в курсе намерений Джоша. Более того, его запрос они восприняли как вызов своему мастерству. Однако на сей раз его требования были слишком уж туманными.

— Тут, сдается мне, речь идет вовсе не о мышином мозге, — проговорил Джо Грильо, почесывая лысину. — Если бы я не знал, чем ты занимаешься, решил бы, что ты собрался экспериментировать с человеческой черепушкой.

— Слушай, — настаивал Джош, — вы здесь, ребята, не вопросы задавайте, а делайте, что вас просят.

— Так-то оно так, но зачем такая дозировка? Что-то тут не то. Она же рассчитана на массу тела фунтов в сто двадцать, не меньше.

Джош обхватил голову руками.

— Господи, боже ты мой, да что ж мне надо сделать, чтобы

заставить вас выполнять свою работу?

— Ладно, ладно, не кипятись. Нынче пятница, и в три часа Бобриха потребует с нас отчет за неделю. Когда увидит, что ты запросил, она же просто на дерьмо изойдет. Жди тогда в гости мисс Скарлет О'Хару.

— Да-да, но не раньше понедельника. А к понедельнику я уже буду знаменит. А вы заработаете кучу денег, рассказывая обо мне газетчикам.

— Ага, а моя жена к понедельнику станет вылитой Умой Турман. Я дам тебе твои мифриты, Стикли, но вся ответственность на тебе. Я умываю руки.

— Вот это дело! Я твой должник, Грильо.

Доктор Бобирна Колумник ознакомится с отчетом не раньше понедельника. А значит, у Джоша впереди все выходные, чтобы получить неопровержимые доказательства своей правоты. Сибонея и Эвадна уже согласились прийти к нему сегодня на ужин. Джош уже приготовил кое-какие запрещенные препараты, чтобы на время лишить сестер сознания. Это оказалось несложно — достаточно было обратиться к одному из длинноволосых парней в упаковочном цехе. По этому поводу Джош чувствовал некий душевный дискомфорт, но наука — превыше всего. Как только близняшки очнутся, Джош объяснит, какая великая им оказана честь, и немедленно приступит к экспериментам, подтверждающим обретенные сестрами телепатические способности.

А потом останется только оповестить средства массовой информации. Джош не сомневался, что Эвадна и Сибонея с радостью воспримут свой новый статус знаменитостей, причем знаменитостей богатых! В конце концов, какое удовлетворение могли они получать, работая в салоне красоты «Венера в мехах»?

Стук в дверь лаборатории заставил Джоша подпрыгнуть на месте — слава богу, это оказался всего лишь курьер, доставивший два пузырька, наполненных самовоспроизводящимися невидимыми преобразователями мозговой деятельности.

Джош прихватил два чистых шприца и отправился домой.

На рынке он прихватил все необходимое для лазаньи — единственного блюда, которое Джош умел готовить, — купил салата, хлеба и вина (крепкого «цинфанделя», чтобы перебить вкус таблеток). О десерте можно было не беспокоиться, ибо к тому времени гостьи уже благополучно вырубятся.

Когда в семь вечера задребезжал дверной звонок, все было готово. Джош, как мог, убрал следы холостяцкого беспорядка, зажег свечи, поставил диск с легким джазом и накрыл на стол.

Эвадна и Сибонея были веселы и жизнерадостны. Сегодня обе были в голубых шелковых брючных костюмах, выгодно подчеркивающих бледную кожу и рыжие волосы, и надели скромные золотые украшения.

— О Стикли, как мило!

— Если бы мы тебя не знали, подумали бы, что ты собрался нас соблазнить!

— Что вы, какая ерунда. Просто хотел разделить трапезу со старыми друзьями. Давайте лучше попробуем креветок с белым вином. А позже, с лазаньей, перейдем к красному.

Нетвердой рукой Джош вонзил в женскую плоть второй шприц. Сестры валетом лежали на диване и являли собой картину спокойного, умиротворенного искусственного сна. К утру, когда они проснутся, мифриты уже проникнут через мозговую оболочку и распределятся по нейронной сети.

Вздохнув, Джош попытался объективно оценить свои действия. Конечно, сестры Пилчард не давали согласия на эксперимент, зато честь, которую он им оказал, явно перекрывает некоторую этическую сомнительность происходящего.

Джош отправился в постель, но голова у него шла кругом, и, конечно же, он не мог сомкнуть глаз. Чтобы как-то убить время, он принялся составлять речь, которую произнесет в Стокгольме.

Едва занялся день его грядущего триумфа, Джош побрился, почистил зубы, принял душ и облачился в костюм. В сотый раз перетасовал специальные карточки с различными изображениями, которые собирался использовать для проверки телепатических способностей сестер, и отправился на кухню сварить кофе.

Едва запах свежесваренного кофе распространился по квартире, из холла донеслись стоны, и не прошло и нескольких минут, как на кухне появились не совсем еще пришедшие в себя, но, судя по всему, совершенно здоровые сестры Пилчард.

— О господи, что случилось?

— Прости нас, Джош. Это вино…

— Мы просто вырубились. Ужасно!

Джош пододвинул к ним кофейник, сестры положили в каждую чашку одинаковое количество сахара, одинаковое количество сливок, отхлебнули и с наслаждением вздохнули. Доброе расположение духа вернулось к ним.

— Надеемся, ты не воспользовался нашей беспомощностью?

— Никаких таких проделок?

Джош поспешил вмешаться, пока их заигрывания не зашли дальше.

— Вы не виноваты, леди. Видите ли, это я сделал так, что вы заснули.

Сибонея и Эвадна распахнули свои зеленые глаза и хором вопросили:

— Что это значит?

Джош все объяснил. Поначалу он говорил громко и уверенно, однако по мере того как сестры делались все мрачнее, сбавил тон и в конце концов совсем умолк.

— Так это была единственная причина, почему ты пригласил нас?

— Чтобы использовать в качестве морских свинок?

— Как мерзко!

— К тому же твой злодейский план не сработал!

Съежившись, Джош рискнул спросить:

— А откуда вы знаете?

— Ты что, думаешь, мы не заметили бы, если бы смогли читать мысли друг друга?

— Твоя теория — полное дерьмо!

— Полная чушь!

И хором:

— О, как бы мы хотели, чтобы у нас был револьвер!

Звук выстрела громом грянул в маленькой кухне. В ушах Джоша зазвенело, в ноздри ударила пороховая гарь. Он инстинктивно зажмурился, потом осторожно открыл глаза.

Одна из сестер держала в руке огромный дымящийся револьвер. Несколько мгновений она тупо смотрела на оружие, затем швырнула его на пол.

— Мы хотим домой!

Эвадна и Сибонея исчезли.

Джош на мгновение растерялся, потом бросился к выходу, рванул через дорогу и забарабанил в дверь сестер Пилчард.

— Впустите меня! Сибонея, Эвадна! Я знаю, что с вами случилось!

Дверь открылась на полдюйма.

— Как мы можем тебе верить?

— Вам не надо мне верить, просто выслушайте!

Дверь распахнулась, и Джош вошел внутрь. Мельком бросив взгляд на икеевский интерьер, Джош поспешил предотвратить вопросы сестер и быстро заговорил:

— Мои мифриты сработали! Просто эффект не тот, которого я ожидал. Я думаю, произошло вот что. Ваши объединенные мозги воздействуют на пространственно-временной континуум на квантовом уровне! Впервые в истории сдвоенная ментальная сила производит изменения пространства и времени. Когда вы вдвоем

желаете чего-то, то оказываете действие на Гейзенбергову постоянную. Или перенаправляете вселенную во временное ответвление, в котором ваше желание исполнено! Я точно не уверен, но скорее всего так оно и есть. Послушайте, мы должны попробовать… Гм, это невежливо, но я спрошу, ты кто?

Джош ткнул пальцем в близняшку слева.

— Сибонея.

— Сибонея, попробуй пожелать чего-то, что твоя сестра не хочет. Если такое возможно.

— Хм, ладно, мы…

— Нет, не «мы». Давай скажи «я».

— А-а, м-м… я хочу ромовую бабу.

— Ничего себе, — проговорила Эвадна.

Все трое терпеливо ждали, но ничего не происходило.

— Теперь ты, Эвадна.

— Я хочу кассету с новым фильмом Мела Гибсона, который только что вышел на экраны.

— Мела Гибсона? Этого придурка? — фыркнула Сибонея.

Никакой кассеты не возникло.

Джоша аж трясло от возбуждения.

— Вот оно, доказательство! Ваши мозги действительно сообщаются друг с другом. И не на сознательном уровне. Боже, мы можем провести тучу интереснейших экспериментов.

Тут сестры Пилчард взорвались:

— Экспериментов!

— Чтобы доказать твою дурацкую теорию!

— И заработать тебе Нобелевскую премию!

— Ты и так уже сделал из нас уродов!

— Монстров!

Джош попытался утихомирить их:

— Ну-ну, вы только представьте все плюсы…

— Заткнись! Чтоб ты помер!

Когда ты мертв, понять это довольно сложно. Лишь после Джош смутно припомнил, или осознал, или попытался осознать пришедшее к нему в тот момент вневременья чувство одновременного заключения в какой-то капсуле и в то же время присутствия сразу везде. Когда чувства вернулись к нему, Джош мгновенно осознал, что посещение потустороннего мира отныне всегда останется при нем, где-то в глубинах сознания.

И не важно, как долго это посещение длилось.

Веки Джоша зашевелились, грудная клетка начала подниматься и опускаться. Реакция его невольных убийц оказалась весьма неожиданной: Джош вдруг осознал, что его со

всех сторон осыпают поцелуями. Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на полу, а сестры стоят рядом на коленях.

— О, ты жив! Хвала тебе, Господи!

— Нам так жаль, Джош. Мы не думали, что желание исполнится так буквально!

— Мы просто сказали первое, что пришло нам в голову.

— Мы просто рассердились.

— Немного рассердились.

— Но теперь мы больше не сердимся.

— Совсем не сердимся. Мы простили тебя.

— И пожелали, чтобы ты снова был жив.

— Когда ты умер, мы поняли что-то важное.

— Мы любим тебя!

Джош сел.

— Обе?

— Конечно.

— Мы всегда тебя любили, с детства, а сейчас поняли это.

Джош с трудом поднялся на ноги. От такого признания в любви колени его совсем ослабли.

— А… проблем не будет?

— Что?

— Ну… я один, а вас две.

— Для нас нет проблем.

— Мы всегда все делаем вместе.

Джош опустился на стул.

— Девушки, я… я польщен. Я всегда считал вас очень привлекательными. Я думаю, если проанализировать мои чувства, можно сказать, что я люблю вас. Но вы только представьте сложности в социальном плане…

И тут раздался звонок в дверь.

Сестры по очереди заглянули в глазок. На лицах их отразилось замешательство, и Джош забеспокоился.

— Опять эти Поуки!

— Мы же сказали им, чтобы не беспокоили нас сегодня.

— Они нам не поверили.

— Они хотели, чтобы мы отправились с ними на фестиваль старинных автомобилей.

— Что ж, теперь они узнают, что наше «нет» означает именно «нет»!

Прежде чем Джош успел что-либо предпринять, дверь распахнулась, и на пороге появились Поуки.

Как и предупреждали сестры, парочка оказалась весьма непривлекательная. Низенькие, коренастые, моложе Джоша, но уже плешивые, зато с пышными усами, как любили носить

футболисты НФЛ году в семьдесят пятом. В честь выходных они принарядились в нейлоновые рубашки отвратительного грязно-лилового цвета.

Вся их любезность, коей и так было не слишком много, улетучилась при виде Джоша.

— Это еще что за болван?

— Что он тут делает с утра пораньше?

— Вы что, милашки, за дураков нас держите?

— Кто бы он ни был, он с нами не пойдет!

Сибонея и Эвадна, видимо, наслаждались происходящим. Накручивая на пальчики тициановские локоны, они всем видом демонстрировали, что настроены донельзя миролюбиво. Однако Джош подозревал, что близняшки впустили братьев отнюдь не для светской беседы.

— О, это всего лишь наш сосед.

— Джош Стикли.

— Он пришел вскружить нам головы.

— Но не успел зайти слишком далеко.

Братья Поуки нахмурились.

— Ладно, коли так.

— Так мы едем, девушки?

— Вы одеты слишком официально.

— Как будто на вечеринку собрались.

Сестры широко улыбнулись.

— Это потому, что мы ночевали у Джоша.

— Мы только из постели.

Братья разевали рты, как рыбы, вытащенные из воды.

— Это… это неслыханное оскорбление!

— Вы не смеете так обращаться с нами!

— Мы вам не собачонки на поводке!

Джош сморгнул — он уже понял, что сейчас произойдет.

— Вы уверены?

— Хотим, чтобы Поуки превратились в собачек-пикапу!

На месте братьев Поуков на ковре стояли две маленькие уродливые собачонки. Они ошалело мотали головами, потом принялись надсадно тявкать. Сибонея и Эвадна взяли их на руки и принялись теребить.

И тут Джош увидел, что у каждой собачонки на голове красуется круглая плешинка.

Это сюрреалистичное подтверждение превращения братьев в собак стало последней каплей, потрясшей Джоша даже больше, чем собственная смерть и объяснение близняшек в любви.

Он вскочил с места и бросился прочь.

Что же делать? Что делать? Джош не имел ни малейшего представления, как взять столь далеко зашедший эксперимент под контроль. Каким же надо было быть идиотом, чтобы так опрометчиво использовать неопробованную технологию. Он уничтожил свою карьеру, разрушил мирную жизнь двух друзей — женщин, которые любили его, с которыми его ждало счастливое, пусть и не совсем традиционное будущее. А еще он избавил мир от парочки торговцев подержанными автомобилями. Ну, может, последнее — не такой уж и грех, и все же игры в Господа Бога грозили ввергнуть все вокруг в хаос.

Меряя шагами гостиную, Джош судорожно пытался измыслить план, который помог бы вернуть все на свои места. Больше всего его беспокоили капризы сестер Пилчард. Неужели побочное действие мифритов таково, что сестры превратились в неуправляемых эгоманьяков? Или они просто возбуждены, как возбужден был бы на их месте любой, получив в руки подобную власть? Может, в конце концов они остынут и прислушаются к голосу разума?

Господи, ситуация была безнадежной.

А все проклятая Бобриха! Ненависть к начальнице немного успокоила Джоша, возвращая его в реальный мир. Не попытайся Бобриха прикрыть его проект, он не пустился бы во все тяжкие. Да, если рассудить здраво, вина за происшедшее лежит исключительно на докторе Бобирне Колумник.

Джош упал на диван и разрыдался.

— Ну, ну, не плачь.

— Погладь Эда или Сида. Они такие мягонькие.

— Научно доказано — это успокаивает.

По обе стороны от Джоша материализовались Сибонея и Эвадна, держа в руках по собачонке. У обеих сестер были великолепные прически. Обе были увешаны украшениями на миллионы долларов. Наряды от-кутюр наверняка еще десять минут назад были в Милане.

— Пожалуйста… не убивайте меня…

— Убивать тебя?

— Зачем?

— Мы ведь уже сказали, что любим тебя.

— И нам так нравится наше новое умение.

— Просто нужно было время привыкнуть.

— Как хорошо, что ты запустил в нас эти свои штучки.

Джош утер нос рукавом.

— Вы… правда меня любите?..

— Конечно.

— И сейчас докажем тебе это.

— Мы хотим, чтобы у Джоша было кое-что, по-настоящему здоровенное.

Джош вскочил на ноги, хватаясь за раздувшиеся штаны. Попытался что-то сказать, но от потрясения не мог произнести ни слова.

— А теперь мы покажем тебе, что можно делать с нашим подарком.

Звонок в дверь прозвучал как сигнал из параллельной вселенной. Джош рванулся к двери, хотя новоприобретенное приспособление несколько тормозило его движения.

Доктор Бобирна Колумник излучала враждебность, как ускоритель — элементарные частицы.

— Итак, доктор Стикли, игра окончена! Не знаю, чего вы добиваетесь, но я прочла отчет из секции по производству мифритов. Вы нарушили мои распоряжения! Я стою на страже интересов «Мезомасштабных технологий» и намерена положить конец вашим безумствам!

Доктор Колумник ворвалась в квартиру прежде, чем Джош сумел преградить ей путь. Увидев спокойно сидящих на диване сестер Пилчард, она остановилась как вкопанная.

— Что это за крикунья, Джош?

— Хорошенькая.

— У тебя с ней роман?

Джош потряс головой — казалось, она весила сотню фунтов.

— Нет, она моя начальница. Умница Бобриха…

Он слишком поздно сообразил, как назвал доктора Колумник.

— Что?! — возопила та. — Да как вы смеете…

И тут наступила благословенная тишина.

Ибо научно доказано, что животное, именуемое Cator fiber canadensis, не умеет говорить.

Доктор Бобирна Колумник раздраженно била по полу своим широким хвостом. Сестры опустили на пол Сида и Эда, которые тут же с лаем принялись гоняться за бобром по комнате. Наконец все трое выскочили в открытую дверь, являя собой зрелище, какого соседям до сих пор наверняка не доводилось видеть. Джош подумал, что вряд ли доктору Колумник удастся в ближайшем будущем выступить на Совете «Мезомасштабных технологий».

— А теперь, когда досадная помеха устранена, давай-ка развлечемся, как мы тебе и обещали.

В мгновение ока Джош оказался вместе с Сибонеей и Эвадной в их спальне. Еще мгновение, и все трое были обнажены.

— Может, сделаем ему второй?

— Нас же все-таки две.

Джош прикрыл свое сокровище руками.

— Не надо! Одного вполне достаточно!

— Ладно, ладно, хватит дурачиться.

Мозг Джоша работал в сверхскоростном режиме. Как же избежать того, чтобы не оказаться на всю жизнь в услужении — пусть и приятном — у двух женщин?

Двух женщин. ДВУХ ЖЕНЩИН!

Джош заставил себя выпрямиться и улыбнулся. Он обнял обеих сестер и привлек к себе.

— Сибонея, Эвадна, я никогда раньше не делал ничего подобного. Вы не могли бы облегчить мне задачу? Ну хоть в первый раз?

— Как?

— Ну… вы не могли бы объединиться в одну? Физически. Само собой, на время. Наверняка вы не раз мечтали об этом. Если бы вы превратились в одну женщину, я полностью сосредоточился бы на том, чтобы доставить ей удовольствие. И никому не пришлось бы ждать своей очереди.

— А как ты будешь нас называть?

— Ну… не знаю… Сива.

— Мило.

— Мы попробуем.

Мгновение, и перед Джошем оказалась всего одна сестра. Джош молил Бога, чтоб его план не провалился.

— Э-э, Сива, прежде чем мы начнем, не выпить ли нам шампанского?

— Конечно, почему нет. Мы хотим бутылку шампанского.

Ничего не произошло. Сива пробовала снова и снова — все безрезультатно.

— Ты… ты одурачил нас! Для исполнения желаний нужны мы обе!

— Верно, а теперь вы превратились в нормальную женщину.

На миг Джош почувствовал укол совести при мысли о Сиде, Эде и Умнице Бобрихе. Ничего, он все исправит. Надо только найти для этой цели еще близнецов… мужчин.

Сива Пилчард обвилась вокруг Джоша.

— Что ж, слава богу, от сегодняшнего утра осталось хоть что-то. Что-то большое.

Несколько часов спустя Джош забылся сном. Сива тоже собиралась спать. Ей нужно было всего несколько минут, чтобы закончить одно дело.

Ровно столько, чтобы сказать:

— Мы хотим, чтобы Джош забыл обо всем, что случилось вчера вечером и сегодня утром. Мы хотим, чтобы он помнил

только, что всегда любил одну-единственную Сиву Пилчард.

На какое-то мгновение со стороны могло показаться, что в кровати лежат две женщины, не одна.

Сива скрестила мизинец правой руки с мизинцем левой и произнесла:

Что в трубу уходит? Дым.
Все, что пожелаем,
По силам нам двоим!

«What Goes up a Chimney? Smoke!». Перевод А. Криволапова

МАРСИАНСКАЯ ТЕОДИЦЕЯ

Остроумный критик Ник Джеверс заметил как-то раз, что этот мой рассказ — типичный образчик кислого винограда. Поскольку мне на моем веку явно не удастся слетать на Марс, я попытался спародировать произведения о воображаемых полетах на Красную планету, которые когда-то приводили в восторг завзятых любителей фантастики. На самом же деле при написании рассказа мною руководили не такие уж и гнусные мотивы. Будучи прирожденным сатириком, я просто попробовал отыскать смешное в несоответствии между «наивным» стилем «Марсианской одиссеи» Вейнбаума и типично постмодернистским пониманием человеческого поведения. Конечно же, наши предки в своей повседневной жизни были личностями не менее интересными и сложными, чем мы. Разница лишь в том, что условности прошлого часто облагораживали определенные поступки, прежде чем те принимали вид печатного слова. Я уверен, что когда-нибудь мой рассказ — если, конечно, он переживет время подобно творению Вейнбаума — покажется читателям ходульным и прямолинейным.

Однако надеюсь, что для нынешнего времени он достаточно крут.

Марс — это странный, ни на что не похожий мирок.

Стенли Г. Вейнбаум. «Марсианская одиссея»

— Запомните, ребята, — сурово произнес капитан Харрисон, — мы ни за что не станем убивать Дика Джарвиса, если только он сам нас не заставит. Понятно?

В ответ на строгое наставление начальства Карл Путц, инженер второй земной экспедиции на Марс, саркастически плюнул в люк открытого воздушного шлюза космического корабля «Арес-2». Плевок шлепнулся на пыльную, терракотового оттенка почву Красной планеты и мгновенно привлек к себе пару десятков марсианских былинок, беспорядочно копошившихся вокруг места посадки.

— *Ja, ja,* согласен. Но моя рука, шьорт побьери, так и чешется, чтобы он вынудить ее это делать, точно, майн херр.

Френчи Леруа, первоклассный биолог, рассеянно поглаживая торчавшую из кобуры рукоятку атомного пистолета, наблюдал затем, как ходячие былинки, расталкивая друг дружку, принялись лакомиться плевком его товарища.

— Меня так и тянет чесаться от этого мира, друзья. Слишком много тут всяких странностей.

— Френчи, я не услышал от тебя согласия.

Леруа перестал поглаживать пистолет и небрежно махнул рукой.

— *Oui, oui,* я не стану убивать этого предателя как презренного *cochon,* если, конечно, вы лично не прикажете мне сделать это, *mon capitaine.* Несмотря на те страдания, которые он причинил всем нам, несмотря на пять лет прозябания, пока мы в поисках этого наглеца скитались по всем уголкам Солнечной системы, долгих пять лет, которые можно швырнуть к ногам презренного предателя, приходится признать, что он все-таки человек, который заслуживает цивилизованного наказания в соответствии с протоколами Лиги Наций.

— Не будем терять надежды, — решительно произнес капитан Харрисон.

Трое мужчин, стоявших у кормы космического корабля, погрузились в задумчивое молчание, дыша разряженным воздухом, который, впрочем, был не страшен их легким, закаленным суровой атмосферой Гималаев. Все трое размышляли о малоприятной, опасной и непредсказуемой миссии, выпавшей на их долю. Из недолгих размышлений и воспоминаний их вывело появление четвертого члена экипажа, сопровождавшееся хлопком крышки корабельного люка.

— Привет, мальчики! — жизнерадостно воскликнула Фэнси Лонг.

Роскошные формы блондинистой звезды телевидеошоу «Иейрба-мейт» наполнили космический костюм самым

умопомрачительным образом — разработчикам из Космического командования в Цюрихе такие наверняка даже не снились. В условиях ослабленной гравитации изящные ножки танцовщицы носили Фэнси еще более резво, чем на родной планете, а хорошо поставленный голос певицы в разряженной марсианской атмосфере звучал подобно нежному голоску эльфа. Короче говоря, Фэнси Лонг являла собой самое яркое зрелище на многие миллионы миль вокруг, а ее появление несказанно ободрило спутников.

Леруа галантно взял руку девушки и поцеловал.

— Ах, мадемуазель Лонг, вы застали нас в миг тяжких раздумий, когда каждый размышлял о возложенном на нас тяжком бремени ответственности. Прошу вас извинить наше общее невнимание и неучтивость.

Путц щелкнул каблуками и по-военному браво отдал честь.

— Фройляйн, вы есть яркое свидетельство несгибаемого арийского духа приключений.

Капитан Харрисон покосился на обтянутые ультравулканизированной воздухонепроницаемой прорезиненной тканью формы Фэнси Лонг и слегка покраснел.

— Э-э-э… мисс Лонг… Фэнси… мы как раз обсуждали в самых общих чертах нашу экспедицию…

Фэнси встряхнула густыми волосами и захлопала длинными ресницами.

— Но почему вы так грустны, друзья мои? Наконец-то пять лет спустя мы сможем вызволить Дика Джарвиса из неприятностей, в которые ему не повезло угодить! По идее, вы должны радоваться предстоящей встрече со старым товарищем и коллегой! Одному Богу известно, насколько я, его подруга, взволнована тем, что после столь долгой разлуки мы с ним увидимся снова!

Мужчины ничего не ответили на жизнерадостный щебет Фэнси, и та заметно обеспокоилась:

— Что случилось? Вам стало известно что-то новое, и вы это что-то от меня скрываете? Вы получили по радио плохие известия о Дике? Поступило сообщение с Земли? Или на нашей планете в очередной раз вспыхнула мировая война? Неужели китаезы-ханьцы нарушили блокаду Лиги?

Капитан Харрисон задумчиво почесал точеный полевой подбородок и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Нет-нет, мисс Лонг, к счастью, ни одно из ваших предположений не соответствует истине. Земля продолжает наслаждаться благословенным миром — благодаря сотрудничеству мудрых глав наших правительств, — а последнее

сообщение от Дика Джарвиса позволяет нам сделать вывод, что его ситуация остается практически без изменений. Но, видите ли, в нашем распоряжении имеются и другие факты, касающиеся присутствия Дика Джарвиса на Марсе, о чем ни вам, ни другим гражданам пока еще не сообщалось.

На хорошеньком личике Фэнси появилось выражение полного замешательства.

— Но почему, капитан?

Харрисон попытался подойти к щекотливой теме с другого конца, причем издалека.

— Мисс Лонг, вы никогда не задумывались над тем, почему из огромного числа людей, желавших участвовать в экспедиции, выбрали вас, а не, скажем, какого-нибудь талантливого ученого или даже опытного авантюриста вроде Лоуэлла Томаса или Ричарда Хеллиберна?

Подобная мысль никогда не посещала очаровательную головку Фэнси.

— Нет, я как-то никогда об этом не задумывалась. Я считала, что выбор пал на меня по причине моей широкой популярности. Ведь это отличная реклама для Космического командования…

— Вас, ***madchen***, выбрали потому, что вы — идеальная приманка, чтобы вытащить подлого швайна Джарвиса из его омерзительного логова! — перебил ее Путц с типично тевтонской прямолинейностью.

Из глаз Фэнси брызнули слезы.

— О, я ничего не понимаю! Почему вы вдруг столь безжалостны? Что такого вам всем сделал бедняга Дик? Не считая того, что был похищен мерзавцами-марсианами!

Капитан Харрисон закашлялся, поправил знаки отличия на воротнике и произнес:

— Мисс Лонг, ваш жених не был похищен марсианами. Он дезертировал. Чем едва не обрек нас на гибель. Позвольте мне ввести вас в курс секретных аспектов первой экспедиции на Марс.

Капитан Харрисон кратко изложил экстравагантные приключения, выпавшие на долю экипажа первого «Ареса» и особенно Дика Джарвиса. Во время разведывательной операции, выполнявшейся на борту одного из двух небольших флайеров, ведомых кораблем-носителем, Дик Джарвис потерпел аварию в пустыне Тайл, в восьмистах километрах от базы. Виной крушения была неполадка дюз атомного двигателя. К счастью, сам Дик не получил никаких увечий и храбро отправился на базу с большим грузом припасов, нести которые в условиях ослабленной гравитации Марса не составляло особого труда.

Вскоре Дик натолкнулся на одну из наиболее разумных форм марсианской жизни в облике похожего на страуса существа, которому он дал имя Твил. Дик спас Твила от обладавшего гипнотическими способностями монстра, в результате чего приобрел в лице марсианской птицы самого верного друга. Два разумных существа продолжили путешествие по враждебной территории, отделявшей людей от привычного тепла и комфорта. Говорливому и услужливому Твилу пришлось приноравливаться к темпу ходьбы земного товарища, для чего ему пришлось отказаться от привычных стопятидесятиметровых прыжков, которые неизменно заканчивались втыканием клюва в красный песок.

После встречи со странной бессмертной кремниевой формой жизни (продуктом ее метаболизма были самые обыкновенные кирпичи), два друга чудом избежали еще одной опасности, которая может присниться только в самых страшных снах — на сей раз Твил спас Дика от галлюцинации с участием самой Фэнси Лонг! — после чего они пришли в город, где обитали бочкообразные существа с восемью конечностями, соблюдавшие странные ритуалы строительного характера. Твил и Джарвис забрели в тоннели и комнаты запутанного лабиринта, созданного бочкообразными существами, в достаточной степени продвинутыми в области технологии, и, естественно, заблудились. Похитив талисман-кристалл, принадлежавший рассеянным созданиям, Джарвис навлек на себя их гнев. Случилось это как раз незадолго до того, как человек и марсианская птица успели выбраться на свет божий. Инсценировав в красных песках последнее представление в духе «Аламо», Дик Джарвис и Твил были страшно удивлены, когда на флайере прилетел долгожданный Путц и спас Джарвиса. Пришедший в крайнее смущение Твил бросился наутек, оставив безутешного Дика Джарвиса горевать о потере своего нового инопланетного друга.

— Но это же полностью противоречит тому, что сообщили публике! — прервала его Фэнси. — Обуреваемый состраданием, потрясенный до глубины души, весь мир, затаив дыхание, следил за тем, как вас допрашивали, когда вы вернулись на Землю после выполнения задания. Это еще транслировали по всем телевидеосетям! Вы лично рассказывали с экрана, как после высадки на Марсе первый «Арес» беспричинно подвергся нападению орды злобных марсиан, повредивших дюзы атомного двигателя. Мы узнали, что марсианские негодяи сбили разведывательный корабль Дика, а сам он был захвачен в плен.

Затем остальные доблестные члены экипажа героически отремонтировали корабль, с великими трудностями добрались до Земли, где сразу же подняли тревогу и немедленно принялись готовить спасательную экспедицию.

— Если бы дело обстояло так, — задумчиво произнес капитан Харрисон, — наш мир был бы куда лучше. Однако Космическое командование посчитало правду о первой экспедиции слишком банальной и постыдной, чтобы сделать ее достоянием гласности. Пришлось сфабриковать новую историю, которая, как нам казалось, была способна побудить общество оказать поддержку в подготовке второй экспедиции. Однако позвольте мне закончить подведение итогов истинных событий.

В первую же ночь, когда Дик Джарвис снова возлежал на своей койке, с ним, по всей видимости, случилось настоящее помешательство. Весь день он не сводил взгляда со зловещего светящегося кристалла в форме яйца, похищенного у бочкообразных созданий. Чуть раньше он рассказал нам, что этот удивительный кристалл помог ему свести старую бородавку на большом пальце левой руки — для этого стоило лишь прикоснуться к чудо-талисману. Кроме того, магическая вещица самым волшебным образом сняла боль от разбитого носа. Мы высказали предположения, что целительные свойства кристалла объясняются гамма-лучами, которые тот испускает. Однако когда мы попросили у Дика разрешения подержать его сокровище в руках, тот ответил решительным отказом. Более того, он вцепился в загадочный предмет, и на его лице появилось ужасное выражение, в котором одновременно читались алчность, страх и презрение. В эти мгновения кристалл был прижат к его лбу и походил на светящуюся пиявку.

Фэнси содрогнулась, мысленно представив подобную картину.

— Бедняга Дик! — прошептала она.

Харрисон успокаивающе потрепал ее по плечу.

— «Нет, вы не смеете прикасаться к моему сокровищу! — зашипел Дик. — Вы ничего не знаете о Марсе! Вы недостойны прикасаться к талисману! Никому из вас не довелось протопать по пескам Марса столько, сколько я! **Я** выстрадал это сокровище! Вы там отгородились машинами от всего мира и ничего о нем не знаете! Вот мы с Твилом — совсем другое дело! Твил! Твил, где ты? Спаси меня, мой добрый друг!»

В рассказ капитана Харрисона поспешил вмешаться Френчи Леруа:

— В мгновение ока безумец бросается к выходу. Слава Богу, мы додумались запереть дверь на засов!

— Пришлось завалить его на койку, — добавил Путц, — и сделать укол успокоительного средства.

— К несчастью, — продолжил капитан Харрисон, — успокоительное оказалось недостаточно сильнодействующим, чтобы обуздать его ярость. В полночь, когда все мы спали, Дик проснулся. Мы проявили беспечность и не стали привязывать его к койке слишком крепко, так что ему удалось освободиться от пут. Он тихонько выскользнул наружу, забрался в наш поисковый корабль и улетел. Проснувшись наутро, мы долго оплакивали его побег. Но лишь на следующий день во время рутинного осмотра обнаружили прощальный подарок, который оставил нам ваш приятель.

По щекам Путца скатилась пара слезинок.

— О мои прекрасные, славные дюзы! Этот *schweinhund* вымазал их кухонным жиром из нашего камбуза! Жир, оставшийся после поджаривания бекона, и остатки растопленного маргарина «криско» были вылиты на такую хрупкую технику, как ракетные дюзы! Каким-то образом предателю стало известно, что органические вещества непременно выведут их из строя, причем ни о каком ремонте нельзя будет даже мечтать! Мы упорно трудились целых пол года, чтобы отыскать залежи догения, после чего нам пришлось заняться его добычей, обогащением и выплавкой, прежде чем он превратился в материал для покрытия внутренней поверхности дюз.

Капитан Харрисон горделиво кивнул в знак одобрения героических прошлых подвигов своего мужественного и выносливого экипажа.

— Даже сам Догени, этот безумный американец, усовершенствовавший атомный взрыв, не смог бы лучше справиться с такой задачей!

— Увы, новые дюзы оказались не вполне совершенными, — вступил в разговор Леруа. — Мы не осмелились воспользоваться высокоэнергетическим топливом, благодаря которому так быстро долетели до Марса. Пришлось буквально на черепашьей скорости ползти обратно на Землю. А когда на борту кончились последние запасы божоле и сыра бри, начался сущий кошмар!

Капитан Харрисон далее усугубил бесславную репутацию Дика Джарвиса:

— Мы, конечно же, попытались вызвать Джарвиса по корабельному радиопередатчику и убедить его вернуться и помочь нам. Возвращение корабля-разведчика значительно облегчило бы ремонтные работы. Однако когда Дик все-таки великодушно снизошел до общения с нами, мы услышали от него лишь поток безумных напыщенных разглагольствований. По всей

видимости, ему удалось воссоединиться со своим пернатым другом Твилом. Они вдвоем захватили власть в городе бочкообразных созданий, сделавшись благодаря магическому целительному кристаллу настоящими деспотами. Однако это далеко не самое худшее. Джарвис имел обыкновение долгими часами восторгаться Марсианским Богом. От Твила он узнал миф о языческом божестве, и в его воспаленном воображении возник безумный план любым способом это высшее существо найти.

Путц вновь принялся нервно поглаживать рукоятку пистолета.

— Уж я-то найду этого Марсианского Бога, непременно найду, *meine Herren!* Сразу после того, как мы заткнем Джарвису глотку.

Вытерев глаза кружевным носовым платочком, который она извлекла из кармана своего прорезиненного комбинезона, Фэнси поделилась смелым и оптимистичным видением собственной миссии:

— Спасибо, друзья, теперь ситуация видится мне более или менее ясно. И я сделаю все, что только в моих силах, чтобы убедить Дика отказаться от маниакальных заблуждений и вернуться с нами на Землю, где ему будет оказана помощь лучших цюрихских психиатров. — Фэнси расправила плечи и обаятельно отсалютовала собеседникам. — Можете целиком положиться на меня, капитан!

Суровое выражение лица капитана Харрисона смягчилось. Он решительно отсалютовал в ответ и произнес:

— Чего же тогда ждет экипаж? Скорее на поиски нашей заблудшей овечки!

Включив нижние видеокамеры, чтобы по возвращении экспедиции на Землю телевизионная аудитория могла вволю повосторгаться марсианскими пейзажами, корабль-разведчик взмыл над песками Красной планеты. Четверо землян, сгрудившись в тесном пространстве пилотской кабины, замерли в выжидательном молчании. Из иллюминатора хорошо просматривался странный объект, который поверг четверку отважных космоплавателей в замешательство. Таинственное нечто исполинским монолитом возвышалось над линией горизонта. Прошло еще несколько часов полета на сверхзвуковой скорости, и загадочный объект увеличился в размерах настолько, что теперь уже почти полностью занимал передний иллюминатор.

— Сначала я думал, что это обман зрения или гора, — произнес капитан Харрисон. — Однако на наших картах никаких возвышенностей не обозначено. Очевидно, перед нами некое рукотворное сооружение. Монументально искривленная стена

или башня, во много раз превосходящая размерами что-либо подобное на нашей родной планете.

— Подобные архитектурные подвиги вполне естественны в условиях ослабленной гравитации, — отозвался Путц. — Но как Джарвису удалось воздвигнуть такую громаду всего за пять лет?

— Не забывайте, — ответил Леруа, — коль ему удалось стать Наполеоном среди похожих на бочки монстров, то он, видимо, прибрал к рукам и все их ресурсы.

— И что самое главное, — подала голосок Фэнси, — несмотря на его безумие, он по-прежнему остается человеком, наивысшей формой жизни Солнечной системы. Дик всегда был мужчиной на сто десять процентов.

Путц насмешливо фыркнул, Леруа закатил глаза к потолку, а Харрисон вежливо покашлял.

— На что вы намекаете? — потребовала объяснений Фэнси. — В чем вообще дело? Что вы хотите этим сказать?

— Мисс Лонг, — вкрадчиво произнес Харрисон. — Даже не знаю, как помягче сообщить вам об этом, но во время нашей первой экспедиции ваш жених проявлял по отношению к нам некие нестандартные склонности. Очевидно, его либидо, если можно так выразиться, протекало по более широким каналам, чем то принято у нормальных мужчин.

— Не надо так смягчать! — перебил капитана Путц. — Вспомните, когда вы обвинили его в том, что он влюбился в этого несносного Твила, Джарвис, как ни в чем не бывало, ответил: «Ну и что, я и его люблю!»

Лицо Фэнси сделалось красным, как марсианские пески, однако девушка грудью встала на защиту друга.

— Не может быть! Я уверена, вы просто неправильно истолковали его невинное добродушное подшучивание. Дик неоднократно доказывал свою страстную любовь к женщинам!

— Нисколько не сомневаюсь в ваших словах, мадемуазель. — Леруа задумчиво пригладил усы. — Но поверьте французу, знатоку подобных дел: мужчин, разгуливающих по обеим сторонам улицы под названием Эрос, гораздо больше, чем вы себе представляете.

— В таком случае, будьте добры, объясните, зачем вам понадобилась я, — парировала Фэнси. — По вашим словам, любой из вас в принципе способен вызвать у Дика такую же гормональную бурю, что и я!

Леруа нисколько не оскорбился реплике Фэнси.

— Возможно, *cheri,* но не лучше ли иметь некий запас прочности? Дик Джарвис не видел женщин уже целых пять лет. Ваше присутствие вполне может перетянуть чашу весов в нашу

пользу.

В головку Фэнси не пришло никакого опровержения этому циничному высказыванию, и она промолчала. Тем временем мужчины принялись пытливо всматриваться в простиравшийся перед ними марсианский пейзаж.

— При наивысшем увеличении оптископ разглядел город, населенный бочкообразными монстрами, — сообщил Путц. — Он располагается прямо у подножия этого исполинского сооружения.

— У вас есть какие-то соображения относительно высоты стены?

— *Nein!* Я представления не имею о точных размерах, поскольку мне неизвестны размеры самого города.

Харрисон раздраженно ударил себя кулаком по ладони.

— Черт побери! Если бы только наши умники-ученые усовершенствовали эту самую штуку в радаре, о чем они еще до нашего отлета прожужжали все уши!

— Когда я в последний раз спасал этого изменника, территория города составляла всего несколько гектаров, усеянных грудами кирпича из обожженной глины. Предполагаю, что с тех пор она сильно увеличилась.

За полчаса космический корабль перелетел за периметр марсианского города. Членам экипажа удалось рассмотреть, что самые новые дома были массивными строениями, сложенными из кирпича. Перед ними вдалеке по-прежнему маячила таинственная стена, вырастая прямо на глазах и заслоняя собой все пространство. Ее верхняя часть была все еще не видна, а сама она скорее напоминала одну из двух лун Марса, чем любой другой искусственный объект. В лабиринте простиравшихся внизу улиц двигались по своим таинственным делам бочкообразные создания на четырех тонких, напоминавших проволоку ногах. В четырех верхних конечностях они несли какие-то загадочные предметы. Некоторые толкали тележки, столь подробно и ярко описанные Джарвисом.

— Где будем садиться, капитан?

— Попытайся найти изначальный центр этого проклятого места. Будем исходить из того, что Джарвис поленился переносить свою штаб-квартиру.

Последующие десять минут полета привели космонавтов туда, где находился не претерпевший особых изменений центр города — пыльный пустырь, усеянный осыпающимися курганами, между которыми время от времени сновали пузатые аборигены-бочки.

Осторожно, чтобы случайно не нанести увечий туземцам, Путц посадил поисковый корабль между двумя курганами,

аккурат рядом с побитым марсианской непогодой остовом похищенного корабля первой экспедиции.

— Я рад, что нынешний «Арес-2» по конструкции далек от своего предшественника, — проговорил капитан Харрисон. — Джарвис больше не сможет осквернить наши дюзы! Послушайте, друзья — Фэнси! — давайте установим контакт с этими странными созданиями!

И взволнованные земляне нарочито величавой поступью ступили через открывшийся люк на поверхность Красной планеты.

У подножия пандуса их ожидало создание, напоминавшее стандартную бочку для нефти с кольцом глаз, располагавшихся по всей окружности боковой поверхности. Четыре верхние конечности слегка покачивались, зато четыре нижние стояли твердо, глубоко уходя в песок.

Вспомнив, как туземцы некогда научились словно попугаи повторять единственную фразу, которую произнес Джарвис, Харрисон поднял вверх руку открытой ладонью вперед и произнес:

— Мы — друзья! Ой!

Диафрагма на верхней крышке живого барабана завибрировала, идеально имитируя человеческую речь.

— Прошу вас не произносить «ой», пока вам действительно не будет больно, капитан Харрисон! Это деревенское выражение стало анафемой в нашей среде, напоминая о нашей былой неосведомленности и неопытности. Прошу следовать за мной. Верховный жрец Джарвис ждет вас.

Никаких попыток разоружить землян или применить к ним насилие не последовало, и все четверо осторожно пустились вслед за цилиндрическим провожатым. Вскоре они оказались в потайном подземном городе, куда попали сквозь вход у основания одного из курганов. Еще пара минут, и путешественники уже шагали по хорошо освещенному, скромно отделанному коридору с пологим полом.

Капитан Харрисон представил живому цилиндру своих спутников, а затем поинтересовался у проводника:

— А есть ли имя у вас?

— Стенли.

— Послушайте, Стенли, может, вы объясните нам, что это за гигантское строение возвышается там, снаружи?

— Я думаю, верховный жрец предпочтет лично ответить на ваш вопрос.

— Отлично. У нас множество вопросов к Дику Джарвису.

— *Ja,* это уж точно, *Mein Herr.* И будет лучше, если у него найдутся чертовски правильные ответы!

Земляне опускались все глубже и глубже, делая бесчисленные повороты, словно ввинчиваясь по спирали в недра Красной планеты. Они шагали мимо механизмов непонятного назначения и бурной активности гигантского подземного муравейника. Чтобы не заблудиться, капитан Харрисон делал заметки по пути следования, используя компас, карандаш и бумагу-миллиметровку, как когда-то Джарвис во время первой экспедиции. Леруа и Путц галантно помогали Фэнси идти по извивам подземных коридоров. В сложившихся обстоятельствах, к ее чести, теледива вела себя достойно, демонстрируя под белокурыми кудряшками наличие благоразумной головки.

Наконец путешественники вошли в просторное помещение с куполообразным потолком, достойное служить тронным залом. Однако вместо какого-либо официального сиденья центральную его часть занимала гора кожаных подушек и экзотических расцветок тканей скорее органического, нежели искусственного происхождения.

На подушках, приняв томную позу, подобно сластолюбивому восточному владыке и его наложнице — как их обычно изображают в вечерних телевидеоновостях, — возлежали Дик Джарвис и его пернатый друг Твил.

Наряд Дика делал его похожим на марсианский эквивалент Робинзона Крузо. Сшит он был из шкур каких-то неизвестных местных животных и, по всей видимости, выполнял роль узких штанов и жилетки. Под этими предметами туалета виднелись лохмотья чудом сохранившейся старой одежды. На ногах у Дика — стоптанные сандалии, на голове красовалась потрепанная кепка. На груди покоилась отросшая за пять лет борода. На лбу, подобно третьему глазу, сиял почитаемый бочонками-марсианами радиоактивный кристалл-талисман, привязанный узкими кожаными ремешками, какими обычно повязывали лоб и волосы варвары.

Разумного страуса по имени Твил — тонкие ноги с четырьмя пальцами, крошечная головка с клювом длиной восемнадцать сантиметров, пухлое туловище, в котором таился мощный мозг, — спутника Дика, который увел его от соплеменников-землян, последние пять лет также не пощадили. Пестрые сероголубые перья утратили былой блеск, а слегка беспутный наклон шеи выдавал либо некую пресыщенную скуку, либо усталость от попыток осуществить задачу, какая не по силам простым смертным.

Дик Джарвис встретил посетителей с едва заметным

воодушевлением. Затуманенные наркотиком глаза с тяжелыми веками слегка расширились, а уголки обветренных губ тронула еле заметная улыбка. Он снял руку с плеча пернатого создания, не менее охмелевшего, чем он сам, и неуклюже поднялся на ноги. Затем, пошатываясь, сделал несколько шагов, обходя горы подушек, и протянул руку ***для*** приветствия. Капитан Харрисон ответил энергичным пожатием, после чего торопливо убрал руку.

Джарвис заговорил, и вошедших обдала волна какого-то пряного, но в целом отнюдь не омерзительного дыхания.

— О мои старые друзья! Прошу вас извинить меня и Твила, мы как раз предавались небольшому возлиянию после сегодняшних дел праведных.

С этим словами Джарвис вытащил из кармана небольшую фляжку, открутил крышечку и налил себе на ладонь несколько капель почти невесомого силиконового геля. Хорошенько понюхал и сделал сладостный вздох.

— Что это за экзотическое снадобье, Дик?! — требовательно осведомился Харрисон, которого сия сцена повергла в неподдельный ужас. — Ты уверен, что оно не опасно для здоровья?

— Вы помните мое описание спор, которые выбрасывало создание, откладывающее кирпичи? То самое, с которым мне довелось встретиться? Так вот, здесь, в городе, эти существа водятся в огромном количестве! Их тут столько, что ими можно наполнить все зоопарки Земли. И спор они производят больше, чем необходимо в целях размножения. Как-то раз я совершенно случайно открыл для себя их лечебные свойства, и, можете себе представить, с тех пор мы с Твилом с удовольствием ими пользуемся!

Потрясение, которое космоплаватели испытали от этих слов, выразил Леруа:

— *Mon Dieu!* Так вы нюхаете яйца особей безуглеродной формы жизни?!

Услышав, что Джарвис упомянул его имя, Твил поднялся на голенастые ноги и встал рядом с предателем рода человеческого. После пяти лет обучения резиноподобный клюв марсианской птицы мог вполне прилично артикулировать звуки земной речи. Говорил Твил грубым тенором:

— Охлади-ка двигатели, Пьер! Зуб даю, что вы, болваны, без зазрения совести самую беспонтовую самогонку хлещете!

Экипаж «Ареса-2» в полном изумлении посмотрел на столь сведущее в земном сленге пернатое существо. Каково же было недоумение земной четверки, когда Джарвис поддержал своего марсианского друга:

— Если вы прибыли сюда, чтобы вести со мной пустые разговоры, то можете сваливать! Прямо сейчас! Нам с Твилом не нужна лицемерная болтовня. Мы здесь выполняем Божественную Миссию.

— Мы вовсе не собирались критиковать твои привычки, Дик, — попытался сгладить ситуацию Харрисон. — Скорее всего изоляция и спартанский образ жизни выработали у тебя склонность к некой неряшливости, от которой мы могли бы помочь тебе избавиться. Но нам действительно нужно знать, почему пять лет назад ты так неожиданно сбежал и зловредным саботажем едва не вынудил нас, подобно тебе самому, надолго застрять в этих песках. Кстати, чем ты занимался все это время?

— Вполне справедливо. Я могу подытожить мою деятельность за весь срок нашей с вами разлуки одной фразой: Вавилонская башня!

В зале воцарилось изумленное молчание, первым нарушил которое голос бортинженера «Ареса-2».

— Что за чушь собачья! — рыкнул темпераментный Путц.

— Никакая не чушь, мой дорогой Карл! — с невозмутимым спокойствием возразил Джарвис. — Я поддерживаю контакт с Богом Марса, обитающим на Деймосе, спутнике Красной планеты. Мы с Твилом занимается делом, которое должно приблизить нас к Нему, чтобы мы могли еще лучше, еще полнее принимать и выполнять Его божественные напутствия.

— С меня хватит!.. — заявил Путц и потянулся за оружием.

— Постой, Карл! — повысил голос Харрисон. — Давай дослушаем Дика до конца!

Джарвис и глазом не моргнул, никак не отреагировав на явную угрозу. Он невозмутимо излагал свою странную историю, время от времени слегка прикасаясь к магическому кристаллу:

— Когда мне впервые попал в руки этот замечательный камень, меня стали одолевать самые причудливые мысленные образы. Все время казалось, будто бы некое высшее существо при помощи телепатии пытается вступить со мной в контакт. Сначала я подумал, что, наверное, сойду с ума. Вы, по всей видимости, тоже обезумели, когда насильно сделали мне укол успокоительного и привязали к койке. Однако в ту судьбоносную ночь, по мере того как информация сама собой начала отсортировываться и мой бедный воспаленный мозг принялся частично приспосабливаться к ее восприятию, я понял истинный характер случившегося со мной и точно знал, что нужно делать.

Миллионы лет назад пришельцы, обитающие за пределами Солнечной системы, обладающие сверхразумом и высокими

моральными качествами — можете называть их богами, ибо они и были таковыми по общепринятым земным стандартам, — открыли свои представительства на Луне и Деймосе. Они засеяли две планеты, вокруг которых вращались эти спутники — обе планеты тогда населяли исключительно неразумные жестокие звери, — тысячами искусственных драгоценных камней, наделив их целительными свойствами. Это было сделано для того, чтобы разумные существа, которые появятся на планетах, проявили заботу о камнях, когда найдут их. У кристаллов имелось и другое свойство — то были средства связи с бессмертными созданиями, оставшимися на лунах каждого из миров. Если кристалл попадет в руки индивида, обладающего соответствующим уровнем интеллекта и нужной восприимчивостью, то он выдаст своему владельцу содержащуюся в нем информацию.

И раскроет ему миссию, которую надлежит выполнить.

Возведение башни высотой не менее мили.

Выполнение столь великого деяния — чуда инженерного и общественно-организаторского искусства — станет свидетельством того, что его раса готова к встрече с высшим разумом. Бог вознесет такую расу до Своего Собственного уровня, и такая раса сможет впоследствии примкнуть к межгалактическому сообществу.

Человечеству был дан шанс. Библейская легенда о Вавилонской башне — чистая правда. Но башню разрушил не воображаемый Иегова, взбешенный людским высокомерием. Скорее всего, после того как работа над строительством застопорилась или была прервана древними нечестивцами, Бог Луны отвернулся от неблагоразумного человечества. Это и есть истинное значение аллегории Ветхого Завета. В настоящее время на Земле все такие кристаллы давно безвозвратно потеряны. Но Марс все еще предоставляет людям шанс, и я намерен стать инструментом спасения рода человеческого.

Джарвис закончил свою речь и теперь явно ожидал реакции.

Четверо его слушателей стояли, разинув от удивления рты. Возникшую паузу нарушила Фэнси, заставив Джарвиса впервые за все это время обратить на нее внимание:

— Дик, ты говоришь даже более гладко, чем отец Кофлин и Эйми Семпл Макферсон, вместе взятые! И сам не веришь в тот вздор, который несешь!

— Фэнси, неужели это ты? Собственной персоной? А я-то подумал, что чересчур забалдел от здешнего наркотика… Какими космическими ветрами тебя сюда занесло?

— Я самая настоящая девушка из плоти и крови, Дик! Твоя девушка, если уж на то пошло! И здесь для того, чтобы вселить в

тебя хотя бы крупицу здравого смысла!

Твил подошел к Джарвису и потянул своего друга-землянина за полу одежды.

— Не слушай ее, Дик! Не слушай никого из них. Они хотят, чтобы ты не справился с возложенной на тебя задачей, так же как и твой предшественник на Земле. Их подослал сам дьявол!

Джарвис, явно сконфуженный, провел рукой по лицу.

— Я… я не знаю, что сказать. Мне… нужно на воздух. — Мгновение спустя без видимых на то причин марсианский отшельник решительно выпрямился, как будто под действием некоего внутреннего побуждения. — Позвольте мне показать вам башню. Тогда вы, несомненно, ощутите реальность происходящего. Стенли!

— О да, верховный жрец! Слушаю вас! — немедленно отозвался верный цилиндрический слуга, о котором все на время забыли.

— Немедленно организуй для нас транспорт!

Стенли каким-то загадочным образом незримо и неслышно установил связь со своими соплеменниками, по всей видимости, по радио, и вскоре в комнате появилось еще шесть бочонков, каждый из которых толкал перед собой коляску вроде тех, которыми на Земле пользуются рикши.

— Прошу вас, садитесь! — вежливо скомандовал Джарвис.

Все безропотно повиновались ему, и кавалькада тронулась в путь.

Рикши выехали на поверхность в нескольких милях от подземелья и попали на строительную площадку, где вовсю кипела работа. Солнце как раз проплыло мимо марсианского меридиана, и совсем скоро можно было ожидать наступления пронизывающего до костей, обжигающего ночного холода. Вдали от спасительного крова поискового корабля астронавты оказались заложниками доброго расположения Дика Джарвиса, Твила и их зловещих подданных.

Неохотно держась поближе к Джарвису и Твилу, земляне то и дело ловили себя на мысли, что их внимание приковано к стене невообразимой высоты. На расстоянии всего в несколько сотен ярдов некоторая ее кривизна была совершенно незаметна. Даже задрав голову вверх, разглядеть вершину исполинского сооружения не удавалось. Сама стена была построена из обычных, небольшого размера кирпичей, сложенных как попало, вкривь и вкось.

Дик Джарвис горделиво разглядывал свое творение — ни дать ни взять древнеегипетский фараон, любующийся на

пирамиду.

— Десять миль в диаметре, вот здесь, у основания. Кверху она сходит на конус. Всего за каких-то пять лет выросла на целых полмили. Снаружи стена имеет два спиралевидных пандуса. Один проложен по часовой стрелке — для транспорта, идущего вверх. Другой — против, для спуска. Вы обязательно должны увидеть места их пересечения, вот уж где нашим бочонкам приходится выделывать замысловатые па! Если происходят столкновения, жертвы мы просто перебрасываем через край. Внизу ими занимаются особые команды, которым, впрочем, тоже порой достается. Позвольте, я покажу вам одну из кирпичных кладок.

Джарвис провел бывших коллег по оживленной строительной площадке, где, толкая перед собой как пустые, так и полные тачки, сновали бесчисленные круглобокие аборигены. Вскоре земляне наткнулись на длинный ряд морщинистых существ, увязших глубоко в песке, параллельно которым медленно, но с деловым видом двигалась процессия цилиндрических рабочих с неизменными тачками.

Далее объяснения продолжил Твил:

— Когда мы с Диком впервые обнаружили этих созданий, то заметили, что они приблизительно каждые десять минут производят где-то в глубине своих панцирей по одному кирпичу. С тех пор нам удалось значительно увеличить производительность их труда. Теперь каждое такое существо выдает один кирпич приблизительно за полторы минуты. Составив точный график откладывания кирпичей, мы отрегулировали конвейер таким образом, чтобы цилиндроиды смогли загрузить тачку сотней кирпичей, просто проходя вдоль шеренги спокойным, размеренным шагом. Прошу вас убедиться в этом!

Трудовой процесс шел именно так, как его описал Твил. Первое, абсолютно безликое серое создание, вросшее в почву, запустило конечность себе в глотку, извлекло оттуда кирпич и положило в стоявшую перед ним пустую тачку. Цилиндрический грузчик сделал несколько шагов, остановился перед новой живой печью и принял второй кирпич. За вторым кирпичом последовало еще ровно девяносто восемь. После того как тачка оказалась заполнена до предела, цилиндроид поспешил с ней к подножию уходящего вверх пандуса. Через девяносто секунд его сменил новый грузчик с тачкой.

Дик Джарвис просиял от удовольствия.

— Все компоненты системы функционируют круглые сутки. Когда старые особи утрачивают работоспособность, мы заменяем их на конвейере новыми, свежими участниками трудового

процесса. Наши селекционные программы чрезвычайно эффективны. Вам уже известно, как изготовители кирпичей размножаются — эти шустренькие споры! Но вы, по всей видимости, успели позабыть о том, чему я научился несколько лет назад, живя среди цилиндроидов. Стенли, подойди сюда!

К людям приблизился верный слуга верховного Марсианского жреца. Джарвис ощупал поверхность его тела и вскоре нашел на нем искомое.

— Посмотрите-ка! Бутончик! Эти существа размножаются подобно брюссельской капусте!

Джарвис ухватился за отросток на теле Стенли, покрутил его и наконец оторвал. Подержав на ладони, засунул себе в рот, прожевал и проглотил.

— Вкус у них точь-в-точь как у брюссельской капусты. Вот благодаря им я и выжил в этих суровых невыносимых условиях.

Капитан Харрисон, заикаясь, выразил чувства всего не на шутку перепуганного экипажа:

— Б-б-бо-оже м-м-мой, Дик! Но это же бесчеловечно! Ты осквернил священные принципы Генри Форда! Ты превратил конвейер в кошмарное рабовладельческое общество, какое не снилось даже самому Эдгару Райсу Берроузу! И все это во имя какого-то мистического заблуждения!

Твил шагнул вперед. Взгляд его близко посаженных птичьих глаз сделался жестким и твердым, как кирпичи, из которых была сложена башня.

— Не смейте критиковать верховного жреца!

Дуло пистолета в руках Карла Путца смотрело Джарвису прямо в живот.

— Мы продолжим эту увлекательную дискуссию на борту нашего корабля, *Meine Herren!* Руки вверх, Дик, иначе…

Путц неожиданно умолк и в ужасе воззрился на свой живот.

Со стороны могло показаться, будто оперенное тело Твила приклеилось к торсу немца. Из спины бортинженера, словно смертоносное боевое копье, торчали покрытый кровью клюв и голова марсианского страуса.

Пронзенный клювом, вспоровшим ему сердце, легкие и прочие жизненно важные органы, Путц выронил пистолет, издал хриплый, клокочущий звук и рухнул замертво на безжалостный марсианский песок, заливая все вокруг кровью. Твил еще до его падения ловко вытащил из него голову и клюв и отступил назад. После чего расстегнул кожаный кошель, который болтался на ремешке на длинной шее, вытащил квадратной формы лоскуток

материи и принялся брезгливо стирать с себя следы гнусного преступления. Прежде чем кто-либо из товарищей успел помочь несчастному бортинженеру в последние мгновения его жизни, всех их без исключения крепко схватили за руки несколько цилиндроидов, подскочивших по приказу Стенли. Фэнси, Леруа и капитан Харрисон тщетно пытались вырваться из цепкой хватки проволочных конечностей марсианских уродцев.

На лице Дика Джарвиса не отразилось никаких эмоций, разве что легкое раздражение.

— Бедняга Карл, он заслужил смерть. Твил — мой брат. Мы всегда прикрываем друг другу спину. Ничто не должно мешать строительству священной башни.

— Совершенно верно, Дик, — поддакнул пернатый убийца.

— Что же ты собираешься сделать с нами, безумец?! — потребовал ответа дрогнувший, но непокоренный капитан Харрисон.

— Посажу тебя вместе с Леруа под замок. Надеюсь, вы не станете возражать, потому что ваш тюремщик составит вам приятную компанию. Что касается Фэнси, то мы с Твилом, пожалуй, сумеем сами развлечь даму.

Услышав, что речь зашла о ней, белокурая дива при этом малоприятном известии лишилась чувств и упала бы на песок, не подхвати ее страж-цилиндроид. Затем всех троих пленников без всяких предисловий деловито подняли и куда-то спешно поволокли. Джарвис и Твил последовали за ними на рикшах.

Они спускались все ниже и ниже в темные глубины подземелья, затерянные под улицами марсианской столицы. Цилиндроиды бесцеремонно запихнули Харрисона и Леруа в крошечную тюремную камеру, в которой, как ни странно, не было ни двери, ни решеток. Новоявленные узники услышали из коридора голос Джарвиса:

— Уверен, вы помните мое описание того кошмарного хищника, от которого я когда-то спас дорогого Твила. Масса похожих на канаты конечностей и бездонное брюхо. Это чудовище способно вызывать галлюцинации, которые заставляют его жертвы покорно устремляться навстречу своей судьбе. У вас есть одно преимущество — вы знаете, что столкнетесь со смертоносной иллюзией. Но даже в этом случае вам станет ясно, сколь недолго вы сможете сопротивляться манящему очарованию монстра-телепата!

Джарвис потянулся к кнопке, установленной возле двери, и задняя стена темницы начала подниматься, открывая взгляду ужасные щупальца дьявола, властителя сновидений. Харрисон и Леруа забились в дальние углы камеры, где их тотчас настигли,

вызвав в слегка помутившемся сознании страстные интимные видения, первые распустившиеся пальцы обольстительных гипнотических импульсов.

Расхохотавшись безумным хохотом, Джарвис знаком велел свите следовать за ним.

Фэнси Лонг проснулась в теплой, приятно пахнущей постели и немного полежала с закрытыми глазами, наслаждаясь блаженством первых минут утреннего пробуждения. Боже, что за кошмарный сон ей приснился! Она нисколько не сомневалась, что когда откроет глаза, то увидит знакомые очертания кают-компании «Ареса-2». Или нет, увидит свою голливудскую гасиенду. Она дома, на холмах Лос-Анджелеса, и завтра отправится по любимым магазинам, займется покупками…

— Фэнси, дорогая, ты не представляешь, сколько я мечтал об этой сладостной минуте!

Фэнси испуганно вскрикнула, ее веки мгновенно распахнулись.

Почти полностью обнаженный Дик Джарвис — на нем были лишь заношенные спортивные трусы — уже успел сбрить свою длинную бороду и теперь соскабливал с себя марсианский песок. На какой-то короткий миг Фэнси почти поверила, что перед ней ее давний воздыхатель и что они с ним находится в номере отеля «Уолдорф-Астория». Однако ее взгляд тут же остановился на проклятом камне на лбу у Дика, и она поняла, что вляпалась в самую скверную из всех скверных историй.

— Укрощенное телепатическое чудовище всегда вызывало в моем воображении твой образ. Ты безропотно подчинялась всем моим приказаниям, выполняла все мои эротические фантазии, — проворковал Джарвис тоном, который он считал успокаивающим, но который имел прямо противоположный эффект. — Иметь рядом с собой реальную, осязаемую женщину — настоящий рай! Что же тогда говорить о возможности разделить тебя с моим братом!..

Фэнси испуганно повернулась и на подушке рядом с собой увидела голову Твила.

— Я сгораю от нетерпения понять механику человеческого совокупления. Возможно, я даже до известной степени смогу участвовать в подобном процессе, хотя, как дал мне понять мой друг Дик, интимные части моего организма мало приспособлены для этих целей.

Фэнси захотелось лишиться чувств, однако ее способности падать в обморок были полностью исчерпаны во время злодейского убийства несчастного Карла Путца. Сил хватило

лишь на то, чтобы закрыть глаза, стиснуть зубы и убедить себя в том, что она лежит на кастинговом диване наименее противного продюсера телевидеопрограмм.

Следующий интервал в памяти Фэнси навсегда остался благодарным пятном, отрезком времени, когда в ее сознании самым причудливым образом переплелись тысячи чувственных впечатлений, часть которых оказалось отнюдь не противной. Беспокойные руки, переплетенные ноги, покрытые перьями любознательные птичьи «причиндалы», гибкий и упругий клюв… Нет, лучше в этом месте повествования мы задернем спасительный занавес.

Когда Фэнси наконец смогла более или менее собрать себя как личность, оба насытившихся любовью приятеля быстро заснули, лежа по обе стороны от девушки. Критически осматривая комнату, Фэнси обнаружила небольшую сокровищницу земных предметов, которые Джарвис оставил на память: трехмерный портрет, изображавший ее саму, пустую жестянку из-под кофе, радиоприемник и стандартный револьвер сорок пятого калибра — табельное оружие, выдаваемое Космическим командованием своим сотрудникам.

Горячо вознося небесам молитву, Фэнси медленно проскользнула между спящими человеком и разумной птицей. Затем на цыпочках подошла к «сокровищнице», взяла в руки пистолет и…

— Что вы делаете, мисс Лонг?

Обернувшись, она встретила бесстрастный взгляд поднявшегося со скомканных простыней Твила.

Ни секунды не раздумывая, Фэнси нажала на спусковой крючок и выстрелила, превратив голову пернатого друга Дика Джарвиса в кровавое месиво.

Грохот выстрела тут же разбудил верховного марсианского жреца, который в мгновение ока оценил ситуацию. Издав горестный вопль, он бросился к агонизирующему Твилу. Схватив какой-то лоскут, Дик попытался заткнуть им жуткую рану в теле страуса. В этот самый момент Фэнси подскочила к Джарвису и сорвала у него со лба священный камень.

Зловещий камень с треском оторвался от его кожи. Джарвис закричал и рухнул на пол. Фэнси, по-прежнему в чем мать родила, бросилась вон из комнаты.

Натолкнувшись в коридоре на одинокого цилиндроида, Фэней сверкнула на него камнем и скомандовала:

— Отведи меня к другим землянам!

Заключив ее роскошные формы в нейтральное, сдержанное объятие, марсианин немедленно подчинился.

Харрисон и Леруа распростерлись ниц на полу камеры, пытаясь ползком выбраться на свободу. Стертые до крови пальцы землян свидетельствовали об их решимости противостоять насилию, о нежелании подчиниться слюнявому монстру.

Однако сами они оказались целы и невредимы, тем более что Фэнси опустила защитную стену и освободила их от вредного воздействия хищника-телепата.

Поднявшись на ноги, капитан Харрисон оценил состояние теледивы и мгновенно понял, что она совершила беспримерный подвиг, великодушно пожертвовав собой ради их спасения. Он мужественно отсалютовал ей и тут же снова взял на себя командование.

— Всем на корабль! Как только вновь окажемся на борту «Ареса-2», мы сравняем счет!

Дезорганизованные, оставшиеся без руководства цилиндроиды не сумели дать отпор атаке смелых землян. Потребовалось несколько часов целенаправленной работы неистощимых реактивных двигателей незабвенного Догени по расшатыванию основания исполинской башни, прежде чем землянам удалось ослабить кладку настолько, чтобы свалить бессмысленное циклопическое сооружение. Но после того как кладка высотой полмили окончательно рухнула, результаты оправдали затраченные усилия — то был катаклизм, сравнимый по своему масштабу со взрывом нескольких нейтронных бомб. Город марсианских цилиндроидов был стерт с лица планеты, под его обломками нашли себе последнее пристанище и тело бедолаги Путца, и, по всей видимости, Дика Джарвиса и его растленного пернатого дружка Твила.

Поднявшись на орбиту Красной планеты, готовясь к долгому пути домой, спасшиеся участники второй марсианской экспедиции проявили благоразумие, созвучное выпавшим на их долю тяжким испытаниям.

Напряженную атмосферу наконец нарушила Фэнси:

— Вам не кажется, что в безумии Дика все-таки был какой-то смысл? Могли на Луне и Деймосе обитать представители межгалактического содружества, незримые боги?

Прежде чем ответить, капитан Харрисон задумчиво погладил волевой, идеальной лепки классический подбородок.

— Даже если мы когда-нибудь и обнаружим их, думаю, парочки нейтронных бомб хватит, чтобы раз и навсегда с ними разделаться. Что за наглость — вмешиваться в судьбы человечества!

Фэнси ничего не ответила, а просто задумалась о небольшом

сувенире — магическом кристалле, покоящемся среди ее личных вещей. Зная, что этот камень сделал с беднягой Диком, она вряд ли когда-нибудь им воспользуется. Но ведь бриллианты всегда были лучшими друзьями девушки!

«A Martian Theodicy». Перевод А. Бушуева

СТЕНЫ ПЛАЧА

Предлагаю вашему вниманию историю намеренно циничную. Насколько мне это удалось — судите сами. Впервые этот рассказ был опубликован в сборнике «Красный сдвиг» под редакцией Эла Сарронтонио. Эл был большой любитель публикаций на шокирующие или запретные темы. Я же постарался оправдать оказанное мне доверие и быть на высоте.

Что может быть более святым и трепетным, чем спонтанные проявления горя, которые в наши дни сопровождают любую трагедию национального масштаба? Так что было бы не грех подзаработать на дерьме этой священной коровы, подумал я тогда.

Через несколько недель после выхода в свет «Красного сдвига» замечательный журнал «Лучок», публикующий приколы в духе черного юмора, тисканул одну вещицу, которая была в четыре раза короче моего рассказа, но зато куда забавнее.

Такие вот дела.

— Живо гони мне этих гребаных плюшевых мишек! И не сегодня, еще *вчера!* Ты меня понял?

Лиза Дач прорычала эти слова в телефонную трубку тоном члена ЦК, бичующего Троцкого на заседании у Сталина. Тектонической силы раздражение грозило расколоть превосходный макияжный ландшафт ее удивительно невинного и в то же время слегка безумного лица.

Желая привлечь внимание, Джейк Паша помахал перед очаровательным дерзким носиком и голубыми глазками Лизы свернутой в трубку газетой. Подобная наглость со стороны помощника взъярила ее еще больше. Лиза смерила Джейка испепеляющим взглядом — разгневанная богиня, этакая Кали в

костюмчике от Донны Каран. Она не только решительным жестом отвела в сторону жалкую газетенку, но и дала выход своему скверному настроению, обрушив его на несчастного продавца, находившегося на другом конце провода.

— Послушай, говнюк! Ты обещал мне, что хреновы мишки будут у меня в начале прошлой недели, и где они, скажи мне на милость?! Ты хотя бы представляешь себе, дурья башка, сколько у меня заказов на этих идиотских мишек? Я занимаюсь тонким делом, у меня каждая минута на вес золота. Мы беседуем с тысячами безутешных мужей и жен, рыдающих родителей, заплаканных дедушек и бабушек, которым из-за тебя, остолопа, приходится ждать! Они не могут справиться со своим горем из-за твоей *некомпетентности!* Не говоря уже о чертовых ребятишках! Не можешь найти *нос?* Да ты что, совсем с ума сошел? Видите ли, носы ему подавай! Да хоть сам подрисовывай им носы! Как хочешь, но чтобы эти мудацкие плюшевые мишки были у меня!

Лиза швырнула трубку на покрытый паутиной трещин телефонный аппарат — молчаливый свидетель не одной такой вспышки гнева. Теперь ей ничто не мешало без всяких помех отвести душу на помощнике.

— Если ты сию секунду не прекратишь совать мне в лицо эту паскудную газетенку, Джейк, я проделаю тебе новую дырку в заднице! А пока твои дружки будут наслаждаться этим нововведением, я посмотрю, как ты будешь враскоряку расхаживать по пляжу, не зная, куда засунуть веревочку от плавок.

Джейк устало отошел от ее письменного стола и пятерней нервно убрал с широкого лба густые пряди пшеничных волос.

— О господи, Лиза, я бы не советовал тебе разговаривать со мной в таком стервозном тоне. У меня и так каждое утро душа от страха уходит в пятки, стоит переступить порог этого сумасшедшего дома! Во всяком случае, я же стараюсь выполнять мою работу!

Лиза явно начала успокаиваться; гримаса гнева на ее лице постепенно превращалась в маску профессионального доброжелательного спокойствия. Она выдавила из себя извинение, правда, весьма кислое и неискреннее:

— Извини, эти продавцы из кого угодно душу вытрясут. Наш бизнес полностью зависит от них, а все они как один — жалкая кучка ничтожных засранцев. Воздушные шары, мягкие игрушки, цветы, венки, ленты, свечи, зеркальца, чтобы ловить солнечные лучи… ты что же, думаешь, те, кто продает все это, — милые люди, страстотерпцы, святые не от мира сего? Ошибаешься. Знаешь, кто самые надежные парни? Строители, вот кто. Пусть им

не хватает приличных манер, но если они не в состоянии доставить стену, то тотчас же об этом сообщат. Они никогда не станут из тебя кишки мотать, как остальные мудаки.

— Пусть так, как ты говоришь, дорогая, но есть вещи и поважнее.

Джейк помахал газетой в менее агрессивной манере, и Лиза взяла ее у него из рук.

Развернутая на странице, посвященной новостям бизнеса, газета предлагала читателям бросающийся в глаза заголовок.

«СТЕНЫ ПЛАЧА» ВСКОРЕ СТОЛКНУТСЯ С ПЕРВЫМ КОНКУРЕНТОМ

Лиза просмотрела статью, чувствуя, как в ней вновь начинает закипать ярость, грозя в очередной раз сорвать с лица маску профессионального спокойствия.

— Ублюдки сраные! Стибрили нашу самую ценную идею! «Ограды печали», прости господи мою славную белую задницу! Ну и название, да за такое этих ворюг можно по судам затаскать! Вот увидишь, наши адвокаты через пару часов вопьются в них, как клещи в наивного туриста из Коннектикута, сдуру угодившего в чащу леса!

Джейк забрал у нее газету.

— Не знаю, Лиза. Что-то у меня нехорошее предчувствие. Ты понимаешь, кто за ними стоит?

— Австралийско-корейская группа «Паномнифлекс». Ну и что с того? Ты испугался этой шарашкиной конторы с дурацким названием?

— Куча денег и усилий уйдет…

— Да насрать! На нашей стороне законное первенство. Я придумала это дело пять лет назад, тебе любой скажет. До меня и «Стен плача» такого вида услуг просто не существовало. Безутешным горем занимались лишь жалкие любители!

— Никто не спорит. Но рано или поздно конкуренты должны были появиться.

— Может, ты и прав. Наверное, мы и впрямь почили на лаврах. Кто знает, вдруг конкуренты нам только на пользу. Заставят нас пошевелиться, стать активнее.

— Каким образом?

— Понятия не имею. Но что-нибудь непременно придумаю. А пока надо заниматься другими делами. Что там у нас дальше в моем расписании на сегодня?

Джейк сверился с карманным органайзером.

— Через час в городе возводится новая стена. Ты хотела побывать на церемонии открытия.

— По какому поводу?

— Вчерашняя перестрелка служащих городского почтамта.

— Ловко. Сколько убитых?

— Трое.

— Конечно, пойду. С таким малым количеством покойников в прессе вряд ли появится что-нибудь стоящее. Да и вообще сегодня у меня не то настроение, чтобы справиться со стрессом от массового побоища. Кстати, это совсем рядом. А после той резни на школьном дворе я еще не была ни на одной церемонии открытия.

— Твои появления были бы гораздо эффектнее, будь мы в состоянии исключить из нашей деятельности фактор случайности…

Лиза встала и поправила юбку.

— Не стоит заходить в цинизме так далеко, Джейк. Я позаботилась о том, чтобы и это не осталось без внимания, — заявила она и направилась из кабинета.

— А чем в последние дни занимается Дэнни? — поинтересовался Джейк, следуя за начальницей по пятам.

— Тем же, что и всегда, — вздохнула Лиза. — Приносит себя в жертву искусству. Стареет Джейк.

— Но деньги-то он хотя бы начал зарабатывать?

— В общем-то нет.

— Его можно убедить приехать к нам и поработать здесь?

— Вряд ли. Дэнни клянется, что скорее наложит на себя руки. Чтобы он сюда приехал, надо чтобы он по-настоящему оказался на мели. Или же мне придется предложить ему самые невероятные условия.

— Вы такие с ним разные. Просто удивительно, что вы все еще вместе.

— Из нас двоих я — пистолет в мешке, приятель. У Дэнни пушка будет помощнее, чем у убийцы старины Эйба Линкольна. Сам знаешь, какую пушку я имею в виду.

— Могу я еще раз послушать, как звучат казу?

Дэнни Симмонс — длинные ноги согнуты в неудобном положении, словно они были нужны ему лишь временно, пока не вернется их истинный обладатель — сидел в первом ряду партера обшарпанного театрика, руководя разношерстной труппой, разместившейся на голой, без декораций, сцене. Его слова были адресованы четверке актеров на левой стороне сцены. Одетые в костюмы арлекинов, они стояли, поднеся к губам духовые инструменты. Однако прежде чем музыканты успели откликнуться на вежливую просьбу, Дэнни перебила пышногрудая молодая особа с волосами оттенка осенних

желудей, сидевшая через несколько рядов позади него:

— Дэнни, я забыла свою реплику.

Худощавый режиссер с кротким выражением лица медленно повернулся к ней и, не вставая с кресла, сказал:

— Ты входишь, когда Лестер произносит «Планета погибает!», Кэрол.

— То есть он называет меня моим настоящим именем? А я-то думала, что играю роль Геи.

Налицо Дэнни появилось многострадальное выражение.

— Нет, Кэрол. Он скажет лишь два слова: «Планета погибает!»

— А потом я встану и повернусь лицом к публике…

— Верно.

— …и рывком разорву на себе рубашку.

— Верно.

— …и скажу… скажу…

— «Гея отказывается кормить своим молоком кукушек, родившихся от человеческой жадности!»

Несчастное выражение лица Кэрол роднило ее с измученной шестиклассницей, полуфиналисткой телеконкурса по правописанию.

— У Геи… у Геи… как там… слишком маленькая грудь… чтобы жадные… О Дэнни, это бесполезно! Ничего не выйдет!

— Кэрол, прошу тебя, успокойся! У тебя в запасе целых два дня, чтобы выучить роль. Я уверен, ты справишься.

— Я прекрасно научилась разрывать на груди рубашку. Хочешь посмотреть?

Стоявшие на сцене мужчины моментально повернули головы в ее сторону.

— Нет-нет! Не надо! — вскричал Дэнни.

Репетиция не могла возобновиться еще добрых пятнадцать минут по той причине, что присутствовавшие были заняты — кто усердным поиском рассыпавшихся пуговиц, кто обертыванием одеял вокруг замерзших плеч Кэрол.

Впрочем, когда репетиция пьесы — либретто и музыка Дэнни Симмонса, режиссер и продюсер Дэнни Симмонс — возобновилась, то все равно продолжалась недолго, поскольку ее прервали во второй раз.

Возмутителем спокойствия оказался один из рабочих сцены; в руках у него был молоток.

— Эй, Дэнни, там пришел какой-то парень из электрической компании. Околачивается возле электросчетчика.

В следующее мгновение театр погрузился во тьму. Со всех сторон раздались возмущенные возгласы. Послышались топот

ног, скрип половиц и звук тела, свалившего со ступенек, сопровождавшийся стонами и проклятиями.

В конечном итоге Дэнни Симмонс и его труппа выскочили в залитое дневным светом фойе. Здесь их уже ждал хозяин помещения, в котором располагался театр, — вредный коротышка, похожий на гнома, сына лесного тролля и одной из страхолюдин, сводных сестер Золушки.

— Выметайтесь отсюда, да побыстрее, уроды! Кончилась ваша халява!

Дэнни с усилием сдержал горькие слезы обиды.

— Мистер Семпл, у нас в пятницу премьера! Мы первой же вечерней выручкой покроем аренду!

— Не держи меня за идиота, приятель! Я вчера наконец-то попал на репетицию вашего дебильного фарса. И высидел в заднем ряду все пять актов этой вашей белиберды. Никто и ломаного гроша не даст за возможность поглазеть на ваш дерьмовый спектакль. — Семпл на мгновение замолчал — его взгляд был устремлен на еле застегнутую булавку, которая тщетно пыталась удержать вместе полы рубашки Кэрол. — Согласен, у вас есть парочка классных штучек, на которые стоит посмотреть, но нельзя же делать ставку только на них. Нет, лучше уж я покончу с расходами, которые несу из-за вас, прямо сейчас. Немедленно очистите помещение. Я закрою театр на замок, а мои ребята вынесут все ваше барахло.

Обескураженные актеры покорно потянулись на улицу. Дэнни сконфуженно последовал за ними. Оказавшись на тротуаре, он повернулся к афише их будущего спектакля:

«ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ ГЕИ»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ТРУППА «ДЕРРИДАДАИСТЫ»

Афиша подняла его настроение. Дэнни повернулся к друзьям.

— Чуваки, я не допущу, чтобы эти ублюдки, эти жирные коты втоптали нас в грязь! Что бы ни случилось, клянусь: «Деррида-даисты» будут существовать и дальше!

— Я так рада! — пискнула Кэрол. — У меня будет еще время немного поработать над ролью!

— Всем плакальщикам с траурными повязками сделать шаг вперед!

Дородный губернатор Уиттлступ, несмотря на жаркий сентябрьский день, одетый в такое количество дорогой шерстяной

ткани, что ее с лихвой хватило бы на одежду десятку юных сирот, отошел от микрофона и опустился толстым задом на складной стул. Тот угрожающе скрипнул, с трудом выдержав губернаторскую тушу. Рядом с губернатором на поспешно сколоченном помосте сидела Лиза Дач. Колени ее были плотно сжаты, лодыжки скромно скрещены в позе, которую Джейк Паша называл про себя позой «девственницы в зале заседаний совета директоров».

Лиза похлопала губернатора по руке.

— Вы получили последний конверт? Все нормально? — прошептала она, сохраняя на лице выражение соответствующей случаю официальной скорби.

Не меняя выражения лица, Уиттлступ ответил:

— Он уже в банке.

— Отлично. Потому что мне, похоже, предстоят некоторые трудности, и я бы хотела, чтобы мои тылы были надежно прикрыты.

— Вам нечего опасаться. «Стены плача» чертовски подходят нашему штату, и наш штат не ударит лицом в грязь.

— С каких это пор вы и штат стали синонимами?

— Наверное, с начала моего пятого срока на посту губернатора. Кстати, меня привел в восторг ваш рассказ о том, что вы потеряли близких во время теракта в Оклахома-Сити и как это много лет спустя вдохновило вас на создание фирмы. Вы заставили всех собравшихся пустить слезу. Признайтесь мне откровенно, хоть что-то из этой чепухи правда?

— Только то, что у меня действительно там были родственники.

Зазвучали аккорды классической музыки, обычно исполняемой на панихидах. Собравшиеся стали выстраиваться в очередь. Люди с траурными повязками в строгом порядке заняли места на автостоянке почтамта, где проводилась церемония прощания с теми, кто совсем недавно стал жертвой кровавой резни. Первый человек из очереди приблизился к ряду черных пластиковых контейнеров, смахивавших на огромных размеров компостеры. Возле контейнеров стояли несколько служащих фирмы «Стены плача». В черных одеяниях они ужасно походили на гробовщиков, как тех изображали постмодернисты. На пиджаке у каждого готическим курсивом был вышит красный логотип с буквами «СП».

Представитель «СП» молча и трогательно подвел первого плакальщика к контейнеру, чтобы тот мог выбрать подарок покойному. Плакальщик, точнее плакальщица — вдова с красными от слез глазами — выбрала букетик маргариток из

десятка подобных, стоявших в банках с водой. Сами банки располагались на металлической подставке, достигавшей взрослому человеку до пояса. Служащий «СП» осторожно подвел женщину непосредственно к стене.

Свежие доски возведенной всего несколько часов назад «Стены плача», также украшенные логотипом фирмы, все еще издавали запах сосновой свежести. Через равные промежутки к ним были скобами прикреплены пластмассовые полоски, похожие на автоматические полицейские наручники или узкие ремешки, которыми электрики перехватывают пучки проводов. Служитель проводил первую женщину с ее букетиком к ремешку, что болтался с краю в верхнем левом углу, и при помощи пластмассовой защелки помог ей прикрепить цветы. Затем с ловкостью распорядителя церемонии вручения «Оскара» отвел рыдающую женщину в сторону и занялся следующим участником панихиды.

Хорошо отлаженный ритуал пошел своим чередом, приняв характер идеального ритма сборочной линии японского завода, оснащенного безупречно отрегулированными промышленными роботами. Скорбящие родные и близкие извлекали из контейнеров памятные подарки, призванные символизировать их выставленное на всеобщее обозрение безутешное горе: пастельных оттенков плюшевых медвежат, миниатюрный спортивный инвентарь с логотипами известных фирм, иконы самых разных религий, сентиментальные поздравительные открытки на все случаи жизни с подписями «любящий сын» или «любящая дочь». Один за другим убитые горем друзья, соседи и родственники — практически любой, кто заплатил соответствующую сумму фирме «Стены плача» (семьям предоставляются скидки) — размещали свои стереотипные фетиши на официальной стене и возвращались на места.

Сидя под жизнерадостными лучами солнца, Лиза наблюдала за происходящим с гордостью и ликованием, готовыми прорваться сквозь деланную похоронную грусть. Неожиданно ее внимание привлек человек, чье поведение резко отличало его от остальных участников панихиды. Занудливой внешности мужчина что-то чиркал пластмассовой палочкой в электронной записной книжке.

Лиза быстро наклонилась к губернатору Уиттлступу:

— Видите вон того парня, который делает какие-то записи? Это кто-то из местных репортеров? Я не узнаю его.

— Нет, — ответил Уиттлступ. — Он не местный. Никогда его раньше не видел.

Лиза решительно встала со стула. Поскольку взгляды

присутствующих были обращены к траурной церемонии, никто не заметил, как она поспешно покинула помост. Подкравшись сзади к незнакомцу с записной книжкой, Лиза, оставаясь при том незамеченной, села на стул и, вытянув шею, через плечо мужчины попыталась прочесть, что он там накорябал в записной книжке.

На электронном экранчике светились сделанные по горячим следам заметки:

Предложить более широкий ассортимент для мемориала жертв. Любимое лакомство покойных? Может быть, печенье?

Позвонить в «СнэкУэллз». Фирменные леденцы от «Оград печали»?

Лиза вскочила, чувствуя, что ее душит злость. Схватившись за складной стул, на котором сидел незнакомец, она резко выдернула из-под него сиденье. Тот упал, но мгновенно поднялся на ноги и повернулся к Лизе, испуганно на нее глядя.

— Мерзкий шпион! Ну-ка отдавай!

С этими словами Лиза вцепилась в электронную записную книжку, однако мужчина не собирался выпускать ее из рук. Завязалась потасовка; на землю полетели стоявшие рядом пустые стулья. Неожиданно Лиза ослабила хватку. Шпион, победоносно улыбаясь, выпрямился. Лиза согнула мускулистую руку и ловко врезала ему в челюсть. Ее соперник рухнул как подкошенный.

И тогда поднялась настоящая неразбериха. Воздух огласили истошные вопли; стоявшие рядом люди с криками бросились врассыпную, как будто в здание почтамта неожиданно вернулся убийца, лишивший жизни тех, кого сегодня провожали в последний путь. Лиза обрушила на упавшую записную книжку каблук-шпильку, с силой вдавив ее в асфальт.

Цифровые видеокамеры обратили свои объективы на Лизу с первой же секунды схватки, запечатлев ее раскрасневшееся лицо и растрепанную прическу. В считанные минуты эти кадры будут показаны в выпусках теленовостей.

Телохранители губернатора наконец налетели на Лизу и ее жертву. Шпион из конкурирующей фирмы кое-как встал и, прижав руку к пострадавшей от удара челюсти, попытался отомстить обидчице.

— Арестуйте ее! Она напала на меня! Я ничего ей не сделал!

Телохранители повернулись к Уиттлступу, ожидая сигнала.

Губернатор кивком указал на лазутчика, и телохранители утащили его прочь.

Лиза отчаянно пыталась объяснить свое поведение повергнутой в ужас толпе и невидимой телеаудитории:

— Он… он… он…

К ней подскочил Джейк и, делая вид, что успокаивает, что-то

прошептал на ухо. Лицо Лизы просветлело.

— Это был сатанист!

— «Паномнифлекс» продолжает отрицать обвинения в сатанинской деятельности. По заявлениям ее пресс-службы, никто из служащих компании якобы не имеет отношения к сатанизму. Однако несколько сенаторов настаивают на полном расследовании…

Ведущий канала новостей Си-эн-эн — красавчик с прекрасно уложенной прической, чья холеная физиономия появилась на многоцелевом мониторе, стоявшем на кухонном столе, — похоже, был готов бубнить о случившемся весь вечер. Однако Лиза одной левой заставила его замолчать, после чего правой рукой поднесла к своим сочным, ярко накрашенным губам бокал с темно-янтарной жидкостью.

— Прекрасная защита, как говорят в спорте.

Дэнни стоял возле кухонной раковины и чистил картошку. Он пытался, не отрывая ножа, снять шкурку с каждой картофелины одной длинной полоской, и в целом ему это удавалось.

— Спасибо, только я не могу принять твой комплимент полностью на свой счет. Джейк пока ничего не знает, но его ждет шикарная премия.

Дэнни завистливо вздохнул.

— Какие бы я ставил спектакли, будь у меня такой толковый помощник, как Джейк! Те, кто вкалывает как проклятый, неделя за неделей практически за бесплатно, не слишком… как это сказать… отягощены сообразительностью, верно? Но теперь, конечно же, это спорный вопрос. После того как моя постановка, что называется, накрылась медным тазом.

Лиза плеснула себе в бокал очередную порцию скотча, добавила содовой и кубиков свежего льда и лишь после этого повернулась к Дэнни.

— В принципе я уже сегодня могла бы содрать с них возмещение потерь. Хотя вряд ли это помешает «Оградам печали» оттяпать кусок от моего пирога, а уж он-то причитается мне по праву. Эти ублюдки лишь временно поумерили свои аппетиты. Ума не приложу, как бы дать им по рукам! О господи! Поговорим лучше о тебе, хватит обсуждать мои дела. Объясни еще раз, почему ты не хочешь занять у меня денег, чтобы рассчитаться с долгами?

Дэнни отложил картофелину в сторону, чтобы сделать глоток белого вина.

— Мы же условились: после того как я у тебя взял в прошлом

году деньги на постановку «Засранцев», больше я одалживаться не буду. Если «Дерридадаисты» не смогут найти спонсоров, интересующихся авангардным театром, мне следует признать, что я занимаюсь ерундой.

— Что же ты собираешься делать?

— Приготовить для нас с тобой ужин. Что буду делать после — не знаю. Я хочу сохранить труппу, но не за счет гордости художника и творца.

Лиза сбросила с ног туфли.

— Гордость творца!.. Самое обидное, что подонки из «Оград печали» нагло используют мой замысел, мое детище!

— Ты зря заводишься, хотя твои слова соответствуют истине. Чего добавить в салат — шпината или другой зелени?

— Шпината. Надо постоянно поддерживать в форме мою правую.

После ужина Лиза и Дэн, обнявшись, уселись на диван и стали смотреть «Ежечасное развлечение».

Ведущая, чьи зубы и прическа отличались такой безупречной красотой, будто над ними потрудились специалисты из иных миров, со странной интонацией, в которой сочетались одновременно угрюмость и экспансивность, сообщила о сенсации последнего часа.

— Уинтон Марсалис возглавил сегодня собственную похоронную процессию, прошедшую по улицам города Селебрейшен, штат Флорида. После того как в прошлом месяце этому отважному трубачу был поставлен диагноз «оральный герпес в конечной стадии», он принял решение красиво и стильно уйти из жизни. Воспользовавшись прошлогодним вердиктом Верховного суда по делу «Флинт против Соединенных Штатов», легализовавшим совершаемое с посторонней помощью самоубийство и другие формы добровольной эвтаназии, Марсалис получил летальную инъекцию замедленного действия в тот миг, когда стал во главе траурного шествия. Его приподняли и посадили в гроб, чтобы он мог полюбоваться процессией, состоявшей из огромного числа безутешных знаменитостей. Фирма «Паномнифлекс» использовала аниматронного Луи Армстронга, чтобы тот возглавил это печально-торжественное и вместе с тем светлое и радостное шествие.

На экране телевизора появилось изображение происходящего: перед кавалькадой траурной процессии робот с внешностью Луи Армстронга неуклюже расхаживал взад-вперед, изображая игру на трубе. Откуда-то из его утробы раздавалась записанная на пленку музыка. Люди, принимавшие участие в процессии, исполняли свои роли более жизнеподобно. Они плакали, смеялись,

бросались конфетти, приветственно хлопали друг друга… Сидя в гробу, установленном на погребальных дрогах, Марсалис, глядя на толпу остекленевшим взглядом, махал рукой с энтузиазмом, ослабевающим с каждой секундой.

Дэнни цокнул языком.

— Неплохая постановка. Деборд был прав. Наше общество — не что иное, как театр. Интересно, по каким ставкам они заплатили плакальщикам…

От вопля Лизы у него чуть не лопнула барабанная перепонка.

— Именно! В этом будущее «Стен плача»!

Она набросилась на Дэнни и принялась лихорадочно расстегивать его брючный ремень, другой рукой вцепившись ему в промежность.

— Лиза, постой! Минутку! Прошу тебя! Что с тобой?

— Тебе сейчас придется трахнуть меня так, как ты еще никогда меня не трахал!

— Но почему?

— Я хочу, чтобы минута, когда я поняла, что я гений, навсегда запечатлелась в клетках моего головного мозга!

— Кэрол, то есть я хотела сказать, Запмама — Деконструктору! Перед нами цель.

Фраза, сопровождаемая треском радиопомех, прозвучала из портативного переговорного устройства, висевшего на ремне Дэнни.

Дэнни схватил рацию и ответил:

— Деконструктор — Запмаме. Оружие готово?

— Думаю, да.

— Проверь. Нельзя рисковать из-за ерунды нашим первым убийством.

— Дай я спрошу Гордона. Гордон, скажи мне…

В следующее мгновение грохнул ружейный выстрел, приглушенным эхом прозвучавший из микрофона переговорного устройства. Со своего командного поста, располагавшегося на плоской крыше десятиэтажного здания, Дэнни увидел, как внизу мечутся крохотные фигурки, пытающиеся справиться с оружием. Наконец автоматическая винтовка прекратила стрельбу.

— Дэн, то есть я хотела сказать, Деконструктор!..

Дэнни издал глубокий вздох.

— Деконструктор — Запмаме! Вперед!

— С моим оружием все в порядке.

— Выбери цель и жди команды. Конец связи.

Убрав на место рацию, Дэнни повернулся к стоявшему рядом с ним телеоператору.

— Мы можем вырезать эти преждевременные выстрелы?

— Легко, шеф.

Ряд мониторов транслировал картинку, передаваемую не только с этой видеокамеры, но и с видеокамер, установленных внизу, на земле. Все объективы были нацелены на покачивающий боками автобус, на одном из которых можно было прочитать надпись «Экскурсии по Иерусалиму». Автобус двигался в направлении широкого оживленного перекрестка, заполненного машинами и пешеходами. Неожиданно автомобили, что ползли перед ним и позади, взорвались. Вопреки ожиданиям, не разлетелось никаких смертоносных обломков, как не последовало и мощной ударной волны. Обломки автомобильных муляжей для пущего эффекта лишь окутали мелодраматические клубы дыма.

Казалось, взрыв послужил сигналом к действию для спрятавшихся в засаде террористов. Облаченные в камуфляж и с бурнусами на головах, они были неотличимы от кровожадных фанатичных арабов. Нападающие моментально открыли огонь. Оконные стекла посыпались крошевом мелких осколков, бока автобуса вспучились пробоинами. Пассажиры повалились, как тряпичные куклы, и застыли в самых причудливых позах. Один из террористов метнул гранату, и автобус дернуло вверх. Из двери ручьями хлынула кровь.

Нападение длилось ровно полторы минуты, однако со стороны они показались вечностью. Загипнотизированный зрелищем, Дэнни чуть не забыл о своей роли.

— Стоп! Хватит! — рявкнул он, схватив рацию.

Стрельба мгновенно прекратилась. Дэнни поспешил вниз.

Откуда-то появилась кавалькада машин «скорой помощи» и несколько равнодушного вида полицейских. Дверь автобуса распахнулась, и наружу неуклюже выпрыгнул водитель, явно не желавший перепачкать обувь в лужах синтетической крови. В поврежденный взрывом автобус — его показали крупным планом: двадцатилетней давности раритет автомобильной промышленности, чудом спасенный с автосвалки, подлатанный и подкрашенный — проникли медики и на носилках в форме саркофага принялись выносить наружу пострадавших.

Ни на одном из погибших не было видно ран. В основном это были пожилые люди, хотя встречались и молодые, и даже пара подростков, причем, судя по всему, все они ушли из жизни без сожаления. У многих на безжизненных лицах застыли последние умиротворенные улыбки.

Пока погибших переносили в кареты «скорой помощи», прохожие наблюдали за происходящим и обменивались комментариями:

— Дядя Альберт ушел из жизни именно так, как всегда мечтал.

— Мне показалось, что тетушка Рут в последнюю минуту откажется, но нет, слава Богу, не отказалась.

— Я успел заметить, что Гарольд помахал на прощание рукой!

Давя подошвами осколки бутафорского стекла, Дэнни пробирался к тому месту, где должны были собраться псевдотеррористы. Заметив его, те приветственно заулюлюкали и зааплодировали режиссеру. Со всех сторон раздались поздравления.

— Взрывы были нормальные, Дэнни? — поинтересовался взрывотехник.

— Прекрасно, выше всяких похвал.

— А я чуть позже положенного активировал взрыватель, — признался другой техник.

— В следующий раз все пройдет без сучка без задоринки, вот увидишь.

Подошла Кэрол, груди ее растянули террористическую рубашку до недемократических размеров.

— Ты уж прости меня, дуру, что вступила раньше времени. Хотя выстрелы были холостые, я могла вспугнуть автобус.

Дэнни молча смерил Кэрол пристальным взглядом, пытаясь найти логику в ее словах.

— Так ты знала, что все подстроено?

Кэрол с возмущенным видом попятилась назад.

— Конечно, знала! Я же никогда не была в Иерусалиме!

Машины «скорой помощи» одна за другой разъехались. На место недавнего побоища прибыл грузовик городской коммунальной службы. Из него вылезли рабочие и принялись убирать осколки. Затем подъехал большой тягач и отбуксировал злополучный автобус. Прибыло еще несколько машин со слегка измененной эмблемой «СП» (теперь логотип представлял собой сочетание букв «СП + ФФ»).

Из головной машины вышли Лиза и Джейк.

Одетая в строгое темно-синее платье, владелица «Стен плача» несколькими быстрыми шагами приблизилась к мужу, чмокнула его в щеку, затем повернулась к присутствующим.

— Спасибо, дорогие друзья, за активное и добросовестное участие в первом представлении «Фантастических финалов». Я уверена, что все ваши близкие по достоинству оценили ваше присутствие на сегодняшней церемонии, когда мы проводили их в последний путь добровольно выбранным ими способом. Памятные записи на DVD-дисках вы получите в течение

ближайших трех дней. Те из вас, кто заранее зарегистрировался для церемонии торжественного прощания с близкими во время сопутствующей церемонии «Стены плача», могут занять очередь на участке, размеченном временным ограждением.

Люди стали выстраиваться в очередь, а Лиза, понизив голос, принялась поторапливать подчиненных:

— Давайте пошевеливайтесь, ребятки! Наши пропуска действительны лишь до двух ноль-ноль!

В считанные минуты стандартные «Стены плача» были готовы — панели сборных стен возводились на арендованном участке тротуара при помощи стоек, помещавшихся в заранее сделанные отверстия в земле — и друзья и родственники жертв из числа пассажиров автобуса предались относительно сдержанному, сходному с военным неврозом горю.

Лиза и Дэнни перешли на другую сторону, отдалившись на некоторое расстояние от подчиненных.

Глаза Лизы блеснули будто дисплей аудиторского карманного калькулятора.

— Неплохо, очень даже неплохо. Полторы тысячи долларов за постановочное самоубийство. Умножаем на шестьдесят. Плюс стандартное вознаграждение за использование «Стен плача» от оставшихся в живых. Неплохо. Даже после выплат твоим и моим работникам еще остается кругленькая сумма, мой дорогой.

Дэнни приподнял ее подбородок.

— Я благодарен тебе за то, что ты даешь стабильный источник заработка моим ребятам, Лиза. Но меня по-прежнему беспокоит этическая сторона этого натуралистического спектакля…

— Этическая сторона? Да при чем здесь этика? Эти нытики все равно бы отправили себя в расход — с нашей помощью или без нее. Мы лишь предоставили им возможность сделать это красиво, с шиком. Подарили им фантастический финал, что, кстати сказать, уже стал своего рода торговой маркой. Они подписывают доверенность и отказ от претензий в наш адрес, им впрыскивают в кровь горячительное. А затем они получают возможность воплотить в жизнь свою самую любимую мечту — стать жертвой уличной аварии со взрывами и пожаром. В принципе мы делаем почти то же самое, что и чертов фонд «Загадай желание», с той единственной разницей, что мы сопровождаем наших клиентов до самого конца.

— Ладно, убедила. Никто не заставлял их участвовать в подобной инсценировке. Хотя некоторые сценарии, что я сочиняю по твоей просьбе, даже не знаю… как бы это помягче выразиться…

— Неужели твои ребята не готовы к игре в реальных условиях?

— «Дерридадаисты» способны справиться с чем угодно! — неожиданно ощетинился Дэнни.

Лиза усмехнулась ухмылкой ведьмы, в печке у которой запекается пара ребятишек, а третий малыш поджаривается на раскаленной сковороде.

— Отлично. Вот увидишь, мы сделаем на этом такие крутые «бабки», какие тебе даже не снились, — покруче, чем наш с тобой секс.

— Мне кажется, тебе стоит взглянуть на шезлонги, Лиза.

Эти слова произнес Джейк Паша, который выжидающе застыл у порога кабинета.

Его начальница, наклонив голову, подбородком прижимала к плечу телефонную трубку. В правой руке она держала еще одну, а левой водила по коврику «мышкой» компьютера.

Наконец она завершила разговор с обоими собеседниками, закрыла несколько окон на экране монитора и только затем повернулась к Джейку.

— Надеюсь, ты пришел сказать мне нечто важное.

— Еще какое важное!

Джейк сделал знак рукой, и рабочий в заляпанном краской комбинезоне внес в комнату старомодный шезлонг из дерева и парусины. На шезлонге виднелась надпись: «Собственность «Уайт стар лайнз Титаник».

— Они все такие, — пожаловался Джейк.

Лиза отнеслась к его словам спокойно, даже безмятежно.

— Это я виновата, не успела тебя предупредить. Как я и предполагала, подонки из «Паномнифлекс» отказались продать нам право использовать настоящее название, вот я и нашла способ обойти их на повороте. После того как мы уделали дурацкие «Ограды печали», их до сих пор душит жаба. Ты видел последние котировки их акций? Акционерам нужно карабкаться вниз по лестнице, чтобы поцеловать задницу этим ублюдкам! Насколько мне известно, чтобы урезать расходы, они в срочном порядке вынуждены перейти на сетевой маркетинг.

— А разве наши клиенты не станут жаловаться на неточности?

— Как же! Наши клиенты, Джейк, — это кучка романтически настроенных идиотов, которых считанные минуты отделяют от того момента, когда они найдут свой конец на дне морском. Если это тебя успокоит, скажу тебе следующее: мы накачаем их коктейлем из цикуты еще до того, как они ступят на борт нашей

плавучей посудины. Они будут настолько пьяны, что сами себя в зеркале не узнают, не говоря уже о том, что ни черта не поймут. Ты проследи за тем, чтобы завезли достаточное количество инвалидных кресел, договорились? И не забудь про джипиэсовские передатчики для каждого клиента. После того как корабль затонет, всех жмуриков надо будет выловить.

— А как с родственниками? Ведь они могут заметить ошибку в видеозаписи и наверняка станут жаловаться.

— О эти шакалы! Да они спят и видят, как их престарелые предки, дядюшки и тетушки испустят дух в сиянии славы. Так что не бери в голову — вряд ли они обратят внимание на исторические неточности. Не забывай, Джейк, мы с тобой торгуем фантазиями, а не телевизионными документальными драмами, которые обязательно должны соответствовать жестким стандартам.

Джейк знаком отпустил рабочего с шезлонгом сомнительного происхождения и, прежде чем заговорить, прикрыл дверь.

— Дэнни по-прежнему собирается выйти из игры?

— Последние несколько дней он обходил эту тему молчанием, — нахмурилась Лиза. — Но я нутром чувствую: его все еще гложут сомнения.

— Ты хотя бы извинилась перед ним за историю с Бонни и Клайдом?

— Разумеется, извинилась, падре, хотя моей вины в этом никакой. Кто же мог знать, что эти два самоубийцы были наркоманами и наш «сок» оказался для них слабоват, ведь парни привыкли к зелью посильнее? Чего удивляться, что они, истекая кровью, продолжали вопить во все горло даже после того, как мы всадили в них едва ли не тонну свинца, и весь его бесценный сценарий пошел псу под хвост! В этом весь Дэнни — ему нужно совершенство буквально во всем!

— Он настоящий художник! — заметил Джейк.

— Боже, что я от тебя слышу?! Ты что, запал на него? И дернуло же меня за язык рассказывать тебе о его гигантском члене!

— При чем тут член! Я просто одобряю его творческие амбиции! — ответил Джейк, подавив раздражение.

— Отлично! — Лиза надменно выпрямилась. — Если тебе от этого станет легче, я отправлюсь к Дэнни прямо сейчас, в разгар рабочего дня, чтобы показать ему, какая я заботливая женушка!

— В конце концов наши успехи во многом зависят от *него.*

— Не надо обольщаться, приятель! Все зависит только от *меня!*

— Бесполезно, Кэрол! Я никогда не смогу убедить себя в том, что помогать людям уйти из жизни мелодраматическим образом — это и есть подлинное искусство.

Устроившись на краю письменного стола, Кэрол состроила сочувственную гримаску.

— Дэнни, то, чем мы занимаемся, это… это так концептуально!

Дэнни пропустил ее профессиональный жаргон мимо ушей.

— Я вот уже три месяца твержу себе то же самое. Мы несем в массы искусство перфоманса, мы ниспровергаем авторитеты, мешаем средствам массовой информации промывать нам мозги, высвечиваем прогнившую суть растленной похоронной индустрии… Бог свидетель, я пытаюсь найти для оправдания десятки формулировок. Но только для меня все это — пустой звук. Я по горло сыт этим дерьмом, этой дурно разыгранной пьеской под названием «Фантастический финал»! Я думал, что смогу продать себя с потрохами, но я ошибался, о, как я ошибался!

— Дэнни, впервые за несколько лет мы получили постоянную работу, занимаемся тем, что любим и умеем делать! И еще приличные деньги стали зарабатывать!

— Разве к этому всегда стремились «Дерридадаисты»? Мы могли бы сниматься в рекламе, будь постоянная профессиональная занятость для нас главным. Нет, я основал труппу для того, чтобы ставить настоящий, стопроцентный авангард! И что же? Теперь мы инсценируем избитые сценарии, замшелые ходульные скетчи, которые выудили из заплесневелых голливудских запасников. И ради кого? Ради ни черта не смыслящих в искусстве самоубийц! «Титаник»!.. Ну кому взбрело в голову в прошлом году выпустить этот чертов римейк! В свое время Ди Каприо сыграл отвратительно, но этот коротышка Скайуокер вообще ни в какие ворота не лезет!..

Дэнни сделал вид, что его передернуло от отвращения, изобразив подступившую к горлу тошноту.

Кэрол, похоже, была готова разрыдаться.

— Ты меня имеешь в виду? Мои роли всегда заканчивались полным провалом. Ты только скажи, Дэнни, я все перенесу!

Дэнни встал и успокаивающе похлопал Кэрол по плечу.

— Нет-нет, у тебя все прекрасно получилось.

Кэрол захлюпала носом.

— Даже когда я свалилась с лошади в эпизоде с Джесси Джеймсом?

— Конечно. Мы этот эпизод просто вырезали.

— А когда я обрушила все те домики, прежде чем ты смог

начать землетрясение в Сан-Франциско?

— Они все равно рано или поздно повалились бы.

— А тот несчастный случай, что произошел во время Великого чикагского пожара?..

— Страховка все покрыла.

Кэрол пискнула и бросилась в объятия Дэнни.

— О таком режиссере можно только мечтать!

Дэнни осторожно высвободился и принялся расхаживать взад-вперед по кабинету.

— Как же мне объясниться с Лизой? Именно это меня и останавливает — необходимость объясниться. У нее такой бурный темперамент… Нет, конечно, она любит меня, однако для нее дела стоят на первом плане. Скажи, Кэрол, что мне делать?

— Насколько мне известно, есть одна вещь, которая помогает в подобных ситуациях.

— Что же?

— Фокус с сиськами.

— Кэрол, прекрати, умоляю тебя! Немедленно застегнись!

— Не беспокойся. От тебя я видела только добро, ты так много для меня сделал. Теперь настал мой черед помочь тебе. Сядь, так лучше будет. Дай я расстегну тебе эту молнию и эту застежку… Нет-нет, не двигайся. Тут хватит места, чтобы я опустилась на колени. Скажи, разве это не чудо? Я никогда в жизни не видала такой длинной штуки, такой, которая сразу выскакивает из штанов как пружина!

— О Лиза!..

— Мне все равно, Дэнни, можешь называть меня ее именем, если тебе так приятней!

— Нет. Она уже здесь!

Стоявшая в дверях Лиза произнесла:

— Извини, подонок, но чтобы этой дурехи я здесь больше не видела — роль у нее уже есть. А тебе полагается пользоваться диваном, который я купила специально для того, чтобы на нем трахаться!

— Добавьте-ка на эту глыбу побольше «виндекса»!

Стоявшие на разборных лесах техники — они ужасно напоминали мошкару, облепившую ветровое стекло автомобиля — в ответ на произнесенное в мегафон указание принялись усердно полировать покачивающуюся на волнах глыбу искусственного льда, пришвартованную к причалу бухты. На причале уже выстроилась кавалькада инвалидных колясок с безнадежно больными или выжившими из ума клиентами, которым предстояло пойти ко дну вместе с прославленным

фешенебельным лайнером (ветхим буксиром со скошенным носом и мостиком, воспроизводящим переднюю часть знаменитого судна). На суденышке меньших размеров разместились телевизионщики и поисковая команда. Около пакгауза начала запланированного кораблекрушения ожидали стандартная «Стена плача» и дополнительные приспособления. Все это освещал скупой свет январского солнца.

Лиза деловито проталкивалась через толпу служащих «СП + ФФ», на ходу раздавая указания. Капитану буксира она напомнила:

— Повторяю, прежде чем затопить свою посудину, вы должны отойти от берега как минимум на двадцать пять миль!

Наконец она повернулась к мужу.

Дэнни стоял рядом, явно витая мыслями где-то далеко, в одному ему ведомых высях. Однако стоило Лизе повернуться к нему, как его лицо тотчас приняло сосредоточенное выражение.

— Лиза, прежде чем сыграть прощальный спектакль, хочу признаться, насколько я благодарен тебе за то, что ты позволила мне выйти из дела. Я сыт, что называется, по горло.

— Готова поспорить, то же самое собиралась сказать и твоя подружка в тот момент, когда я застукала вас.

— Лиза, умоляю! Я же все объяснил тебе!

Лиза рассмеялась, и смех ее был похож на позвякивание льдинок в стакане.

— Ладно, я больше не сержусь. Просто не смогла удержаться от легкой шпильки в твой адрес. Ну и формы! Я по сравнению с ней — глиста ходячая. Признайся, наверное, это было все равно что угодить членом в кучу диванных подушек?

Дэнни собрался отойти, но Лиза удержала его.

— Хорошо-хорошо. Сознаюсь, я действительно перегнула палку. Извини. Но послушай, я кое-что для тебя сделала, чтобы показать, что ты мне по-прежнему небезразличен.

Лиза взяла из рук Джейка спасательный жилет оранжевого цвета.

— Это особый спасательный жилет, специально для тебя, Дэнни. Вот смотри, тут даже имя твое написано.

— Спасибо, Лиза.

— Видишь, он тебе впору.

— Мне его прямо сейчас надеть?

— Да-да, именно сейчас.

Дэнни натянул жилет, и Лиза крепко затянула тесемки, совсем как заботливая мать, собирающая обожаемого отпрыска в детский сад.

— Какой он тяжелый. Что в нем? Свинец?

— Не совсем. Смотри, уже начали грузить инвалидные кресла. Тебе тоже пора на корабль.

Дэнни собрался поцеловать Лизу в губы, однако та подставила ему щеку. Дэнни зашагал к сходням. На самом верху трапа он обернулся и помахал рукой.

Через несколько минут вся армада вышла в море, включая айсберг, с которого сняли леса. Теперь его тянул за собой второй буксир.

— Ну вот и все, — вздохнула Лиза, когда флотилия исчезла из виду.

С этими словами она приблизилась к «Стене плача», выбрала розового плюшевого мишку и осторожно прикрепила его к ремешку. Глаза у нее были сухие, как глаза-пуговички игрушки.

«Weeping Walls». Перевод А. Бушуева

УВИДЕЛ — ПОВЕРИЛ

Этот рассказ навеян двумя статьями в моем любимом научно-популярном журнале «Нью сайентист». Обе касаются нового направления науки, «теории сознания», которая пытается — иногда успешно, иногда тщетно — определить особенности работы человеческого мозга. Сьюзен Блекмор — чье имя увековечено в рассказе в качестве названия городской площади — относится к числу самых радикальных мыслителей, которые бьются над тем, чтобы разгадать эту волнующую загадку природы. Ее представление о том, что мы все именуем собственным «я», — чистой воды вымысел, но он самым чудесным образом перекликается с моим увлечением буддизмом.

Если бы я только мог заставить этот самый вымышленный персонаж, именуемый нашим «я», выполнять всю черную работу в нашей жизни, а все хорошее, что в ней есть, оставить настоящему Полу!

Рои Фьюсмит приготовился ограбить банк. И как! Вооружившись всего лишь цветным «палм-пайлотом». Ограбить лично, физически, а не виртуально.

На мгновение замешкавшись перед тяжелыми стеклянными дверями банка «Мерчанте траст», Фьюсмит в очередной раз мысленно пробежался по основным этапам плана. Мозг истинного киномана быстро «прокрутил» эпизоды ограблений из доброй сотни виденных им фильмов. Мимо Рона в дверь то и дело торопливо проходили все новые и новые клиенты, вознамерившиеся в это ясное утро понедельника решить свои финансовые дела. Именно они и помогли ему пробудиться от грез.

Хватит топтаться на месте, этак недолго привлечь внимание к

своей персоне. И все же Рон помедлил еще какое-то мгновение, сосредоточившись на этапах предстоящего ограбления.

В том, что было связано с человеческим фактором, он был уверен на все сто. Долгие месяцы бесконечных экспериментов убедили Рона, что ни один из служащих банка не рискнет оказать ему сопротивление. Главное — во всем полагаться на своего маленького Цифрового Помощника. Операция по изъятию наличности пройдет как по маслу, никто из служащих даже не догадается, что дело пахнет ограблением. Лишь поздно вечером, когда подведут баланс банковских операций за день, обнаружится недостача наличных.

А к тому времени Фьюсмит уже будет в полной безопасности, никем не замеченный вернется к себе домой.

Единственное слабое звено плана — камеры видеонаблюдения. При мысли о камерах Рона бросило в пот. Изменить кадры, запечатленные на пленке, ему не под силу. Одна надежда на убедительный грим.

Готовясь к операции, Фьюсмит нацепил огромные пышные усы, отчего тотчас стал похож на боксера девятнадцатого века. Контактные линзы помогли изменить цвет глаз. Одежду он подобрал так, что сделался неотличим от иммигранта, совсем недавно пересекшего воды Атлантики, — этакий типичный выходец с Балкан, откуда-нибудь из албанского захолустья. Акцент Фьюсмит оттачивал в течение нескольких дней.

Экипированный таким образом, он в целом не сомневался в успехе задуманного мероприятия. Поэтому — хватит терзаться сомнениями, все должно пройти гладко. В банк!

Присоединившись к небольшой очереди посетителей, стоявших более или менее терпеливо возле ограждения из бархатных канатов, Фьюсмит довольно скоро приблизился к цели. Когда его вызвал первый же освободившийся кассир, он широко улыбнулся и храбро шагнул вперед.

Кассир — молодой мужчина с прыщавым лицом и с заколкой на галстуке — инстинктивно улыбнулся в ответ.

— Чем могу быть вам полезен, сэр?

Фьюсмит вытащил из кармана ворох потрепанных ассигнаций иностранного происхождения и шлепнул их на прилавок.

— Вы обменять это?

— Извините, сэр, вам следует обратиться к нашему представителю по работе с клиентами.

— Не понимать. Пожалуйста, использовать переводчик.

Фьюсмит сунул ему под нос свой «палм-пайлот», и кассир нехотя взял хитромудрую штуковину в руки.

— Это что-то вроде компьютерного переводчика? Что нужно

сделать?

— Нажать этот кнопка.

Кассир без колебания нажал указанную кнопку. На цветном дисплее мгновенно промелькнул вихрь непонятных иероглифов, фантасмагорических в своем разнообразии и скорости. После того как все эти иконки промелькнули одна за другой, за ними последовал какой-то цифровой фильм, показанный на невероятной скорости. Фьюсмит самым тщательным образом загрузил в свой карманный компьютер кадры старого учебного фильма, на которых было видно, как из ящичка кассы вынимают и просовывают в прорезь кассирского окошка стопки банкнот.

На какую-то миллисекунду мини-фильм вызвал у кассира некое замешательство, однако на общем его состоянии это, очевидно, никак не отразилось, потому что он мгновенно пришел в себя.

— Извините, сэр, на вашем экране ничего не видно. Видимо, штуковина не работает, она сломана.

Возвратив устройство владельцу, кассир выдвинул ящичек с деньгами и вынул из него с полдесятка пухлых пачек. Руки его действовали отдельно от сознания, как будто в теле и мозге обитали два разных человека. Это привело в замешательство даже Фьюсмита, которому уже случалось видеть подобные вещи.

— Благодарю вас, сэр. Всего доброго, — произнес кассир, передавая деньги Фьюсмиту.

Тот положил ассигнации-приманку и американскую наличность во вместительные карманы пальто.

— Спасыбо.

На выходе Фьюсмит кивнул вооруженному охраннику. Вообще-то у него имелся второй цифровой фильм, созданный как раз для подобной ситуации и введенный в память электронного помощника, чтобы при необходимости его можно было показать бдительному стражу. Однако тот ничего не заподозрил и ответил Рону вежливым кивком.

Оказавшись на улице, Фьюсмит прошел несколько кварталов и нырнул в переулок. Здесь он отклеил усы и бросил их в контейнер с мусором. Отыскав заранее спрятанную одежду, быстро переоделся, переложив деньги в карман своего нового одеяния. За усами последовал албанский костюм, найдя последнее упокоение в груде отходов. Затем Фьюсмит сел в автомобиль, припаркованный в паре кварталов от банка, и покатил домой.

Удача! Триумф! Вилладин будет гордиться им. Как знать, может, она в конце концов даже согласится лечь с ним в постель.

Если не… ну… Фьюсмит впервые признался самому себе в

горькой и все же желанной правде. Если Вилладин и дальше будет строить из себя недотрогу, он найдет способ заставить ее отдаться ему даже против ее воли, как, впрочем, и любую другую женщину.

— Спасибо тебе огромное!

Стинго Страйн сдвинул на затылок кепку с логотипом «По-Сокс» и почесал блестящую лысину. Затем смерил пристальным взглядом несчастное лицо президента банка «Мерчанте траст», корпулентного мужчины по имени Шон Хокадей. Одетый в безупречно скроенный костюм, тот, казалось, вот-вот разрыдается. Страйн почувствовал острое желание помочь бедняге. Однако в данную минуту он испытывал растерянность не меньшую, нежели сам глава банка.

— Прокрутите, пожалуйста, пленку еще раз, — попросил Страйн, отчаянно надеясь найти хотя бы крошечную зацепку.

Хокадей нажал кнопку на пульте дистанционного управления. Вместе со Страйном они впились взглядом в экран небольшого телевизора, стоявшего на столе в кабинете президента «Мерчанте траст».

Объектив видеокамеры находился высоко за плечом кассира. Черно-белые кадры съемки оказались на редкость четкими. А вот заснятые события — ничем не примечательные. Что, впрочем, не мешало им остаться столь же уму не постижимыми, как и при первом просмотре.

Неизвестный мужчина с длинными усами протянул кассиру карманный компьютер. Служащий банка бросил на него короткий взгляд и немедленно вернул владельцу вместе с суммой примерно в сто пятьдесят тысяч долларов непомеченными купюрами. После этого усатый клиент вышел на улицу, а кассир, словно ничего не произошло, спокойно занялся своими делами.

Пленка закончилась, и Хокадей повернулся к Страйну.

— На дисплее этого карманного компьютера наверняка было сообщение об ограблении.

— Видите ли, сначала я тоже так подумал. Какая-нибудь новая высокотехнологичная задумка для старого как мир тривиального банковского ограбления. Однако простенькое требование денег на дисплее карманного компьютера никак не объясняет всего прочего.

Страйн имел в виду бедолагу кассира, которого мгновенно заподозрили в сговоре с грабителем. После того как была обнаружена недостача, его, трясущегося и заикающегося от страха, приволокли на допрос в полицию. Подозреваемый твердо отрицал свою причастность к похищению денег и непоколебимо

настаивал на том, что слышит о нем впервые. Более того, парень согласился не только на испытание на детекторе лжи, но и на укол «сыворотки правды» — раствора пентотала натрия, способного развязать язык любому, даже самому упертому. Оба подхода подтвердили его невиновность.

Насколько было известно кассиру, ничего особенного в тот день не произошло. Никакого ограбления, никакого клиента — иностранца. Когда ему прокрутили видеозапись, бедняга потерял сознание. А когда очнулся, вид у него был такой, будто он вошел к себе в спальню и увидел, как его девушку трахает его же собственный двойник.

— Насколько я понимаю, увеличение изображения дисплея «палм-пайлота» тоже ничего не дало? — поинтересовался Страйн.

— Ничего. Дисплей полностью закрыт телом мистера Фергюса.

Страйн встал, едва скрывая раздражение. Абсурдные действия наглого грабителя чрезвычайно его разозлили. Как же этому типу удалось присвоить денежки? И вообще ***что*** он такое проделал? Ситуация была на редкость мерзопакостная. Со времен неудачной хирургической операции на плече, вынудившей его уйти из спорта, он еще ни разу не чувствовал себя так скверно.

Страйн терпеть не мог показывать свою неуверенность клиентам, особенно таким крутым. Последние полгода работы у него было совсем не густо. Сумей он справиться с этим делом, может рассчитывать на новых заказчиков. Вообще-то Страйн старался никогда не излагать гипотез в присутствии клиентов, однако на это раз отчаяние развязало ему язык.

— Может, карманный компьютер был покрыт каким-нибудь наркотиком или галлюциногеном? Но на руках у злоумышленника нет перчаток. Да и какой наркотик может оказать на жертву подобное действие? Оставить человека в полном сознании, заставить действовать против своей воли, а затем все стереть из памяти? Гипноз? Мне ни разу не доводилось видеть такой странный гипноз. Кроме того, все произошло очень быстро.

— Мистер Страйн, мы пригласили вас, решив, что нам нужна сфера действий более широкая, чем та, которую могут осуществлять официальные правоохранительные службы. Но если вам кажется, что масштаб расследования слишком велик для вас, мы обратимся в более крупное сыскное агентство.

— Нет! Я как раз подбираюсь к разгадке. Если в ближайшие сутки мне нечего будет вам сообщить, можете смело отказаться от моих услуг.

— Согласен. Буду ждать от вас первого отчета.

Страйна вежливо проводили до дверей черного хода. Выйдя на улицу, он принялся ломать голову, как найти выход из сложившейся ситуации. С кем проконсультироваться по поводу столь странного преступления? Какого рода эксперт ему требуется? Хакер? Но в карманном компьютере усатого злоумышленника не было ничего особенного, никаких хитроумных приспособлений, которые работали бы в режиме реального времени. Нет, ключик к загадке наверняка кроется в том, что именно бедолага Фергюс увидел на дисплее…

Что Фергюс *увидел*. И Страйн тотчас понял, к кому ему следует обратиться за помощью.

Если только, конечно, Пэрриш Максфилд согласится поговорить с ним после того злополучного свидания, на которое он когда-то ее пригласил.

Вилладин Лоуз радостно тасовала пачки банкнот, в то время как Рон Фьюсмит пожирал ее взглядом, полным надежд и обожания.

Блестящие рыжеватые волосы Вилладин — настоящая копна размером со здоровую выхухоль — взлетали волной всякий раз, когда она с радостным возгласом подбрасывала деньги в воздух. Казалось, она не заметила, что Рон обуреваем желанием. Вернее, даже если и заметила, то сделала вид, будто ее это не касается. Сейчас мысли очаровательной девушки были всецело заняты толстыми пачками банкнот — такого количества денег Вилладин раньше не могла и представить себе! Подумать только, малышка Вилладин, на которую добрые люди в Пайн-Маунтин, штат Джорджия, всегда смотрели свысока — еще бы, что взять с этих нищих оборванцев! — теперь держит в руках столько денег, что может купить самый лучший дом в родном городке. Ну, может, и не любой, не старый особняк Бишопов, но уж точно домик пошикарнее, чем та жалкая лачуга, в которой она родилась и выросла.

И это всего лишь начало! Отныне им с Роном не придется считать каждый цент. Скоро они будут купаться в роскоши, денег и хороших вещей у нее будет как грязи. Наконец-то Вилладин Лоуз получит то, что давно заслужила. Она прикатит в родной Пайн-Мауктин, одетая в лучшее модельное платье, сидя за рулем огромного нового «кадиллака». Пусть только Шерри Бишоп попробует задирать перед ней нос. Тогда Вилладин ей покажет!

Фьюсмит перегнулся через стол и нежно погладил запястье подруги.

— Ну, что скажешь, киска? Как насчет награды смелому грабителю банков?

Потянувшись к Рону, Вилладин легонько чмокнула его в щеку. Разочарование Рона могло сравниться лишь с ее радостью.

— Вилладин… — скрипуче начал он.

— Тс-с, дружочек. Ты ведь знаешь, что до свадьбы я тебе не дам. Даже не рассчитывай — ни-ни. А никакой свадьбы не будет до тех пор, пока мы в денежном отношении не встанем на ноги. Так что нам нужно задуматься о том, что делать с деньгами, и чем скорее, тем лучше.

Рука Фьюсмита угрожающе потянулась к «палм-пайлоту», но Вилладин вовремя угадала его намерение.

— Не рассчитывай, что тебе удастся легко загрузить команды в мою Исполнительную Структуру! Ты, конечно, придумал ловкий трюк, но он срабатывает только тогда, когда жертва к нему не готова. Мне достаточно лишь закрыть глаза или отвести взгляд в сторону, и твое устройство сработает впустую. Думаешь, я не видела, как ты загружал в него порнуху, надеясь произвести на меня впечатление? Господи, ни разу еще не видала, чтобы из такой простой вещи, как секс, делали бог знает что. Увы, придется тебе немного потерпеть. Займись чем-нибудь. Пособирай камни на поле. Наруби дров. Мой папаша именно так отгонял от себя похотливые желания после того, как моя мамочка, светлая ей память, отошла в лучший из миров.

— Камни? Дрова? — смутившись, переспросил Фьюсмит. — **Я** ведь живу в кондоминиуме, Вилладин!

— Не важно, главное, что ты меня понял.

Лицо Фьюсмита приняло рассеянное выражение.

— А что, если я испробую Блокиратор Первого Уровня на какой-нибудь другой женщине? Ты на меня не рассердишься?

Предложение Фьюсмита вызвало у Вилладин глубокое удовлетворение. Будет здорово, если удастся переключить похотливые поползновения Рона на какую-нибудь другую бабенку. Если, конечно, эта сучка не раскатает губу на доставшееся ей сокровище — Рона. Однако Вилладин была достаточно опытна и не стала показывать своих истинных чувств. Вместо этого она, нахмурившись, проговорила:

— Ну, не знаю. Я бы жутко приревновала тебя. С другой стороны, любой мужчина имеет право немного погулять до женитьбы.

— Тогда договорились. — Фьюсмит широко улыбнулся. — Обещаю быть крайне осторожным, Вилладин. Непременно буду предохраняться. Не волнуйся, я не подцеплю никаких венерических заболеваний.

На какой-то миг Вилладин задумалась над своей прошлой, довольно разнообразной в сексуальном плане жизнью, после чего

сказала:

— Чрезвычайно благоразумно с твоей стороны, Рон.

Затем, вопреки первоначальному безразличию к теме разговора, она неожиданно заинтересовалась возможной попыткой Рона Фьюсмита соблазнить какую-нибудь другую женщину, пусть даже и с помощью Блокиратора Сознания. Что-то плохо верится, чтобы этот заморыш был способен на постельные подвига, будь он даже вооружен кибернетическим соблазнителем. Ведь когда она год назад подцепила его в баре, в котором собираются выскочки-яппи, ей, черт побери, в буквальном смысле пришлось вытаскивать его из-под табуретки у стойки бара.

— Так ты, значит, собрался снять прямо на улице какую-нибудь девку и трахнуть ее?

— Вовсе нет. У меня есть определенный план. Хочу кое-кого покорить и проучить немного. Одну особу, которая когда-то издевалась над моими научными способностями. Жалею лишь об одном — ей не удастся сохранить в памяти доказательство того, что моя гипотеза была верна.

* * *

У профессора Пэрриш Максфилд спустилась петля на чулке — длинная, омерзительная, от лодыжки до верхнего края (край этот находился достаточно высоко над коленом), прекрасно заметная даже из дальнего угла просторной комнаты. Позор сей случился в самое неподходящее время. Мало того, что этим утром ей предстояло провести важную презентацию перед советом директоров «Меметических решений», так в довершение ко всему в дверях ее кабинета появился этот несносный, но ужасно симпатичный Стинго Страйн.

Его скромное поведение — Стинго смущенно сжимал в руке кепку — оказалось бессильно развеять дурное настроение Пэрриш. А ему еще бы не быть дурным! Присутствующие на презентации, вместо того чтобы внимательно разглядывать слайды, которые она показывала аудитории, пялили глаза на ее ноги. Кроме того, в голову то и дело лезли воспоминания о первом и единственном свидании со Страйном.

Прошлым летом Пэрриш пообещала своему племяннику Хорасу сходить вместе с ним на бейсбольный матч с участием команды «Поутакет ред сокс». Эти ребята, надо отдать им должное, всегда умели показать хорошую игру.

Еще до матча Хорас не мытьем, так катаньем уговорил ее выудить автограф у питчера «ПоуСокс», некоего Стинго Страйна.

Любимец болельщиков, Страйн пытался добиться успеха в игре после сложной хирургической операции на плече. Как скоро выяснилось, пытался напрасно. Однако в тот день он все еще был бодр и самоуверен. Хорас привел тетушку на самый нижний ярус стадиона. Отсюда болельщики, как только игроки выходили на поле, могли спустить на веревке своим кумирам для автографа мяч и ручку, положив их предварительно в пластмассовое ведерко. Заметив Страйна, Хорас принялся выкрикивать его имя и, как завзятый рыболов, стал забрасывать в сторону любимца ведерко с «наживкой».

Страйн уже собрался было пройти мимо предложенного ему бейсбольного мяча, однако внимание его привлекла спутница мальчонки. Лучезарно улыбнувшись, он взял мяч и что-то накорябал на нем, после чего поспешил на поле к остальным игрокам.

Обрадованный Хорас подтащил к себе нежданный приз, покрутил мяч в руках, внимательно разглядывая надпись, и на лице его возникло смущенное выражение.

— Тетя Пэрриш, что это значит?

Пэрриш взяла в руки мяч. Страйн действительно оставил на нем свой автограф, сопроводив его надписью следующего содержания: «Питчеры делают это до тех пор, пока им не полегчает». Ниже красовался телефонный номер.

После того как ее негодование наконец улеглось, Пэрриш поймала себя на мысли о том, что этот нахал вызывает у нее все больший и больший интерес. Или он думал, что делает грязное предложение замужней женщине? Неужели она ему небезразлична? Выдержка спортсмена в тот день, когда он осуществил несколько великолепных подач — явно превозмогая боль после недавней операции, — заинтриговали ее еще больше. Отведя Хораса домой, к родителям, Пэрриш позвонила по указанному на мяче телефону.

В следующий уик-энд Страйн заехал за ней на старомодном «мустанге». Он не сказал, куда они отправляются. И правильно поступил, потому что место, в которое они приехали, оказалось стриптиз-клубом под названием «Пышнотелые капитаны».

— Любимый кабак крутых парней из нашей команды, — пояснил он.

После этих слов вечер явно не сложился. Кульминацией его стала непродолжительная борьба в салоне «мустанга», отчего Пэрриш почувствовала себя так, словно каким-то фантастическим образом перенеслась в 1965 год.

После этого дурацкого свидания Страйн пытался ей еще несколько раз позвонить, но Пэрриш всякий раз бросала трубку, в

результате чего едва не пострадал ни в чем не повинный телефонный аппарат. И вот сейчас Страйн стоял перед ней с выражением смущения и раскаяния на лице.

Не давая Пэрриш возможности выставить себя за дверь, он разразился речью, заготовленной, по всей видимости, заранее:

— Профессор Максфилд, знайте, что я явился к вам исключительно по уважительной причине, по делу, связанному с моей работой, а вовсе не по личному. Однако прежде, чем я объясню вам причину моего прихода, хочу извиниться перед вами за мое свинское поведение при нашей с вами прошлогодней встрече. Я тогда был сам не свой от стресса и анальгетиков, которыми меня пичкали. Прекрасно понимаю, что это не может служить оправданием, но вы должны знать, отчего я так гнусно повел себя в тот раз. Привезя вас в то отвратительное место, я совершил величайшую глупость. С тех пор я многое переосмыслил.

— Да ну?! И каким образом? Неужели вас перекупили в команду малой лиги?

Страйн вздрогнул.

— Нет. Я совсем ушел из большого спорта. Окончательно признал, что моя карьера питчера окончена. Было очень трудно расставаться с детской мечтой. Но, как мне теперь кажется, без спорта мне даже лучше.

Несмотря на все раздражение, Пэрриш почему-то прониклась к нему сочувствием. Может, тогда она действительно не разобралась в этом парне?

— Чем же вы сейчас занимаетесь?

Страйн надел кепку и извлек из кармана визитную карточку. Пэрриш взяла ее, прочла и удивилась.

— Вы частный детектив?

— Я начинал в фирме дяди. За год до того, как он окончательно отошел отдел, я стал работать у него на полную ставку. Раньше я помогал ему урывками, когда заканчивался спортивный сезон. Потому-то я и успел поднатаскаться в этом ремесле — в сыскном деле.

— Что же привело вас ко мне?

Страйн подался немного вперед. Рассказав о загадочном происшествии в «Мерчанте траст», он заключил:

— Я пришел к вам, потому что этот парень воспользовался каким-то радикально новым, неизвестным устройством для манипулирования сознанием. Потом я вдруг вспомнил: это как раз связано с вашей профессией.

Действительно, в тот давний кошмарный вечер Пэрриш рассказала ему о своей работе. Удивительно, как это он запомнил

ее слова, когда его внимание было приковано к пышнотелым красоткам-стирптизершам с огромными силиконовыми бюстами!

— Вообще-то я не стала бы называть то, чем мы занимаемся в «Меметических решениях», «манипулированием сознанием».

Хотя мы и изучаем, как те или иные идеи овладевают умами людей. Впрочем, существуют определенные методики… — Несмотря на принятое ею решение не вникать в какие-либо стороны жизни Страйна, Пэрриш поймала себя на том, что рассказ бейсболиста вызвал у нее профессиональный интерес. — Еще раз коротко подытожьте, как вел себя вор.

— Он заставил честного, ни в чем не повинного парня, кассира, украсть деньги у хозяев банка, а затем каким-то образом приказал навсегда об этом забыть. Можно сказать, он на время позаимствовал у кассира разум или же заблокировал его.

Пэрриш нахмурилась.

— Заблокировал… Нет, невозможно…

— Почему? Объясните мне, ради бога! Вы что-то поняли?

Пэрриш встала и принялась мерить шагами комнату. Затем подошла к своему гостю и потребовала:

— Расскажите мне… что вам известно о современных теориях сознания?

— Примерно то же самое, что и вам — о подачах в бейсболе.

— Ну, тогда я попытаюсь в срочном порядке вас просветить. Одна из наиболее радикальных современных теорий о работе мозга предполагает, что ваше «я», которое, как вам кажется, управляет разумом — структура, которую вы принимаете за ваше это или сознание, — не более чем поверхностная маска, наложенная на более глубинные процессы. Именно такие процессы и определяют поведение.

Страйн удивленно посмотрел на нее.

— Вы хотите сказать, что мы все — зомби или марионетки в руках опытного кукловода? Не верю.

— До известной степени так оно и есть. То есть, конечно, если вы идентифицируете себя с тем, что лежит на поверхности… Если же вы предпочли перенести это ваше сознание на более глубинный уровень, что ж, пожалуйста, никаких проблем.

— По-вашему, выходит именно так.

Пэрриш чувствовала, как в ней начинает разгораться пламя риторики — обычная реакция на высказывание кем-то точки зрения, противоречащей ее собственной.

— Послушайте, любые ваши действия, кажущиеся логичными и обоснованными, любые идеи, мнения, заключения, которые вы формулируете, все ваши пристрастия и фобии — в действительности все это возникает отнюдь не во внешних

уровнях мозга. Все, что я сейчас перечислила, не является результатом последовательности якобы рациональных умозаключений, которые вы способны наблюдать. В действительности они возникают постфактум, после вашего наблюдения. Все это проистекает из глубин от периферии к центру. Маска сознания не позволяет признавать даже сенсорные впечатления до тех пор, пока нижние уровни не выбрали их и не передали дальше. Такой процесс называется «вытеснением».

На лице Страйна отчетливо, как в зеркале, отразились те малоприятные эмоции, которые он испытывал, пытаясь переварить эту интерпретацию человеческого бытия.

— А как же свобода воли?

— Вы по-прежнему обладаете свободой воли. Она просто локализована не там, где вы думали.

Страйн помолчал.

— Как волшебник из страны Оз.

— Что?

— Разве не помните? Все считают его великим и могучим. А на самом деле он ловкий пройдоха, который дергает за рычаги, сидя в потайной комнатке.

— Знаете, вы попали почти в самую точку!.. Теперь представьте себе, что огромная голова в некотором роде автономна и верит в то, что она на самом деле управляет всем на свете. «Не обращай внимания на того, кто находится там, за занавесом!» — говорит голова самой себе и верит собственным словам! Назовем это лицо властелина волшебной страны Оз Первым Уровнем, тем аспектом высшего сознания, который воображает, что способен манипулировать другими. Первый Уровень — двухмерная кожа, не обладающая свободой воли. Второй Уровень — аналог подсознания, глубинное трехмерное царство, куда выбрасывается все важное.

А Центральная Исполнительная Структура является посредником между ними, своего рода механизмом, который выбирает то, что следует вытеснить. Первый Уровень просто выполняет команду и верит в то, что ее всякий раз отдает Центральная Исполнительная Структура. Но Первый Уровень не имеет доступа к работе Второго Уровня.

Страйн сдвинул кепку на затылок и провел рукой по лысине. Пэрриш нашла этот простой естественный жест очаровательным.

— Ну у вас и работа — сидеть весь день и обдумывать такие кошмарные вещи! А я-то считал, что у меня ненормальная работа… Как же вы можете надеяться на то, что сумеете извлечь из ваших призрачных идей какую-то практическую пользу?

— Если сказать честно, гипотеза, которую я вам сейчас

изложила, пока еще остается лишь на теоретическом уровне. Сама я переместилась в другие области исследований. Но у нас работал один человек, который от этой гипотезы так и не отказался. Вот кто настоящий фанатик. Он как танк шел в заданном направлении, уверяя окружающих, что постигает «протоколы» Центральной Исполнительной Системы и «грамматику» Второго Уровня. Он утверждал, что его цель состоит во внедрении команд во Второй Уровень, которые затем передаются через Центральную Исполнительную Структуру и проявляются в виде запрограммированных действий субъекта. Фактически он добился ряда поразительных результатов. Однако этот человек отказался выполнять распоряжения нашего руководства и в конечном итоге был уволен.

Вскочив с места, Страйн возбужденно воскликнул:

— Безумный ученый с непомерными амбициями. Прекрасно! Как его имя?

Прежде чем Пэрриш успела ответить, ожил стоящий на ее столе интерком:

— Доктор Максфилд. Вас хочет видеть Рон Фьюсмит.

Поправив складки куртки, Фьюсмит открыл знакомую дверь кабинета Пэрриш Максфилд. Он представил себя героем фильма братьев Коэнов «Человек, которого не было», идущим на встречу с любовником собственной жены. Сколько раз он проходил в эту дверь, страстно желая поделиться с прекрасной хозяйкой кабинета, своей коллегой, сделанными им открытиями, и сколько раз бывал уязвлен, падал на землю, фигурально выражаясь, как подстреленный охотником селезень, соблазнившийся подсадной уткой. Пэрриш Максфилд и была кем-то вроде такого охотника: хладнокровная, неулыбчивая, деревянная имитация женщины — настоящей, страстной женщины, о которой он всегда мечтал. Она высмеивала и его робкие заверения в вечной любви, и его научные открытия. Слава богу, он влюбился в Вилладин, пусть даже та строит из себя невинное создание! По крайней мере Вилладин неравнодушна к нему! Конечно, разница между двумя этими женщинами так же велика, как, скажем, разница между Вероникой Лейк и Кристиной Риччи. Но сегодня эта ледышка и задавака Пэрриш Максфилд заплатит ему за долгие годы насмешек и оскорблений своим роскошным телом, которое, к счастью, не отличалось заскорузлой твердостью ее характера и разума.

Фьюсмит смело шагнул прямо в драконье логово — и остолбенел. В замешательство его привело присутствие в кабинете Пэрриш другого мужчины. Незнакомец был высок,

силен и, видимо, не слишком обременен интеллектом. Он никоим образом не мог быть ее коллегой — скорее всего уборщик, которого она попросила заменить перегоревшую лампочку. Или, с великой натяжкой, он мог оказаться связистом, пришедшим устранить неисправность в телефоне. Правда, никаких инструментов в руках у парня не было… Впрочем, не важно, он, Фьюсмит, легко выставит его отсюда.

— Привет, Пэрриш. Рад видеть вас.

— Не могу сказать вам того же самого, Рон. Что вам от меня нужно?

— Хочу поделиться открытием огромной значимости, Пэрриш. Открытие столь грандиозно, что оно кардинально изменит жизнь всей планеты, однако я могу рассказать вам о нем только наедине.

— Не пойдет, Рон. Вы можете смело излагать все, что пожелаете, в присутствии моего коллеги, профессора Страйна.

Фьюсмит, прищурившись, подозрительно посмотрел на незнакомца. Разве может ученый носить дурацкую кепку с логотипом спортивной команды?

— *Профессор Страйн?* Что-то не припомню вашего имени. **В** научных журналах мне оно ни разу не встречалось.

— Я публикуюсь лишь в иностранных журналах, — нашелся Страйн.

Да, этот тип, несомненно, фигляр. Фьюсмит никак не мог взять в толк, какое отношение Страйн может иметь к Пэрриш

Максфилд, но решил, что обращать внимание на него не стоит. Справиться с таким лохом — пара пустяков. Страйн пулей вылетит из кабинета, как только Максфилд получит нужную дозу эротических указаний.

— Тогда ясно. Простите мне мое невежество. Буду рад познакомить вас обоих с моим открытием. Вы первая, Пэрриш. Прошу вас, посмотрите сюда.

Открыв свой карманный компьютер, Фьюсмит поднес его к глазам Пэрриш и привел в действие последовательность команд, предназначенных специально для нее. Визуальные команды через органы зрения моментально проникли во Второй Уровень сознания Пэрриш Максфилд.

Сделав шаг назад, злоумышленник привел в действие многоцелевую последовательность, блокирующую движения жертвы. Этот прием он ранее намеревался пустить в ход против охранника банка.

— Теперь ваша очередь, профессор Страйн.

Однако Страйн повел себя совсем не так, как ожидалось. Он бросился на мстительного экспериментатора и попытался вырвать

у него из рук «палм-пайлот». Мужчины неуклюже заметались по кабинету, опрокидывая стулья и смахивая на пол с полок и стола книги. Верх одержала хорошая физическая подготовка профессионального спортсмена, и карманный компьютер оказался в руках у Страйна. Напуганный, растрепанный, обливающийся потом Фьюсмит бросился к двери и потянулся к ручке. Недобро улыбаясь, на него надвигался Страйн.

Неминуемое приближение драматической развязки нарушил громкий протяжный стон, заставивший противников обратить свои взгляды на Пэрриш Максфилд.

Она сорвала с себя всю одежду и теперь стояла, корчась от сладостной боли и лаская себя, как Памела Андерсон на съезде похотливых развратников.

Страйн застыл на месте как вкопанный. В следующее мгновение обнаженная доктор Пэрриш Максфилд набросилась на него, поскольку он был самый близкий (в смысле расстояния) мужчина, способный помочь ей полностью выполнить предписанный сценарий.

Фьюсмит воспользовался представившейся возможностью для побега и юркнул в дверь. Он пулей пролетел мимо перепуганной секретарши, ожидая, что Страйн вот-вот схватит его за воротник. Однако тот не стал преследовать беглеца. Выбежав на стоянку для автомобилей, Фьюсмит, тяжело дыша, значительно сбавил скорость. Скорее всего у его преследователя, этого здоровяка Страйна, сейчас хватает хлопот.

В конце концов, заложенного в сценарий вполне достаточно, чтобы на продолжительное время занять любого мужчину.

Слава богу, в «Меметических решениях» отыскалось покрывало, способное прикрыть наготу Пэрриш, — серебристая клеенка из лаборатории, где специально обученные обезьяны в условиях эксперимента обменивались примитивными посланиями.

Пэрриш Максфилд сидела на стуле рядом с ворохом порванной и не подлежащей восстановлению одежды, напоминая завернутую в фольгу печеную картофелину. Рассерженное лицо обрамляла копна всклокоченных волос. Одна нога закинута на другую и с яростным нетерпением раскачивается в воздухе.

Страйн был восхищен ее самообладанием. Ведь случись им поменяться ролями, он вряд ли бы смог проявить подобное хладнокровие. Попытки противостоять любовным поползновениям профессора Максфилд порядком вымотали его. К счастью, дверь кабинета захлопнулась за Фьюсмитом сразу, как только тот обратился в бегство, и никто из любопытных коллег не

успел ничего заметить.

В соответствии со сценарием, который злокозненный Фьюсмит успел загрузить в ее Центральную Исполнительную Структуру, Пэрриш опрокинула Страйна на пол. Затем, невзирая на то, что предмет ее вожделений был одет и не проявил встречного энтузиазма, она инсценировала ряд сексуальных ситуаций — одну позу за другой, — мимически имитируя соответствующие эмоции и реакции. При этом с губ ее слетали все надлежащие звуки и вербальные поощрения. Единственное, что Страйну оставалось, так это крепко держать профессора и ограничивать ее безумную вспышку сексуальной активности, чтобы она не нанесла себе увечий.

Нет нужды говорить о том, что борьба с обнаженной женщиной — да еще с той, о которой он раньше мечтал — вызвала у Страйна отнюдь не малое возбуждение. В считанные секунды его брюки приняли такой вид, что могли служить идеальной иллюстрацией из каталога туристических принадлежностей, с той страницы, где рекламируются палатки.

К счастью, как только Пэрриш достигла конца навязанной ей симуляции, ее неподдельное смущение и отсутствие каких-либо воспоминаний, а также ужас от того, что она обнаружила себя в костюме праматери Евы, — все это помогло Страйну скрыть возникшую щекотливую проблему, которая вскоре разрешилась самым естественным образом.

— Все в порядке, — успокоил он Пэрриш. — Все в порядке. Не волнуйтесь. Это был Фьюсмит, но я ему помешал. Подождите меня.

Ему удалось убедить любопытную, но с уважением отнесшуюся к его просьбе секретаршу принести какое-нибудь покрывало, после чего он вернулся в кабинет Пэрриш. Та поспешно закуталась в предложенную ей клеенку, и Страйн объяснил ей случившее.

После слов секретарши, что к ней идет Фьюсмит, профессор ничего не помнила. Тот словно и не заходил в ее кабинет.

Когда Пэрриш Максфилд стало ясно, чему она подверглась, ее смущение мгновенно переросло в бешенство.

— Подонок! Он решил использовать меня как бездумную сексуальную куклу! Что ж, теперь ему не поздоровится! Я помогу вам поймать его!

— Подождите минутку, не горячитесь! Это может быть очень опасно. Вы, видимо, просто не представляете себе, насколько…

— Опасно? Да как такое ничтожество может представлять какую-то опасность? Мы же отобрали у него карманный компьютер, разве не так?

— Верно. Но у Фьюсмита может быть другой, точно такой же. Это ведь обычный «палм-пайлот», таким обзавестись проще простого. Дело не в компьютере, а в тех убийственных файлах, которые в него загружены. Уверен, у подлеца есть копии программ.

— Дайте-ка мне эту его игрушку!

Страйн протянул ей «палм-пайлот» Фьюсмита. Пэрриш сразу же принялась щелкать кнопками.

— Не надо!

— Я всего лишь вывожу на экран директорию. Хм-м-м… Совершенно загадочные названия у этих файлов. «Марш», «капитуляция», «сдача»… Трудно сказать, для чего они предназначены.

Ее слова почему-то вызвали у Страйна тревогу.

— Как же ему удалось создать и просмотреть эти гипнотические штуки и самому не испытать их воздействия?

Пэрриш выключила «палм-пайлот» и вернула его своему спасителю.

— О, очень просто. Если он действительно овладел языком подсознания, то, видимо, каким-то образом научился определенной последовательности команд, в том числе и таких, которые посылают Центральной Исполнительной Структуре сигнал не обращать внимания на то, что произойдет дальше. Что-то вроде кодов ДНК: «стоп», «старт», «пропуск».

— Ладно. Но я все-таки не советовал бы вам подвергать себя ненужному риску, чтобы этот тип не смог повторить свои гнусности.

— Не смешите! Я уже взрослая девочка, да и теперь у меня со Фьюсмитом свои счеты. Кроме того, я могу быть вашим дублером.

Страйн задумался над сказанным. Что ж, он будет только рад проводить больше времени в обществе профессора Пэрриш Максфилд.

— Отлично. Что делаем дальше?

— Сначала найдем адрес Фьюсмита. Затем остановимся возле моего дома — я заскочу за одеждой.

Пэрриш связалась с секретаршей и через пару минут получила нужную информацию.

— Вы, наверное, хотите, чтобы я зашел к вам домой и вынес одежду?

— Это будет непозволительной тратой времени. Мне все равно, что скажут люди, увидев меня в таком виде. А вам?

Страйн широко улыбнулся.

— Я польщен, что вы мне поверили. Рад находиться рядом, пока вы смотрите на это дело с улыбкой.

Пэрриш безуспешно попыталась принять суровый вид. Заметив лукавое выражение ее лица, Страйн возжелал ее еще больше.

— Только не забивайте себе голову всякими глупостями. У нас чисто деловые отношения.

— Совершенно верно.

Страйн тотчас напомнил себе, что немало деловых отношений, в которые он вступал, заканчивались в постели одной из сторон.

Руки юной секретарши зависли над клавиатурой компьютера, глаза за толстыми стеклами очков вылезли из орбит. Гордо подняв голову, Пэрриш величественно прошествовала мимо нее, поприветствовав коротким кивком.

— Я сегодня не вернусь, Энид. Беру выходной.

Не отметая до конца вероятность повторной атаки Фьюсмита, Страйн прикрывал собой Пэрриш до тех пор, пока они не сели в машину.

— Я вижу, вы избавились от своего «мустанга».

— Стоит в гараже. Пользуюсь им только по выходным. Уж слишком он бросается в глаза. На нем невозможно осуществлять слежку.

— И все же старый трухлявый «бьюик» — не лучшая приманка для девушек.

Страйн вздохнул.

— Он достался мне от дяди. Господи, неужели вы действительно считаете меня сексуальным маньяком?! И все из-за того, что как-то раз я попытался овладеть вами…

— Дважды, если считать сегодняшний случай.

— Послушайте, дорогая, — вспыхнул Страйн, — другой бы без лишних раздумий прыгнул на вас, пока вы были без трусов!

— Верно, — смущенно согласилась Пэрриш. — Извините. Я, наверное, еще не совсем отошла от случившегося.

— Извинения принимаются.

— Кстати, я не ослышалась, вы сказали «без лишних раздумий»?

— А что тут удивительного? Что, бейсболист не может говорить правильно и красиво?

— Может, но все-таки…

— Когда все лето тебе нечем заняться, успеваешь перечитать уйму книг.

Пэрриш почувствовала, что шуткам пришел конец. Она умолкла, хотя продолжала внимательно смотреть на Страйна до тех пор, пока тот не смутился.

Когда профессор Максфилд оделась, они отправились по

последнему адресу проживания Фьюсмита.

По пути Страйн заговорил на тему сознания и подсознания.

— Надо сказать, я в жизни повидал немало и все равно никак не могу поверить, что наши мозги работают так, как утверждаете вы со Фьюсмитом. Вот, например, так, как сейчас, когда я разговариваю с вами. Разве может какой-то поверхностный механический конструкт формулировать речь?

— А он тут ни при чем. Ваш Первый Уровень просто быстро передает сформулированные предложения, извлеченные из области вашего Второго Уровня.

— Вы меня не убедили.

— И именно потому, что большая часть жизненно необходимых артефактов Второго Уровня — это вера в верховенство Первого Уровня как нашего лица для ежедневных взаимодействий. Послушайте, почему вы употребили недавно словосочетание «без лишних раздумий»? Был ли это ваш сознательный выбор? Вы могли за крошечную долю секунды предсказать, что произнесете именно его? Нет, конечно же, нет. Как утверждает профессор Джеффри Грей, «сознание вступает в игру слишком поздно и потому не способно влиять на результаты мыслительных процессов, с которыми оно, очевидно, связано». Попросту говоря, персона Первого Уровня, которая, как вы себе воображаете, управляет всем, на самом деле не что иное, как мономолекулярная пленка, натянутая над глубинами вашего разума. Ответьте мне на такой вопрос: кто сейчас управляет машиной?

— Что?

— Кто сейчас управляет машиной, в то время когда вы разговариваете со мной? Вы осознанно крутите руль, нажимаете на тормоза и акселератор? Или же справляетесь со всем этим подсознательно, без участия Первого Уровня?

— Но ведь это всего лишь дело практики и навыков и…

Мозг Страйна — каждый его уровень — заныл от напряга. И Страйн, опасаясь, как бы ему не стало совсем худо, умолк.

Они остановились в квартале от дома Фьюсмита. Поскольку консьержки в доме не было, то для столь искусного сыщика, как Страйн, особых помех для проникновения внутрь не возникло. Он подождал, пока к входной двери приблизится кто-то из жильцов, и проскользнул внутрь вслед за ним.

Вскоре Страйн и Пэрриш Максфилд стояли перед дверью в квартиру Фьюсмита.

— Что дальше? — шепотом осведомилась дама.

Страйн прижал ухо к замочной скважине.

— Сдается мне, там никого нет. Не побоитесь преступить

закон?

— Чтобы проучить этого напыщенного болвана? Конечно, не побоюсь!

Жилище Фьюсмита — а оно, несомненно, принадлежало ему, о чем свидетельствовала гора рассылаемых по почте рекламных проспектов с его именем — пребывало в жутком беспорядке. Все говорило о поспешном, неожиданном бегстве его хозяина, возможно, бегстве навсегда.

Дверцы платяного шкафа были открыты. Распахнутый чемодан со сломанной застежкой-молнией лежал на полу.

— Слинял!.. Где же нам теперь искать его?

Пэрриш подняла с пола женские кружевные трусики.

— Господи, похоже, этот олух жил здесь с *женщиной*! Что же ему тогда было нужно от меня? Неужели он хотел лишь отомстить мне?

— Наверное, его подружка не могла вести с ним в постели разговоры научного характера?

— Похоже. Та самая штука, которую он хотел опробовать на мне, включала в себя любовную прелюдию перед половым актом.

Страйн раздраженно пнул брошенный беглецом чемодан.

— Эх, разгадать бы его файлы! Одна загвоздка — тогда нам пришлось бы выполнять все содержащиеся в них команды! Зато это наверняка позволило бы понять суть его изобретения. Что, если бы, скажем, я подвергся испытанию и проверил их на себе, а вы бы делали записи и попытались проанализировать, что все эти программы значат?..

Пэрриш задумалась над столь любезным предложением.

— Нет, слишком рискованно. А что, если какие-нибудь программы задуманы специально для того, чтобы нанести вред тому, на кого они направлены? Нет, следует изучить эти программы так, чтобы по возможности не причинить никому вреда, так, как это сделал сам Фьюсмит… Подождите! Я знаю, кто нам поможет!

— Тогда поехали скорее!

По пути к автомобилю Страйн спросил:

— Что это за человек? Еще один ученый?

— Нет. Моя наставница, гуру. Кундалини Гластонбери.

На этот раз пришел черед Страйну вытаращить глаза на Пэрриш.

Занятая мечтами о триумфальном возвращении в Пайн-Маунтин — своими шикарными нарядами и столичными манерами она в сотый раз мысленно сразила наповал всех этих похожих на мышек женщин из церковного прихода, — Вилладин

растерялась, когда порог квартирки переступил ее смертельно перепуганный возлюбленный. Обычно спокойное лицо Фьюсмита раскраснелось от страха и физического напряжения, всклокоченные волосы сделали его похожим на непричесанную болонку. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он пришел в себя и смог произнести нечто членораздельное:

— Им известно, что это я! Им известно, что это я!

Вилладин вскочила, одновременно в страхе и ярости.

— Кому известно? Хватит молоть вздор, болван! Что случилось?

Фьюсмит путано рассказал о фиаско, постигшем его в кабинете Пэрриш Максфилд. К тому времени как его горестное повествование подошло к концу, Вилладин немного успокоилась.

— Только давай спокойно. Итак, ты показываешь профессорше экран своего маленького компьютера, она возбуждается и готова на стенку лезть. Затем на тебя набрасывается этот незнакомый тип. Вдруг он просто приревновал тебя, когда ты «завел» девицу? Какая связь между всем этим и ограблением банка?

— Почему же тогда незнакомец сразу на меня набросился? Наверное, он что-то заподозрил. Максфилд даже еще толком не отреагировала на команды моей программы, а он уже налетел на меня. Такое впечатление, будто он заранее знал, что я собрался сделать. Видимо, полицейские уже побывали у Максфилд, обратились к ней за консультацией и предупредили ее и того парня.

Вилладин была готова прихлопнуть его на месте.

— Знаешь, похоже, что единственный раз в жизни ты все-таки прав, — со злостью заметила она. — Лучше не рисковать.

Надо сматывать отсюда удочки, и чем раньше, тем лучше. Твое счастье, что у нас в запасе есть еще несколько часов, прежде чем броневик инкассаторов выйдет в рейс. Так что не тяни резину, а лучше-ка собирай вещи и грузи их в машину. До пяти будем просто так колесить по улицам. Как только сорвем «бабки», тотчас смоемся из города. Кстати, а ты уверен, что инкассаторы каждый день собирают по «лимону» «зеленых»?

Фьюсмит начал немного приходить в себя.

— Это как минимум, — коротко ответил он.

Затем подошел к столу, на котором стоял компьютер, открыт ключом одну из полок, вытащил второй «палм-пайлот» и при помощи провода соединил с большим настольным компьютером.

— Складывай вещи. Я пока загружу несколько нужных программ. Это мой самый главный материал, смонтированный из нескольких учебных фильмов, в том числе эпизод из одного

крутого триллера, на случай, если кто-то попытается нас остановить. Эх, хотел бы я, чтобы на моем пути встал парень из кабинета Максфилд! Уж я бы ему показал!

Вилладин похлопала свое сокровище по костлявым плечам.

— Правильно, ты настоящий мужчина, мой храбрый тигр! Где та пленка?

Фьюсмит протянул ей обычную видеокассету.

— Держи!

— И эта штука сработает так же ловко, как и твоя компьютерная хреновина?

Гневный вздох Фьюсмита свидетельствовал о том, что прийти в ярость он готов в два счета.

— Конечно! Я манипулирую людьми посредством их органов зрения. Не важно, каким образом передаются нужные указания. Хотя бы и через комиксы, если пролистать страницы достаточно быстро! Так что тебе не о чем беспокоиться. Но ты уверена, что сможешь проникнуть в диспетчерскую?

Вилладин игриво подтолкнула изобретателя бедром, при этом едва не сбив его с ног.

— Разве напрасно я целый месяц приручаю эту пташку? Он уже раз впускал меня к себе во время дежурства, и мы с ним… то есть я хочу сказать, что мы с ним разок целовались.

Лицо Фьюсмита приняло жалкое выражение.

— Вилладин, если бы я знал, что ты даришь свою благосклонность направо и налево всем, кроме меня…

— Дорогой, ты так прелестно выглядишь, когда ревнуешь! — промурлыкала Вилладин, прижимая миниатюрного ученого к своему пышному бюсту, а про себя добавила: *Ты такой зануда!*

Пэрриш испытывала чувство вины, тревожа Кундалини Гластонбери в такой час. Время было обеденное, когда Гластонбери проводила инструктаж по астральным путешествиям для вечно занятых клерков, которые не в состоянии посещать вечерние занятия. С часу до двух дня гуру закрывала дверь классной комнаты и садилась за вегетарианский обед. После чего следовал сеанс медитации и дыхательной гимнастики пранаяма, чтобы набраться сил для столь же напряженной оставшейся части дня. И вот сейчас Пэрриш готова вторгнуться в святая святых, нарушив уединение духовного наставника. Однако тут не до церемоний, если они со Страйном задались целью поймать Фьюсмита прежде, чем полубезумный меметик-ренегат успеет вовлечь в свои извращенные игры разума кого-нибудь еще.

По пути к Гластонбери Страйн доконал Пэрриш вопросами по поводу ее необычных духовных исканий. Похоже, бывшего

спортсмена сильно удивило несоответствие ее увлечений тому, чем она занималась в силу своей профессии. Под конец его любопытство вывело Пэрриш из себя.

— Послушайте, кто сказал, что наука располагает всеми ответами на вопросы о вселенной? Неужели вы ничего не слышали о так называемых потаенных переменных величинах?

— Нет. А что это такое?

— Непреложные законы вселенной, существующие под любым уровнем, какой мы можем наблюдать, объясняют всю кажущуюся непоследовательность современной физики и других научных дисциплин. Я свято верю в эти законы. А моя наставница помогает мне отыскать подступы к этой стороне бытия.

Страйн насмешливо фыркнул.

— Феи. Эльфы. А я-то думал, только бейсболисты суеверны.

Пэрриш решительно скрестила на груди руки.

— Нам важны результаты, а не то, каким образом мы добиваемся их. Давайте по крайней мере дадим Кундалини шанс.

— Это, случайно, не строчка из песни Джона Леннона?

— Да ну вас!

Кундалини потребовалось несколько минут, чтобы отозваться на стук в дверь. Наконец она явилась перед гостями — миниатюрная женщина с копной упругих белокурых кудряшек и жутковатыми глазами, похожими на осколочки аризонского неба. Одета она была в видавшее виды зеленое гимнастическое трико.

Увидев сначала одного лишь Страйна, Гластонбери нахмурилась.

— Мистер, пусть лучше это будет кризис номер один за последние десять кальп…

Однако, когда вслед за ним в комнату вошла Пэрриш, Кундалини смягчилась, сменив гнев на милость.

— Прости меня, Кундалини, что помешала тебе и побеспокоила в неурочный час, но нам очень нужна твоя помощь.

— Заходи, дорогая. Заходи.

Гластонбери «въехала в тему» в считанные минуты. В отличие от Страйна она с легкостью приняла изложенную ученицей парадигму человеческой ментальности как вполне соответствующую уже известным ей фактам, правда, в несколько ином обличье.

— Думаю, я справлюсь с ненормальными командами-проклятиями, — доверительно сообщила Кундалини. — Они подобны вторжениям тибетских *донов* в уровень сознания, называемый *алайя*. — Впервые в жизни Пэрриш задумалась, а сколько, собственно, прожила на свете ее мудрая наставница. — Я полностью отключу мой разум от тела. Программы смогут

проходить через меня, но им в любом случае не удастся проскочить мимо моего временного барьера. Вы только одно скажите — кого мне искать?

— Помимо желания Фьюсмита отомстить мисс Максфилд, главный мотив его гнусных деяний — деньги. Поэтому мы хотим узнать о чем-то таком, что напоминает трюк, который этот тип проделал в банке. Что-нибудь связанное с наличными деньгами или ценностями, — ответил Страйн, до этого довольно невежливо закатывавший глаза во время столь странного разговора.

— Отлично, все понятно. Дайте мне пять минут, чтобы я смогла подготовиться. После этого можете показывать мне ваш фильм.

Гластонбери не стала принимать позу лотоса, а лишь легла на спину и расслабила мышцы.

— Поза мертвеца, — шепотом пояснила Пэрриш.

Когда прошли оговоренные пять минут, Пэрриш встала над Кундалини так, чтобы «палм-пайлот» находился у той прямо перед глазами. Затем один за другим начала запускать файлы с программами Фьюсмита.

За исключением нескольких слабых конвульсий, Гластонбери внешне никак не проявила каких-либо реакций на увиденные ею команды.

Очевидно, ее Второй Уровень и Центральная Исполнительная Структура были полностью отключены от моторных циклов программы.

— О господи! — пробормотал Страйн. — Никогда бы не подумал, что такое возможно…

Пэрриш выдержала достаточно долгую паузу, чтобы только не одарить своего нового напарника злорадной улыбкой.

Наконец директория закончилась. Профессор Максфилд вернула демоническое устройство Страйну, и тот засунул его себе в карман. Им пришлось несколько минут подождать, прежде чем Гластонбери вышла из состояния транса.

— Ух! У меня такое ощущение, будто я целых три дня сражалась со злобными духами!.. Технология абсолютно извращенная. Надеюсь, Пэрриш, ты сделаешь все, чтобы она дальше не распространялась.

— Конечно, махатма!

— Ну-ну, не торопись. Какие-нибудь ключи к разгадке имеются? Может, вы припомните что-то такое, что поможет нам?

Гластонбери устремила пронизывающий взгляд на Страйна.

— Прежде чем я загляну в свой магический кристалл, вы должны позолотить гадалке ручку, — заявила она.

Страйн тут же потянулся за бумажником, но замер, услышав

смех обеих женщин. Он раздосадованно засунул его обратно и тоже расхохотался.

Когда все трое отсмеялись, Гластонбери сказала:

— Кое-что показалось мне важным. Какие-то люди указывали на гигантский телевизионный экран, установленный на здании. Затем на экране стали появляться изображения, указывавшие, что им нужно делать. Все это связано с деньгами. Остальные детали были нерезкими, как будто окутанными дымкой. Боюсь, мой Второй Уровень не такой общительный, как ваш, особенно после такого неестественного насилия.

— Гигантский телеэкран на большом здании… Значит, точно не стадион… Скорее всего большой экран на Блэкмор-сквер. Едем туда!

Гластонбери проводила их поклоном. Пэрриш ответила тем же.

Следует отдать должное Страйну: он попытался скопировать элегантные движения женщин, хотя, по мнению его добровольной помощницы, сделал это с грацией фигурки, подвешиваемой над приборной доской автомобиля.

Взвинченный до предела, Рон Фьюсмит стоял в нескольких футах от припаркованного грузовика «уэллс-фарго» и разглядывал свою забинтованную левую руку. Под повязкой скрывался смертоносный «палм-пайлот». Опасаясь открыто демонстрировать зловредный инструмент — после случая в банке полиция наверняка интересуется людьми с подобными штучками, — Фьюсмит придумал хитроумную уловку.

К тому же при виде забинтованной руки жертва наверняка проявит к нему сочувствие, что, в свою очередь, поможет ей сосредоточить внимание на экране карманного компьютера.

Несмотря на нервное возбуждение, Фьюсмит не сомневался в успехе задуманной операции, испытывая непоколебимую уверенность. Ведь стратегию принуждения он выбрал из числа истинных шедевров. Категорический приказ из старого телесериала «Супермен»; пара эпизодов из шедевра кинофантастики «Странные дни»; эпизоды, в которых фигурирует толпа, из фильма «Коттон приезжает в Гарлем»… Что к этому добавить? Когда Вилладин запустит эти разрушительные образы в кинопроектор гигантского плоского экрана — пока что мозаика его панелей была занята видеосюжетами, транслируемыми Си-эн-эн, — разразится тщательно спланированный хаос, и тогда Фьюсмит под шумок захватит содержимое бронированного автомобиля — целый миллион баксов, если не больше, в безопасных, немаркированных банкнотах.

Они встретятся с Вилладин возле машины, после чего благополучно скроются с места происшествия.

Образ обнаженной, смиренной и умоляющей Вилладин — созданный исключительно воображением Фьюсмита — заполонил его мысли и на мгновение отвлек от цели операции. Если на этой продвинутой стадии их отношений Вилладин будет и дальше упираться, отказываясь спать с ним, то она рискует оказаться на обочине жизни — он просто найдет себе другую. Если ей вздумается настучать на него властям и тем самым отомстить — пожалуйста. Теперь Фьюсмиту ничего не страшно. Чудесное изобретение поможет ему стать невидимкой, если он того пожелает. Нужно лишь потихоньку перебраться в какую-нибудь тихую деревушку в Мексике. Там он запрограммирует всех местных жителей таким образом, что, вздумай кто-нибудь расспрашивать их о нем, они станут отрицать сам факт его существования. Он сможет жить как истинный монарх — со своим собственным гаремом! — на те деньги, которые получит в результате сегодняшней операции, не говоря уже о грядущих завоеваниях.

Как это не похоже на жалкое существование скромного, никому не известного исследователя!

Воспоминания о прежней жизни заставили Фьюсмита заново пережить унизительное происшествие в кабинете Пэрриш Максфилд. Он даже огляделся по сторонам, словно искал глазами того долговязого кретина, что отобрал у него карманный компьютер. Прохожие торопливо проплывали мимо, ничем не отличимые от послушных запрограммированных роботов. По проезжей части улицы во всех направлениях сновали автомобили. Агрессивного болвана Фьюсмит не заметил, однако бдительность ослаблять не стал.

Из дверей банка, возле которого стоял непризнанный гений, два охранника выкатили нагруженную сумками тележку. Два других застыли у бронированного грузовика, сжимая в руках оружие и не сводя внимательных глаз со своих товарищей.

— Смотрите! — пронзительно крикнул в следующее мгновение кто-то из прохожих.

Ага, значит, Вилладин удалось запустить в проектор кассету!

Фьюсмит испытывал особую гордость за ту последовательность команд, которая совсем скоро будет показана на огромном экране. Первой идет команда героя из книжки комиксов, побуждавшая зрителей закричать «Смотрите!» и указать на экран. Это гарантировало, что, как только хотя бы несколько прохожих подхватят крик, остальные, движимые врожденным инстинктом подчиняться персту указующему, быстро

последуют их примеру.

Что касается следующей комбинации команд, она представляла собой поистине гениальный ход.

Окружавшие Фьюсмита люди принялись доставать бумажники, открывать их и подбрасывать в воздух деньги.

Скрежеща тормозами, машины застывали на месте, создавая хаос и пробки. Несколько граждан из тех, кто не уловил призыва подготовленного Фьюсмитом фильма, принялись гоняться за кружащими в воздухе долларами. На Блэкмор-сквер прибывали все новые и новые люди и начинали либо разбрасывать свои деньги, либо ловить чужие.

Через несколько секунд происходящее напоминало приезд грузовиков ООН с продовольствием в голодающую африканскую деревню. Полицейские, даже получив подкрепление, оказались бессильны навести хоть маломальский порядок.

Четыре охранника банковского броневика имели прекрасную подготовку. Окружив грузовик, они отказывались смотреть куда-либо, кроме пространства вокруг себя на уровне собственных глаз. Однако они никак не могли предположить, каким будет второй ход изобретательного преступника. Фьюсмит привел в действие баллончик с кровью, мгновенно сделавший красной его забинтованную руку. Издавая громкие болезненные стоны, он бросился к одетым в форму охранникам.

— Моя рука! О боже, моя рука! Мне раздавили руку!

Взгляды охранников, естественно, обратились на окровавленную руку Фьюсмита. На экране его «палм-пайлота» они увидели живые, быстро сменяющие друг друга коллажи из эпизодов известных фильмов — «День сурка», «Подноготная», «Парни Ньютоны» и даже «Рыба-меч» — скверного римейка старой кинокартины «Жарким днем после обеда».

Охранники застыли.

— Идите за мной! — приказал им Фьюсмит.

Два охранника покатили тележку, их товарищи зашагали впереди, напоминая роботов, прокладывающих дорогу.

Ага, вот и все, ребята, дошли. Фьюсмит весело усмехнулся, когда они приблизились к машине. Автомобиль стоял там, где он его и оставил — в паре кварталов от площади, в переулке, который находился в стороне от оживленной транспортной развязки. Рядом с машиной его поджидала женщина. Его женщина.

— Вилладин! — окликнул ее Фьюсмит.

Женщина обернулась. Это была Пэрриш Максфилд.

В шести кварталах от Блэкмор-сквер Страйн мчал как

оглашенный, напоминая летящую на пожар адскую бригаду укротителей огня. Из автомобильного радио раздавались первые, путаные и противоречивые, сообщения о вспыхнувших несколько минут назад беспорядках.

— Главное — остановить распространение этой заразы, — сказал Страйн. — Потом попробуем накрыть Фьюсмита.

— Заразы?

— Ну конечно. Вы что, не помните Макса Хедрума?

— Кого-кого?

Страйн, прищурившись, посмотрел на Пэрриш. Он едва успел резко вырулить в сторону, потому что в противном случае наверняка врезался бы в такси.

— Чем вы занимались лет пятнадцать назад?

— Мне было двенадцать лет, и я строила из «лего» молекулярные модели.

— Вы такая юная?

— А вы такой старый?

— Ладно, проехали. Подождите меня в машине, пока я зайду в диспетчерскую. Хорошо, что мне удалось связаться с моим дядюшкой. Один парень из агентства, которое устанавливало в этом здании сигнализацию, сообщил ему пароль и план нужного нам помещения.

— Мне это ни к чему. Я сама найду негодяя Фьюсмита. Подонок заслужил хорошего пинка сами знаете в какое место.

Страйну показалось, что голова его сейчас лопнет от напряжения.

— Ни за что! Зачем такой риск!

— Какого черта вы смеете мне что-то запрещать?! Вы что, моя бабушка? К тому же у меня первоклассная защита против малыша Ронни и его примитивной игрушки. Научись он манипулировать Вторым Уровнем и Центральной Исполнительной

Структурой через осязание и звук, нам всем была бы крышка. Тогда ему ничего не стоило бы подчинять людей своей воле одними лишь прикосновениями или звуками. Хм, интересно, может, подобные случаи и легли в основу старинных легенд? Например, сирены, Старый Хозяин моря…

— Я бы советовал вам выкинуть эти глупости из головы. Да и вообще, откуда взялась ваша хваленая защита? Вам же придется подойти к нему, чтобы узнать его и схватить. Мерзавец успеет нанести первый удар.

Пэрриш ласково провела рукой по своему ридикюлю.

— Обо мне не беспокойтесь. Мое тайное оружие вот здесь.

Оставив дальнейшие попытки убедить упрямую даму-меметика в бессмысленности и глупости ее планов, Страйн

сосредоточил внимание на дороге, стараясь подобраться как можно ближе к месту общественных беспорядков, разыгравшихся на Блэкмор-сквер. Когда автомобиль пришлось бросить из-за невозможности ехать дальше, от цели их отделял лишь один квартал.

Страйн торопливо зашагал к Беркли-билдинг. Пэрриш храбро следовала параллельным курсом.

— Не оглядывайтесь!

— Вы меня за идиотку принимаете?

Прорываясь сквозь толпы сеятелей «зелени» и ловцов летающих долларов, лавируя изо всех сил, чтобы не попасть под колеса машин, водители которых катили прямо по тротуару, Стинго Страйн и Пэрриш Максфилд вскоре оказались у входа в Беркли-билдинг.

— Вон Фьюсмит! — воскликнула Пэрриш, указывая на другую сторону улицы. — Он заставил охранников толкать тележку с деньгами. Я с первого взгляда узнаю его автомобиль и постараюсь перехватить…

— Нет! Не надо! — воскликнул было Страйн, однако спутницы уже и след простыл.

Какое-то время он нерешительно топтался на месте, раздумывая, не стоит ли броситься ей вдогонку. Однако царившее на площади безумие определило его выбор, и Страйн вошел внутрь здания.

Находясь в безопасности за запертой дверью диспетчерской, где ничего не подозревавший, но не вовремя возбудившийся техник лежал без сознания на полу, Вилладин Лоуз с огромным удовлетворением наблюдала из окна десятого этажа Беркли-билдинг за бушующими на Блэкмор-сквер беспорядками. Ей хорошо были видны крошечные фигурки Фьюсмита и безропотно подчинившихся ему банковских охранников. Вот они благополучно, но медленно отходят от банковского броневичка. Когда ее сообщник удалится на почтительное расстояние от безумного людского моря, она отключит ставший ненужным гигантский экран и отправится к их машине. Но до этого она должна охранять эту комнату, чтобы никто не смог помешать устроенному Фьюсмитом «сеансу».

Полируя маленький серебристый пистолетик о ткань, обтягивающую ее хорошенькую попку, Вилладин размышляла, как и когда избавится от «красавчика» Ронни. Может, после того как они покинут страну? Пусть он довезет ее до границы, устанет до смерти и не сумеет броситься ей вдогонку. Конечно, у нее больше не будет специалиста по разным техническим

приспособлениям, но какая разница? «Лимона» баксов старушке Вилладин хватит надолго. Она станет первой красоткой Байи столь же легко, как и принцессой Пайн-Маунтин.

Лязгнула электронная защелка, и внешняя дверь открылась. Вилладин вскинула пистолет, готовясь взять на мушку любого, кто войдет в комнату.

Вошедший оказался крепким симпатичным здоровяком. Сердце Вилладин радостно екнуло. Может, этот парень сгодится на роль ее нового партнера?

Однако слова незнакомца быстро рассеяли ее иллюзии.

— Ты женщина Фьюсмита, я угадал? Давай-ка быстрее выбрасывай белый флаг, пока не поздно! Твоего дружка уже сцапали.

Вилладин бросила быстрый взгляд в окно и не нашла подтверждений угрозам здоровяка.

— А ты шутник, парень! Пусть я и в понедельник родилась, но не в последний же понедельник! Сейчас я сделаю замеры для твоего деревянного костюмчика!

— Стой! У меня есть то, что тебе нужно!

Палец Вилладин, уже было упершийся в спусковой крючок, подался немного назад.

— Что еще такое?

Незнакомец неспешно засунул руку в задний карман брюк и вытащил «палм-пайлот».

— А вот что! — произнес он и нажал на кнопку.

Вилладин попыталась было отвести взгляд в сторону, но увы — слишком поздно.

Вслед за звуком бьющегося стекла до слуха Страйна донесся глухой удар упавшего на землю тела.

— Похоже, теперь я знаю, что такое «дефенестрация»! — облегченно вздохнул Страйн.

Фьюсмит остановился, и загипнотизированные охранники остановились вместе с ним, будто игрушечные солдатики из постановки «Щелкунчика». Пэрриш неожиданно испугалась, что сейчас они нацелят на нее свое оружие. Однако Фьюсмит, видимо, не стал включать такую программу в набор команд, которые успел внедрить в сознание этих безвольных марионеток.

На лице безумца появилась плотоядная усмешка, и Пэрриш почувствовала, что холодная ненависть к мерзкому хорьку вытесняет из нее былой страх.

— Не верю собственным глазам — не иначе как доктор Максфилд! — издевательским тоном произнес Фьюсмит. — Неужели вы отыскали меня специально для того, чтобы

предложить стать соавтором моей научной работы? Если так, то вы опоздали.

Пока Фьюсмит продолжал глумиться над ней, пальцы Пэрриш скользнули в сумочку, висевшую на плече. Ей надо заставить его воспользоваться карманным компьютером. А затем одновременно с ним совершить одно точное движение.

— Я бы никогда в жизни не согласилась на то, чтобы мое имя появилось в одном с вами научном журнале. Вы бессовестно исказили суть важнейшего открытия, воспользовавшись им в гнусных, корыстных целях. Вы ничем не лучше того французишки, который присвоил себе открытие N-лучей!

Задетый за живое столь отвратительной инсинуацией, Фьюсмит вскинул вверх забинтованную руку.

— Пожалуй, я подарю вам судьбу, которую выбрал для вашего тупоумного дружка. Можете на меня не смотреть, но в этом случае я просто смоюсь отсюда!

Пэрриш сжала в руке свою судьбоносную козырную карту и почти полностью вытащила ее из сумочки.

— Прибегай к своей самой великой гнусности, негодяй! Я тебя не боюсь, ничтожество! А он — вовсе не тупоумный!

В следующую секунду Фьюсмит привел в действие коварный прибор, однако Пэрриш мгновенно отреагировала на его уловку, закрыв глаза тыльной стороной зеркальца.

Лицо Фьюсмита исказила гримаса животного ужаса. Он был сражен наповал своей собственной лучшей комбинацией — пестрым калейдоскопом эпизодов из «Незабываемого романа», «Города на краю вечности» и «Смеющегося мертвеца». Заметив мчащуюся на всех парах карету «скорой помощи», Фьюсмит бросился ей под колеса.

Пэрриш в очередной раз — и вовремя — отвела глаза в сторону, чтобы не видеть самого страшного.

Подача команд на огромный экран прекратилась, и хаос, что возник на Блэкмор-сквер, постепенно начал стихать. Цикл пагубного психологического воздействия был наконец остановлен, и даже те, кто совсем недавно подвергся внушению на уровне подсознания, пришли в себя.

Прибыв к месту происшествия вместе с медиками, пожарными, полицейскими, бойцами Национальной гвардии и репортерами, Пэрриш поняла, что Страйну удалось положить конец творимому безобразию. Осознание победы вызвало у нее прилив гордости за поступок нового друга.

Толпы изумленных, растерянных и смущенных граждан расходились в стороны, словно пшеница перед молотилкой.

Казалось, будто кто-то мощными движениями раздвигает человеческую массу. Разглядев в гуще голов знакомую кепку-бейсболку, Пэрриш принялась пробираться сквозь толпу, чтобы побыстрее увидеть детектива-триумфатора.

Заметив профессора, Страйн бросился ей навстречу. Он, не задумываясь, порывисто обнял Пэрриш, и она тоже ответила ему объятием. Однако бывший бейсболист быстро отпустил женщину, дабы убедиться, что его помощница жива и здорова. Выражение его лица моментально сделалось рассудительным и спокойным.

— Если будет установлена наша связь с Фьюсмитом, придется давать полиции серьезные объяснения. Так что нам нужно четко согласовать то, что мы будем говорить.

— То есть?

— Да ты оглядись вокруг! Два человека, спровоцировавших этот кошмар, мертвы — к счастью, налицо неоспоримые случаи самоубийства, но полицейским все равно захочется докопаться до мотивов их добровольной смерти.

Пэрриш задумалась.

— Пожалуй, нам следует признаться в том, что Рон хвастал каким-то новым препаратом в аэрозольной упаковке для ведения химической и биологической войны. Полицейские не обратят внимание на характер изображений большого экрана, посчитают его не более чем уловкой для отвлечения внимания банковских охранников. Открытие Фьюсмита слишком опасно, чтобы о нем узнали посторонние. Можешь себе представить, что необоримое желание властвовать случайно воплотит в жизнь какой-нибудь безумец, овладевший грамматикой Второго Уровня? Нет, пусть меня мучает совесть ученого, требующая обнародовать это выдающееся открытие, однако знание о нем следует уничтожить.

— Но как?

— Я видела своими глазами, как «палм-пайлот» Фьюсмита был раздавлен колесами «скорой помощи», под которую он бросился. Значит, остается лишь тот карманный компьютер, который сейчас лежит у тебя в кармане, и видеокассета из диспетчерской. Надеюсь, ты догадался забрать ее? Отлично! Отдай их мне.

Страйн подчинился просьбе, и Пэрриш разбила «палм-пайлот» о ближайший пожарный гидрант. Затем с помощью Страйна растоптала видеокассету, а обломки выбросила в канализационную решетку.

— Теперь нам нужно срочно заскочить в дом Фьюсмита, прежде чем полиция узнает его адрес, и уничтожить все возможные свидетельства его открытия. И — voila! — мир спасен!

— Ты не хочешь присвоить изобретение Фьюсмита и

воспользоваться им?! — изумился Страйн, с неподдельным восхищением глядя на свою спутницу. — Это могло бы принести тебе Нобелевскую премию! Лишь жадность и низость Фьюсмита помешала ему получить заслуженные почести.

— Нет-нет. Я не настолько сильна, чтобы устоять перед искушением. А ты?

Страйн задумался.

— Ну, вообще-то мне хотелось бы кое-что изменить.

— Что именно?

— Отношение одной очаровательной женщины к одному бывшему бейсболисту по имени Стинго Страйн.

— Считай, что для этого не нужно никаких машин и электронных устройств, — улыбнулась Пэрриш. — Ты своего добился.

— Правда?

— Конечно, причем на нужном уровне.

«Seeing Is Believing». Перевод А. Бушуева

КАК ДЕЛА, ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ?

Написание «жесткой научной фантастики» — это вызов, на который я откликаюсь не слишком часто. Дать жизнь новым технологиям, а затем энергично и творчески экстраполировать их воздействие на общество — это, пожалуй, самое главное в научно-фантастических играх разума. Однако, как мне сказал недавно Брюс Стерлинг: «Это чертовски трудная работа!» Создание этого рассказа продвигалось мучительно медленно, с черепашьей скоростью, до тех пор пока я неожиданно не представил себе все последствия изобретения, сделанного Басом Эпплбруком.

Особую гордость у меня вызывает следующее предложение: «Дверь станции «отхоберманилась» настежь». После фразы Роберта Хайнлайна «Дверь существенно расширилась» писатели, работающие в жанре научной фантастики, прилагали немалые усилия, чтобы перещеголять друг друга в подобном сочетании филологической точности и когнитивной отстраненности. Вышеприведенное предложение — аллюзия на использование на последней зимней олимпиаде барьеров Хобермана — позволило мне почувствовать себя автором, вложившим собственный фрагмент в грандиозное мозаичное полотно научной фантастики.

1 Утиный суп

Первый сигнал того, что с его миром творится нечто неладное, Бас Эпплбрук получил за завтраком во вторник, 25 июня 2029 года.

Газета, которую он читал, превратилась в киноэкран.

Из состояния безмятежной мечтательности его вывел газетный заголовок «МЕРКОСУР ФРИТЕР СОВЕРШАЕТ ПРОРЫВ В ОБЛАСТИ СПИНТРОНИКИ!». Бас был настолько ошеломлен увиденным, что расплескал на стол содержимое чашки с питательным коктейлем «Метаномикс плюс». Поверхность стола незамедлительно впитала пролитые капли.

Бросив взгляд на висящие на стене часы — дисплей, сделанный из преобразованной рыбьей чешуи, изменчивая преломляемость которой заменяла древние светодиоды, — дабы убедиться, что его, случаем, не выбросило в какой-то другой временной континуум, Бас попытался представить себе перспективы этого пугающего происшествия.

Сама по себе трансформация газеты не предвещала ничего дурного. Подобное — благодаря протеобумаге — случается по миллиону раз на дню во всех уголках земного шара. А поскольку сам Бас являлся всенародно прославленным и удостоенным всех и всяческих почестей изобретателем этой самой протеобумаги, ему, по идее, совершенно не следовало удивляться способности медийного детища меняться едва ли не на глазах.

Правда, имелось одно существенное «но».

Бас не отдавал газете, которую он читал, команды изменить присущие ей функции.

Такое импульсивное, необъяснимое переключение, совершенное высоконадежной газетой, не на шутку встревожило Баса. Для протеобумаги такие фортели совсем не типичны. Одиннадцать лет назад Бас первым изобрел вещество с бесчисленными степенями защиты, предназначенными специально для того, чтобы предотвратить подобные нелепые превращения. За все последующее время не было зафиксировано ни единого случая сбоев в работе протеобумаги на миллиарды случаев ее использования. Даже получив семьдесят пять процентов повреждений, протеобумага была способна функционировать в нормальном режиме. (Превышение такого лимита приводило к тому, что протеобумага всего лишь прекращала подачу информации.) Придуманное Басом Эпплбруком чудодейственное средство, столь сказочно изменившее медийный ландшафт XXI века, было просто не

способно выйти из строя.

И все же, похоже, с протеобумагой явно что-то случилось. Возник какой-то сбой…

От одной только мысли о катастрофических последствиях, причем мирового масштаба, вызванных неведомым ему дефектом вездесущего материала, по спине Баса забегали мурашки размером с мощную волну разрушительного цунами.

Приняв как данность вероятность того, что его сказочное изобретение способно повести себя непредсказуемым образом, Бас встряхнул газету. В глубине его души теплилась надежда, что подобную аномалию, возможно, удастся исправить самым примитивным механическим способом. Однако газета упрямо продолжала выполнять роль киноэкрана, и Басу ничего не оставалось, как сфокусировать все внимание на фильме, который теперь демонстрировался на экране, что всего пару минут назад был его обычной утренней газетой.

Лист протеобумаги, на котором Бас читал газетные сообщения, имел размеры приблизительно два на три фута. Обладая плотностью и текстурой обычной, «немой» газеты, однако не такой жесткий, как пергамент, этот лист был сложен пополам по вертикали, образуя четыре поверхности — две внешние и две внутренние. Будучи до известной степени старомодным в своих привычках, Бас предпочитал читать газеты на нескольких страницах, что позволяло ему возвращаться назад к прочитанному — для этого достаточно найти глазами предыдущую поверхность газеты. Закончив читать четвертую страницу, Бас возвращался к началу, где автоматически появлялась пятая страница, за которой следовали шестая, седьмая и все следующие.

Однако сейчас на всех без исключения страницах демонстрировалось одно и то же кино с участием некоего квартета весьма деятельных персонажей. Бас перевернул газету вверх ногами, надеясь, что непрошеный фильм исчезнет, однако «вписанные» в газету датчики зафиксировали ее новое пространственное положение, и изображение вернулось на прежнее место.

Бас узнал хитроватое лицо Граучо Маркса, одного из любимых актеров своего отца. На Граучо была какая-то забавная военная форма. «Утиный суп», он самый, подумал Бас. На экране появилась Маргарет Дюмон в образе высокомерной вдовствующей матроны. Несмотря на то что действия актеров Бас знал едва ли не наизусть, диалоги оказались совсем не те, что в оригинальном сценарии.

— Следовательно, — произнес Граучо со знакомой

интонацией, которую вмонтированные в протеобумагу микродинамики воспроизвели с идеальным качеством, — юная леди, что вознамерилась посвятить все свое время и таланты богемно-артистической херне, наконец-то соизволила предстать перед нами. Что ж, боюсь, я полностью утратил интерес к дерьму, которое вы побуждали меня посмотреть.

— Ладно, согласна, я тут малость припоздала, — смачно призналась Дюмон. — Но после всех этих «Вуди» вы обещали составить мне компанию и потусоваться с моими корешами.

Поскольку этот гротескный, но осмысленный диалог имел непосредственное отношение к его личной жизни, Бас неожиданно почувствовал легкую тошноту и головокружение. Он едва ли не плашмя положил газету на кухонный столик, прямо на тарелку с яйцами гагарки и жареными листьями подорожника с манговым сиропом. Складка, отделявшая половинки страниц, почти тотчас исчезла, и фильм занял все пространство листа.

Граучо принял забавную позу. Одной рукой он задумчиво потирал подбородок, другую, в которой была сигара, поднес ко лбу.

— Да. Самодовольной гниде вроде меня неинтересны чокнутые ничтожества — актеришки-любители, с которыми ты тусуешься. Что за бредовые идеи! Так что я вынужден сказать тебе «нет» и вернуться к стерильной монашеской жизни.

— Тогда вали отсюда, червяк! Последнее слово все-таки останется за мной! Подожди, время мое придет!

С этими словами Маркс и Дюмон исчезли с экрана. Увы, привычные слова и картинки регулярных утренних выпусков «Бостон глоуб» так и не вернулись назад. Девственно-белый лист протеобумаги упорно отказывался подчиниться командам, которые отдавал ему Бас.

После ряда безуспешных попыток подчинить газету своей воле Бас сдался и с великой неохотой был вынужден признать, что этот лист протеобумаги безнадежно мертв. Сокрушенно вздохнув, он вновь опустился в кресло — увы, происхождение данной диверсии теперь не вызывало у него никаких сомнений.

Черт, и как его тогда угораздило согласиться на встречу с Дагни Уинсом?

2 Большое разочарование

Йорка и Аделаиду Эпплбрук постигло грандиозное фиаско: их интернет-компания обанкротилась — событие, ознаменовавшее собой наступление двадцать первого века. Принадлежавшее им предприятие, в которое они вложили все свои кровные плюс несколько миллионов долларов, взятых в долг у родственников, друзей и предпринимателей, готовых рискнуть собственными капиталами ради будущего навара, являло собой интернет-сайт, занимавшийся продажей японской поэзии. За изящным, сделанным со вкусом интерактивным фасадом «Привет, хайку!» не скрывалось ничего, кроме банка картинок в свободном для всех желающих доступе — большей частью изображения дальневосточных пейзажей — плюс в придачу к ним примитивная программа для сочинения стихов. Посетители сайта «Привет, хайку!» набирали ряд прилагательных и существительных, которые программа эта превращала в изысканные японские трехстишия. К этим коротеньким стихотвореньицам подбиралась соответствующая картинка, которая затем по электронной почте отправлялась заказчику. Первоначально сайт предлагал поэтические услуги бесплатно, но в дальнейшем, через год-другой, его создатели рассчитывали получать за это деньги. Предполагаемые доходы, по их мнению, должны были приносить им не менее десяти миллионов долларов в год.

Примитивный сайт и довольно-таки эксцентричный вид предлагаемых услуг служили воплощением надежд и амбиций Эпплбруков по завоеванию рынка.

Тот факт, что в 1999 году, на самом взлете их «коммерческого успеха», они назвали своего новорожденного сына Басе — или Басом — в честь знаменитого мастера жанра хайку, стало еще одним свидетельством их непоколебимой веры в правильности выбранного пути.

Увы, «Привет, хайку!», просуществовав чуть больше года, приказал долго жить, и его создатели были вынуждены пересмотреть свой образ жизни и ее же, жизни, смысл и цели. Из Сиэтла они перебрались в окрестности Медфорда, штат Орегон, где жить было значительно дешевле. Там супруги прикупили небольшой грушевый сад, заплатив за него из скромной, сделанной втихаря от инвесторов заначки. Сами же безутешные, обанкротившиеся инвесторы остались с носом. Эпплбруки поклялись больше никогда не делать ничего такого, что имело хотя бы отдаленное отношение к гипотетической будущей цифровой утопии, дав обязательство вернуться к простой жизни

на лоне природы — примерно так же, как два десятка лет до этого поступило поколение хиппи, устав от проповеди всеобщей любви.

Раскаявшимся, смирившимся со скромным бытом Йорку и Аделаиде и в голову не могло прийти, что их единственному отпрыску, юному Басе, суждено революционизировать и объединить человечество. Более того, что в его руках фактически окажутся все основные способы распространения цифровой информации по всем существующим каналам.

Впрочем, Бас еще с юных лет проявлял огромный интерес к компьютерам и их начинке. Вполне возможно, что пренатальный период его развития, происходивший в головокружительном мире интернет-компаний, определил его будущее, очаровав своими битами и бодами. Во всяком случае, прирожденные таланты Баса (которые были весьма внушительны — его интеллектуальные показатели просто зашкаливали) с самого начала предрекали ему несомненные успехи на карьерной лестнице в сфере информационных технологий.

Бас быстро прошел школьный курс, перескочив через несколько классов, и в пятнадцатилетием возрасте стал студентом Массачусетского технологического института. Юному дарованию пришлось довольно сложно с сокурсниками, которые были старше его, однако в учебных аудиториях и лабораториях он чувствовал себя как рыба в воде. Учась на последнем курсе, Бас добился серьезных успехов в области молетроники, науки, занимавшейся проблемами управления адресными молекулами. Именно тогда ему удалось изготовить первый, полностью функциональный лист протеобумаги.

Как-то раз, засидевшись допоздна в лаборатории, Бас опустил чистый стандартный лист высококачественной «бессловесной» бумаги в специальную ванночку с особым раствором. Лист мгновенно впитал раствор, представлявший собой нестандартную смесь легирующих молекул. (Раствор был четыреста тринадцатой разновидностью первоначально задуманного средства.) Вытащив бумагу, Бас тут же поместил ее в ванночку со вторым видом жидкости, имевшей в своем составе пространственную решетку с пинцетами модуля самотестирования, приводимыми в движение особой компьютерной программой. Бас ввел обширный файл в контрольные устройства ванночки, зацепив все до единой легирующие молекулы невидимыми силовыми щипчиками. Созданным им специальным устройством он вложил сложный схематический шаблон в каждую молекулу бумаги.

Так начался настоящий протеобум. Запоминающие устройства, процессоры, системы глобального позиционирования,

солнечные батареи, перезаряжаемые батарейки, динамики, пиксели, видеокамеры, беспроводные модемы — все это спокойно и незримо укладывалось на обычный лист бумаги.

Вытащив бумагу из своего хитроумного раствора, Бас с радостью увидел на ней отчетливое изображение с высоким качеством разрешения. Это была картинка, на которой художник запечатлел крошечный пруд с сидящей у кромки воды лягушкой. Ниже красовалось хайку, созданное знаменитым тезкой изобретателя.

Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Бултых!

Бас впечатал в углу дисплея контрольный квадратик. Картинка ожила, и лягушка, следуя совету автору, принялась без конца прыгать в пруд, сопровождая каждый прыжок плеском воды.

Довольный своим изобретением, Бас улыбнулся.

Так на свет появилась протеобумага, как удачно окрестил ее один из веб-журналистов.

Изобретение Баса Эпплбрука увеличило цену листа обработанной бумаги лишь на одну сотую долю цента. За такую символическую цену покупатель получал лист, обладавший свойствами качественного суперкомпьютера. В сущности, Бас создал гибкие, практически невесомые компьютеры, которые почти ничего не стоили и были слишком дешевы, чтобы их можно было продавать.

Однако разница между словами «почти ничего» и «ровным счетом ничего» весьма существенна, особенно если счет идет на миллионы проданных листов.

Век Имманентной Информации был уже не за горами.

Визит к ловкому адвокату — тому самому, что лет двадцать назад помог его родителям пережить неминуемое банкротство — дал Басу возможность заручиться гарантией, что его изобретение будет надежно запатентовано. Любой, кто пожелает воспользоваться его изобретением, будет вынужден раскошелиться на лицензию, выложив за год пользования весьма солидную сумму. Так девятнадцатилетний Бас Эпплбрук в одночасье сделался главой компании.

К тому моменту, когда ему исполнился двадцать один год, он уже был самым богатым человеком планеты.

Однако до сих пор если он хотя бы раз и отважился назначить свидание представительнице противоположного пола, то разве

что своей кузине по материнской линии.

3 Клуб «Завтрак»

Дагни Уинсом внешне ужасно напоминала бледную блондинку с рекламы «Олив ойл». Она из принципа щеголяла в очках, предпочитая эту старомодную диковинку лазерной коррекции близорукости, а ее тощие формы неизбежно вызывали сравнения с батоном-багетом, ручкой метлы или стволом березы. Подобное сходство еще более усиливалось ее пристрастием к полосатым рубашкам. Однако нехватка полагающихся ее полу округлостей не мешала Дагни пользоваться небывалой популярностью у мужчин — их приводил в восторг ее острый ум, импульсивность и любовь к разного рода приколам. Светлые волосы обрамляли личико, на котором в течение считанных секунд, пока вы разговаривали с ней, можно было прочесть то безмятежную невинность, то раздраженный каприз, то лукавую хитринку. Четыре года, проведенных Дагни в стенах Массачусетского технологического, были отмечены участием в десятке знаменитых хакерских проделок. К примеру, без ее участия не обошлась знаменитая имитация посадки якобы потерпевшего катастрофу космического шаттла «Джордж Буш» прямо посередине Массачусетс-авеню.

С первой же минуты, когда Бас узнал о Дагни и ее проделках, он проникся к ней благоговейным почтением. Она была на курс старше его и умна не по годам, и при этом казалась ему недосягаемой и — о да! — наивысшим олицетворением женственности. Как часто Бас предавался мечтам о том, что когда-нибудь ему посчастливится поговорить с ней и, может, даже пригласить на свидание. Однако Бас так никогда не набрался смелости приблизиться к предмету своего обожания, не говоря уже о том, чтобы заговорить с ней.

Дагни окончила технологический, а год спустя Бас с головой ушел в опыты с протеобумагой. Последующие десять лет он ничего не слышал о ее дальнейшей судьбе. Даже поискав в Интернете, в массиве сведений о выпускниках Массачусетского технологического, он так ничего о ней и не узнал. Очевидно, Дагни избрала себе какое-то другое поприще, не связанное непосредственно с полученной специальностью.

Образ Дагни Уинсом в памяти Баса начал постепенно угасать и тускнеть и в конечном итоге превратился в призрак романтического прошлого.

Так продолжалось до событий, случившихся две недели назад, 11 июня, когда она внезапно переступила порог его дома.

Женщины перед дверями Баса Эпплбрука практически

никогда не появлялись. Хотя бы потому, что Бас жил уединенно, в хорошо охраняемом особняке, в элитном квартале городка Линкольн, штат Массачусетс. Нет, он не пользовался услугами охранников или дрессированных сторожевых собак для охраны дома и прилегающего участка земли; гарантией его личной безопасности и покоя служил высокий забор со сложной системой сигнализации, подсоединенной к не менее сложным кибернетическим устройствам и охранным агентствам, которые были призваны мгновенно отреагировать на вторжение незваных гостей. Бас не был параноиком, но, как самый богатый человек планеты, он, вполне естественно, вызывал к своей персоне огромный интерес со стороны самых разных людей и потому не желал посягательств на свое уединение.

Кроме того, Бас не был особенно избалован женским обществом и поэтому испытывал при общении с дамами такую же неловкость, как и в те дни, когда ему было всего девятнадцать. Хотя в техническом отношении в свои тридцать лет он не был девственником, ему по-прежнему не удавалось постичь премудрость ритуалов флирта и ухаживания за женщинами, в коих беззаботно преуспевает все остальное человечество.

Так что вполне естественно, что Бас крайне удивился, услышав ранним утром звонок в дверь. Крадучись, на цыпочках он приблизился к входной двери. Клочок протеобумаги, приколотый кнопкой к внутренней поверхности двери, передал изображение крыльца, отправленное со второго клочка протеобумаги, который висел снаружи и работал синхронно с внутренним. (Когда непогода приводила внешний листок в негодность, Бас просто вывешивал вместо него новый.)

Представьте себе изумление Баса, когда он увидел Дагни Уинсом, нетерпеливо переминавшуюся с ноги на ногу на его крыльце. В следующее мгновение Бас рывком распахнул дверь.

— Даг… Дагни?.. Какими судьбами?..

Несмотря на десять лет, прошедших со дня окончания МТИ, Дагни Уинсом сохранила свою былую внешность и бесцеремонное отношение ко всяким манерам и условностям. На ней была ее фирменная рубашка в горизонтальную красно-черную полоску. Пластмассы, что пошла на оправу ее очков, хватило бы на автомобильный бампер. Длинные платинового оттенка волосы были зачесаны назад и схвачены украшенной бриллиантами заколкой-крабом — это модное украшение перерабатывало человеческий пот и омертвевшие кожные клетки. Наряд довершали черные джинсы и пара кроссовок.

— Неужели ты не пригласишь свою старую знакомую в дом? — с легким раздражением спросила она.

— Но как тебе удалось пройти незамеченной мимо моей системы сигнализации?

— И ты называешь этот хлам системой сигнализации?! — презрительно фыркнула Дагни. — Я взломала твою систему, как только моя машина отъехала на пять километров от города. А выехала я из Бостона.

Бас отметил про себя, что надо непременно сделать апгрейд харда и софта. Впрочем, после некоторого размышления он решил, что все равно никакие преграды не смогут остановить Дагни. Еще он решил, что искренне рад видеть ее.

— О, прости меня! Конечно, заходи! Прошу! Я как раз завтракаю. Составишь мне компанию? Хочешь чего-нибудь?

Дагни шагнула в комнату.

— Зеленый чай. Булочку с маком. Чуточку канадского бекона.

Бас немедленно заглянул в огромный холодильник.

— Все, что пожелаешь.

Сидя на кухне, каждый перед чашкой со своим напитком, они молча ждали, когда в микроволновке поджарится бекон. Дагни слегка поморщилась, устремив взгляд на декоративную полосу протеобумажных обоев, приклеенных на верхней четверти кухонных стен. Живая полоса настенного бордюра, привлекшая ее внимание, беспрестанно транслировала видеозапись показа мод, точнее, купальных костюмов, которые рекламировал в этом году холдинг «Спорте иллюстрейтид». Дефиле проходило на индокитайской космической станции «Маохатма».

Смутившись, Бас решил, что если он поменяет сейчас изображение, это только подчеркнет его холостяцкие привычки. Поэтому он с нарочитым рвением занялся микроволновкой, продолжая краешком глаза любоваться гостьей.

— И как долго ты собираешься прозябать подобно какому-нибудь анаэробу? — Заданный довольно агрессивно вопрос застал Баса врасплох как раз в тот момент, когда он клал на тарелку гостьи булочку и бекон.

Бас машинально опустился на стул.

— Что-что? Что ты хочешь этим сказать?

Дагни широким жестом обвела пространство вокруг.

— Ты только оглянись по сторонам! Да ты замуровал себя в четырех стенах! Подумай сам. Сначала ты сбрасываешь на информационное сообщество невиданной мощности концептуальную бомбу. Это ж надо, мыслящая газета! После чего забиваешься в норку вместе со своим богатством и закрываешь за собой вход!

— Но это же смешно — то, что ты говоришь. Я же… я по-прежнему поддерживаю связь с остальным миром. В прошлом

году я зарегистрировал пять патентов.

— И все до единого — лишь незначительные усовершенствования все той же протеобумаги. Давай посмотрим на вещи реально. Ты забавляешься всяким фуфлом, размениваешь себя по мелочам. Где твой азарт, твоя деловая хватка? Тебе наплевать на бизнес, тебе до фени, что с его помощью можно изменить мир.

Бас попытался объективно поразмыслить над брошенными ему в лицо обвинениями. Неправда, его жизнь не такая уж и бесцветная, в ней есть место увлечениям. И каким! Например, он не чужд творческих исканий — сочиняет песни в своем цельнокроеном СимфоКостюме, а число скачиваний с его музыкального сайта достигло на прошлой неделе апогея (56); а еще он владелец Самого Большого Грушевого Сада в долине Рог-Ривер (холдинговой компанией управляли его родители Йорк и Аделаида). Разве все эти и несколько других увлечений не свидетельствуют о его неустанных контактах с остальным человечеством? Неожиданно для самого себя Бас засомневался в собственной значимости.

Неужели его жизнь и в самом деле в глазах других людей представляется тривиальной и пустой?

Вопрос был из числа малоприятных, и, чтобы уйти от ответа на него, Бас рискнул провести контратаку.

— Ну а ты сама?! Что-то я не слышал, чтобы ты устроила пожар в мире?! Ответь мне, как ты улучшала мир все эти годы?

Однако смутить Дагни ему не удалось.

— Тебе никогда не узнать, чем я занимаюсь, хотя скажу честно, в моей сфере деятельности у меня будь здоров какая репутация.

— И что же это за сфера?

— Мир искусства. После окончания института я поняла, что мне неинтересно заниматься фундаментальной наукой. Меня больше интересовала творческая деятельность. Я хотела использовать новые средства самовыражения, использовать их совсем не так, как другие люди. Вот поэтому я в 2017 году отправилась на Западное побережье и с тех пор проживаю там. Вообще-то я много путешествую. Остин, Прага, Гавана, Гонконг, Хельсинки, Бангор. Но чаще всего ты сможешь застать меня дома, в Лос-Анджелесе.

Перечисление заморских городов удивило Баса больше, чем он сам ожидал. Ему стало ясно, что, несмотря на все сказочное богатство, он вел бесцветную, неинтересную жизнь затворника.

— Что же тогда привело тебя в старый чопорный Бостон?

— «Вуди». Это церемония вручения премий за успехи в той

сфере деятельности, которой я занимаюсь. В этом году она проводится в Бостоне. Ее спонсоры — одна местная группа. Она называется «Хабстер Дабстерс». Это такой прикол своего рода, но мне все равно нужно там присутствовать, если я хочу выступить в роли участника. Вот поэтому я и решила — старину Баса это немного встряхнет и порадует. Что, если я с ним повидаюсь и приглашу на церемонию.

— Но почему?..

Дагни самыми честными глазами посмотрела на него.

— Не буду притворяться, будто в институте ты представлял для меня интерес, Бас. Но я знала, кем ты был — юный гений, этакий вундеркинд. А когда ты изобрел протеобумагу, я… это… ну, в общем… испытала гордость за то, что когда-то хоть чуточку знала тебя. Ведь протеобумага — это своего рода революция. Она практически все опрокинула, перевернула, вызвала волну перемен во всем мире. За это я тобой восхищаюсь. Но сейчас мне хочется другого, если можно так выразиться, очертить пространство твоих мыслей и, быть может, помочь тебе немного встряхнуться.

Бас какое-то время переваривал услышанное.

— Ты на самом деле гордилась мной?

— Все равно что спросить, занимаются ли порнозвезды сексом? — усмехнулась она.

Бас покраснел, но тут же поинтересовался:

— Так когда, ты говоришь, состоится эта твоя церемония?

4 Долина кукол

Несколько лет назад бостонская площадь Кенмор-сквер превратили в *воонерф*. Это голландское слово, буквально означающее «жилой двор», предполагало превращение городских улиц в пешеходную зону. Некогда запутанный узел транспортных артерий под вездесущим знаком управления городского транспорта — теперь, подобно всем современным афишным тумбам и уличным указателям, это гигантский лист ламинированной протеобумаги — был превращен в приятное во всех отношениях общественное место, покрытое ковром специальной износоустойчивой травы и мхов, пересеченным во всех направлениях мощенными камнем дорожками.

Ранним вечером 12 июня термометр показывал температуру, типичную для идиллической Новой Англии, — восхитительные девяносто два градуса по Фаренгейту.

Площадь была запружена людьми — уличными торговцами, любителями пикников, завсегдатаями кафе, посетителями ночных клубов и кинотеатров. Дети радостно играли, ползая по упругим, как мармелад, скульптурам и забираясь под забавно танцующие кибернетические фонтанчики. Патрульные автономы — ползающие, прыгающие, ходячие, с самыми разными оптическими устройствами и улавливателями запаха спиртного, оснащенные распылителями обездвиживающей пены и насадками-рассекателями, выплевывавшими (и от кого только они этому научились?) жидкую банановую кожуру — бдительно охраняли мирный покой граждан, готовые в любую секунду приструнить распоясавшихся нарушителей общественного порядка. Восседая на своем компактном «СтритКэмеле» (кучи навоза были лишь малой ценой за еще один уровень безопасности), картину дополнял одинокий полицейский.

Бас и Дагни припарковали ее «гаучо-2027» — взятый напрокат электромобиль аргентинского производства — за несколько кварталов от Кенмор-сквер. До самой площади они добрались пешком, двигаясь в северном направлении через Ньюбери-стрит, и пока шли, вели разговор самого серьезного свойства.

— Изменчивость, Бас! Только изменчивость правит миром! Теперь мы все записали себя в буддисты, признавая изменение главнейшей ценностью. Нет ничего постоянного, нет никакого верховенства оригинала над копией, ничего стабильного в ту или иную минуту. Все варианты абсолютно равны. В этом и состоит суть протеобумаги. Неужели тебе непонятно? Твое изобретение

подорвало значимость всех старых парадигм. Первые издания книг, подпись художника на холсте, первые негативы — все эти вещи теперь ровным счетом ничего не значат, и наше искусство призвано отражать эти перемены.

Бас попытался устоять перед натиском этих страстных, алогичных и жутковатых речей. (Он решил, что, доведенная до крайности, ее философия привела бы мир к полному изотропическому хаосу.) Однако новизна общения лицом к лицу с живым собеседником немного выбила его из колеи.

— Что-то я не совсем врубаюсь, Дагни. Протеобумага — всего лишь средство передачи и показа изображений. Содержание и значимость того, что передается таким образом, ничего не меняет, хотя бы потому, что поверхность, на которой появляется такое изображение, может в следующую минуту показывать что-то новое. Послушай меня. Допустим, я использую магазинную витрину, чтобы выставить в ней картины. Я своими руками меняю их каждые десять секунд. Это — аналог протеобумаги, правда, функционирующий крайне медленно. Неужели холст, который я решил выставить, изменится от того, что был помещен в витрину? Я так не думаю.

— Да чушь полная эта твоя аналогия! В твоем случае холсты по-прежнему остаются физическими предметами. А вот все, что содержится в протеогазете, было оцифровано и сделалось виртуальным. Когда происходит нечто подобное, неизбежно рушатся все стандарты.

Продолжая свой, скорее всего неразрешимый, спор, они наконец добрались до места назначения: здания с дисплеем из протеобумаги, на котором ядовито-желтым неоновым шрифтом было написано «Антикварium». Дисплей постоянно чередовал картинки: на месте букв то и дело возникал какой-то морской змей, затем снова буквы. Перед входом выстроилась длинная очередь желающих попасть внутрь.

Вдоль очереди прохаживался какой-то высокий лысый тип и раздавал небольшие листовки — миниатюрную разновидность протеобумаги. Кто-то складывал их в несколько раз и засовывал в карман, кто-то сминал и бросал прямо на траву, где крошечные экранчики продолжали светиться разрушенной мозаикой информационных сообщений. Басу вспомнилось, как он в первый раз увидел, как кто-то небрежно смял страничку с его детищем, — тогда его это покоробило до глубины души. Однако он быстро смирился со столь бездумным использованием сказочно дешевого процессора и помимо мысли о том, что такое непочтительное обращение с протеобумагой замусоривает улицы, никогда больше не испытывал грусти, когда та летела в мусорную

урну или на тротуар.

Повернувшись к Басу, Дагни в удивительно трогательном проявлении неподдельной искренности взяла его за руки.

— Давай прекратим этот ничтожный спор. Думаю, когда ты кое-что увидишь — знаешь, во время церемонии награждения показывают кучу самых разных видеосюжетов, — ты разделишь мою точку зрения. Или по крайней мере признаешь, что это веская основа для последующего обсуждения.

— Вообще-то обещать ничего не буду, но я открыт для любых дискуссий.

— Это мне и нужно. А сейчас иди за мной. Нам не придется стоять в этой бесконечной очереди вместе с толпой поклонников.

Дверь, ведущая на сцену, располагалась в задней части «Антиквариума» и охранялась модно одетым работником клуба, который без лишних расспросов пропустил их внутрь. До обоняния Баса донеслись запахи прокисшего пива, человеческого пота и всех мыслимых разновидностей «травки». На какой-то миг ему показалось, что он потерял ориентацию и не знает, где находится. Где он? Как сюда попал?

Однако Дагни быстро вывела его из этого состояния — она стремительно провела его через пустой танцпол, не дав времени посмаковать это свое *jamais vu.*

Пока они шли, Бас успел заметить экспонаты, благодаря которым клуб получил свое название. Похожее на огромную пещеру помещение было заставлено десятками огромных аквариумов. В них обитали жуткого вида искусственно выведенные создания, созданные по образу и подобию морских окаменелостей. Правда, истинная их родословная восходила к самым обыкновенным рыбам и ракообразным. Взгляду Баса представали то аномалокарисы, гонявшиеся за колючими галлюцигениями, то жутко покачивающие длинными безобразными шипастыми мордами опабинии.

Впечатление было такое, будто ему снится какой-то отвратительный кошмар. Весь сегодняшний вечер, начиная с утомительного спора с Дагни и до нынешней выставки сюрреалистических морских гадов, протекал отнюдь не так благостно, как он надеялся.

Одна группа рабочих в футболках с логотипом клуба рядами расставляла в зале складные стулья, другая — устанавливала на сцене кафедру и натягивала на стене позади подиума огромный экран из протеобумаги.

Прямо на глазах у Баса протеобумага ожила:

ПЯТАЯ ЕЖЕГОДНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ НАГРАД «ВУДИ»

СПОНСОРЫ:

СПОРТИВНАЯ ОДЕЖДА «МАД БАГ» НЭШВИЛЛЬСКАЯ СТУДИЯ ИГРЫ НА СИТАРЕ КОСМЕТИЧЕСКАЯ ФИРМА «КСИЛЛЕЛЛА»

И

«ХАБСТЕР ДАБСТЕРС»

Под этими строчками красовалась карикатура, изображавшая знакомого занудного очкарика работы Хиршфельда (на втором веку жизни художник пребывал в полном здравии и продолжал активно трудиться в своем экзоскелете и Второй Коже).

Неутомимая Дагни потащила Баса в некое подобие раздевалки, битком набитой людьми, находившимися в разной степени раздетости и макияжа. Протиснувшись сквозь эту массу организованной толкотни, они попали в Зеленую Комнату. Атмосфера здесь была менее буйная, но более напряженная.

— Бас, я хочу представить тебя моим друзьям. Холланд Фландерс…

Бас пожал руку мускулистому молодому человеку в футболке и шортах, чьи голые руки, как начало ему казаться, источали из пор крошечные золотистые искорки.

— Крикет Ликлидер…

Миниатюрная женщина была одета в костюм из крокодильей кожи, напоминавший скорее боевое одеяние японских самураев, нежели вечернее платье. Время от времени она помаргивала холодными глазами рептилии. Бас так и не смог понять, были то контактные линзы или биоинженерная корректировка

— Роджер Мексикорн…

Длинноволосый и тощий молодой человек отличался бананово-желтой кожей, чем напомнил Басу обреченного на смерть альбиноса из фантастических романов.

— Лестер Шилл…

Бородатый, облаченный в строгий костюм мужчина на первый взгляд показался самым нормальным из друзей Дагни, однако эта уверенность рассеялась, как только он пожал Басу руку и тот ощутил отчетливое эротическое покалывание биоэлектрического имплантата.

— …и Индисия Дидцумс.

Широкое лицо Индисии расплылось в улыбке, обнажившей ряд остро заточенных зубов, которым позавидовала бы любая

барракуда.

— Это несколько участников «Хабстер Дабстерс», Бас. Мои коллеги-соавторы. Они собрались здесь, чтобы принять сегодня участие в одном или даже нескольких «Вуди».

Бас попытался в сложившейся, слегка гнетущей обстановке перевести разговор в более разумное русло:

— Должен признаться, я никогда раньше, до моей сегодняшней встречи с Дагни, не слышал о вашей особой разновидности… э-э-э… искусства. Вы, ребята, насколько я понимаю, каким-то образом без спроса вторгаетесь в старые фильмы…

Шилл нахмурился.

— Сказано довольно грубо, но достаточно точно. Только диалоги, ничего больше.

— Ссорвессенно верно. — Это в разговор вмешалась Диддумс. По причине своих необычных зубов она заметно пришепетывала. — Мы занимаемшя ишшкушштвом более возвыссенным, чем то, сто делают эти ленивые болваны, которые вшех дошшали твоими дерьмовыми обрасссами. У них имеютшя швои премии. Вшякие там «Жжжелиги».

Бас изумленно посмотрел ка зубастую даму.

— Постойте. Ваша награда получила название по имени Вуди Аллена, верно? Потому что он более полувека назад изменил звуковую дорожку японского фильма…

— «Как дела, Тигровая Лилия?»? — подсказала Дагни тоном доброго преподавателя, вытягивающего ответ из нерадивого студента.

— Но разве не Аллеи снял фильм под названием «Зелиг»?

— Конечно, он, — вяло согласился Мексикорн.

— Но точно так же, как превосходная «Лилия» предшествовала ничтожному «Зелигу», так и наша церемония предвосхитила задумку наших дегенеративных соперников. Мы-то понимаем разницу между Хорошим Вуди и Плохим Вуди.

— Мы, понимаете ли, *писатели,* — вмешался в разговор Фландерс, сделав жест, после которого в воздухе сверкнула змейка золотистых искорок. — Для нас *слово* имеет первостепенную важность.

Крикет Ликлидер сняла с головы громоздкий, неудобный шлем и почесала представшую взгляду Баса копну белокурых волос.

— И неизбежно при вкладывании наших слов в уста всеми признанных знаменитых персонажей возникает творческий вызов, и неожиданно понимаешь, что в процессе работы создается поразительно новый, практически другой фильм. Любому идиоту

под силу вклеить Кинг-Конта в «Угадай, кто придет к обеду?». Но потребуется истинное мастерство, чтобы сформулировать новый сценарий, который идеально сочетается с оригиналом, артикуляцией и жестами актеров, и в то же время придает совершенно иной смысл.

— Хорошо сказано, Крикет! — похвалила Дагни. — Вот, коротко, наше кредо, Бас. Поразительная новизна рождается из поразительной тривиальности. Ты сам все скоро увидишь. Вот возьми-ка бокал шампанского. Это совсем недорогое пойло, его готовят из картофеля. Но на вкус ты ни за что не отличишь его от настоящего.

Бас сделал глоток. Действительно, вкус у псевдошампанского оказался недурен. Дагни оставила его одного, а сама отправилась о чем-то переговорить с коллегами. К Басу приблизилась Крикет. Он беспокойно принял другую позу и залпом осушил бокал. С этим он явно поспешил, потому что картофельное шампанское тут же ударило ему в голову.

— Значит, — промолвила Крикет, — вы тот самый башковитый парень, который изобрел протеобумагу.

— Так точно, — подтвердил Бас. — Все верно. Только для этого потребовалось не так уж много мозгов. В конце концов и другие какое-то время возились над созданием электронной бумаги. Пусть даже им и не удалось сильно продвинуться в своих изысканиях. Дело ведь не в том, что я все сам с нуля разработал. Я просто усовершенствовал идею, остальное — вопрос техники, обычный добротный инженерный труд, пусть даже и с искрой вдохновения.

— Но почему же никто не додумался до этого раньше? Нет-нет, вы заслуживаете всяческих похвал. — Крикет пронзила Баса острым взглядом крокодильих глаз. — Скажите мне, вас еще не слишком достали поклонники вашего таланта?

— Э-э-э… видите ли…

— Поверьте, сегодня вы сможете подцепить здесь целую толпу почитателей протеобумаги любого пола на выбор. Не забудьте — если та, с которой вы встречаетесь этим вечером, не даст вам, ну, вы меня понимаете, как вы того ожидаете, то на открытых трибунах найдется масса других, свободных девушек. Я — в их числе.

Крикет широко улыбнулась, после чего повернулась к Басу спиной, собравшись уходить.

— Подождите минутку, Крикет.

— Да-а-а?

— Вы, случайно, не родственница?..

— Это мой прапрадед. Неужели он не продал бы моего деда

за один-единственный лист протеобумаги?

Вскоре к Басу подошла Дагни.

— Пойдем. Для нас оставлены места в ряду для почетных гостей, но мне хотелось бы быть поближе к проходу, чтобы при случае побыстрее подняться на сцену, когда меня назовут в числе победителей.

Бас вышел следом за ней из Зеленой Комнаты, которая пустела прямо на глазах. В танцевальном зале поклонники нового искусства торопились занять места поудобнее. Помещение наполнилось почти осязаемым возбуждением. Дагни удалось разжиться несколькими бокалами горячительного, после чего они с Басом заняли места в зале. Вскоре свет погас, и началась церемония вручения наград.

Сначала вниманию зрителей были предложены несколько живых песенно-танцевальных номеров, сделанных в духе обоих Вуди. Музыка и хореография повторяли знаменитые сюжеты, однако сопровождались совершенно другими словами. Вражда молодежных шаек, «ракет» и «акул» из «Вестсайдской истории» изображала современную научно-политическую вражду между виридианцами и дансгаард-ошгеритами. Акробатические фортели Фреда Астора из «Поющих под дождем» легли в основу пародии на недавний скандал с участием Лурдес Чикконе[12] и министра Евросоюза Рэнди Ратгера. Каждое выступление публика встречала бурными аплодисментами. Бас поймал себя на том, что поражен тем, с каким воодушевлением принималась столь непритязательная молодежная сатира. Неужели это и есть истинное проявление культурной революции, которую, предположительно, породило изобретение протеобумаги? Если дело обстоит именно так, то ему должно быть стыдно.

Наконец на сцене появился конферансье. Он был одет в одноразовый костюм, скроенный по лекалам знаменитого мешковатого прикида, который во время своих концертов в конце прошлого тысячелетия надевал певец Дэвид Бирн, чья восьмидесятилетняя исполнительская карьера недавно достигла нового всплеска популярности благодаря успешному совместному гастрольному туру вместе с «Блидинг латас». Его одеяние, полностью изготовленное из протеобумаги, представляло собой стремительно меняющуюся комбинацию психоделических образов. От их беспорядочного мельтешения стало больно глазам, и Бас был вынужден отвести взгляд в сторону.

— Первая категория — «Лучшее превращение трагедии в комедию». Одна из претендентов — Фаустина Кенни и ее «Касабланка»…

На огромном экране протеобумаги и на аналогичных листках,

которые держали в руках зрители, появился видеоклип.

Хэмфри Богарт, склонясь к сидящей за пианино Дули Уилсон, исполнявшей роль Сэм, произнес:

— Эти клавиши из настоящей слоновой кости или синтезированной?

— Ни то, ни другое, Рик, — они из человеческих костей, привезенных из Чечни. Разве ты не видишь, как они восхитительно поблескивают?

— …Энджеле Коупленд за его «Ровно в полдень»…

Суровый Гэри Купер повернулся к очаровательной Грейс

Келли и произнес:

— Не беспокойся, Эми, семейным бриллиантам ничего не сделается. Мои трусы — лучший тайник, потому что они сделаны из шкуры прекрасного синтезированного броненосца!

— …Джим Капп за «Властелина колец»…

Фродо Бэггинс, плывущий в лодке по реке, пристально посмотрел в глаза Сэму Гамджи и заметил:

— Признайся, Сэм, это ты слопал последнюю плитку этого чертова супершоколада с антиоксидантом!

— …Лура Гиффард за «Голубой бархат»…

Брутальный Деннис Хоппер, прижимая к носу и рту прозрачную маску, прогнусавил:

— Какого черта я вызвался подвергнуть себя бета-излучению для испытания этого нового газа для разгона демонстрантов?

— …и, наконец, Дагни Уинсом за «Унесенных ветром»…

Сжимая в объятиях Вивьен Ли, Кларк Гейбл спросил:

— И что же мне делать, если ты все же решишься на коррекцию пола? Где я тогда окажусь?

— В полной заднице! — последовал ответ.

— …А теперь я назову имя победителя! Это — Дагни Уинсом и ее «Унесенные ветром»!

Под шквал аплодисментов Дагни поспешила к подиуму. С ликующим видом триумфатора она сжимала в руках приз — бронзовый бюстик Вуди Аллена с пузырем для слов, которые когда-то пририсовывались в книжках героям комиксов, и начала свою ответную речь.

— Это вам не хухры-мухры, братцы! Мне пришлось потягаться с сильными претендентами на главную награду. Хочу выразить искреннюю благодарность членам жюри — они поняли, что феминистский подтекст не помеха реальным мужикам. Благодарю также Калифорнийский государственный комитет искусств за их неустанную поддержку, моих родителей за их зиготное предвидение и Алекса, моего психотерапевта, за его вдохновенное лечение лунным камнем. Кроме того, позвольте

мне попросить вас приветствовать Баса Эпплбрука, изобретателя протеобумаги, который сегодня присутствует в этом зале. Бас, покажись народу и поклонись!

Бас, ни жив ни мертв, поднялся со стула, чувствуя на себе взгляды всего зала. Моргая от света направленных на него софитов, он повернулся к присутствующим и вымученно улыбнулся. Выдержав какое-то короткое время грохот аплодисментов, насколько этого требовали приличия, он с облегчением опустился на свое место.

Дагни спустилась со сцены, села с ним рядом и, наклонившись, легонько поцеловала в щеку. Это частично компенсировало Басу его вынужденный показ публике. Однако оставшаяся часть церемонии очень скоро испортила ему настроение.

За наградой, врученной Дагни, последовала номинация «Лучшее превращение комедии в трагедию». Затем настал черед номинации. «Прощай, мюзикл!» и наоборот. Номинации «Подтекст на переднем плане» и «Лучший документально-пародийный фильм» сменила награда за «Бомбу наоборот» — в эту категорию попали фильмы, которые, очевидно, имели целью лишение оригинала какой бы то ни было интриги. Номинация «Идиотский сюжет» подразумевала награду за обмен героев самыми безмозглыми репликами и маразматическое объяснение мотивов своих поступков. Категория «Кинокомикс» предполагала талантливые комментарии актеров, которыми те сопровождали все свои действия, а также искусное использование велеречивых тягомотных реплик во время боевых, напичканных стремительным действием эпизодов. «Изменение пола» означало, что мужчин озвучивали женскими голосами и наоборот. Номинация «Этническое несоответствие» сулила награду за использование совершенно неподходящего иностранного акцента.

Отец Баса родился в 1970 году. В раннем детстве Бас обнаружил дома стопку журналов, которые Йорк Эпплбрук собирал в юные годы. Зачарованный этими восхитительными раритетами, Бас с живейшим интересом проглотил залпом комплект журнала «Мэд», еще лишь наполовину понимая прочитанное, но все же смеясь от всей души над пародиями на фильмы, снятые за много лет до его появления на свет. В умудренном жизненным опытом десятилетнем возрасте Бас, однако, уже умел отличить настоящий юмор от бородатых анекдотов и избитых шуток «обычных придурков».

В данный момент ему казалось, будто он попал в гигантский оживший номер журнала «Мэд».

Бас просто не мог поверить, что все эти предположительно

взрослые люди искренне воспринимают подобный подростковый стеб как новую разновидность высокого искусства. И каким образом его детище могло стать своего рода катализатором этих банальных квазидадаистских поделок?

Басу неожиданно стало стыдно.

Он, конечно же, не стал делиться своими раздумьями с Дагни. Ему не хотелось омрачать ей радость от победы над соперниками. Кроме того, он все еще не опомнился от радости, которую она доставила ему своим коротким, но все же поцелуем. Разговор с Крикет сделал возможность заняться с Дагни любовью по окончании церемонии более реальной. Бессмысленно жертвовать первой же вероятностью бесплатного секса за последние два года, возлагая ее на алтарь упрямых пустых разглагольствований.

Наконец утомительная церемония завершилась. Съехавшиеся на нее со всего земного шара творцы нового искусства разбились на группы, намереваясь отправиться в другие места, чтобы там или отпраздновать триумф, или оплакать поражение. Бас оказался в компании Дагни, членов «Хабстер Дабстерс» и стайки тусовщиков. Все они направились в бар под названием «Плачущая горилла», отличительной чертой интерьера которого являлось изображение мрачного примата, позирующего рядом со всевозможными знаменитостями. Там Бас употребил алкоголя больше, чем еды, и отведал пригоршню неизвестных ему наркотиков.

Непонятным образом он оказался в номере отеля, абсолютно голый, вместе с Дагни. Секс имел место во время коротких огненных калейдоскопических проблесков сознания, чередовавшихся с провалами в полное беспамятство. Бас запомнил очень немногое из этой, несомненно, приятной ночи.

Но, к его великому ужасу, он прекрасно запомнил свои последующие хвастливые постельные речи.

— …во время испытания пришлось поместить в протеобумагу кое-какую «лазейку». Секундочку, сейчас слажу в операционную систему, проверю, там она или нет. Там, сидит и в ус не дует! Точно, я ее так и не вытащил. И никто не смог ее обнаружить. Во всех листах до единого по-прежнему есть потайная дверца!

Дагни лежала, закрыв глаза, и лишь что-то сонно пробормотала. Однако, как стало известно из «Бостон глоуб», листы которой Бас перевернул утром 25 июня, когда газета воспроизвела символическую версию их резкого разрыва, причиной которого стала патологическая честность Баса во время незаконченного второго свидания, она прекрасно расслышала каждое его слово.

5 Беглец

Бас встал из-за кухонного стола. Брошенная им мертвая газета продолжала впитывать соки оставшегося нетронутым завтрака. Настенные часы в виде рыбьей чешуи с наступлением новой минуты все так же изменяли свою форму. Положение казалось Басу совершенно безнадежным.

Дагни Уинсом взломала потайную «лазейку», заложенную им в протеобумагу, о которой не догадывалась ни единая душа, пока он сам не выболтал тайну ее существования. Почему он не уничтожил ее, прежде чем обнародовать изобретение? Чем это объяснить, кроме как спесью? Да, спесью и высокомерием! Ему хотелось быть уверенным в том, что он в любой момент может вернуть себе свое детище, навсегда лишив весь остальной мир протеобумаги. «Лазейка» операционной системы была неким подобием лямок передника, которые он не мог заставить себя обрезать. И каким же ужасным оказался результат его родительского тщеславия?

И вот теперь Дагни имела возможность безнаказанно вторгаться в каждый элемент волшебного средства и использовать его в собственных целях. В какой-то миг Бас предположил, что ею руководила обида, затаенная злость на него. Что ж, может, это не так и страшно, позлится-позлится и успокоится. Но сколько еще пройдет времени, прежде чем врожденная склонность к всяческим проделкам не заставит ее осуществить куда более изощренную и масштабную диверсию в области культуры? В конец концов именно она вывезла из дома спящего декана одного из факультетов Массачусетского технологического. Бедняга наутро проснулся в другом месте, представлявшем собой точную потешную копию его жилища, правда, в полтора раза меньшую по размерам!

Басу захотелось нырнуть в постель и накрыться простынями с головой. Однако недолгое размышление укрепило его решимость. Он никому не позволит безнаказанно посягать на *свое детище!* Слишком большой сектор мировой экономики и культуры зависит от его изобретения, чтобы без борьбы отказаться от него. Он должен выследить Дагни и попытаться урезонить ее.

Для начала Бас взялся за телефон — уплотненную полоску протеобумаги. Его газета, до того как она испустила дух, служила также и средством связи, однако большинство людей имели специальный листок-телефон — чтобы получать входящие звонки, если вдруг окажешься вне пределов досягаемости других листков протеобумаги. Кроме того, телефонный номер служил своего

рода индивидуальным опознавательным знаком, позволявшим прочим индивидам и группам общества установить вашу личность.

Бас свернул телефон так, что тот принял форму полой пирамидки, и поставил его на стол. Его взгляду мгновенно предстал логотип «ГлобСпик»: антропоморфный, глуповатого вида говорящий шар с автографом Роберта Крама, любое изображение которого приносило наследникам знаменитого художника один миллицент с каждого проданного листка протеобумаги. (Поскольку объем всемирной связи был огромен, Софи Крам в настоящее время владела почти всей Южной Францией.) Бас приказал телефону отыскать ему Крикет Ликлидер. Через несколько секунд вместо привычного логотипа на телефоне появилось ее лицо. В следующую секунду видеокамеры, в свою очередь, передали на ее телефон изображение Баса.

— Я знала, что в конечном итоге вы решите отыскать себе что-то действительно достойное, мальчишечка-Бас.

— Нет-нет, я беспокою вас совсем по другому делу. Ценю ваше внимание к моей персоне, честное слово, но мне нужно срочно отыскать Дагни.

— Потеряли свою подружку? — Крикет нахмурилась. — Это плохо. Но с какой стати я должна помогать вам в ее поисках?

— Потому что, если я не успею ее остановить, она уничтожит всю протеобумагу! Что тогда будете делать вы и ваши друзья «дабстеры»? Что тогда будет со всеми нами?

Сия жуткая новость, несомненно, заинтересовала Крикет. Ее игуаньи глаза расширились от удивления.

— Боже праведный! Господи, даже не знаю, что и сказать. Я не видела ее после церемонии. Скорее всего ее уже давно нет в городе.

— Вы можете собрать вместе остальных ваших коллег? Вдруг кому-то из них что-то о ней известно?

— Попытаюсь. Встретимся в нашем клубе через час.

Крикет отключилась, успев сбросить на телефон Баса адрес клуба.

Бас решил, что бритье и душ помогут ему успокоить расшалившиеся нервы. В ванной он намылил щеки перед зеркалом из протеобумаги — листок оцифровывал его физиономию в режиме реального времени и транслировал назад как зеркальное изображение. Разглядывая свое лицо, Бас мог одновременно следить за расположенным в углу зеркала окошечком, в котором неустанно мелькали самые свежие сводки теленовостей. Внимательно вслушиваясь в передаваемые

сообщения — вдруг что-то скажут о сбоях в работе протеобумаги, — он снял с полочки старинную бритву «Мах-3» и начал бриться. Поскольку Бас вырос в семье с довольно скромным достатком, он до сих пор сохранил многие старомодные привычки, такие, например, как бритье вручную, в домашней обстановке. Он осторожно снял первый слой пены чуть ниже подбородка.

Неожиданно в зеркале появилось лицо Чарльза Лоутона в роли Квазимодо, горбатого звонаря собора Парижской Богоматери.

Бас вскрикнул и тут же порезался. Квазимодо сдавленно усмехнулся и исчез. Зеркало погасло, испустило дух точно так же, как за завтраком газета.

Проклиная Дагни самыми последними словами, Бас установит маленькое аналоговое зеркальце в углу шкафчика с аптечкой и туалетными принадлежностями и закончил бритье. На место пореза он приклеил протеобумажный пластырь, который в следующее мгновение идеально воспроизвел оттенок и текстуру его кожи (сам порез был убран, его теперь как не бывало на лице).

Занавеска для душа тоже являла собой лист протеобумаги. Он был заламинирован и изображал кусочек луизианского тропического леса с соответствующей приглушенной звуковой дорожкой. Бас раздраженно сорвал его и отбросил в сторону, не обращая внимания, что вода льется на пол. Вытираясь полотенцем, он смерил подозрительным взглядом рулончик туалетной бумаги, но затем пришел к выводу, что Дагни не осмелится на такую низость.

Одевшись в своей обычной небрежной манере — белая рубашка от «Уикэвей», коротенькие, по щиколотку, шорты с гавайским орнаментом и сандалии, — Бас вышел из дома. Вскоре он вывел из зарядного блока гаража свой «сегвей-IX» и взял курс на ближайший узел пригородного сообщения. Мимо пролетали тенистые улочки элитного Линкольна. Чувствуя, как теплый и влажный июньский воздух ласкает лицо, Бас попытался просчитать возможные последствия вторжения Дагни в систему протеобумаги. Он представил себе, как замирают школы, промышленные предприятия, транспорт, государственные учреждения. В 2029 году протеобумага пронизывала все сферы деятельности человеческой цивилизации. Она настолько прочно вошла в повседневный быт людей, что даже сам Бас был не в состоянии отследить все до единого формы и способы ее применения. Если люди лишатся протеобумаги, мировую экономику постигнет кризис такой сокрушительной силы, что миру никогда от него не оправиться. А какие последствия это

будет иметь для репутации самого Баса? Если правда выплывет наружу, он станет величайшим посмешищем, безмозглым идиотом в глазах всего человечества; предателем, которого следует вымазать дегтем и вывалять в перьях. Его имя станет нарицательным, самым ходовым синонимом слова «лох».

— Ты эпплбрукнулся, приятель!

— Я почти всмятку эпплбрукнулся на своем автомобиле!

— Вы не берите его на работу, он же типичный эпплбрук!

Ветерок, шевеливший волосы Баса, не успевал высушивать испарину, которая снова и снова проступала на его лбу.

На станции Бас запер свой «сегвей» и поднялся вверх по лестнице. Дверь станции «отхоберманилась»[13] настежь. Бас купил билет и после десятиминутного ожидания поехал на восток, в направлении города.

В дальнем конце вагона на стене висел плакат из протеобумаги. На его поверхности постоянно менялись рекламные клипы. Бас устало просмотрел их, но ни в одном не обнаружил злокозненных выпадов в свой адрес.

Сойдя на Саут-стейшн, он огляделся по сторонам в поисках своей персональной иконки на ближайшем листе общественной протеобумаги. Вскоре взгляд его обнаружил ее огонек в углу газетного киоска: стилизованное изображение светло-зеленой груши (ему сразу вспомнились родители) с инициалами БЭ по центру.

Каждый индивид в обществе обладал личной, выбранной им самим иконкой, занесенной в международный регистр. Иконки были многофунциональны, однако в данный момент Бас воспользовался своей собственной, чтобы та помогла ему добраться до клуба, в котором находится Крикет Ликлидер и ее товарищи. Его карманный телефон приветствовал все встречные листки протеобумаги, высвечивая на них иконки — своего рода электронные зернышки, призванные помочь найти дорогу к клубу в соответствии с полученным от Крикет адресом.

Позади газетного киоска, на табличке, указывающей наличие настенного огнетушителя, появилась еще одна груша. Бас сразу же направился к ней. Вместе с Басом свои иконки принялись отыскивать и другие пассажиры. Когда он приблизился ко второму светящемуся изображению груши, третья такая же иконка появилась на декоративной заплатке рюкзачка проходившего мимо школьника. Бас следовал за ним до тех пор, пока мальчишка не свернул направо. (В основу многих современных комедий и драм был положен сюжет случайного знакомства, ставшего возможным потому, что на чьих-то личных вещах появлялась иконка незнакомого человека. Последний,

конечно же, мог отрицать подобного рода проникновение, однако делали это, на удивление, лишь очень немногие.) На рюкзаке иконка с изображением груши исчезла, но вскоре появилась наверху лестницы, ведущей в подземку. Таким образом, Баса подвели к вагону поезда метро, а затем к конечному месту назначения, зданию неподалеку от музея Изабеллы Стюарт Гарднер.

Поднимаясь по ступенькам крыльца довольно скромного на вид дома, он обратил внимание на изящный автомобиль марки «европа». Ветровое стекло машине заменял лист протеобумаги.

Бас поразился реальности «окон» машины, сквозь которые был виден водитель — молодой симпатичный яппи, оживленно болтавший со своей пассажиркой — незнакомой Басу красивой женщиной.

В действительности же окна машины представляли листы протеобумаги, совершенно непрозрачные. Внутренняя поверхность «окон» выполняла для пассажиров роль видеокамеры, позволявшей наблюдать за тем, что происходит снаружи (или чего-то другого, хотя, по идее, водителю не следовало отвлекаться от своего основного занятия). В свою очередь, внешние поверхности транслировали изображение внутренней части салона (по умолчанию) или (при желании) любую другую картинку. Водитель и пассажирка, которых увидел Бас, могли быть и настоящими людьми, и электронными муляжами. В машине вполне мог сидеть какой-нибудь хамоватый неряшливый тип, какой-нибудь Уолтер Мити, президент в изгнании, бывший глава Затонувших Островов или пресловутый террорист Манго Буш Мит. (Если у полиции возникало подозрение в том, что в машине действительно засел террорист, служители порядка немедленно требовали опустить стекла, чтобы произвести обыск в салоне.) Вновь обратив внимание на дверь с изображением до боли знакомой груши, Бас позвонил Крикет.

— Я уже пришел.

— Секундочку.

Дверь, навешенная на старомодных петлях, открылась. Бас вошел внутрь, где его встретила Крикет.

Сегодня на ней была уличная пижама из розового паучьего шелка, элегантно подчеркивавшая ее стройную фигуру, которую в прошлый раз скрывали тяжелые самурайские доспехи. Крикет приветливо улыбнулась ему, непринужденно обняла и легонько чмокнула в щеку.

— Смотри на жизнь веселей, мальчишечка-Бас! Все не так уж и отстойно.

— Нет, все обстоит гораздо хуже! Если Дагни будет и дальше

без спросу лезть в протеобумагу, она погубит весь цивилизованный мир!

— Допустим, вы правы, Бас, но как ей это удастся сделать?

— Пока я не могу подробно рассказать, в чем тут дело. Скажу одно — во всем виноват я сам. Я нечаянно выболтал ей один секрет, и теперь она может беспрепятственно вторгаться в любой лист протеобумаги.

Крикет изумленно присвистнула.

— Я знала, что миллиардеры любители широких жестов, по ваш случай затмит даже отказ Южной Африки от лекарства, способного победить СПИД.

— Я вовсе не собирался дарить ей такую возможность. Если честно признаться, я был изрядно пьян и сболтнул лишнего, а она воспользовалась моей глупостью.

— Наша Дагни — умненькая девочка. Этого у нее не отнять.

Бас нервно оглядел тускло освещенный узкий коридор, заставленный старинной мебелью, и с облегчением убедился в том, что ни на одной из стен нет ни одного листа протеобумаги.

— Мы должны быть полностью уверены, что при встрече с вашими друзьями в помещении не будет и клочка протеобумаги. Иначе Дагни непременно подслушает наш разговор.

Следуя своему собственному совету, Бас вынул из кармана телефон и положил его на стол.

— Подождите здесь секунду. Я пойду и скажу всем, чтобы они избавились от протеобумаги — до последнего клочка.

Вернулась Крикет лишь через минуту.

— Все в порядке. Пойдемте.

— Как вашим друзьям удалось разжиться такими хоромами? — поинтересовался Бас, входя в длинный холл. — Я ожидал, что ваш клуб будет чем-то вроде знаменитого канадского «Кулхауса».

— Большинство «дабстеров» всего лишь любители, простые люди, которые каждый день ходят на работу. Нам не по средствам нанять крутого архитектора. Но один из нас — Лестер Шилл — очень богатый человек. Помните, вас тогда с ним знакомили? Его семейство ворочает миллионами еще с пятидесятых годов! У них немереные капиталовложения в самых прибыльных отраслях. Лестер — последний в династии Шиллов. Денег у него столько, что он не в состоянии все сам истратить. Вот и сдает нам этот особняк за символическую плату в один доллар в год. Мы используем этот дом в качестве штаб-квартиры.

— Неужели ему все равно, что будет с капиталами семьи после его смерти? — полюбопытствовал Бас, потому что его самого, не имевшего детей, очень беспокоила эта тема.

— Лестер не производитель потомства, — усмехнулась Крикет. — Поверьте мне, вам лучше не знать подробностей его жизни. Думаю, что он давно продумал свое завещание и отдал нужные распоряжения.

Лестница привела их к запертой двери. Крикет провела Баса в огромную комнату со встроенными полками, уставленными старинными книгами из «бессловесной» бумаги, Бас испытал легкий шок — он уже давно забыл о существовании библиотек с подобными раритетами.

Примерно десяток «дабстеров», собравшись вокруг огромного стола — такой скорее бы подошел для зала заседаний совета директоров крупного банка, — приветствовали Баса негромкими возгласами или безмолвными кивками. Эпплбрук узнал Фландерса, Мексикорна, Диддумс и загадочного Шилла. Остальных он никогда не встречал раньше.

Крикет подвела его к пустому креслу во главе стола. Бас сел, пока еще не зная точно, что нужно сказать, чтобы попросить этих людей о помощи. Никто пока еще не предложил ему никакой поддержки. Собравшись с духом, Бас изложил суть своего прихода:

— Одна из ваших коллег с Западного побережья, Дагни Уинсом, кое-что у меня украла. А именно «лазейку» в операционной системе протеобумаги. Она уже успела сунуть свой нос в листки моей личной протеобумаги. Если она будет и дальше продолжать в том же духе, то своими действиями подорвет всеобщее доверие к этому средству распространения информации. Что положит конец инфраструктуре и самым серьезным образом ударит по вашей творческой деятельности. Поэтому я надеюсь, что вы, ее друзья, подскажете, где она может прятаться. Рассчитываю также на то, что у вас имеются свои мотивы оказать мне содействие, чтобы я мог найти ее и убедить оставить свое пагубное занятие.

— Вы же башковитый парень, почему вы не поставили кодировку на свое изобретение? — поинтересовался белокурый юноша, чьи руки и лицо покрывали жуткого вида красные рубцы и волдыри, которые, по всей видимости, нисколько не причиняли ему боли.

Бас горестно вздохнул.

— Неужели вы думаете, что я не пытался это сделать? Но Дагни перехитрила меня — изменила все мои старые коды доступа. Теперь она одна владеет этим самым ключом к моей «лазейке». Сумей я вновь забраться в систему, я бы раз и навсегда на веки веков закрыл эту «лазейку». Но сначала мне нужно отыскать Дагни.

— Роджер, расскажи Басу, что ты знаешь об отъезде Дагни, — вступила в разговор Крикет.

— Вчера я отвез ее в аэропорт, — проговорил желтушный эфеб. — Она сказала, что возвращается к себе в Лос-Анджелес.

— Вы видели, как она садилась в самолет? — спросил Бас.

— Нет…

— Тогда, я думаю, ее все еще следует искать где-то в окрестностях Большого Бостона. Для большинства систем связи разница во времени между двумя побережьями незначительна. Даже международные звонки практически мгновенно рикошетом отлетают от реле «ГлобСпика». — Бас имел в виду многие тысячи беспилотных самолетов; нашпигованные аппаратурой связи и производящие заправку в воздухе, они постоянно кружили над планетой, и связь благодаря им осуществлялась даже лучше, чем при помощи спутников. — Но она вряд ли рискнет допустить даже миллисекундную задержку сигнала, если попытается осуществить свою каверзу в режиме реального времени. Кроме того, мне кажется, что в конечном итоге ей надоест скрываться, и она выйдет из своего укрытия, чтобы во весь голос заявить о себе, как только ей надоест систематически меня унижать своими пакостями.

— Вожникает хоросый вопрош, — вступила в разговор зубастая Индисия Диддумс. — Шудя по вашему рашкажу, мешду вами вожникла врашда. Вы — шамый богатый парень в мире, Эпплбрук. Пошему бы вам не нанять шаштного детектива, што-бы взять са саднитсу эту шертовку?

— Мне бы не хотелось, чтобы про этот бардак узнало людей больше, чем следовало бы. Признаюсь честно, я довольно долго колебался, стоит ли мне посвящать вас в то, что произошло.

Лестер Шилл задумчиво поглаживал острую бородку.

— А чем это может заинтересовать нас? — наконец произнес он. — Одно лишь восстановление статус-кво? В чем наша выгода?

Бас потерял самообладание. Он вскочил, едва не опрокинув кресло.

— Выгода? Какая, к черту, выгода? Какой может быть мотив в деле спасения всего мира? Разве о выгоде я думал, когда изобретал протеобумагу? Конечно, я теперь богат как бог, но ведь не ради денег все когда-то задумывалось?! На какой-то стадии деньги теряют всякий смысл. Я не успеваю потратить даже малую долю одного процента, настолько быстро прирастает мой капитал. А вы, Шилл, черт побери, не слишком отличаетесь от меня, хотя ваше богатство на несколько порядков меньше моего! Протеобумага означает свободный доступ к информации и равное распределение компьютерной мощи! Неужели никто из вас не

помнит, какой была жизнь до появления протеобумаги? Исполинские серверы, потреблявшие чудовищное количество электроэнергии, о них вы забыли? А станции сотовой связи, уродовавшие пейзаж? Многие мили оптико-волоконных кабелей, забивавших канализацию, пролегавших по морскому дну и улицам городов? Бесконечные апгрейды «железа», которые моментально устаревали? Гигантские правительственные базы данных, угрожающие личной жизни простых граждан? Протеобумага покончила со всем этим раз и навсегда. Теперь сервер помещается в кармане, его можно увидеть на чем угодно — на коробке с мюсли, на любом мусоре, который летит в кухонное ведро, короче говоря, повсюду. Теперь любой человек может напрямую общаться с любыми корпорациями или государственными агентствами. Я ни за что не останусь безучастен к происходящему и не позволю какой-то ненормальной амбициозной дамочке разрушить то, что человечество получило благодаря моему изобретению! Если вы не можете бескорыстно помочь мне, я буду сам решать проблему!

Раскрасневшись, тяжело дыша от гнева, Бас сурово посмотрел на «дабстеров», которые невозмутимо выслушали его горячую речь.

Однако выход из, казалось бы, безвыходного положения был найден. Неожиданно, прямо на глазах Баса, целый блок книжных полок отделился от соседних и выдвинулся вперед. В проеме показался человеческий силуэт. В следующую секунду силуэт принял светлые очертания, превратившись в костюм из протеобумаги. Насколько Бас понял, это был самый последний образец третьего поколения камуфляжных костюмов от «Параметрике». Бесчисленное количество молетронных видеокамер, вмонтированных в спинную его часть, идеально имитировали текстуру и подсветку заднего фона того места, перед которым стоял владелец такого костюма, и проецировали этот фон на переднюю часть одеяния. Владелец получал визуальные вводы на внутреннюю часть защитной маски с переднего ряда видеокамер. Прозрачные части маски позволяли ему без всяких затруднений дышать, правда, жертвуя частично четкостью изображения. Вверх поднялась чья-то рука, сдвинув назад головной убор — тот свободно опустился, как откинутый на спину капюшон монашеской сутаны. Открывшееся взгляду лицо принадлежало молодому мужчине испанского типа с тонкими изящными усиками.

— Меня зову Тито Харной. Я — представитель «Маскелерос». Мы поможем вам, *amigo!*

6 Маньчжурский кандидат

Тито Харной вел свой видавший виды «сегвей» — рассчитанную на двух человек модель конвейерной сборки — по Массачусетс-авеню в направлении Кембриджа. Сидя на заднем сиденье, Бас испытывал острое чувство ностальгии, правда, не совсем приятное. Оно постепенно усиливалось по мере приближения к альма-матер — Массачусетскому технологическому.

Несмотря на то что, разбогатев, Бас постоянно делал щедрые пожертвования родному институту, принимавшие форму новых учебных корпусов, именных стипендий, грантов и прочего, сам он до этого ни разу после окончания не появлялся в его стенах. С институтом было связано много грустных воспоминаний, причудливо сочетавшихся с радостью триумфа. Каждый раз, когда Бас вспоминал свои студенческие годы, он снова — до известной степени — ощущал себя этаким чокнутым монстром, каковым и оставался после окончания МТИ. Обычно Бас, руководствуясь сермяжной житейской мудростью, предпочитал гнать прочь подобные упаднические настроения.

Но теперь, судя по всему, ему не оставалось ничего другого, как снова предстать перед своим прошлым.

Из состояния задумчивости его вывел голос Харноя:

— До надежды осталось всего ничего.

Действительно, они уже пересекли реку Чарльз, и до Кембриджа было рукой подать.

Впереди уже маячили корпуса технологического — и справа, и слева.

Бас обратил внимание на гладь реки.

— Что это там такое происходит? — спросил он Харноя.

— Ежегодный фестиваль Драконьих Лодок. Сегодня у азиатов большой праздник с карнавалом.

Харной остановил скутер почти в самой тени Большого купола, и они с Басом направились прямо к веренице зданий, составлявших знаменитый Бесконечный коридор, который, в свою очередь, привел их на лужайки Киллиан-корт.

Несколько собравшихся здесь художников рисовали с различных ракурсов живописную водную феерию. Работали они с помощью электронных палочек-стилей на холстах из протеобумаги. В зависимости от выбранной художником программы сделанные им мазки тут же превращались в оцифрованную пастель, графику, картину, написанную маслом или акварелью, рисунок углем, тушью или карандашом.

Некоторые стили были оснащены особыми стилевыми фильтрами, позволявшими моментально создавать творения в духе Моне или Сера.

Тем временем во всей округе проводились конкурсы воздушных змеев. Сделанные из протеобумаги с добавлением особых программ, они отличались необычайной гибкостью и при сильных порывах ветра взмывали едва ли не к заоблачным высям. Лишенные веревок, они управлялись с земли любителями этой древней забавы особыми пультами в виде полосок протеобумаги, которые позволяли использовать самые разные программы полета. Совершая немыслимые курбеты и броски, эти ну прямо-таки живые воздушные создания пытались сбить своих крылатых соперников, не позволяя им сделать то же самое с собой.

Неподвижно сидевшие пользователи протеобумаги читали журналы, газеты и книги, общались с друзьями, смотрели телепередачи о туристических достопримечательностях в разных концах планеты или занимались сотнями других дел, так или иначе связанных с изобретением Баса Эпплбрука.

— Я рад, что вы доверились «Маскелерос», Эпплбрук! — произнес Харной, ведя Баса через парк в направлении башни здания № 54. — Мы вас не подведем. К счастью, мы обладаем своими собственными каналами негласного наблюдения за всеми неординарными событиями в городе и его окрестностях. Мы держали специальных агентов для контроля за всем, что связано с вашим именем.

— Но для чего? — удивился Бас.

Новость была для него в новинку.

— Вы что, шутите? Действительно не знаете, для чего? Вы же вселенская знаменитость, вас в университетском городке все прекрасно знают и помнят. Вы самая светлая голова из всех, кто когда-либо учился в технологическом! Я говорю об этом совершенно серьезно, ни капельки не иронизирую.

Басу стало не по себе. Неужели он действительно стал своего рода эмблемой, символической личностью для нового молодого поколения?

— Ну что ж, принимаю ваши слова на веру. Мне остается лишь надеяться, что я смогу оправдать ваши надежды.

— Даже если бы вы не придумали ничего другого, кроме протеобумаги, то все равно остались бы непревзойденным гением в глазах окружающих. Вот потому мы и хотим вам помочь. Это просто замечательно, что нам удалось внедрить шпиона — то есть меня — в то место, где вы встретились с «Дабстерами». Эти пижоны палец о палец не ударили бы, чтобы вам помочь.

Несмотря на столь лестные речи, Бас все еще сомневался в

полезности и истинных мотивах загадочных «Маскелерос», однако равнодушие друзей Крикет не оставляло ему иного выбора. (Сама мисс Ликлидер, хотя и выражавшая искреннюю симпатию к нему, не могла предложить ему какой-либо существенной помощи.)

— Благодарю вас, Тито. Но мне еще не вполне ясно, как вы сможете найти Дагни.

— Крионизируйте свой метаболизм, дружище. Через минуту вы все поймете сами.

Спустившись на несколько ступенек вниз, они оказались перед безобидной подвальной дверью позади здания № 54. Прямо над дверной ручкой помещался небольшой квадратик протеобумаги. Харной, ни секунды не раздумывая, плюнул на него.

— Неужели для вас не годится смазка от пота на кончиках ваших пальцев? — удивился Бас.

— Конечно, годится, но от плевков я просто тащусь.

— Ясно.

Незримая лаборатория, уместившаяся на клочке протеобумаги, тут же провела экспресс-анализ ДНК слюны Харноя, и дверь открылась.

Внутри темной, лишенной окон комнаты их ожидала кучка светящихся голов.

Лица принадлежали всемирно известным личностям: Мэрилин Монро, Стивену Хокингу, Бритни Спирс (подростковая версия, а не официальное лицо «ОпиэйтБустерс»), президенту Уинфри, Фримену Дайсону, Уолту Уитмену (торжества по поводу его двухсотлетия десять лет назад снова сделали знаменитого поэта популярной личностью), Вуди Вудпекеру, Губке Бобу Квадратные Штаны и сыну Барта Симпсона Гомеру-младшему.

— Добро пожаловать в логовище «Маскелерос»! — зловещим тоном поприветствовал Баса Терминатор.

Бас сначала замер на месте от удивления. Затем, поняв, где очутился, неожиданно разозлился.

— Давайте-ка снимем маски! Во время нашего разговора в помещении не должно быть ни клочка протеобумаги.

В комнате зажегся верхний свет, и стала видна группа заговорщиков, одетых лишь в камуфляжные костюмы. Один за другим члены «Маскелерос» сдвинули назад маски, и взгляду Баса предстали улыбающиеся юношеские лица: собравшиеся здесь молодые люди были обоего пола и самого разного этнического происхождения. Один из них собрал у всех остальных, включая и Харноя, их маски, после спрятал потенциально опасные листки протеобумаги в плотно закрывающийся шкафчик.

Бас коротко изложил суть проблемы жадно внимавшим ему студентам. Те понимающе закивали головами, а одна девушка произнесла:

— Значит, вам нужно отыскать место, где прячется ваша подружка. При этом она не должна знать, что вы вышли на ее след. Но поскольку она эффективно контролирует каждый лист протеобумаги на нашей планете, то ваше единственное средство информации, похоже, закрыто. Но вы забыли… про Интернет!

— Интернет! — вспыхнул Бас. — К чему ж так мелочиться! Можно использовать в качестве сигналов дым костров или… или… телеграф! Интернета давно не существует, как и ксероксов.

— Вы не поняли, старина, — вступил в разговор рыжеволосый юноша. — Большие секторы Паутины все еще остались на своих прежних местах. И их поддерживают добровольцы вроде нас. Мы бережно сохраняем этого древнего монстра и с великим почтением относимся к нему. Виртуальная экология Паутины сейчас сильно отличается от прежней, это правда. Стало больше пограничных биомов, разделенных участками отчетливого опустошения. Но мы продолжаем поддерживать в работоспособном состоянии тысячи веб-камер. Протеобумага в них совсем не используется, они работают исключительно на древнем кремнии. Мы сделаем вот что — отправим несколько агентов на поиски, и я гарантирую, что вскоре мы выследим вашу девушку.

— Она не *моя* девушка, — устало возразил Бас. — Эх, да что мне терять! Давайте попробуем, была не была!

В сопровождении «Маскелерос» Бас вошел в соседнюю комнату, заставленную старинными компьютерами: тут были допотопные модели с плоскими плазменными экранами и складными клавиатурами «палм-пайлотов». Жара и запахи перегретой работающей электроники, стоявшие в помещении, напомнили Басу студенческие годы, которые, как ему теперь казалось, отделяла от настоящего целая вечность. Несколько «маскелерос» сели за свои машины и приняли азартно щелкать «мышками». На экранах замелькали, напоминая кадры импрессионистского фильма без сюжета и звука, бесчисленные снимки Большого Бостона, снятые давно забытыми веб-камерами, расположенными в самых разных местах.

— Освежитесь, дружище. Поиск может занять какое-то время, — произнес Тито Харной, протягивая Басу банку с шипучкой.

В конце концов Бас и Тито разговорились. Они обсудили последние достижения спинтроники и то, какое потенциальное

влияние те способны оказать на протеобумагу.

— Дальнейшая минимализация схем не изменит базовую парадигму протеобумаги, — заявил Бас. — Усилятся быстродействие и мощность, однако стандартная функциональность останется прежней.

— Нет! Спинтроника означает, что все функции протеобумаги могут быть распространены на весь окружающий мир. Протеобумага как отдельная сущность прекратит существование.

Бас был вынужден задуматься над подобным сценарием, и такое развитие событий не на шутку встревожило его. Постепенно он согласился с тезисом Харноя, по крайней мере частично. Почему он раньше не додумался до такого варианта? Возможно, Дагни была недалека от истины, когда обвинила его в том, что он-де утратил былой кураж…

— Мы нашли ее!

Вместе с остальными присутствующими Бас бросился к одному из мониторов, на котором возникло изображение Дагни.

Она восседала в уютном гнездышке из подушек с листом протеобумаги на коленях. Рядом поднос, заваленный пакетами еды из какого-то фаст-фуда.

— С какой камеры поступает изображение? — спросил Бас.

— С той, что установлена на уровне потолка на антресолях в зрительном зале кинотеатра «Парамаунт» на Вашингтон-стрит неподалеку от Чайна-тауна.

Когда в 1999 году Бас Эпплбрук появился на свет, кинотеатр «Парамаунт», одна из величайших кинематографических гранд-дам двадцатого века, этого Золотого Века Голливуда, был на два десятилетия закрыт строительными лесами. Последующие пятнадцать лет без конца рассматривались различные планы его ближайшего ввода в строй. К этому времени Бас уже оканчивал МТИ. В тот год как раз начались восстановительные работы. Торжественное открытие отреставрированного здания совпало со взлетом экономики, вызванным появлением протеобумаги, и кратковременной, но смертельно опасной эпидемией мегасифилиса. Столкнувшись с проблемами финансирования и опасностью инфицирования помещения при массовом скоплении людей, а также баснословной дешевизной систем типа «домашний кинотеатр», основанных на использовании протеобумаги, хозяева, не выдержав конкуренции, вынуждены были закрыть кинозал, который в очередной раз вышел из моды.

— Вы можете укрупнить изображение? — спросил Бас. — Хотелось бы увидеть, что она сейчас разглядывает.

Веб-камера дала крупный план листа протеобумаги на коленях у Дагни.

И тогда Бас понял, что она наблюдает за ним и остальными присутствующими.

В бесконечном обратном движении монитор показал газету, показывающую монитор, показывающий газету…

— На ком-то из нас — клочок протеобумаги! — взвыл Бас.

В следующее мгновение хитроумная Дагни посмотрела себе через плечо прямо в объектив веб-камеры, и в тот же миг ожил, вернее, заговорил подбородок Баса.

— На ком же еще, как не на тебе самом, идиот! — произнесла кожа Баса чуть искаженным голосом Дагни.

Бас мгновенно отодрал с подбородка лоскуток пластыря, приклеенный после бритья. Вслед за его движением резко дернулось изображение «Маскелерос» на листке протеобумаги у Дагни.

— Дагни! — крикнул Бас, обращаясь к протеопластырю. — Ты зашла слишком далеко! Ты устраиваешь забавы за мой счет! Верни мне мой пароль, чтобы я мог защитить протеобумагу!

— Приди и забери! — поддразнила его Дагни. — Я же не сдвинусь с места.

— Заберу!

С этим смелым заверением Бас решительно скомкал пластырь, отчего изображение на листке у Дагни моментально исчезло. На экране монитора вид у нее был довольно беззаботный — с грациозностью и величием царицы Савской она восседала на груде подушек.

Бас повернулся к Тито Харною.

— Одолжите мне свой телефон и «сегвей». Я хочу раз и навсегда покончить с этой хулиганкой!

— Кто-нибудь из ребят поедет вместе с вами.

— Нет, оставайтесь здесь. Дагни может неправильно отреагировать на вмешательство посторонних. Кроме того, мне нужно, чтобы «маскелерос» продолжали следить за ней и немедленно сообщали мне обо всех ее действиях и передвижениях. Надеюсь, она послушается меня и откажется от своих безумных замыслов. Если же нет… тогда я просто не уверен в себе. Я готов на все!

— Хорошо.

Кто-то сунул Басу телефон. Он загрузил в него свои личные данные, затем ввел номер Харноя. Засунув телефон за воротник рубашки, чтобы им можно было пользоваться не беря в руки, Бас направился к выходу из штаб-квартиры юных заговорщиков.

7 Призрак оперы

Бас успел дойти лишь до Киллиан-корт, когда Дагни предприняла против него первую атаку.

На холстах у художников-любителей, на всех до единого листках протеобумаги, что держали в руках отдыхающие студенты, появилось лицо Баса, вытеснив выполненные с любовью и старанием картины, а также привычное содержание книг, журналов и видеофильмов. (Дагни выкопала откуда-то снимок Баса, сделанный кем-то из наглецов-папарацци, на котором тот выглядел особенно уродливо.) Из бесчисленных динамиков протеобумажных страниц гулко разнесся грубый мужской голос:

— Внимание! Прослушайте общенациональное сообщение государственной важности от Федерального бюро расследований. Всем гражданам надлежит обратить внимание на человека, изображенного на этом снимке, и проявлять особую бдительность в целях его задержания. Он разыскивается по обвинению в моральном разложении, позорном поведении, чванливом невежестве и реакционном реваншизме. Оказавшись рядом с ним, будьте осторожны — он кусается!

Это забавное, но вместе с тем тревожное сообщение немедленно вызвало всеобщий ужас и лесным пожаром пронеслось по всему четырехугольнику кампуса.

Бас поднял воротник рубашки, сгорбился, втянул голову в плечи, пряча от окружающих лицо, и торопливо зашагал дальше. Но он совершенно забыл о воздушных змеях.

Те градом обрушились на Баса, пикируя на его телефон. Несколько змеев, громко шурша целлофаном, ударились в землю возле его ног. Один из них довольно больно угодил ему прямо в голову. Бас невольно ойкнул.

Его возглас немедленно привлек внимание нескольких прохожих. Кто-то крикнул:

— Это он!

Бас бросился бежать.

Он решил избавиться от телефона, но затем передумал. Нужно поддерживать постоянный контакт с «Маскелерос». Но что более важно, выбросив телефон, он отнюдь не станет невидимкой.

Бас пробирался сквозь насыщенную территорию. От протеобумаги не было никакого спасения. Любая без исключения поверхность с программным управлением — от магазинных витрин до солнечных очков, от дисплеев на крышах такси до афишных тумб, от табличек с именем на груди служащих до

торговых автоматов — являлась видеокамерой, которая будет отслеживать все его передвижения в направлении кинотеатра «Парамаунт».

Незаконно вторгаясь во все эти компьютеризированные устройства, используя простую, но в то же время изощренную и высокоэффективную систему распознавания, выборку и экстраполятивный софт, Дагни всегда будет в курсе того, где он находится. Это равносильно тому, как если бы в глазные яблоки вставить видеокамеры слежения.

Выбравшись на Массачусетс-авеню, Бас заметил, что здесь на него никто не обращает внимания. Видимо, фальшивое сообщение транслировалось лишь на территорию Киллиан-корт. Однако он нисколько не сомневался в том, что Дагни просто так его не оставит. Наверняка у нее в запасе немало других трюков.

— Чем она сейчас занята? — спросил он в находящийся в воротнике телефон.

— Возится со своей протеобумагой. Сидит спиной к камере, и поэтому нам не видно, чем именно она там занимается, — прозвучал в ответ голос Харноя.

— Спасибо. Двигаюсь дальше.

Оседлав «сегвей», Бас взял курс обратно, в центр Бостона.

На первом же перекрестке он послушно остановился на красный свет, досадуя на вынужденную задержку. Однако что-то странное в работе двигателя приближавшегося к нему автомобиля заставило Баса обернуться.

Автомобиль — «вермулиан» 2029 года выпуска с протеобумажными экранами вместо окон — вовсе не собирался сбрасывать скорость и останавливаться.

Бас мгновенно понял, что случилось.

Дагни стерла компьютерную систему светофора и скутера с внутреннего дисплея водителя.

Бас бросил свой скутер вправо и въехал на тротуар, успев лишь на пару сантиметров разминуться с «вермулианом». На середине перекрестка он задел бортом другую машину. К счастью, столкновение двух легковых тачек обошлось без серьезных последствий. Поскольку вовремя сработали воздушные подушки безопасности, водители отделались лишь легкими ушибами и синяками. Распугивая прохожих, Бас съехал с тротуара и покатил дальше.

Дела приобретали скверный оборот. Дагни уже не ограничивалась одними лишь издевками над Басом. Она спровоцировала невинных прохожих, возжаждавших в отместку за пережитый испуг броситься вдогонку за незадачливым водителем скутера.

Чувствуя, как в нем закипает гнев, Бас пересек реку Чарльз. Внизу, под мостом, ликующие толпы горожан собрались полюбоваться на гонки Драконьих Лодок.

Бас сделал несколько неправильных поворотов. Это Дагни поменяла уличные указатели, названия улиц, по которым пролегал его путь, создав запутанный лабиринт из улиц с односторонним движением. Сначала Бас бездумно придерживался знаков светофора из боязни быть остановленным дорожной полицией, однако вскоре оставил всякую осторожность и покатил наугад по тем улицам, которые, как ему казалось, должны были привести его к Вашингтон-стрит.

Теперь собственное лицо попадалось ему на каждом шагу — портреты самого разного размера сопровождало предупреждение о том, что он-де опасен для общества.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО КУЛЬТУРЫ, ВИНОВЕН В РАСТРАТАХ ТВОРЧЕСКОГО КАПИТАЛА, ТАЙНЫЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ ПРЕСТУПНЫХ НАПАДОК НА МЕЧТАТЕЛЕЙ…

Эти абсурдные обвинения привели Баса в ярость. Он громко ругнулся, и Харной не замедлил поинтересоваться:

— Я сделал что-то не так?

— Нет. Все в порядке. Это я не вам. Дагни все еще в «Парамаунте»?

— *Verdad, compañero.*

Вскоре Бас заметил, что толпа возбужденных прохожих с каждой секундой становится все больше. В чем дело? Что, собственно, происходит?

Праздник Драконьих Лодок, в Чайна-тауне, должно быть, тоже его празднуют. Что ж, прекрасно. Царящая на улицах сумятица поможет ему остаться незаметным.

Неожиданно откуда-то сверху — случайно принесенный ветром или нацеленный как ракета? — прямо ему на лицо спланировал лист протеобумаги. Бас резко дернул рычаги управления, но был вынужден отпустить руки, чтобы убрать лист. «Сегвей» тотчас занесло в сторону, и он врезался в дерево.

Бас кое-как поднялся на ноги. Лист протеобумаги слетел с его лица. Он раздраженно скомкал его и запихнул в карман. Все тело болело от удара о дерево, но, похоже, дело обошлось без переломов. Скутер был безнадежно загублен. К счастью, он никого не сбил. Баса тотчас окружили испуганные прохожие, но он в довольно резкой форме убедил их в том, что все в порядке и им следует разойтись.

— Я видел, как вы врезались в дерево, — прозвучал в телефоне голос Харноя. — Вы целы?

— Пожалуй. Извините, что разбил ваш скутер. Теперь придется идти пешком.

Торопливо покидая место происшествия, он заметил, как к валяющемуся на земле скутеру приближаются несколько автономов. Бас ускорил шаг, не желая угодить в объятия блюстителей закона прежде, чем ему удастся разделаться с Дагни.

Центр был запружен людьми, в воздухе стоял оглушительный шум. Из плакатов, выставленных в окне близлежащего ресторана, явствовало, что Бас Эпплбрук — омерзительный гибрид гиены, скунса и шакала. По мере того как попытки Дагни поставить заслоны на его пути утратили свою эффективность, ее язвительные насмешки над ним сделались все более грубыми. Бас рассчитывал на то, что его неуязвимость наконец выведет Дагни из себя. Какого-либо конкретного плана действий у него пока не было.

Он шел, с трудом проталкиваясь через праздношатающуюся толпу. На счастье, людской водоворот вынес его к соседнему с кинотеатром «Парамаунт» кварталу. Путь ему преградила праздничная процессия, которую возглавлял огромный китайский дракон, умело приводимый в движение группой людей. Вместо немой краски его живая, изрыгающая дым голова была обтянута чешуйчатой протеобумажной кожей.

Люди, задрав головы вверх, неожиданно начали показывать руками на небо.

Над землей безмятежно проплывал один из знаменитых аэростатов «ТимУорДисВиа», по всей видимости, предназначавшийся для тех, кто желал полюбоваться живописным шествием с высоты. На протеобумажной его поверхности красовалось лицо Баса Эпплбрука, размерами куда больше, чем Лик Господа Бога. Ползущие под гигантским портретом буквы складывались в слова о недостойном происхождении Баса и его низких моральных качествах.

— Черт побери! — воскликнул Бас и отвернулся.

Увы, взгляд его моментально упал на дракона, голова которого была его собственной головой с приделанным к ней змеиным туловищем.

В следующее мгновение раздались треск фейерверка и радостные крики публики. Бас решил воспользовался этим, как ему показалось, подходящим моментом и зашагал дальше, в направлении «Парамаунта». Он пустился вперед по узкому переулку, отделявшему заброшенное здание кинотеатра от

соседних домов.

— Тито, как проникнуть в здание?

— Одна из наших веб-камер на первом этаже показывает, что можно попытаться проникнуть через окно в задней стене.

Задняя стена кинотеатра представляла собой ряд побитых непогодой фанерных листов, закрывавших окна. Единственный служебный вход был заперт. Проникнуть в здание с той стороны, похоже, было невозможно.

Однако Бас натренированным взглядом определил, что в одном месте фанера, которой было забито окно, неплотно прилегает к стене.

Насколько он мог судить, Дагни натянула на оконный проем лист протеобумаги, придав той вид и плотность фанеры.

Бас положил свой телефон на землю.

— Тито, я попробую проникнуть внутрь. Если не вернусь через полчаса, вызывайте полицию.

— Сообщение принято, шеф! Будет выполнено.

Бас мстительно ударил кулаком по листу мнимой фанеры, после чего пролез в образовавшееся отверстие.

Дагни каким-то образом умудрилась провести в заброшенный кинотеатр свет. Кинотеатр был хорошо освещен изнутри, однако даже яркий свет был не в состоянии рассеять затхлый дух давно заброшенного помещения.

Бас принялся осторожно пробираться через заваленное всяким хламом пространство за сценой к зрительному залу.

Неожиданно мимо его уха, словно зеркально-полированный бумеранг, с жужжанием пролетел диск. Ударившись о стену, он упал на пол и со звоном раскололся.

Дагни стола у него прямо над головой, на огороженных балюстрадой антресолях. В руках у нее была охапка старинных видеодисков. Должно быть, здесь осталось целое море таких дисков, предназначенных для показа через цифровые кинопроекторы. На осколке, валявшемся у его ног, Бас прочитал название — «Сильмариллион».

Дагни запустила в него еще одним диском с каким-то допотопным фильмом. Бас вовремя успел пригнуться, потому что иначе запросто мог лишиться головы.

— Перестань, Дагни! Ведешь себя, как девчонка! Прекрати! Нам нужно поговорить!

Дагни поправила съехавшие на кончик носа массивные очки.

— Не о чем нам с тобой разговаривать! Ты оказался узколобым рабом давних, замшелых традиций! В тебе нет ни на йоту воображения. И еще ты оскорбил мое творчество.

— Прости! Я не хотел тебя обидеть. О господи, ты же сама

сказала мне, что «Вуди» — самый обычный прикол.

— Не пытайся приписать мне то, чего я не говорила! И вообще это было еще до того, как я получила приз!

Бас сделал шаг вперед по проходу между рядами стульев.

— Я сейчас поднимусь к тебе, и ты не сможешь остановить меня!

Свистящий вихрь запущенных в него дисков вынудил Баса взять свои слова обратно и поискать прибежище в какой-то нише. Предчувствуя, что вот-вот взорвется от ярости, он отчаянно ломал голову, пытаясь отыскать способ взять верх над своей обезумевшей противницей.

Десятилетие упадка, несомненно, сказалось на состоянии всего сооружения. Ниша, в которой поспешил спрятаться Бас, была завалена кусками штукатурки. Взяв в руки кусок размером с кулак, Бас вытащил из кармана смятый лист протеобумаги, завернул в него камень и вышел из ниши.

— Дагни, предлагаю объявить перемирие. У меня кое-что есть. Прочитай это, пожалуйста. Надеюсь, ты посмотришь на вещи в новом свете.

Он шагнул было к балкону, но тотчас остановился — Дагни жестом запретила ему двигаться дальше. Бас показал ей лежащий в его руке камень, завернутый в протеобумагу.

— Не вижу ничего такого, что могло бы что-то существенно изменить…

— Да ты просто взгляни. Хорошо?

— Ладно. Бросай сюда!

Дагни положила на пол свое метательное оружие и перегнулась через перила, чтобы поймать бумажный комок, которому, по идее, полагалось быть легким как перышко.

Готовясь к броску, Бас сосредоточил в правой руке всю свою решимость и злость. Сделав обманное движение, чтобы усыпить ее бдительность, он метнул камень.

Противница не успела вовремя среагировать на уловку. Метательный снаряд Баса угодил ей прямо в лоб. Дагни пошатнулась и рухнула на сиденье кресла.

Никогда в жизни Бас еще не двигался так проворно. Пулей взлетев наверх, он обнаружил, что Дагни находится в среднем состоянии между ясным сознанием и обмороком. Убедившись, что с ней ничего особенного не случилось, Бас молнией бросился к груде подушек. Здесь он тотчас схватил лист протеобумаги — на нем красовался до боли знакомый комплект инструментов, необходимый для проникновения в «лазейку» его знаменитого изобретения. При помощи нескольких команд, которые он давно выучил наизусть, Бас мгновенно закрыл потайную блокировку

протеобумаги. Команды по цепочке промчались по всем без исключения листам подобно самому действенному в истории человечества киберчервю, подобно искре, воспламенившей само средство распространения, моментально разлетевшись по всему земному шару. За считанные минуты мир получил надежную защиту своей Имманентной Информации.

Бас вернулся к Дагни, которая теперь пыталась приподняться.

— Ты… тебе не победить меня. Я найду способ показать…

Шум ликующей толпы рядом с кинотеатром прорвался в сознание Баса, и он наконец испытал радость и облегчение. Посмотрев на Дагни, он понял, что сейчас скажет:

— Хватит тебе, Джейк. Это же Чайна-таун.

«What's up Tiger Lily?». Перевод А. Бушуева

Джейн Мэнсфилд и Пифагор. Уолт Дисней и Дева Мария. Великаны с тонкой душой — и злобные ведьмочки-тинейджеры.
Что объединяет столь разные «культурные» и «контркультурные» иконы?
Все они — герои рассказов нового сборника гениального «хулигана от фантастики» Пола Ди Филиппо!
Черный юмор — и сюрреализм. Циничный стеб — и весьма неортодоксальные сюжеты. Безудержный полет воображения — и высокий стиль паникультуры от фантастики!

«Поосторожнее с этими рассказами. Если вовремя не остановиться — передозировка гарантирована».
Nova Express

«Пол Ди Филиппо жесток и беспощаден. Оторваться невозможно».
Уильям Гибсон

ISBN 978-5-17-041939-5
9 785170 419395

Пол Ди Филиппо.
«Священное чудовище» американской контркультурной фантастики, выполняющий в своем жанре то ли роль Майкла Мура от научной фантастики, то ли роль Малькольма Макларена — от литературы.
«Ничего святого...»
«Никакой политкорректности...»
Для кого угодно это звучит приговором, но для автора культовых «Стимпанка» и «Рибофанка» — комплиментом!..

интернет-магазин
OZON.ru
31393707

notes

Примечания

1

Пейсли — особая расцветка ткани и т.п.; по названию города в Ренфрушире, в Шотландии.

2

От sliad (*англ.)* — разновидность западноевропейской сельди.

3

Имеются в виду барабанщики Кит Мун (1947–1978) из группы «The Who» и Джон «Бонзо» Бонэм (1948–1980) из группы «Led Zeppelin».

4

Vroom *(англ. сленг.)* — какое-то быстрое, стремительное действие.

5

Эстер Уильямс — в тридцатые годы троекратная чемпионка США по плаванию, королева «водных мюзиклов», самая дорогая «русалка» Голливуда.

6

«Экая шлюха!» *(исп.)*

слабак (*исп.*).

лучше всех *(нем., исп.)*.

9

Мики Чарльз Мэнтл (1931–1996) — знаменитый бейсболист, член команды нью-йоркских «Янки».

козел (*исп.*).

11

«Цыпленок» — опасная детская игра, дети ложатся на мостовую, полотно железной дороги перед проходящим транспортом; победителем считается тот, кто встает последним.

12

Лурдес Чикконе — дочь американской певицы Мадонны — Мадонны Чикконе (р. 1958 г.).

13

Чак Хоберман — современный архитектор, создатель многочисленных сооружений-трансформеров.